За уважаемому Высокодостоверенному
Г. Гонскому от Автора
Н. Кондаков

МАКЕДОНІЯ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Н. П. Кондакова.

СЪ 12 ТАБЛИЦАМИ ФОТОТИПІЙ, 1 ЦВѢТНОЮ АВТОТИПІЕЮ И 194 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Цѣна 5 руб.; 12 фр. 50 с.; 11 Mrk.

17

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1909 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Его Императорскому Высочеству

Августѣйшему Президенту

Императорской Академіи Наукъ

Вэликому Князю

Константину Константиновичу

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ

I. Задачи археологическаго путешествія по Македоніи. Обзоръ историческихъ свѣдѣній о македонскихъ славянахъ. Данныя исторической этнографіи Болгаръ: Миклошскій кладъ, Псалтырь имп. Василія II, Манассіина лѣтопись. Историческій матеріалъ народныхъ одеждъ и уборовъ македонскихъ славянъ. Культурно-историческіе періоды Македоніи. Древнѣйшая орнаментика болгарскихъ рукописей. Стѣнныя росписи сербскихъ храмовъ . . . . . 1— 67

Женскій костюмъ ближайшихъ къ Охридѣ селъ . . . . . 68— 69

II. Өессалоника (Салоники). Судьбы города. Мозаики Ротонды (ц. вм. Георгія). Мозаики св. Софіи. Солуньскія древнія церкви — нынѣ мечети: ц. вм. Димитрія, ц. Параскевы (Эскиджума), Б. Матери (Казан-джиларъ). Якубъ-паша-джами. Ц. Иліи. Ц. Пантелеймона. Ц. 12-ти Апостоловъ. Церкви, нынѣ принадлежащія христіанамъ: св. Мины, Николая Ч., Аѳанасія. Панагіи «Декса». Константина и Елены, Б. М. «Панагуды», Өеодоры, Б. М. «Лагудины». Монастырь Чаушъ . . . . . 70—147

III. Городъ Серры. Митрополія и прочія городскія церкви. Монастырь Іоанна Предтечи на Меникленской горѣ . . . . 148—168

IV. Скопіе и его округъ. Нерезскій монастырь. Церковь с. Люботина. Монастырь Марковъ. Церкви с. Кучевница. Народныя одежды. Монастырь арх. Михаила. Монастырь Матка. Куманово. Церкви с. Нагорича. Монастырь Матейцы. Приштина. Церковь Грачаницы . . . . . 169—210

СТРАНИЦЫ.

V. Битоль. Охрида. Ая-Софія. Церкви Охриды и ихъ древности. Церковь св. Климента и ея древнія вкладныя иконы. Предметы древности въ ея ризницѣ. Историко-этнографическое и археологическое заключеніе . . . . . 211—298

I. Альбомъ фотографическихъ снимковъ Македонской экспедиціи 1900 года . . . . . 299—302

II. Снимки арх. П. П. Покрышкина 302

III. Предметный указатель . . . . . 303—304

IV. Указатель рисунковъ въ текстѣ . . . . . 305—308

V. Указатель таблицъ 308

I.

Задачи археологическаго путешествія по Македоніи. Обзоръ историческихъ свѣдѣній о македонскихъ славянахъ. Данныя исторической этнографіи Болгаръ: Миклошскій кладъ, Псалтырь имп. Василія II, Манассіина лѣтопись. Историческій матеріалъ народныхъ одеждъ и уборовъ македонскихъ славянъ. Культурно-историческіе періоды Македоніи. Древнѣйшая орнаментика болгарскихъ рукописей. Стѣнныя росписи сербскихъ храмовъ.

Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Президенту Академіи Наукъ Великому Князю Константину Константиновичу угодно было въ 1900 году поручить мнѣ образовать ученую историко-этнографическую экспедицію въ Македонію и совершить въ ея составѣ путешествіе по Македоніи, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1900 года. Экспедиція была организована въ слѣдующемъ составѣ: профессоръ славянскихъ нарѣчій П. А. Лавровъ, приватъ-доцентъ русской исторіи П. Н. Милюковъ, архитекторъ и преподаватель Академіи Художествъ П. П. Покрышкинъ (командированный Академіею и присоединившійся къ экспедиціи), художникъ (въ качествѣ фотографа) Д. А. Крайневъ съ помощникомъ и авторъ этого отчета.

Главнѣйшею задачею экспедиціи было собраніе матеріаловъ на мѣстѣ для будущаго историко-этнографическаго изслѣдованія важнѣйшихъ мѣстностей и пунктовъ въ Македоніи; цѣлью было предположено стремиться къ установленію такихъ научныхъ историко-археологическихъ и филологическихъ основаній, которыми можно было бы воспользоваться въ будущемъ при постановкѣ крупнаго политическаго вопроса, образуемаго какъ современнымъ положеніемъ Македоніи въ Турецкой имперіи, такъ и отношеніями къ ней и ея племенному составу сосѣднихъ странъ и національностей Балканскаго полуострова. Такого рода пунктами могли быть, по преимуществу:

во-1-хъ сѣверо-западный уголъ Македоніи, т. е. мѣстность, примыкающая къ Шаръ-Планинѣ и Черной горѣ, хребтамъ, отдѣляющимъ Македонію отъ Старой Сербіи. Именно эта мѣстность доселѣ служитъ ареною столкновенія племенныхъ интересовъ, и было особенно важно опредѣлить ея дѣйствительный этнографическій характеръ, какъ путемъ постановки лингвистическаго діагноза, такъ и историческихъ соображеній, открывающихъ культурное тяготѣніе мѣстности въ ту или другую сторону. Вторая спорная въ этнографическомъ отношеніи область по юго-западной и южной границѣ Македоніи, въ сосѣдствѣ съ Греціей, гдѣ славянское населеніе занимаетъ мѣсто въ перемежку съ греческими поселеніями, въ предѣлахъ Костурскаго озера, и гдѣ племенная борьба ведется частью на церковной почвѣ, но въ послѣднее время обострилась и дошла до уродливыхъ насилій и избіенія мирныхъ жителей греческими четами. Третья область, пограничная съ верхнею Албаніею (Деборскій округъ) представляется наиболѣе мрачнымъ политическимъ пунктомъ: всякій путешественникъ, по крайней мѣрѣ, если онъ изъ славянъ, долженъ отнестись именно къ этому пункту съ особеннымъ вниманіемъ и искреннею правдивостью. Здѣсь вѣковое нашествіе албанцевъ можетъ кончиться полною албанизаціею богатаго края, уничтоженіемъ славянства и окончательнымъ одичаніемъ страны. Пора перестать, вмѣстѣ съ парижскими туристами, ищущими сильныхъ и красивыхъ впечатлѣній, восхищаться живописными костюмами албанцевъ и рыцарскимъ гостепріимствомъ ихъ беговъ за счетъ несчастной Славянской расы, ими жестоко эксплоатируемой и отъ нихъ вымирающей. Именно въ этой мѣстности военная турецкая администрація утрачиваетъ свой обычный инертный характеръ, благодаря помощи, которую она находитъ въ разбойничьихъ албанскихъ шайкахъ, и именно здѣсь наблюдается то изумительное для новой европейской исторіи небывалое явленіе, что государство не только дружитъ съ разбойничьими шайками, но и преслѣдуетъ вмѣстѣ съ ними однѣ и тѣ же политическія и общественныя задачи: уничтоженіе мирнаго земледѣльческаго славянскаго населенія и размноженіе хищниковъ и насильниковъ.

Средняя Македонія, или область по рѣкѣ Вардару, является также ареною борьбы чисто культурнаго характера, съ одной стороны, между славянскимъ и греческимъ населеніемъ, захватившимъ въ свои руки города и ихъ торговлю, и съ другой — административнаго или стратегическаго, въ формѣ постепеннаго разселенія по этой рѣкѣ мусульманскихъ выходцевъ всякаго рода. На сколько первое явленіе до послѣдняго времени было весьма маловажнымъ и малозначительнымъ и насколько борьба между греками горожанами и славянскими земледѣльцами была незначительна и умѣрялась прямо торговыми интересами, обострившись только въ результатѣ особаго полити-

ческаго движенія среди грековъ, — настолько вторая является большимъ политическимъ планомъ, исполняемымъ, очевидно, по указаніямъ Австріи и Германіи, съ положительной систематичностью и явнымъ успѣхомъ. Достаточно посмотрѣть на этнографическую карту Македоніи Кынчева отъ 1899 года, чтобы оцѣнить значеніе этого новаго факта. По поводу этой карты, изданной Кынчевымъ въ 1898 г., издатель ея П. Н. Милюковъ въ 1900 году дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «Первое, что поражаетъ въ ней, это неожиданно обширныя пространства, заселенныя турками: занявъ наиболѣе выгодныя стратегическія позиціи, и разселясь систематически и непрерывной полосой по горнымъ кряжамъ, сопровождающимъ теченіе Вардара, турки дѣлятъ болгарское населеніе Македоніи на двѣ, почти изолированныя другъ отъ друга половины. Характерно далѣе направленіе албанской колонизаціи съ запада, особенно кругомъ Скопье, гдѣ албанцы продвигаются на встрѣчу туркамъ. Весьма серьезная опасность грозитъ славянамъ въ Македоніи, какъ показываетъ эта карта, не только отъ политическихъ плановъ великихъ державъ и отъ этнографическихъ претензій малыхъ,—а также и отъ надвигающагося со всѣхъ сторонъ ислама». Это уже не пустыя и фантастическія претензіи, порождаемыя слѣпой и часто безумной политикой интеллигенціи мелкихъ странъ Балканскаго полуострова, выражающіяся въ различныхъ комитетахъ, организующихъ разбойничьи четы, въ пропагандѣ и составленіи фантастическихъ картъ. Комитеты страшны лишь тогда, если правительства ихъ тайно поддерживаютъ, а разбойничьи шайки, когда администрація не хочетъ ихъ переловить по какимъ либо ей одной близко извѣстнымъ причинамъ. Совершенно иное представляетъ собою разселеніе вдоль военныхъ дорогъ своего рода гарнизоновъ изъ азіатскихъ турокъ по всѣмъ наиболѣе благословеннымъ природою равнинамъ Македоніи. Ихъ поселенія смыкаются въ настоящее время съ поселеніями и феодами албанцевъ мусульманъ или арнаутовъ; мѣстности эти наводняются затѣмъ евреями, по близости селятся цинцары и куцовлахи и вотъ македонскіе славяне, не въ переносномъ только смыслѣ слова, охвачены желѣзнымъ поясомъ и изъ свободныхъ земледѣльцевъ становятся хуже, чѣмъ батраками; водворяется прямо средневѣковое рабство со всѣми его ужасами. Въ окрестныхъ селахъ нѣтъ покоя и ежедневно находятъ кого-либо убитымъ или искалѣченнымъ.

Весьма понятно, что въ намѣченной доселѣ этнографической задачѣ далеко не все можетъ быть установлено или опредѣлено, съ какой либо, хотя статистической, точностью; о многомъ можно говорить только въ видѣ правдивыхъ, но поверхностныхъ замѣтокъ путешественника, хотя и того будетъ вполнѣ достаточно, если не посѣтившіе лично Македонію, — а посѣщать ее

во внутреннихъ ея частяхъ не особенно легко стало именно въ послѣднее время,—будутъ прислушиваться къ словамъ путешественниковъ. Именно въ видахъ того, что современное положеніе Македоніи напоминаетъ собою довольно близко положеніе Россіи, во времена Олеарія, Флетчера и Герберштейна,—сужденія о ея дѣлахъ и должны быть устанавливаемы на совершенно реальной почвѣ путевыхъ замѣтокъ, а не въ какихъ либо обобщеніяхъ. Мы сами, подготовляясь къ поѣздкѣ, и прочитавъ рядъ новѣйшихъ путевыхъ замѣтокъ Берара, Луазона, Гана и друг., хотя и составили себѣ нѣкоторое понятіе о странѣ, но въ то же время почувствовали, что допущенныя здѣсь повсюду и вполнѣ, конечно, естественныя обобщенія частныхъ фактовъ должны быть принимаемы, прежде всего, въ предѣлахъ только опредѣленной мѣстности, иначе это будутъ обобщенія неточныя.

Въ виду этого можно считать неумѣстною здѣсь ту современную манеру историческихъ и археологическихъ сочиненій, по которой изслѣдователи новаго матеріала, послѣ частныхъ разсмотрѣній его въ деталяхъ, подводятъ, обыкновенно, въ видѣ общаго заключенія, или резюме, счетъ полученнымъ результатамъ; затѣмъ уже эти результаты являются въ видѣ научныхъ положеній, обобщенныхъ историческихъ фактовъ. Манера это, весьма заманчивая и многимъ кажущаяся единственнымъ научнымъ методомъ, на самомъ дѣлѣ часто погрѣшаетъ противъ основного требованія научной постановки какого бы то ни было историческаго вопроса. Эта научная постановка требуетъ прежде всего опредѣленія того общаго историческаго факта, на почвѣ котораго извѣстный частный фактъ, или его подробность, разсматривается. Надо опредѣлить, въ какой періодъ и къ какому разряду фактовъ данный случай относится; въ какихъ отношеніяхъ этотъ періодъ или группа находится къ предыдущимъ и т. д. Конечно, во множествѣ случаевъ такого рода предварительная постановка предполагается извѣстною, не только установленной, но, такъ сказать, уговоренной и общеизвѣстной и потому тогда можно переходить къ оцѣнкѣ частностей безъ такого рода прелиминарныхъ анализовъ. Совсѣмъ иное дѣло въ томъ отдѣлѣ историко-археологическомъ и этнографическомъ, который относится къ странамъ Балканскаго полуострова: здѣсь нѣтъ ничего установленнаго и научно-опредѣленнаго и предварительное разсмотрѣніе общаго вопроса требуется гораздо больше, чѣмъ какое бы то ни было резюмированіе полученныхъ результатовъ, которые, въ концѣ концовъ, когда вся область историческихъ фактовъ будетъ достаточно извѣстна, окажутся, быть можетъ, не только преждевременными, но и произвольными и невѣрно поставленными.

Путешествіе по Македоніи, какъ и вообще, быть можетъ, всякое путешествіе въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, требуетъ наиболѣе всякаго

рода предварительныхъ развѣдокъ, историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, такъ какъ ни для кого не составляетъ секрета, что Македонія не представляетъ собою органически сложившуюся страну, съ выросшимъ на ней племенемъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого является рѣзкое выступленіе инородческаго элемента въ странѣ, не прикрытаго, такъ сказать, государственнымъ тяготѣніемъ основного племени, образовавшаго извѣстную страну. Правда, извѣстныя фразы французскихъ путешественниковъ о пестротѣ Македонскаго населенія представляютъ, въ свою очередь, положительное преувеличеніе [1]). Иные изъ туристовъ предпочитаютъ даже вмѣсто прямой постановки вопроса о національностяхъ въ Македоніи классифицировать всѣ расы на три группы: турецкую, славянскую и греко-латинскую, предпочитая, стало быть, не различать Сербовъ и Болгаръ, Грековъ и Валаховъ между собою. Другіе, какъ можно видѣть по различнымъ фантастическимъ картамъ, до такой степени неудержимо увлекаются своими политическими страстями, что не признаютъ даже и этихъ группъ, а прямо закрашиваютъ Македонію въ ту краску, которая имъ роднѣе или ближе. На самомъ дѣлѣ, скажемъ кратко, путешествіе по Македоніи убѣждаетъ, что славянское ея населеніе, прежде всего, совершенно цѣльно, едино и вполнѣ своеобразно, и если представляетъ какіе либо иные вкрапленные внутрь его элементы (по всей вѣроятности, сербскіе), то лишь въ мѣстностяхъ близъ Скопіи. Ниже, мы будемъ отмѣчать въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ всѣ попутныя наблюденія надъ славянскимъ населеніемъ, но считаемъ нужнымъ заранѣе оговориться, что не рѣшаемся нигдѣ вмѣшиваться въ ведущуюся полемику.

Дѣло въ томъ, что Македонія, если и имѣла когда либо обще-національный характеръ, то развѣ въ глубокой древности и то лишь въ пору особеннаго, временнаго подъема того иллирійскаго племени, которое составило такъ называемыхъ «македонянъ». Уже со временъ римлянъ, подъ именемъ Македоніи разумѣлся административный округъ, и Македонія настолько была эллинизована, что только въ эпоху ранней эллинской культуры ея варвары отличались отъ грековъ; при римлянахъ же македонянами назывались греки, хотя римская провинція всегда была только непосредственною приморскою частью. Внутри самой Македоніи, вѣрнѣе, по ея окраинамъ, тѣсни-

---

1) Остроумный и правдивый Викторъ Бераръ въ своихъ книжкахъ: *La Macédoine*, 1897; *La Turquie et l'hellénisme contemporain*, 2-e éd. 1896, прямо заключаетъ, что всякаго рода реформы для Македоніи подъ властью Турокъ невозможны, а согласить трехъ ея *наслѣдниковъ* нельзя, что тамъ нельзя найти уголъ чисто болгарскій или совершенно сербскій или греческій и т. д. *Всѣ расы* и *всѣ религіи* будто бы смѣшаны въ Македоніи (*La Macédoine*, p. 302) dans un fouillis inextricable. Seule, la peinture des pointillistes pourrait nous offrir un tableau fidèle de ce pays.

лись въ горныхъ ущельяхъ различныя варварскія племена, такъ называемыя «ѳракійскія» и «иллирійскія» (нѣтъ надобности въ данномъ случаѣ тѣснѣе опредѣлять, что подъ ними въ древности разумѣлось, но это были не греки), частію даже племена кельтическія, затиснутыя въ горы общимъ напоромъ варварскихъ народностей сверху, т. е. отъ Дуная и отъ его береговъ на югъ полуострова. Римляне очень мало знали Македонію, а ихъ преемники византійскіе греки, — какъ извѣстно всякому занимавшемуся средними вѣками, — всегда весьма небрежно относились къ различнымъ племенамъ Балканскаго полуострова. Для византійцевъ, какъ и для теперешнихъ грековъ, достаточно было знать, что это не греки, а кто они такіе: славяне ли, германцы или кочевники — имъ было безразлично, и они нерѣдко обобщали ихъ подъ общимъ именемъ «скиѳовъ». Мы знаемъ затѣмъ, что начиная съ 376 г. Ѳракія и Македонія подверглись ряду непрестанныхъ набѣговъ и инородныхъ нашествій. Въ 442 — 447 годахъ весь полуостровъ былъ опустошенъ Гуннами. Съ 500-хъ годовъ задунайскіе славяне, лица поселеній и тѣснимые, въ свою очередь, нашествіями кочевниковъ за Дунаемъ, начинаютъ свои систематическія вторженія въ такъ наз. Иллирію, въ сѣверную и центральную Македонію[1]). За славянами земледѣльцами переходятъ здѣсь и племена кочевыя: гунны и булгары, и политика византійцевъ заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы возстанавливать мирныхъ земледѣльцевъ противъ кочевниковъ, по самому образу жизни своей пріученныхъ къ грабежамъ. Должно имѣть въ виду, что и самыя нашествія славянъ не могли производиться иначе, какъ подъ предводительствомъ тѣхъ кочевниковъ, или, по крайней мѣрѣ, сейчасъ послѣ кочевого набѣга. Не даромъ тотъ же Прокопій передаетъ намъ, что даже славянскіе отряды шли, одѣтые только въ одни штаны, не имѣя никакихъ рубашекъ: они усваивали себѣ на войнѣ обычаи и одежду кочевниковъ. Главный потокъ этихъ племенъ состоялъ изъ сербовъ и родственныхъ имъ другихъ славянъ, нападавшихъ въ концѣ VII столѣтія даже и на Ѳессалонику, до тѣхъ поръ, пока они не были укрощены при императорѣ Юстиніанѣ II. Подъ 687 годомъ Ѳеофанъ разсказываетъ, что Юстиніанъ Риноткметъ повелъ цѣлое войско на Болгарію «и Славинію» (?) и исполнивши цѣлый рядъ походовъ до самой Ѳессалоники (въ этихъ мѣстахъ постоянно дѣйствовала конница), вывелъ изъ ихъ новой родины «неизмѣримое число

---

1) Константинъ Порфирородный упоминаетъ славянскія поселенія въ Далмаціи подъ 449 годомъ, но уже Штриттеръ: *Memoriae populorum*, II, 1, p. 6 отвергаетъ это указаніе, какъ недостойное вѣры, и опредѣленно называетъ Прокопія первымъ византійскимъ историкомъ, заговорившимъ о Славянахъ по случаю прохода Геруловъ въ 4-й годъ Готской войны черезъ земли Славянъ. Память о Славянахъ въ византійской исторіи падаетъ затѣмъ на царствованіе Юстиніана.

славянъ», однихъ, укрощенныхъ войною, а другихъ добровольно ему передавшихся и, затѣмъ, приказалъ вывезти черезъ море въ Абидосъ. По лѣтописцамъ и по актамъ о чудесахъ вм. Димитрія видно, что византійскіе отряды доходили въ этомъ случаѣ до горныхъ ущелій западной и сѣверной Македоніи, и въ результатѣ войны къ Македоніи присоединена была цѣлая оема изъ областей по рѣкѣ Стримону. Такимъ образомъ, путешественнику предстоитъ на мѣстѣ осмотрѣть всѣ остатки перваго славянскаго наплыва въ Македонію, бывшаго, несомнѣнно, преимущественно, если не исключительно, сербскимъ. Весьма естественно, что первый наплывъ наполнилъ всю западную половину полуострова, но спустился ли онъ до Охриды, и тѣмъ болѣе до Ѳессалоники, остается вопросомъ.

Второе и болѣе крупное нашествіе болгаръ (появившихся у Дуная еще въ 501 г.) началось въ VI вѣкѣ, продолжалось въ VII и VIII, частью, однако, въ союзѣ съ сербами, особенно въ концѣ VIII вѣка; дѣйствія византійцевъ производились уже съ помощью флота на сѣверные предѣлы болгарской земли, вплоть до Месемвріи, и только гораздо позднѣе пѣшими отрядами, ходившими до Клисуръ, горныхъ ущелій Сѣв. Македоніи, въ которыхъ обыкновенно ожидали грековъ болгары.

Къ сожалѣнію, для восточной половины полуострова не было уже Прокопія, а извѣстія византійскихъ историковъ и лѣтописцевъ до такой степени неопредѣленны и смутны, что даже крупные факты оказываются весьма мало установленными. Такъ, мы слышимъ отъ этихъ историковъ (притомъ, позднѣйшихъ, какъ напримѣръ Никифоръ), что болгары пришли на Балканскій полуостровъ съ береговъ Дона, что это было племя чрезвычайно многолюдное, дикое, воинственное или скорѣе разбойничье, родственное гуннамъ, и если не тождественное съ монголами вообще, то несомнѣнно тюркскаго происхожденія, имѣвшее звѣрскіе нравы, грязное и даже страшное на видъ для грековъ, походившее, по ихъ словамъ, больше на звѣрей, чѣмъ на людей. Словомъ, впечатлѣніе, ими производившееся, мало чѣмъ отличалось отъ гунновъ, съ которыми византійцы и приводятъ ихъ въ родство и связь. Между прочимъ, тѣсныя связи всѣхъ кочевыхъ племенъ, населявшихъ громадную равнину отъ береговъ Дуная вплоть до Дона и Волги, были византійцамъ хорошо извѣстны и принимались въ расчетъ ихъ политикою. Затѣмъ, византійскіе лѣтописцы, съ понятной внимательностью, заносятъ и весь фактическій матеріалъ: нашествіе этихъ кочевниковъ и особенно самые набѣги, наводившіе ужасъ на всю Византію и державшіе въ осадѣ и страхѣ самую столицу. Мы знаемъ рядъ царей Болгаріи и ранѣе того рядъ вождей, или кагановъ, съ которыми византійцы вели переговоры и которымъ они выплачивали дань. Объ одномъ изъ нихъ, по имени Тербели, знаютъ даже легендар-

ные разсказы, какъ онъ заставлялъ покрывать монетами брошенный на землю щитъ и плеть, а, воткнувши копье, требовалъ накладывать до самаго его верху шелковыхъ тканей. О другихъ вождяхъ слышимъ, что болгары бывали ими недовольны за ихъ миролюбіе и ихъ прогоняли. Этихъ вождей византійцы надѣляли богатыми подарками, золотыми сосудами, царской утварью, драгоцѣнными одеждами, а Тербели дали санъ кесаря. Но въ то же время мы не находимъ вполнѣ ясныхъ указаній на какіе либо переговоры по самому вопросу о поселеніи болгаръ. Единственное, что знаемъ въ концѣ VII вѣка, уже изъ выраженій лѣтописцевъ, что Болгаріею называлась мѣстность, отличавшаяся отъ такъ наз. «славянскихъ провинцій». Подъ 750 годомъ Ѳеофанъ кратко сообщаетъ, что Константинъ Копронимъ «въ этомъ году покорилъ (обратилъ въ рабство) славянскія провинціи у Македоніи и привелъ къ подданству прочихъ жителей». Это все, что мы узнаемъ о результатахъ важнаго похода. Въ слѣдующемъ 751 году царь пошелъ походомъ на Болгарію и когда достигъ Вергавы у горнаго прохода, — его встрѣтили булгары; многіе греки здѣсь пали и императоръ долженъ былъ вернуться съ позоромъ.—Спрашивается, что́ должно разумѣть подъ именемъ «славянскихъ провинцій у Македоніи»? Мѣсто ихъ, какъ будто, указывается текстомъ въ предѣлахъ современной Македоніи и, однако-же, внутри горныхъ хребтовъ, которые окружаютъ ее съ сѣверо-запада и съ сѣверо-востока. Подъ именемъ провинцій византійскій историкъ, очевидно, разумѣлъ уже мѣстности, организованныя римскою администраціей, въ отличіе, по всей вѣроятности, отъ варварской Болгаріи. Если это такъ, то откуда появились эти славяне въ такомъ количествѣ, что образовали цѣлыя провинціи? Очевидно, что они составляли тотъ славянскій наплывъ мирныхъ земледѣльцевъ, которые ничего общаго съ болгарскимъ нашествіемъ не имѣли и даже, быть можетъ, ему задолго предшествовали. Еще болѣе возможно слѣдующее, весьма естественное обстоятельство, что славяне, явившіеся въ собственной Македоніи, пришли сюда именно во время перваго болгарскаго нашествія, уходя изъ равнины между Гемомъ (Балканами) и Дунаемъ, въ которой болгары-кочевники поселились ранѣе всего и которой они могли вполнѣ довольствоваться первое время, такъ какъ, конечно, не всею массой перешли Дунай въ VI вѣкѣ. Самыя нашествія кочевниковъ, за исключеніемъ, конечно, мелкихъ набѣговъ, должны быть объясняемы появленіемъ новыхъ ордъ изъ за Дуная, тѣснившихъ орды, уже усѣвшіяся по сю сторону. Какъ бы, однако, мы ни толковали эти отрывочныя свѣдѣнія византійцевъ, несомнѣнно одно: изъ этихъ свѣдѣній, вплоть до IX вѣка, нельзя составить себѣ вполнѣ яснаго представленія о передвиженіяхъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ одной стороны, движенія кочевниковъ вообще не поддаются исторіи, съ другой—

самые византійскіе лѣтописцы, послѣ Прокопія и кромѣ развѣ Ѳеофана, были мало освѣдомлены въ этихъ дѣлахъ, вплоть до Константина Порфиророднаго. Отсюда получается лишь общее понятіе объ этихъ судорожныхъ движеніяхъ громаднаго кочевого племени Болгаръ, въ предѣлахъ странъ, уже имѣвшихъ культуру. Болгары поселились сначала въ Загорьи, но оттуда достигали Македоніи и даже Ѳессаліи; впослѣдствіи, однако, были будто бы византійцами мало по малу оттѣснены или изгнаны изъ послѣднихъ мѣстъ и основались въ такъ наз. Болгаріи, въ границахъ между Дунаемъ, Чернымъ моремъ, Балканами и землями Сербіи («Сербское поле», здѣсь упомянутое, есть, вѣроятно, «Косово поле»). Значитъ ли это, однако, чтобы нашествіе кочевниковъ совершенно истребило земледѣльческое населеніе, уже въ странѣ бывшее? Этого никогда не бываетъ, и то обстоятельство, что съ самаго начала, а именно уже съ 762 года, набѣги и войска болгаръ содержатъ въ себѣ славянъ, иногда какъ вспомогательное войско, повидимому, изъ сосѣдней Сербіи, — можно думать, что славянское осѣдлое населеніе всегда тамъ, въ извѣстной части своей, оставалось и, расходясь, мало по малу, по странѣ, образовывало такую, непрестанно движущуюся впередъ массу, которая къ концу IX столѣтія своими селами достигла уже Солуни и предѣловъ Ѳессаліи на юго-востокѣ. Дѣло именно въ томъ, что набѣги кочевниковъ, опустошавшіе страну, въ то же самое время приготовляли мѣста для движущагося въ заду ихъ земледѣльческаго населенія. Всѣ, бывшія въ этихъ мѣстностяхъ, неопредѣленныя племена оракійскія и иллирійскія были частью истреблены, частью же оттѣснены, какъ наприм. албанцы, къ Адріатическому морю. Но, конечно, за всѣмъ тѣмъ остается весьма крупный вопросъ: это восточное передвиженіе славянства къ какому славянскому племени принадлежало: сербо-хорватскому, или иному? Рѣшеніе этого вопроса возможно только путемъ лингвистическимъ, т. е. установленіемъ филологическаго различія языковъ и болгарскаго и сербскаго и при томъ не въ настоящей ихъ схемѣ, но въ той приблизительно представляемой исторической формаціи, которая имѣла мѣсто въ VIII и IX столѣтіяхъ.—Однако и по историческимъ справкамъ становится совершенно яснымъ существованіе славянскихъ поселеній въ концѣ VIII вѣка въ предѣлахъ нынѣшней Македоніи. Таковъ, напримѣръ, фактъ, указанный подъ 6275 годомъ у Ѳеофана: извѣстный Ставракій, воевода и любимецъ Ирины, совершивъ цѣлый походъ и «спустившись къ Ѳессалоникѣ и въ Элладу, покорилъ славянскія народности, при помощи большой силы и сдѣлалъ ихъ подданными царю; вступилъ затѣмъ и въ Пелопонесъ и привелъ много плѣнниковъ въ столицу». По этому случаю, возвратившись, онъ въ январѣ мѣсяцѣ того же года имѣлъ тріумфъ на ипподромѣ, а въ маѣ сама царица Ирина, взявъ съ собой сына, съ большимъ вой-

скомъ торжествено съ музыкой и съ органами прошла до Верреи и, приказавъ обстроить ее, повелѣла ей называться Принополисомъ; прошла затѣмъ и до Филиппополя при полномъ покоѣ и возвратилась мирно, приказавъ возстановить Анхіалъ. Далѣе, у того же Ѳеофана подъ 6254 годомъ разсказывается, что болгары, возставъ, перебили своихъ правителей[1]) и поставили у себя человѣка злоумышленнаго, по имени Телеци, лѣтъ 30, вслѣдствіе чего множество славянъ выселились отъ нихъ и прибѣгли къ царю, который приказалъ поселить ихъ на рѣкѣ Артанѣ»... О томъ же фактѣ разсказываетъ Никифоръ подъ 763 годомъ и прибавляетъ, что число славянскихъ бѣглецовъ, переплывшихъ Эвксинъ, доходило до 208 тысячъ (варіантъ: «18 тысячъ»). Подобная же исторія большого политическаго переселенія, на этотъ разъ рѣшеннаго болгарскими правителями, въ числѣ 12 тысячъ жителей, Версеціи (быть можетъ тоже, что «Вельсиція», въ которой славянскимъ княземъ указывается Акамиръ, или «Версеникія», упоминаемая у того же Ѳеофана), которыхъ хотѣли переселить въ собственную Болгарію, очевидно, какъ крѣпостныхъ батраковъ для новыхъ феодаловъ изъ вождей кочевниковъ. Всѣ эти, и имъ подобныя исторіи—мы узнаемъ изъ нихъ только самыя крупныя — свидѣтельствуютъ объ одномъ непреложномъ фактѣ, что заплываніе земель Балканскаго полуострова славянскимъ земледѣльческимъ населеніемъ совершалось въ промежутокъ нашествій и набѣговъ, чаще всего послѣ нихъ, простымъ выдѣленіемъ поселковъ одного за другимъ все впередъ вплоть до самой Солуни. Заселеніе должно было остановиться — и остановилось — какъ разъ тамъ, гдѣ мѣстность была защищена византійскими войсками отъ нашествій и истребленія мирныхъ жителей. Правда, разумное слово, основанное на реальномъ знаніи нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ, сказано о славянахъ только при самомъ началѣ ихъ появленія Прокопіемъ[2]), и этимъ разумнымъ описаніемъ воспользовался знаменитый Гиббонъ для того, чтобы вставить его въ свой эпизодъ о болгарахъ. Нѣтъ надобности долго останавливаться на основной ошибкѣ знаменитаго писателя, не различавшаго тогда вполнѣ ясно болгаръ, при ихъ появленіи на Дунаѣ, какъ тюркское племя, отъ славянъ и сербовъ, совершившихъ нашествіе при Юстиніанѣ, и другихъ славянъ, вошедшихъ во Ѳракію вмѣстѣ съ болгарами или подъ ихъ

---

1) Правители эти называются по просту господами—κύριοι и по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, отличались отъ такъ называемыхъ «архонтовъ», соотвѣтствующихъ нашимъ князьямъ. Однако, это не были византійскіе начальники ѳемъ, и не стратиги областей. Въ данномъ случаѣ сказано, что они возвращались изъ *Ксиры*, и Штриттеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту считаетъ Ксиру нынѣшними *Серрами*. Въ Боннскомъ изданіи, вмѣсто имени, придумано особенное выраженіе, врядъ ли допустимое: τοὺς κυρίους αὐτῶν τοὺς ἀπὸ πειρᾶς καταγομένους = dominis continuata unius stirpis serie...

2) *Война съ готвами* III, 14, изд. Боннск., стр. 334 — 6.

прикрытіемъ. Но знаменитый историкъ чрезвычайно картинно отличаетъ легко вооруженныхъ славянъ, которые «сотнями разныхъ племенъ шли по стопамъ болгарскихъ всадниковъ, почти ни на шагъ отъ нихъ не отставая». Несомнѣнно, что громадныя болгарскія орды, совершая нашествія, состояли не только изъ конницы, но также изъ пѣхоты. Но изъ кого набиралась эта пѣхота — остается вопросомъ. Единственное соображеніе, которое по этому поводу представляется, основано на свидѣтельствахъ византійскихъ историковъ, что византійскія войска, посылавшіяся въ Болгарію, даже на судахъ черезъ Месемврію или Анхіалъ, состояли изъ конницы (прямо говорится, сколько везли лошадей на судахъ) стало быть, византійцы расчитывали преслѣдовать именно конные отряды, т. е. только самихъ кочевниковъ, натурально, расчитывая, что славянское земледѣльческое населеніе той же Болгаріи останется мирнымъ. Существованіе подобныхъ славянскихъ селъ по всей Болгаріи и восточной Румеліи, а затѣмъ и въ Македоніи, должно быть признаваемо несомнѣннымъ, такъ какъ безъ него ничѣмъ нельзя объяснить утрату болгарами-кочевниками, тюрками по происхожденію, ихъ родного языка и полное усвоеніе всею ихъ расою языка славянскаго. Но если славянское племя, пришедшее съ болгарами (буде оно, дѣйствительно, пришло, а не было уже тутъ на мѣстѣ, хотя такого факта мы не слышимъ) могло разомъ двинуться съ какихъ либо мѣстъ, то всего скорѣе, изъ предѣловъ южной Россіи, напримѣръ, съ Днѣстра и Днѣпра по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, всякое народное передвиженіе, даже и кочевое, а ужъ тѣмъ болѣе земледѣльческое, является результатомъ тѣсноты, или вытѣсненія: болгарскія орды, двинувшись съ Волги и Дона, должны были, какъ бы сметать на своемъ пути мирныхъ земледѣльцевъ и, принимая въ свою среду — увлекать ихъ дальше. Плотнаго славянскаго населенія въ эту пору мы уже не знаемъ ни на Днѣстрѣ, ни по берегамъ Дуная: вся эта мѣстность носила названіе Скиѳіи, какъ разъ ко времени сформированія Византійской имперіи, т. е. была наполнена кочевыми племенами. Еще менѣе можно предполагать въ эту эпоху земледѣльческое населеніе на нижнемъ Днѣстрѣ или на Дону. Дальнѣйшая исторія болгарскаго племени и Болгаріи, какъ страны, слишкомъ извѣстна для того, чтобы нужно было перечислять здѣсь факты, вполнѣ установленные, и, если мы нѣкоторые изъ нихъ упомянемъ, то единственно потому, что они имѣютъ опредѣленное значеніе для Македоніи. Знаемъ, что уже въ концѣ IX вѣка прежняя судорожная борьба Византіи съ болгарами почти закончилась: по крайней мѣрѣ уже нѣтъ постоянныхъ изъ года въ годъ походовъ и набѣговъ съ той и другой стороны (самые походы Византійцевъ часто принимали характеръ тоже тайныхъ вылазокъ или секретныхъ набѣговъ): нѣтъ и того, чтобъ та и другая сторона, т. е. греки и болгары,

послѣ встрѣчи разбѣгались другъ отъ друга, обоюдно испытывая ужасъ. Съ другой стороны, слышимъ, что Болгарія формируется въ мирную страну, производящую, ищущую сбыта своихъ товаровъ, хотя бы сырья. Византійцы, изъ политическихъ соображеній, товаровъ ихъ прямо въ Константинополь не пускаютъ, направляютъ ихъ на Солунь. Болгарія дѣлается первымъ государствомъ Балканскаго полуострова, пріобрѣтая у грековъ, хотя временно, значеніе превыше всѣхъ другихъ странъ міра. По непростительной, съ точки зрѣнія истиннаго византійца, оплошности одного императора, болгарскому князю даютъ титулъ «василевса», чего никогда ни прежде, ни послѣ ни для кого и ни при какихъ обстоятельствахъ византійцы не дѣлали. Весьма естественно, что мирное разселеніе славянъ при этомъ первенствѣ Болгаріи на полуостровѣ дотянулось до Солуни на югѣ (извѣстна болгарская надпись, это удостовѣряющая, въ предѣлахъ 15 верстъ отъ Солуни на сѣверъ) и къ озеру Пресна, гдѣ Самуилъ утвердилъ свою столицу, вплоть до Охриды и Дебра, видимо, опять особымъ потокомъ, шедшимъ уже изъ самой Болгаріи.

Какъ бы въ дополненіе всѣхъ этихъ историческихъ справокъ, Македонія даже и нынѣ производитъ въ общемъ впечатлѣніе опустошенной, запустѣвшей и въ конецъ разоренной страны. Это впечатлѣніе не покидаетъ отъ самаго Дедеагача, когда, выѣхавъ наканунѣ въ ночь изъ Константинополя по желѣзной дорогѣ, въ теченіе цѣлаго дня до вечера ѣдешь по направленію къ Солуни. То же впечатлѣніе получается, когда изъ Солуни ѣдешь въ Сѣръ и во всѣхъ экскурсіяхъ на Пеллу и Дойранъ. То же запустѣніе окружаетъ въ Скопье и его окрестностяхъ и лично намъ придется удѣлить этому впечатлѣнію мѣсто въ разсказѣ объ Охридѣ. Македонія испоконъ вѣка не знала покоя, отчасти раздѣляя свою основную бѣду со всѣмъ полуостровомъ. Прокопій въ «Тайной Исторіи» (глава 18) относитъ къ личности самого Юстиніана тѣ ужасныя бѣдствія, которыя перенесъ полуостровъ за 30 лѣтъ его правленія: «Гунны, Славяне, Анты, совершая почти ежегодные набѣги во всю Иллирію и Ѳракію, до Іоническаго залива и стѣнъ самой Византіи, сдѣлали то, что страны эти совсѣмъ обезлюдѣли; почти, можно сказать, при каждомъ набѣгѣ было избиваемо или уводимо въ плѣнъ до 200 тысячъ человѣкъ». Знаменитый Гиббонъ считаетъ эти слова преувеличеніемъ, такъ какъ, помноживъ указанную сумму на 30, получаешь цифру 6 милліоновъ, а «почти все населеніе Европейской Турціи едва ли составляетъ (въ его время) эти 6 милліоновъ». На самомъ дѣлѣ, преувеличенія здѣсь нѣтъ; обо всемъ сказано вполнѣ реально: набѣги были не каждый годъ, но народу, видимо, пропадало при нихъ не менѣе того числа, которое приводитъ Прокопій. Балканскій полуостровъ въ первыя времена Римской Имперіи, несомнѣнно, имѣлъ крайне многолюдное населеніе, иначе нельзя себѣ вообразить, какимъ образомъ рим-

жіе императоры вплоть до Константина могли формировать тѣ колоссальныя арміи, съ которыми они боролись противъ своихъ соперниковъ, набиравшихъ тутъ же такія же громадныя арміи. Съ другой стороны, когда въ 675 году славянскія полчища изъ Драгубитовъ (Дорогобужанъ) Сагудатовъ, Велегзитовъ, Вайюнитовъ, Верзитовъ и проч. прибыли на лодкахъ къ Солуни и осадили ее съ суши и съ моря, то Солунь была въ это время единственнымъ городомъ, уцѣлѣвшимъ изъ всѣхъ большихъ городовъ полуострова, отъ Македоніи до Мизіи и Ѳракіи включительно, и единственнымъ убѣжищемъ, въ которомъ укрывались люди съ состояніемъ, бѣжавшіе изъ нынѣшней Сербіи и Болгаріи. Солунь была, притомъ, послѣднее прибѣжище, отсюда бѣжать было некуда: въ Греціи избивали богатыхъ людей такъ же, какъ въ Македоніи, а бѣжать въ Африку тогда нельзя было изъ за Сарацинъ. Только этимъ отчаяннымъ положеніемъ полуострова можемъ мы себѣ объяснить ту не человѣческую, чисто китайскую жестокость тройной мучительной казни, которой подвергнутъ былъ въ Константинополѣ предводитель шайки Скамаровъ, мѣстныхъ балканскихъ бандитовъ. Въ 809 году хаганъ, Болгарскій Крумъ, захватилъ Македонію до самаго Струма, но уже въ 811 году Македонія вновь обращена въ Ромейскую провинцію. Звѣрскія жестокости совершаются съ той и другой стороны; императоръ захваченъ Болгарами, убитъ, черепъ его служитъ чашею для пировъ Крума, и множество грековъ умерщвлено. Новый императоръ Михаилъ уступаетъ Болгарамъ всю южную Македонію, но затѣмъ въ теченіе всего IX вѣка владѣніе Македоніею переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ X столѣтія почти вся Македонія находится въ рукахъ болгаръ.

Когда поднимается рѣчь объ исторической этнографіи Балканскаго полуострова, естественно, поставить на первомъ мѣстѣ албанцевъ и предоставить по этому пункту исторической наукѣ быть рѣшительницею вопроса. Однако, и среди путешественниковъ по Балканскому полуострову находились такіе острые умы, которые въ его національномъ спорѣ клали самую крупную тяжесть на албанскую чашку. Таковъ былъ извѣстный Ганъ[1]), котораго путешествіе и знаменитые этюды объ албанскомъ языкѣ пользуются столь почетной извѣстностью. Интересы Гана къ албанцамъ исходили, отчасти, изъ политическихъ расчетовъ и только быстро перешли въ научную пытливость, естественно пробудившуюся у талантливаго человѣка къ замѣчательному обломку древнихъ расъ, въ громадномъ большинствѣ исчезнувшихъ, но со-

---

1) Hahn, I. G. Reise durch die Gebiete des Drin u. Wardar im J. 1863. W. 1867.—Reise von Belgrad nach Saloniki nebst Abhandl. zur alten Geschichte des Morawagebietes. W. 1868.—Albanesische Studien. 1854.

храненныхъ въ этомъ необыкновенно устойчивомъ и своеобразномъ представителѣ. Но видное мѣсто надо отдать албанцамъ прежде всего потому, что основная закваска народонаселенія на Балканскомъ полуостровѣ была явно «албанскаго» происхожденія, и что вся примѣсь къ грекамъ, славянамъ, туркамъ, видимо, исходитъ именно отъ албанцевъ. Основные типы Балканскихъ одеждъ, жилищъ, исходятъ оттуда же, отъ этого, такъ сказать, основнаго племени. Какъ извѣстно, древній міръ зналъ на Балканскомъ полуостровѣ двѣ племенныя стихіи: Ѳракійцевъ—въ восточной его половинѣ и Иллирійцевъ — въ западной его половинѣ, но среди нихъ, уже въ историческое время—Македонянъ, съ ихъ сосѣдями Эпиротами. Единственная научная гипотеза сближаетъ Ѳракійскія племена, какъ извѣстно, чрезвычайно дробившіяся, вѣчно враждовавшія между собою и никогда не составившія ничего общаго, съ тѣми неопредѣленными племенами Сарматовъ, къ которымъ принадлежали древніе Геты и Даки, нынѣ извѣстныя въ романизованной, хотя чистой расѣ, румынъ. На Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ румынъ, остались еще во многихъ пунктахъ, такъ называемые, Цинцары, Влахи или Куповлахи,—остатки тѣхъ же племенъ. Что касается Иллирійцевъ, жившихъ въ западной половинѣ полуострова, на сѣверѣ, въ обширныхъ равнинахъ по Дунаю, а на югѣ отчасти въ горахъ, до самаго Эпира, гдѣ Иллирійцы сосѣдили съ Греками. Главнымъ представителемъ этихъ племенъ являются албанцы, которые, подобно древней Иллиріи, дѣлившейся на двѣ половины: сѣверную и южную, доселѣ дѣлятся на сѣверныхъ и южныхъ: Гэговъ и Тосковъ. Любопытно, что крупныя формаціи остаются однѣ и тѣ же на пространствѣ тысячелѣтій: и доселѣ Балканскій полуостровъ занятъ въ восточной половинѣ Болгарами, въ западной — Сербами. И опять среди нихъ формируется историческій клинъ въ видѣ албанцевъ. Характерно и то, что какъ въ древности Ѳракійскія и Иллирійскія племена имѣли, очевидно, общій языкъ и только впослѣдствіи различились своими діалектами, такъ нѣчто подобное совершилось и съ Балканскимъ славянствомъ. Также и среди Албанцевъ значительная часть ихъ потурчилась, какъ ранѣе Македоняне, также бывшіе варварами,—огречились. Появленіе на полуостровѣ новыхъ племенъ и народностей, сначала германскихъ, затѣмъ славянскихъ, объясняется не только вырожденіемъ древнихъ племенъ и постепеннымъ ихъ вымираніемъ, но, главное, обычнымъ истребленіемъ варваровъ, пришедшихъ въ соприкосновеніе съ культурнымъ міромъ. Александръ Македонскій вывелъ вслѣдъ за собою все молодое поколѣніе своего племени. Павелъ Эмилій, покоряя Риму полуостровъ, вывелъ изъ одной Македоніи 150 тысячъ человѣкъ мужескаго пола. По словамъ Страбона, Эпиръ и Иллирія, хотя мѣстами каменисты и изрѣзаны горами, были, однако, въ старину очень населены; нынѣ же

большая часть этихъ земель малолюдны. Да и въ обитаемыхъ мѣстностяхъ имѣются только или деревни, или развалины. Тѣмъ не менѣе, еще римляне могли набирать во Фракіи до 200 тысячъ пѣшаго войска и до 15 тысячъ конницы. Все это несомнѣнно измѣнилось къ концу существованія Римской Имперіи, а въ V вѣкѣ, послѣ того, какъ въ теченіе полутораста лѣтъ, по всему полуострову прогулялись колоссальныя варварскія дружины, страна была въ конецъ опустошена и обезлюдѣла, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ знаменитый Прокопій, въ своемъ откровенномъ разоблаченіи византійскихъ дѣлъ, которое содержится въ его «Тайной Исторіи». Съ этого уже времени Византійцы явно начинаютъ теряться въ своихъ понятіяхъ о населеніи полуострова. Большинство ихъ лѣтописцевъ и историковъ прежде всего мало интересуется разнообразными варварами, на него нахлынувшими, а, главное, относится къ нимъ съ такимъ же страшнымъ презрѣніемъ. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе производитъ всѣ экскурсы, совершаемые Византійцами къ варварамъ, не исключая Приска, а ужъ тѣмъ болѣе разсужденія Византійцевъ на тему о варварахъ, сравнительно, напримѣръ, съ знаменитыми трактатами Тацита. Съ этой точки зрѣнія, совершенно понятно, напримѣръ, какимъ образомъ, греки X вѣка пробавлялись еще Геродотомъ, когда говорили о варварахъ, и почему они могли называть славянъ Скиѳами и обратно. Въ частности, по поводу Албанцевъ весьма любопытны, напримѣръ, разсужденія извѣстнаго Халкокондила объ Иллирійцахъ, настойчиво повторяющаго, что пресловутые иллирійцы это тѣже албанцы, что они тѣже пресловутые македоняне и пр.

Но не одни албанцы образуютъ на Балканскомъ полуостровѣ древнюю закваску: необыкновенною архаичностью автохтоновъ своего рода отличаются также Влахи, хранители древнѣйшихъ преданій, примитивныхъ формъ пастушескаго быта. Славянамъ пришлось селиться посреди характерныхъ и устойчивыхъ племенъ и потому этнографія Славянъ Балканскаго полуострова должна составить въ будущемъ столь же сложную, сколько интересную задачу.

Намъ было бы трудно подвергать критическому разбору рядъ различныхъ догадокъ о древности славянскаго населенія Балканскаго полуострова, который за время существованія славянской науки у насъ и у самихъ славянъ накопился. Но между этими догадками есть одна, наиболѣе общеизвѣстная и принятая даже такими авторитетами славяновѣдѣнія, какъ наприм., извѣстный Гильфердингъ, Дриновъ и Иречекъ. Мы говоримъ о славянствѣ Императора Юстиніана, его славянскихъ родственникахъ и о поселеніи славянъ въ Дарданіи. Гильфердингъ такъ формулируетъ эту догадку: «Сынъ «Истока» Императоръ назывался прежде «Управдою», а теперь пере-

вели имя и зовутъ его «Юстиніаномъ»; родомъ изъ поселянъ, деревни Ведряны (въ древней Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія), обличавшій своимъ произношеніемъ чужеземца, «варвара». Онъ возвысился покровительствомъ прежняго Императора своего дяди Юстиніана, который самъ когда то молодымъ земледѣльцемъ пришелъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Византію съ однимъ кожухомъ (σισύρα) на плечахъ и потомъ перевелъ туда жену свою, прозвищемъ Лупкию, сестру Бѣглецу, мать Управды, и племянницу Бѣглецу же, по римски Вигиланцію». Этого мало, славяновѣдъ разыскиваетъ, кто былъ полководцемъ этого императора «Управды»: оказывается: Велисарій изъ той же Дарданіи, гдѣ Юстиніанъ построилъ крѣпость Скоплица. Знаменитый Велисарій у Гильфердинга оказывается тоже славяниномъ,—по всей вѣроятности,—Величаромъ. Сюда же примыкаютъ Сварунъ, Доброгостъ и Всегородъ, вожди римскихъ полковъ и проч. «Стало быть,— говоритъ Гильфердингъ, — въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянскою семьею: византійскія войска имѣли вождями славянъ и славяне служили въ рядахъ ихъ; славянинъ защищалъ сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли Славяне огромныхъ племенемъ, готовые нахлынуть на земли Восточной Римской имперіи. Неизвѣстно, въ какое время произошло поселеніе Славянъ въ Дарданіи, родинѣ Юстиніана и Велисарія; когда проѣзжали послы изъ Византіи въ Атилѣ, весь этотъ край находился, кажется, въ запустѣніи: вѣроятно, Славяне водворились въ немъ мирнымъ образомъ, не позже половины V вѣка.

Къ сожалѣнію, всѣ эти разсужденія оказываются мечтами, основанными на своеобразныхъ, хотя очень старыхъ поддѣлкахъ. Разслѣдованіе, произведенное англійскимъ ученымъ Брайсомъ[1]), показываетъ, что «источникъ, на основаніи котораго ученые утверждали доселѣ славянское происхожденіе Юстиніана, есть ничто иное, какъ измышленіе начала XVII вѣка». Какъ извѣстно, этотъ источникъ заключается только въ примѣчаніяхъ Алеманна въ «Тайной исторіи Прокопія», въ которыхъ изслѣдователь основывался на жизнеописаніи Юстиніана, составленномъ Ѳеофиломъ, аббатомъ и его наставникомъ. Стали искать ту рукопись Ѳеофила, на которой основался Алеманнъ и нашли рукопись уже XVII вѣка, приписываемую нѣкоему Богумилу, аббату монастыря около Призрѣна, но тоже, будто бы бывшему наставникомъ Юстиніана. Именно эта рукопись цѣликомъ была использована, мѣстами до-

---

1) См. подробное изложеніе и разъясненіе этого сочиненія Брайса «О жизни Юстиніана по Ѳеофилу» въ ст. проф. А. А. Васильева: «Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана»: «Византійскій Временникъ», т. I, 1894 г., стр. 469 — 492.

словно, Алеманномъ и, очевидно, тождественна съ рукописью неизвѣстнаго Ѳеофила. Но это жизнеописаніе Юстиніана, по всей вѣроятности, составлено нѣкоторымъ славяниномъ Маршавичемъ до 1621 года, и сообщенныя въ рукописи легенды никакъ не древнѣе XIV столѣтія, имѣютъ церковную окраску и никакого значенія реальныхъ историческихъ фактовъ. Тѣмъ болѣе жаль, что подобной фабрикаціи XVII вѣка придалъ значеніе и пок. проф. М. С. Дриновъ до извѣстной степени съумѣвшій освободиться отъ различныхъ нагроможденныхъ въ славяновѣдѣніи предразсудковъ [1]). Послѣ того, какъ онъ только что закончилъ критическій разборъ всѣхъ фантастическихъ догадокъ о существованіи славянъ въ древнѣйшую эпоху до римлянъ, а также и во времена римской имперіи, онъ вдругъ рѣшительно останавливается на появленіи въ V вѣкѣ въ Византійской имперіи личныхъ именъ славянскаго происхожденія. Имена эти ему понадобились для того, чтобы подкрѣпить значеніе славянскихъ именъ *Беодиза* и *Берозица* въ «Іерусалимскомъ Дорожникѣ» половины IV вѣка. Между тѣмъ совершенно ясно оказывается, что и въ данномъ случаѣ важнѣйшее свидѣтельство почерпается изъ того же фабрикованнаго жизнеописанія Юстиніана, а затѣмъ, разъ фантастическія данныя этой фабрикаціи приняты въ разрядъ историческихъ фактовъ, проф. Дринову приходится даже (начиная съ 49 стр. по 84-ую) поворачивать назадъ, такъ какъ ему кажется, что разъ онъ нашелъ ясные признаки присутствія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ V вѣкѣ, то, стало быть, надо возвратиться къ предыдущей эпохѣ (потому, что въ IV—V нѣтъ историческихъ точныхъ указаній) и производить поиски еще во II, III и IV вѣкахъ, когда славяне должны были переселиться уже на Балканскій полуостровъ. Только что передъ этимъ, на страницахъ того же самаго сочиненія, онъ рѣшительно, и вполнѣ вѣрно, отвергъ славянское происхожденіе именъ рѣкъ Стримона и Неста и мѣстности Доберъ, установленное по созвучію этихъ именъ со славянскими: Струма, Места и Деборъ (Дибры). Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, какъ и при насъ простые русскіе люди передѣлываютъ на русскій манеръ и, такъ сказать, осмысливаютъ иностранныя фамиліи. На этомъ пути поисковъ за славянами до V вѣка покойный славистъ настроилъ самыхъ невѣроятныхъ сближеній: Даки, а за ними и Геты вообще, въ концѣ концовъ, оказались славянами, и эта невѣроятная и съ точки зрѣнія послѣднихъ изысканій совершенно недопустимая гипотеза исказила весь критическій характеръ сочиненія. Между тѣмъ, какъ мы уже указали, всего натуральнѣе полагать и думать, что Императоръ Юстиніанъ былъ изъ основного иллирій-

1) Дринова, М. С. *Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами* изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. 1872 г., кн. IV. М. 1873, стр. 17 и сл.

скаго племени, т. е., какъ мы уже говорили, изъ албанцевъ. Какъ извѣстно, со временъ Адріана римская армія была по составу своему иллирійская. Иллирійскія или далматскія моды (наприм. одежда «далматика») были столь же популярны и въ Римѣ, какъ впослѣдствіи въ Византіи. Иллирійскіе легіоны дали Риму[1]) рядъ императоровъ: Галліена, Клавдія, Авреліана (Дарданія) (изъ Мизіи) Проба, (Паннонія), Діоклетіана (Далматъ), Максиміана (Паннонія), Константина, Константія — оба родомъ изъ Ниша, Галерія (изъ Сердики — Софіи); полководцевъ, какъ Велисарій; дипломатовъ, какъ наприм., извѣстный Петръ Патрицій, посланникъ Юстиніана и авторъ историческихъ и стратегическихъ статей; онъ былъ родомъ изъ Ѳессалоники, и Прокопій называетъ его «иллирійцемъ» не потому, что область Македоніи состояла въ вѣдомствѣ префекта Иллирика, но, очевидно, потому, что онъ принадлежалъ къ иллирійскому народу, т. е. былъ варваръ, а не грекъ и, можетъ быть, именно поэтому ему и довѣрялъ маловѣрный Юстиніанъ. Какъ мы уже сказали, можно было бы не останавливаться на этомъ эпизодѣ, еслибы мимо славянское происхожденіе Юстиніана не вызывало за собою крайне натянутыхъ ученыхъ усилій доказать, что славянское населеніе наполнило Балканскій полуостровъ еще въ Римскую эпоху. М. С. Дриновъ, отвергнувъ научнымъ анализомъ предполагавшееся ранѣе первобытное существованіе славянъ на полуостровѣ (см. приведенную у него довольно обширную литературу этой теоріи), а затѣмъ, отвергнувъ всѣ филологическія гипотезы, подыскивавшія славянскія имена среди географическихъ названій и историческихъ именъ, не удовольствовался, однако, ясными историческими фактами, но попытался возстановить подспудную, такъ сказать, исторію появленія славянъ въ предѣлахъ Византіи. Къ сожалѣнію, онъ не удовольствовался общими соображеніями, логикой фактовъ, какъ принято выражаться, но, смущенный именами Боисковъ, Амилзуровъ, Итимаровъ, Топосурсовъ—рѣшается утверждать, что славяне разселились по Балканскому полуострову, начиная со II вѣка по Р. Х., въ III, IV и, быть можетъ, V вѣкахъ, а, затѣмъ продолжалось генеральное ихъ переселеніе въ періодъ царствованія Юстиніана и послѣ него. Конечно, всѣ гаданія о славянахъ въ эпоху до Юстиніановскую оказываются безплодными и даютъ только рядъ невѣроятныхъ заключеній, въ родѣ того, что Анты суть тѣ же славяне, хотя Прокопій ихъ, какъ будто, старается отличить отъ славянъ уже тѣмъ самымъ, что говоритъ о ихъ постоянной войнѣ со славянами. На чемъ держатся всѣ подобныя гаданія, можно судить потому, что въ книгѣ проф. Дринова, на стр. 96

---

1) Моммсена *Римская Исторія*, пер. Невѣдомскаго, т. V, 1885 г., стр. 223.

говорится: «Славянами же, по всему вѣроятію, были и тѣ варвары, противъ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе у устья рѣки Рехія (впадаетъ въ Стримонскій заливъ) для защиты плодоноснѣйшей долины этой самой южной рѣчки Македоніи». На стр. 101, на основаніи этого соображенія и въ дополненіе къ извѣстіямъ Прокопія отъ 558 года, уже прямо утверждается, что опасные для имперіи славяне обитали не только за Дунаемъ, но и въ окрестностяхъ Филиппополя, «въ Македоніи, недалеко отъ долины рѣки Рехіи». Затѣмъ, тотъ же ученый, становясь уже на дѣйствительную историческую почву, перебираетъ годъ за годомъ извѣстія о вторженіяхъ славянъ въ предѣлахъ имперіи, объ опустошеніяхъ ими производимыхъ, о мѣстахъ занятыхъ славянами, и пр. и пр., въ 578, 588, 589, 594, 596 гг., объ осадѣ Солуня 597 года, и всѣ эти факты говорятъ ученому только одно, что полуостровъ наполнялся славянскимъ населеніемъ. На нашъ взглядъ, простая логика фактовъ говоритъ о другомъ. Если мы слышимъ постоянно, въ теченіе царствованія Юстиніана, годъ за годомъ, о вторженіяхъ варваровъ или славянъ — безразлично, то мы изъ этого должны вывести иное заключеніе: что славянское густое поселеніе въ эту эпоху еще не сформировалось на полуостровѣ и что значительныя части славянъ продолжали жить за Дунаемъ и по прежнему были тѣснимы кочевниками и, такъ сказать, пригоняемы изъ за Дуная болѣе сильными и воинственными племенами внутрь имперіи. На это соображеніе наводитъ и то обстоятельство, что, какъ утверждаетъ тотъ же самый Дриновъ на стр. 116, Маврикій направлялъ всѣ силы имперіи на Дунай и «упорно стремился къ утвержденію своей власти на сѣверномъ берегу этой рѣки». Спрашивается, зачѣмъ бы это нужно было дѣлать Византіи, если бы каждое славянское вторженіе оканчивалось поселеніемъ славянъ въ ея предѣлахъ. Затѣмъ мы, конечно, не можемъ и не должны быть согласны съ историкомъ, когда онъ позволяетъ себѣ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ подъ «варварами» разумѣть именно славянъ, а не напр. аваровъ, какъ признаетъ большинство изслѣдователей въ эпоху борьбы Византіи на Балканскомъ полуостровѣ съ варварами при Иракліи. Именно въ 626 году даже прямо констатировано византійскими историками, что вторженіе производили Авары, а съ ними были Славяне. Въ общемъ, когда рѣчь идетъ о нашествіяхъ или вторженіяхъ въ культурную страну средневѣковой Европы между IV и X столѣтіями, а для восточной Европы, какъ извѣстно, и позже, вплоть до XIV в., — въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о кочевыхъ организованныхъ ордахъ, въ составѣ которыхъ двигалось также многочисленное сдвинутое ими съ мѣстъ земледѣльческое населеніе, каковыми были, по всей вѣроятности, всегда славяне, — въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія. На западной половинѣ полуострова мы слышимъ о постоянномъ

давленіи славянства, вытѣснявшаго своимъ напливомъ населеніе Далмаціи и Иллиріи. Совершенно напрасно заподозриваетъ Дриновъ подробный разсказъ Константина Багрянороднаго о томъ, какъ произошло окончательное занятіе Далмаціи славянами, какъ Хорваты перебили въ Далмаціи Аваровъ и ею завладѣли, а за Хорватами передвинулись туда и сербы, ихъ соплеменники; какъ Ираклій отвелъ имъ въ Солуньской оемѣ цѣлую область, которая стала называться Сербіею; какъ Сербамъ сначала тамъ не понравилось, и они получили край, лежавшій на юго-востокъ отъ страны, занятой уже Хорватами[1]) и пр. и пр. Догадка проф. Дринова, что это, по его мнѣнію, баснословное сказаніе Константина, было имъ сочинено на основаніи только одного филологическаго соображенія, и что городокъ «Сербія» въ южной Македоніи повелъ его къ такой гипотезѣ, является въ нашихъ глазахъ совершенно неудачною. Это значитъ переносить вину съ больной головы на здоровую и обвинять императора, какъ извѣстно, необыкновенно тщательно изучавшаго всѣ свои источники и воспроизводившаго документы византійскихъ канцелярій, въ томъ, въ чемъ погрѣшны сами ученые слависты. Но дѣло не въ этомъ; намъ собственно можетъ быть интересенъ этотъ фактъ исканія земель славянами-земледѣльцами на полуостровѣ именно по тому различію, которое мы можемъ, до извѣстной степени какъ бы ощущать при сравненіи съ восточной половиной. Весьма возможно, что въ этой восточной половинѣ славянское движеніе издревле шло самымъ обычнымъ тихимъ путемъ: передвиженія поселковъ по мѣрѣ ихъ разростанія. Только по временамъ, когда набѣгала кочевая орда, поселки эти пустѣли и передвигались на югъ насильственно, образуя вторженіе. Что особенно характерно, это та форма морскихъ нападеній, къ которымъ обращаются именно славянскія племена, какъ то засвидѣтельствовано византійскими историками съ древнѣйшихъ временъ.

Какъ это удостовѣряется Георгіемъ Писидою и составителемъ второй части Пасхальной хроники, славяне приняли участіе въ осадѣ Константинополя, именно какъ прирожденные моряки: они, на многочисленныхъ однодеревкахъ, должны были брать Константинополь со стороны моря. Очевидно, такого рода моряки должны были долгое время жить на берегахъ моря и привыкнуть къ идеѣ захвата имперіи морскими нападеніями, по примѣру Готовъ. О такихъ же морскихъ нападеніяхъ славянъ слышимъ, какъ извѣстно, и послѣ, и потому, не становится ли очевиднымъ, что движеніе славянства внутрь имперіи продолжалось въ VII вѣкѣ и послѣ того, какъ то дѣйствительно и указывается историками. Отсюда же становится дозволительнымъ и такого рода выводъ, что восточная половина полуострова была занята послѣ-

1) Тамъ же, стр. 124 и слѣд.

довательнымъ движеніемъ славянъ земледѣльцевъ именно въ эту эпоху, съ тѣмъ, что приблизительно въ концѣ VII вѣка оно было почти закончено. Всѣ же остальныя передвиженія были, своего рода, привычными разбойничьими нападеніями. Что же касается основныхъ взглядовъ, проводимыхъ славянскими, преимущественно болгарскими историками, какъ, напр., Дриновымъ, то въ этихъ взглядахъ какъ бы скрыто затаенное желаніе затемнить и затушевать одинъ весьма существенный вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли болгары-кочевники, тюрки по происхожденію, къ тому славянству, которое, вслѣдъ за ними, или вмѣстѣ съ ними передвигалось для поселенія на полуостровѣ? Мы разумѣемъ: кто составлялъ изъ этихъ двухъ элементовъ настоящую силу, передъ которой трепетала Византія? Противъ кого подымалась Византія со всѣми своими силами при Маврикіи, Иракліи, Фокѣ, Василіи Македонинѣ и, наконецъ, при Василіи Второмъ Болгаробойцѣ? Очевидно, отвѣтъ будетъ одинъ: противъ той кочевой орды, которая, организовавъ могущественное вторженіе, въ то же время имѣла достаточно силъ, или получала ихъ изъ за Дуная, чтобы выполнить не только рядъ вторженій, нашествій и опустошеній, но и организацію сильнаго и могущественнаго царства, передъ которымъ трепетала Византія. Напротивъ того, во всѣхъ обсуждаемыхъ взглядахъ ясно становится умолчаніе именно объ этомъ основномъ ядрѣ всего движенія. Намъ все говорятъ о славянахъ, и имъ приписываютъ всѣ эти вторженія и всѣ эти звѣрства и жестокости, о которыхъ разсказываютъ византійскіе историки. Правда, эти звѣрства (напримѣръ, сажаніе на колъ), учиненныя именно славянскими полчищами, засвидѣтельствованы историками. Но, даже самый характеръ набѣговъ и жестокостей явно перенятъ отъ восточнаго тюркскаго народа. Если позволено будетъ, для ясности, прибѣгнуть къ одному любопытному сравненію,—мы его можемъ почерпнуть въ нашей начальной лѣтописи. Она подъ 964 годомъ разсказываетъ о князѣ Святославѣ, когда онъ, возмужавъ, началъ собирать дружину и «легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку нарѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъ-кладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. (И) посылаше къ странамъ, глаголя: «хочю на вы ити». Спрашивается, кого описываетъ лѣтопись въ данномъ случаѣ: вѣдь не Половца или Печенѣжина, а природнаго Варяга, еще къ тому же ославянившагося? И вотъ лѣтопись говоритъ, что не только онъ, но и вся его дружина имѣли видъ кочевниковъ. Стоитъ только прочитать, какъ жили Гунны, самъ Атила, какъ Монголы доселѣ въ прокъ готовятъ сушкой мясо, чтобы понять, что въ этой красивой легендѣ заключается нѣкоторое изображеніе кочевого образа жизни дружинъ въ періодъ отъ VIII

по X вѣкъ. Вѣдь и византійскіе историки намъ разсказываютъ, что Святославъ брилъ голову и оставлялъ только на маковкѣ одинъ чубъ. Словомъ, Святославъ хотѣлъ походить на вождя кочевой орды, и мы можемъ повѣрить лѣтописи, что послѣ прохода Венгровъ и ихъ вѣковой борьбы со всѣми странами средней Европы, кочевники могли быть, какъ представители силы, въ извѣстной модѣ, по крайней мѣрѣ, въ такихъ сферахъ, какъ шныя варяжскія дружины; вѣдь говорятъ же намъ тѣ же византійскіе историки о гуннскихъ модахъ въ Византіи? Мы знаемъ о всевозможныхъ варварскихъ модахъ уже во времена Юстиніана.

Нѣсколько мѣстъ «Церемоніала» Константина Порфиророднаго достаточны, чтобы удостовѣрить насъ, что во времена первыхъ болгарскихъ царей — Симеона и Самуила нравы, обычаи и одежды болгарскихъ вельможъ носили еще своеобразный кочевой, типическій характеръ. Послы болгарскіе (II, 47) обмѣниваясь привѣтствіями съ царемъ, царицею, царскими дѣтьми, патріархомъ, магистрами и всѣмъ синклитомъ, на отвѣтъ получали вопросы о здоровьи «духовнаго сына греческаго царя — архонта Болгаріи, архонтиссы, ихъ сыновей, великихъ Боліадовъ (или *Болладовъ*), прочихъ Боліадовъ и всего народа болгарскаго». На торжественномъ пирѣ въ день Св. Пасхи (II, 52), среди сонма всякихъ чиновъ гражданскихъ и военнаго строя находились и «союзники Болгары», въ числѣ 18, одѣтые въ «собственныя народныя одежды» (μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σχημάτων) или въ «народныя скарамангіи» (μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαραμαγγίων). И Ліутпрандъ видѣлъ при византійскомъ дворѣ болгарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, остриженнаго «по венгерскому обычаю», еще въ 968 году.

Между тѣмъ фактически вѣрно, что уже въ началѣ VIII столѣтія вся Македонія, кромѣ, можетъ быть, ея восточной и западной окраинъ, была сплошь занята славянскимъ населеніемъ. На этотъ разъ прекрасный разборъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній данъ въ той же самой книгѣ проф. Дринова, на ряду съ филологическимъ анализомъ многихъ сохраненныхъ племенныхъ названій. Прекрасно доказывается, что даже горныя части Македоніи въ началѣ IX вѣка были славянскими, что самыя окрестности Салоникъ, во всѣ стороны, были также заполнены славянами. Какъ извѣстно, этимъ объясняется самая миссіонерская дѣятельность Свв. Кирилла и Меѳодія, уроженцевъ Солуни.

Извѣстно, какъ пало болгарское царство при имп. І. Цимисхіи, какъ были заняты византійскими гарнизонами Дористолъ, оба Переяславца, Филиппополь, какъ былъ уведенъ въ плѣнъ молодой болгарскій царь Борисъ и публично, передъ всѣмъ народомъ, лишенъ багряницы, а затѣмъ, превращенъ въ магистра императорскаго двора. Этимъ завоеваніемъ Византія ра-

зомъ уничтожила страшную силу кочевыхъ ордъ, пріобрѣтавшихъ въ царствѣ Дунайскихъ Болгаръ единство и главу. Попутно, была прервана въ самомъ началѣ попытка Варяжско-славянскаго царства замѣстить кочевое нашествіе утвержденіемъ своимъ на двухъ окраинахъ: въ Тмуторокани и Переяславцѣ, о чемъ мечталъ Святославъ, попытавшійся превратиться самъ въ вождя кочевой орды и кончившій полной неудачей, такъ какъ расчиталъ безъ хозяевъ степной страны. Но, какъ со временъ того же проф. Дринова[1]), въ настоящее время уже вполнѣ принято въ славянско-исторической наукѣ, этимъ завоеваніемъ болгарскаго царства была уничтожена политическая сила только одной восточной половины Балканскаго славянства. Напротивъ того, въ западной части тогоже болгарскаго царства и при томъ именно тамъ, куда была передвинута даже столица его (въ Преспѣ и Охридѣ), независимость болгаръ сохранилась и выработалась въ формѣ народной династіи Шишманидовъ, вышедшей изъ внутренняго переворота 967 года. Эти болгарскія провинціи, обособившіяся еще въ царствованіе Петра (942—967), вовсе не были завоеваны греками, и именно сюда удалился болгарскій патріархъ, съ начала въ Водену, Преспу и затѣмъ уже на цѣлый рядъ вѣковъ въ Охриду. Не даромъ эта мѣстность у Георгія Амартола поставлена на ряду съ другими областями Балканскаго полуострова, какъ то передано даже и нашей начальной лѣтописью подъ именемъ *Лухнитіи* (Лихнида): «Илюрикъ», «Словене», «Лухнитія»[2]). Этотъ историческій фактъ всего яснѣе, на нашъ взглядъ, удостовѣряетъ тѣсныя племенныя, иначе говоря, родственныя связи болгарскаго славянства съ славянами Охриды, а, стало быть, и вообще со славянствомъ Македоніи, точнѣе говоря, удостовѣряетъ восточно-болгарское происхожденіе Македонскаго славянства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли бы удержаться Шишманиды въ этой мѣстности, если бы все ея славянское населеніе не пришло сюда прямымъ путемъ изъ той же Болгаріи, на что указываетъ, между прочимъ, и самая формація мѣстности, естественно допускающей постепенный переходъ земледѣльческаго населенія путемъ движущихся впередъ поселковъ, изъ Болгаріи, по прямой линіи на Солунь и Охриду. Если тотъ же самый проф. Дриновъ рѣшается утверждать здѣсь существованіе славянства, въ теченіе многихъ вѣковъ до прихода Болгаръ, то этимъ онъ говоритъ, до извѣстной степени, противъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, восточная половина Балканскаго полуострова въ VI, и первой половинѣ VII

---

1) Дриновъ, М. С. *Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ*, 1876. Schlumberger, G. *L'épopée byzantine à la fin du X-e Siècle*, I, 1906, p. 592 Sq.

2) Было бы любопытною задачею прослѣдить, какая именно часть Македоніи носила названіе *Склавинія*, о которой говорятъ и византійскіе хроники и паннонскія жизнеописанія свв. Кирилла и Меѳодія.

столѣтія, находилась въ положеніи страны, совершенно не знавшей покоя; здѣсь немыслимо было правильное земледѣліе и, въ особенности, земледѣльческое разселеніе, а, если Дриновъ заранѣе пытается подорвать мысль о томъ, что подобное разселеніе славянъ могло совершиться въ сравнительно короткій періодъ времени, въ какіе нибудь 50, много 100, лѣтъ, то онъ говоритъ противъ очевидности. Не болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ существовали Новороссійскія степи и уже въ срединѣ XIX вѣка онѣ оказались затянуты земледѣльческимъ наплывомъ. Къ этому надо присоединить еще крайнюю нужду, испытываемую земледѣльческимъ славянствомъ на сѣверъ отъ Дуная, во время переселенія народовъ и послѣдующихъ движеній кочевниковъ.

Несомнѣнно, *историческая этнографія* Славянъ Балканскаго полуострова должна была бы быть положена въ научное основаніе той этнографической статистики, которая нынѣ въ молодомъ болгарскомъ княжествѣ начата и производится, быть можетъ, съ большимъ усердіемъ, но съ весьма слабымъ сознаніемъ ея пользы. Конечно, фундаменты этой исторической этнографіи не могутъ быть сложены разомъ; предстоитъ еще пока подборъ камней и матеріала для этихъ фундаментовъ. Требуется прежде всего пересмотрѣть всѣ римскіе ранніе и поздне-византійскіе памятники, изображающіе битвы съ варварами въ странахъ того же полуострова; далѣе, перелистать всѣ миніатюры рукописей и особенно лицевыхъ хроникъ съ той же самою задачей и вскрыть въ нихъ все то, что можетъ относиться къ Славянамъ, или, въ частности, къ самимъ Болгарамъ. Такая національная задача вполнѣ достойна работы славянскихъ ученыхъ и, конечно, будетъ исполнена со временемъ. Въ ожиданіи же того, мы позволимъ себѣ опубликовать два памятника, относящихся, по нашему мнѣнію, непосредственно къ исторіи болгаръ и воспроизводящіе представителей ихъ племени въ глубокой древности.

Первый памятникъ представляется рельефнымъ изображеніемъ на одномъ изъ золотыхъ сосудовъ знаменитаго клада изъ Неди-Шентъ Миклошъ, найденнаго въ 1799 г. въ Венгріи, которому ранѣе было усвоено неправильное названіе: «Клада Атилы». Намъ приходилось уже два раза говорить объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, съ одной стороны, по его отношеніямъ къ памятникамъ ранняго средневѣковья[1]) и въ другой разъ по поводу разбора большого сочиненія Гамнеля: «Древности ранняго средневѣковья въ Венгріи», въ 3 томахъ 1905 г.[2]). Въ настоящее время, благо-

---

1) Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго 1892, стр. 33 — 39.

2) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. 1906 г., т. IV, стр. 446 — 466

даря истинной любви къ наукѣ уважаемаго венгерскаго профессора, открыто измѣнившаго свой прежній взглядъ (онъ относилъ кладъ ко времени Аттилы въ своемъ спеціальномъ сочиненіи объ этомъ кладѣ, изд. въ 1885 году) и нынѣ почти принявшаго[1]), вмѣстѣ съ проф. Стрыговскимъ, мнѣніе, по которому кладъ принадлежитъ не Гуннамъ, или Аварамъ, но Болгарамъ и относится не къ V вѣку, но къ IX столѣтію, или, точнѣе, ко времени не ранѣе 864 года, когда Болгары приняли христіанство (на нѣсколькихъ предметахъ клада есть кресты, христіанскія изреченія и греческія нѣспонѣнія).

Но если бы и было принято окончательно мнѣніе о времени происхожденія клада, все же по прежнему остается пока неразрѣшеннымъ и не освѣщеннымъ вопросъ о племени, которое заказало для своего вождя, по всей вѣроятности, рядъ погребальныхъ, чисто языческихъ, предметовъ похоронпаго значенія, присоединивши къ нимъ и нѣкоторые предметы обиходной княжеской утвари. Остается неизвѣстнымъ, принадлежалъ ли этотъ кладъ самимъ Болгарамъ, или какому либо зависѣвшему отъ болгарскихъ царей славянскому жупану[2]). Однако, уже съ самаго начала тотъ же проф. Гампель отлично угадалъ, что на (избранной нами изъ этого ряда вещей и сосудовъ) одной кружкѣ (№ 2 *б* по его книгѣ, рис. 3 и 56 *а*) изображенъ воинъ того самаго племени, которому принадлежалъ этотъ кладъ (попытку проф. Гампеля отнести къ этому племени также фигуру всадника, ѣдущаго на миѳическомъ звѣрѣ и стрѣляющаго въ барса, — мы считаемъ недоказанною — это неизвѣстный намъ образъ иранской миѳологіи). Воинъ медленно ѣдетъ на конѣ, какъ бы проѣзжая въ нѣкоторомъ тріумфальномъ парадѣ. Его тяжелая, грузная лошадь, съ головою, сильно притянутой короткой уздою, идетъ медленнымъ шагомъ; въ правой рукѣ воинъ держитъ короткое копейцо, на верху котораго укрѣпленъ платъ значка, съ двумя развивающимися концами повязки. Лѣвой рукою онъ влечетъ, ухвативъ за чубъ, плѣннаго, со связанными руками, медленно идущаго рядомъ. Отрубленная голова другого плѣннаго подвѣшена къ сѣдлу. Воинъ, чрезвычайно толстый и даже грузный, видимо, невысокаго роста, облаченъ въ своеобразный панцырь, весь усѣянный небольшими кружечками, каждый изъ нихъ съ дырочкой, черезъ которую, очевидно, эти кружечки пришиты на кожаныя латы. Проф. Гампель (стр. 111) отлично объясняетъ составъ этого панцыря указаніемъ

---

1) I. Hampel, *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, in 3 Bänden.* I. 1905 г., p. 153 — 161.

2) На одной изъ золотыхъ чашъ клада (см. Hampel, *Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós*, Budapest, 1885 г., стр. 40—51, fig. 31) читается по бордюру надпись ✠ ΒΟΥΗΛΑ·ΖΟΑΠΑΝ·ΤΕΣΗ·ΔΥΓΕΤΟΙΓΗ·ΒΟΥΤΑΟΥΑ·ΖΩΑΠΑΝ·ΤΑΓΡΟΓΗ·ΗΤΖΙΓΗ·ΤΑΙΣΗ. Кладъ найденъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которые одно время были отвоеваны болгарами у аваръ.

Амміана Марцеллина, знавшаго подобные панцыри на дѣлѣ. Въ книгѣ XVII, гл. 12, Амміанъ сообщаетъ, что Сарматы носятъ панцыри «изъ

1. Золотая кружка изъ болгарскаго клада, найденнаго въ П. Ш. Миклошѣ въ Венгріи.

нарѣзанныхъ и выглаженныхъ кусочковъ рога, нашитыхъ, на подобіе перьевъ, на льняныя одѣянія»[1]). Такого рода доспѣхи назывались у насъ въ

1) Амміанъ Марцелинъ. Исторія. Пер. Ю. Кулаковскаго и А. Сонни. 1906 г., стр. 191. Въ текстѣ: loricae ex cornibus rasis et laevigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae.

старшу *куякомъ* и *колонтаремъ* (послѣдній безъ рукавовъ). На куякѣ металлическія бляхи набирались и нашивались отдѣльно на кожѣ или сукнѣ, или даже на бархатѣ, иногда покрывались еще сверху матеріей. Куякъ дѣлался обыкновенно разрѣзной съ боку, съ полами и рукавами, довольно короткими. Принадлежность куяка составляла шапка, обыкновенно, стеганная, конической формы, съ наушниками и затылниками и съ желѣзной носовой стрѣлкой. Въ средневѣковой Европѣ такое вооруженіе называлось «бригандиною». Монгольское названіе *куякъ* обозначаетъ доспѣхъ изъ бляхъ, нашитыхъ на кожу; оно существовало у татаръ и китайцевъ. На нашемъ воинѣ какъ разъ изображена такая коническая шапка, которой верхъ сдѣланъ или изъ кожи, или бумаги, или даже тонкаго лубка и затѣмъ укрѣпленъ желѣзными ребрами, связанными наверху металлическимъ нашномъ. Такого рода коническій шлемъ найденъ въ одной изъ половецкихъ могилъ, предметы которой сохраняются въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Устройство подобнаго шлема отлично объясняетъ темное выраженіе «Слова о полку Игоревѣ»: «поскепаны саблями калеными шеломы аварьскыя отъ тебе, яръ туре Всеволоде». Въ этомъ текстѣ слово «поскепаны»—разбиты въ щепы совершенно точно отвѣчаетъ половецкому шлему, составленному изъ деревянныхъ лубковъ. Далѣе, на мѣстахъ, гдѣ этотъ куякъ не покрывалъ тѣла, а именно: на рукахъ до локтя, и на ногахъ отъ колѣнъ до ступни—у нашего воина устроены широкія металлическія латы, состоящія изъ полосъ также прибитыхъ къ кожѣ гвоздиками. На самыхъ ступняхъ надѣты кожаные восточные баимаки. Голова воина украшена особой повязкой, два конца которой развѣваются по вѣтру: эта повязка неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что мы видимъ передъ собой, если не самого болгарскаго князя, то его военачальника (о существованіи у болгаръ, даже во времена Крума особыхъ военачальниковъ имѣемъ византійскія свидѣтельства). Проф. Гампель считаетъ нашего (въ своемъ большомъ сочиненіи о древностяхъ Венгріи, стр. 161, т. I) воина княземъ племени, но этому противорѣчитъ многое: 1) въ миніатюрахъ Манассіиной лѣтописи[1]) мы видимъ въ болгарскихъ отрядахъ и въ русскихъ конныхъ отрядахъ неизмѣнно рядомъ съ княземъ воина, держащаго значекъ[2]) — небольшое копьецо, а иногда и пику съ краснымъ, или темно-краснымъ пур-

---

1) В. В. Стасова «Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ» 1902 г., Таблицы 2-я и 3-я.

2) Такого рода знаменоносцы въ войскахъ азіатскихъ кочевниковъ могли, однакоже, играть роль начальниковъ. Такъ, по указанію Лаоника Халкокондилы — «о турецкихъ дѣлахъ». Бонн. изд., стр. 230, 16 у Турокъ ἕπονται οἱ ὕπαρχοι παρ' αὐτοῖς σημαιοφόροι καλούμενοι и 292, 5—αἱροῦνται δὲ ἄρχοντας τῆς πόλεως καὶ σημαιοφόρον παρ' αὐτοῖς καλούμενον = извѣстнаго гонфалоньера.

пурнымъ платомъ (иногда же золотымъ съ красной бахромою). Такого рода значки (vexilla) извѣстны въ римскомъ войскѣ исключительно у конныхъ отрядовъ, съ тою, однако, разницей противъ нашего варварскаго значка, что римскій имѣлъ на древкѣ копья еще поперечную палочку, укрѣпленную ниже острія. На эту палочку нашивался платъ, свѣшивавшійся поэтому ровнымъ пологомъ. Низъ этого плата украшался бахромою и, кромѣ того, съ обоихъ концовъ палочки свѣшивались двѣ ленты [1]). Этотъ видъ значка появился и въ римскомъ войскѣ, въ видѣ заимствованія изъ восточныхъ конныхъ отрядовъ, какъ то доказывается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Сарре, и тотъ же самый значекъ послужилъ впослѣдствіи для выработки византійскаго лабара [2]). Не вдаваясь, наконецъ, въ излишнія соображенія о томъ племени, которое изображено здѣсь въ лицѣ плѣннаго, ограничимся указаніемъ на его стеганую куртку и такіе же штаны, которые также объясняются восточными легкими панцырями, носившими названіе у насъ въ старину *тегиляя*. Предохранительныя свойства подобныхъ кафтановъ заключались, главнымъ образомъ, въ толщинѣ хлопчато-бумажной подкладки, простеганной насквозь вмѣстѣ съ покроемъ. Нерѣдко, однако, внутрь подкладки помѣщали части кольчугъ, панцырей, прямо кусковъ желѣза и проч. Татарское *тегель* — означаетъ стежекъ шитья. Впослѣдствіи тегиляемъ назывался кафтанъ съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, подбитый хлопчатою бумагой или пенькой и насквозь простеганный. По длиннымъ усамъ, которые, какъ бы, закручены жгутомъ и подобной же клинообразной бородѣ, въ этомъ плѣнникѣ можно, съ извѣстной долею вѣроятія, угадывать вообще Сармата, или даже Дака. Въ заключеніе мы должны сказать, что если настоящая фигура всадника, дѣйствительно, изображаетъ болгарскаго предводителя, то онъ отмѣченъ единственно только повязкою вокругъ головы, а затѣмъ и значкомъ въ его рукахъ. Дѣло въ томъ, что на замѣчательной миніатюрѣ рукописи Іоанна Скилицы, въ Мадридскомъ публичномъ музеѣ представлены какъ разъ византійскій императоръ и Кесарь, поднятые оба разомъ на щитѣ войсками. Они держатъ два лабара въ знакъ своего предводительства надъ войсками. Наконецъ, типъ болгарскаго вождя на нашемъ рельефѣ напоминаетъ скорѣе всего армянскую физіономію по

---

1) Domaszewski, A. v. *Die Fahnen im Römischen Heere.* W. 1885. 5-e Abhandl. d. Arch.-Epigraf. Semin. d. Univ. Wien, p. 76 — 80, fig. 97—100.

2) При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть замѣчательнаго пурпурнаго плата съ сохранившейся даже поперечиной въ египетскомъ собраніи В. С. Голенищева. Эта уника представляетъ значекъ предводителя коннаго отряда римскихъ войскъ II или III столѣтія по Р. Х. Платъ украшенъ былъ золотымъ изображеніемъ Викторіи, отъ котораго уцѣлѣла только красочная подмалевка.

большому носу, сдвинутымъ глазамъ и, очевидно, ничего не имѣетъ общаго съ типомъ тюркскимъ, или еще болѣе того монгольскимъ: доказательствомъ этого служитъ густая борода, остриженная клиномъ и густые усы. Большія сросшіяся надъ носомъ брови, съ низкими дугами и большія глаза, составляютъ общій красивый типъ X вѣка въ византійскомъ стилѣ и повторяются, затѣмъ, во всѣхъ изображеніяхъ нашего клада.

Слѣдующее по времени изображеніе Болгаръ находится на выходной *миніатюрѣ греческой Псалтыри* библіотеки Св. Марка въ Венеціи за № 17, рукописи, исполненной для царя Василія II Болгаробойцы около 1014 года, т. е. того времени, когда его войны съ Болгаріею почти закончились ея покореніемъ. На этой выходной миніатюрѣ византійскій императоръ изображенъ въ тріумфаторскомъ орнатѣ, онъ стоитъ на кругломъ подножіи, или пульпитѣ, осыпанномъ жемчугомъ; копье въ правой рукѣ и мечъ — въ лѣвой; золотыя латы до пояса; отброшенный назадъ и застегнутый фибулой посреди груди, пурпурный плащъ — сагій, и наконецъ, военныя поножи — все это представляетъ намъ полководца, празднующаго свою побѣду. Не даромъ поэтому концомъ копья касается онъ согнутой выи одного изъ покоренныхъ, а это копье поддерживаетъ вверху архангелъ Михаилъ въ то время, какъ архангелъ Гавріилъ придерживаетъ на головѣ его императорскій вѣнецъ, на него возложенный незримо самимъ Спасителемъ. По сторонамъ императора шесть небольшихъ иконокъ представляютъ святыхъ Ѳеодора, Димитрія, Георгія, Прокопія, Меркурія и другого Ѳеодора — все святыхъ воинствующихъ патроновъ греческаго войска. Къ ногамъ императора идутъ рядами — видны восемь фигуръ — покоренные имъ Болгары. Мы видимъ ихъ старѣйшинъ, павшихъ, или повергающихся на земь, и умоляющихъ его о пощадѣ. При этомъ земномъ поклонѣ они простираютъ впередъ обѣ руки въ знакъ рабской покорности. Фигуры эти, несомнѣнно, типичны и передаютъ намъ многія реальныя черты племени. Самое важное для насъ — это отсутствіе монгольскихъ чертъ въ этихъ головахъ: широкія скуластыя лица, большая шапка волосъ, не рѣдко косматыхъ, на головѣ, густыя и большія бороды то клиномъ, то лопатой, маленькіе глаза — таковы черты этихъ болгаръ, явно уже не кочевниковъ, но славянскаго племени. Любопытно, что всѣ фигуры отличаются тучностью и сравнительно низкимъ ростомъ. Всѣ одѣты въ большіе подпоясанные халаты, при томъ азіатскаго покроя, съ косымъ воротомъ и съ запашкой. Кафтаны длинные, до ступней и переподпоясаны наборнымъ поясомъ. На всѣхъ кафтанахъ, выше локтя, имѣется особая окружающая руку, нашивка съ жемчугомъ, очевидно, почетная. Только у одного старѣйшины того самаго, на спину котораго поставилъ Василій древко своего копья, имѣется еще особое жемчужное оплечье, прототипъ

извѣстныхъ бармъ и знакъ нѣкотораго патриціанскаго достоинства. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ должно поставить остроумно отысканныя покойнымъ В. В. Стасовымъ два изображенія болгарскихъ воиновъ въ извѣстномъ

2. Василій II-й «Болгаробойца» и болгарскія депутаціи. — Миніатюра Греческой Псалтыри въ Библ. ц. Св. Марка за № 17.

Ватиканскомъ Менологіи (№ 1613), играющихъ роль палачей, въ сценѣ мученической смерти Славянъ Адріанополя, казненныхъ болгарскимъ ханомъ Крумомъ въ 814 году. Извѣстно, что Ватиканскій Менологій писанъ для того же императора Василія II, но, сравнительно съ венеціанской Псалтырью, эта великолѣпная рукопись выполнена лучшими художниками своего времени, которые, хотя были по призванію и по характеру своего письма скорѣе иконописцами, однако, стояли еще до извѣстной степени на почвѣ воспроизведенія искусствомъ дѣйствительной жизни. Стасовъ въ своей книгѣ [1]) сомнѣвается, какъ назвать людей, совершающихъ казнь мучениковъ отсѣченіемъ головы: профессіональные ли это палачи или простые воины, хотя они не имѣютъ ни кольчугъ, ни шлемовъ, а являются передъ нами въ своемъ народномъ костюмѣ. Онъ рѣшается ихъ назвать даже палачами, соображаясь съ тѣмъ, что въ многочисленныхъ сценахъ мученической кончины и различныхъ истязаній святыхъ въ Менологіи являются также самые разнообразные: армянскіе, мавританскіе, еврейскіе палачи и что, если существовали палачи византійскіе, то и ханъ Крумъ, подобно вообще восточнымъ владыкамъ, могъ имѣть своихъ болгарскихъ палачей. Не надо, однако, забывать, что въ житіяхъ святыхъ мучителями являются, обыкновенно, воины, согласно съ римскимъ, а затѣмъ, конечно, и византійскимъ обычаемъ. В. В. Стасовъ прекрасно разобралъ болгарскую зимнюю одежду одного воина: его мѣховой кафтанъ — кожухъ надѣтъ, очевидно, по голому тѣлу, шерстью (овечьей) внутрь; шея закрывается мѣховымъ воротникомъ. На головѣ шапка, съ матерчатымъ цвѣтнымъ верхомъ, также мѣховая и съ мѣховою небольшой опушкой. Кафтанъ разрѣзной спереди и застегнутъ особыми петлицами, вѣрнѣе, аграфами изъ шнурковъ, пришитыми на кафтанахъ древне-русскихъ князей и вообще въ народномъ русскомъ костюмѣ, вплоть до XIV столѣтія. Стасовъ находитъ такія же петлицы въ народныхъ одеждахъ у Поляковъ, Литовцевъ, Словаковъ, Хорватовъ и Венгровъ. Несомнѣнно, эти характерныя петлицы являются принадлежностью одежды древнихъ кочевниковъ и, какъ угадываетъ вѣрно Стасовъ, спеціально монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. На поясѣ Болгарина подвѣшены ножикъ, амулетъ въ видѣ зуба, вѣроятно, коготь и мѣшечекъ. Фигура другого Болгарина одѣта въ богатую цвѣтную матерію, изъ которой сдѣланъ опять такой же разрѣзной напереди кафтанъ. Матерія эта византійскаго производства, выткана большими кругами съ розетками въ серединѣ, что показываетъ въ этомъ воинѣ приближеннаго тѣлохранителя.

---

1) «Миніатюры рукописей» стр. 12—16.

Слѣдующее по времени изображеніе Болгаръ дается уже въ національной исторической рукописи, извѣстной подъ именемъ *Манассіиной лѣтописи*, въ Ватиканской библіотекѣ. Это есть переводъ на болгарскій языкъ сочиненія Константина Манассіи, написаннаго въ XII вѣкѣ на греческомъ языкѣ, исполненный при болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Александрѣ. Рукопись считается подносным экземпляромъ и должна принадлежать такимъ образомъ, къ XIV вѣку. Переводъ дополненъ болгарскими вставками изъ древнихъ лѣтописныхъ записей, а рисунки, по своей характерной реальности, имѣютъ весьма важное значеніе. Важность эта сознавалась съ давнихъ поръ, и еще въ 1842 году Московское Общество Исторіи и Древностей хотѣло издать Манассіину лѣтопись, но вѣрныя копіи ея миніатюръ сдѣланы были только по порученію Стасова извѣстнымъ художникомъ Котарбинскимъ (таблицы I, II и III). Мы не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ покойнаго В. В. Стасова, что рисунки Манассіиной лѣтописи такъ чужды византійскаго искусства, какъ онъ предполагаетъ. Въ подробномъ его разсужденіи объ этомъ предметѣ отъ стр. 32 по 47-ю и вновь въ особомъ отдѣлѣ отъ 48 по 49 стр. слѣдовало бы построить все изложеніе обратно. А именно, Стасовъ прежде всего старается доказать, что въ рукописи очень много народныхъ болгарскихъ элементовъ по колориту, по фигурамъ, головнымъ уборамъ, передачѣ реальностей, вмѣсто того, чтобы сперва изслѣдовать общую художественную манеру миніатюръ. Эта общая манера, несомнѣнно, греческая, правда, въ своеобразной славянской передачѣ, и потому самое важное было бы для него изслѣдовать, въ чемъ состоитъ и гдѣ именно ощущается этотъ славянскій народный элементъ. Простое сравненіе византійской миніатюры XII — XIII столѣтія съ Манассіиной лѣтописью показало бы, что славянская передача была извѣстнымъ упрощеніемъ условной иконописной византійской манеры, а это упрощеніе, въ свою очередь, состояло, по всей вѣроятности, въ подражаніи болѣе древнимъ простымъ образцамъ IX—X столѣтій, которые были подъ силу болгарскому рисовальщику. Вотъ почему эта манера Манассіиной лѣтописи является болѣе античною, чѣмъ миніатюры византійскія, даже предыдущаго періода XII — XIII вѣка. Здѣсь фономъ служитъ прямо бѣлый пергаменъ и легко, нѣсколькими контурами, обозначенные горы и холмы; рисунокъ, такимъ образомъ, вполнѣ скульптурный, тотъ, который мы встрѣтимъ впослѣдствіи въ нашей новгородской иконописи и въ древнѣйшихъ русскихъ лицевыхъ рукописяхъ. Не входя, однако, въ неумѣстный здѣсь анализъ стиля, замѣтимъ, что реальная передача различныхъ деталей болгарской древности въ этой рукописи не оставляетъ также сомнѣнія, какъ и для древности русской—въ Радзивиловой лѣтописи, имѣющей съ Манассіиною замѣчательное сходство.

Замѣчательно обильныя изображенія Болгаръ и ихъ войнъ съ Византіею и русскими въ миніатюрахъ Манассіиной лѣтописи не отвѣчаютъ, однако требованіямъ исторической реальности. Для В. В. Стасова казалось достаточнымъ доказать, что эту рукопись иллюстрировали болгарскіе рисовальщики, для того, чтобы утверждать затѣмъ, въ видѣ неизбѣжнаго вывода, будто бы національный элементъ въ этихъ миніатюрахъ занимаетъ видную и характерную роль. Между тѣмъ, именно это послѣднее обстоятельство требуетъ еще особыхъ доказательствъ. Стасовъ пытался и во всѣхъ другихъ случаяхъ, издавая различные славянскіе и восточные орнаменты, даже разновидности древне-русскаго орнамента, доказывать ихъ племенныя, даже мѣстныя, особенности и нерѣдко доходилъ до явныхъ крайностей, утверждая, напримѣръ, что вся фауна и флора въ орнаментикѣ рукописей болгарскихъ, сербскихъ и пр., чисто мѣстныя, національныя, хотя бы, напр., въ этой орнаментикѣ играли видную роль змѣиныя плетенія. Между тѣмъ въ такой художественной средѣ, какъ миніатюра, которая наиболѣе является дѣломъ подражанія лучшимъ извѣстнымъ образцамъ и, затѣмъ, усвоенныхъ въ школѣ миніатюристовъ преданій, такъ назыв. національный элементъ можетъ быть вскрытъ только въ результатѣ историческаго разбора всѣхъ другихъ, несравненно болѣе общихъ свойствъ. Для того, чтобы доказать, напр., народность миніатюръ Манассіиной лѣтописи, Стасовъ рѣшился увѣрять, что царь Іоаннъ Асѣня, навѣрное, въ то время, когда заказывалъ иллюстрацію Манассіиной лѣтописи, особенно враждовалъ съ греками и, конечно, велѣлъ рисовальщикамъ и писателямъ прибавить къ рукописи «цѣлую массу своего болгарскаго элемента». Какъ подобныя соображенія можно считать произвольными, такъ и многіе другіе выводы покойнаго археолога излишними, равно и многія его соображенія о народныхъ элементахъ миніатюры. Такъ, желая утвердить свою догадку, что рукопись дѣлана нѣсколькими рисовальщиками, онъ перемѣрилъ на многихъ десяткахъ рисунковъ головы фигуръ, чтобы показать, какъ разнообразны размѣры у различныхъ рисовальщиковъ. Между тѣмъ, и здѣсь, въ этихъ различныхъ манерахъ слѣдовало, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ основномъ вопросѣ: не пользовались ли миніатюристы лѣтописи какими либо оригиналами и образцами. Затѣмъ, Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что особый рисовальщикъ писалъ миніатюры, съ содержаніемъ изъ современнаго ему царствованія (однако, всего только 5 миніатюръ); ко второй группѣ относятся миніатюры, изображающія царей восточныхъ, римскихъ и византійскихъ и событія ихъ времени; къ третьей — картинки сраженій и сценъ изъ исторіи разныхъ народовъ, четвертая же группа представляетъ изображенія византійскихъ царей. Если заинтересованный читатель обратится, затѣмъ, дѣйствительно, къ своему оригиналу, то

онъ увидитъ на протяженіи всей рукописи все одну и ту же манеру, иногда получше выполненную, иногда похуже, съ фигурами то покрупнѣе, то помельче, то болѣе аккуратно выполненными, то болѣе небрежно, то легкими античными полутонами, то болѣе густыми красками, но рѣшительно не въ состояніи будетъ открыть тѣ четыре загадочныя группы, на которыя онъ дѣлитъ всю лѣтопись. Кромѣ того, мы знаемъ рукописи, подобнымъ образомъ розпятыя по частямъ и выполненныя цѣлою иконописной мастерской: таковъ знаменитый Менологій. Но тамъ вездѣ подписаны имена самихъ мастеровъ, и миніатюры представляютъ своего рода особыя, тщательно выполненныя, иконы. Ничего подобнаго нѣтъ здѣсь. Но и самому В. В. Стасову это установленное имъ различіе совсѣмъ не понадобилось, потому что онъ тутъ же рядомъ поспѣшилъ доказать, что даже византійскіе миніатюристы были внимательны ко всѣмъ этнографическимъ особенностямъ и старались передавать ихъ точно и вѣрно. Такимъ образомъ, по соображеніямъ автора, даже болгарскія миніатюры изобилуютъ условными пріемами, въ которыхъ отсутствуетъ реальная правда: такъ, напр., царь или князь представляется въ вѣнцѣ, или коронѣ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни: дома, въ сраженіи, во снѣ, даже послѣ смерти. По нашему, такіе рисунки называются по просту игрушечными, дѣтскими, варварскими, но на подобный игрушечный характеръ мы имѣли случай указать и въ греческихъ иллюстрированныхъ хроникахъ, какъ, напр., въ извѣстной Мадридской рукописи Іоанна Скилицы.

Мы не будемъ повторять Стасова въ тѣхъ обзорахъ реалій лѣтописи, которыя, къ сожалѣнію, исполнены, главнымъ образомъ, для того, чтобы доказать характерныя болгарскія особенности этой иллюстраціи. Стасовъ находитъ тамъ болгарскую національную царскую шапку (въ формѣ митры), которую мы признаемъ только великокняжеской, а не царской или императорской, въ собственномъ смыслѣ слова; находитъ коническія шапки у народа и сближаетъ ихъ съ башкирскими, киргизскими, черемискими, мордовскими, бурятскими и гилякскими колпаками (тюбетейки), которымъ всѣмъ онъ даетъ названіе «азіятскихъ островерхихъ». Эта послѣдняя деталь угадана и этнографически обставлено вѣрно, но ей не достаетъ историческаго объясненія. Далѣе, мы находимъ у Стасова замѣчательный трактатъ о восточномъ характерѣ вооруженій болгаръ, представленныхъ въ Манассіиной лѣтописи. Должно признать, однако же, что и для этой части отсутствуютъ важнѣйшія историческія справки, а потому восточный элементъ остается, въ данномъ случаѣ, пока въ области гаданія, а не утвержденія. Къ тому же и сама Манассіина лѣтопись, на нашъ взглядъ, вовсе не представляетъ того точнаго воспроизведенія реальной древности болгарскаго народа, какъ о томъ мечталъ Стасовъ. Оставаясь въ области традицій, ея рисовальщики, даже въ тѣхъ

случаяхъ, гдѣ они должны были быть самостоятельны, ограничивались, конечно, воспроизведеніемъ безъ разбора всего того матеріала, который имъ, какъ нашимъ иконописцамъ, становился извѣстенъ, при чемъ, не разбирая, откуда этотъ матеріалъ происходилъ и кому принадлежалъ, они использовали его въ предѣлахъ надобности. Вотъ почему, напр., мы встрѣчаемъ въ лѣтописи и маленькіе круглые щиты, естественные и понятные въ рукахъ Варяга, бьющагося мечемъ, и большіе, чуть не въ ростъ человѣка, для предохраненія отъ стрѣлъ и то, и другое въ перемежку. Врядъ ли самыя тонкія ухищренія откроютъ сокровенный и при томъ точный смыслъ изображенія той или другой формы у тѣхъ, или иныхъ отрядовъ. Мы можемъ добавить къ анализу Стасова, что даже и имъ самимъ не все, однако, въ миніатюрахъ лѣтописи точно понято. Такъ, напр., его удивленіе передъ изображеніемъ болгарскихъ горожанъ въ лѣтописи въ длинныхъ, прямыхъ кафтанахъ, основано на томъ, что онъ сравниваетъ ихъ съ двумя палачами Менологія. Конечно, говоритъ онъ, между Менологіемъ и Манассіиной лѣтописью лежатъ два столѣтія, а во-вторыхъ, тамъ Болгары изъ народа, и они въ азіятскомъ костюмѣ, а здѣсь, въ Манассіиной лѣтописи, это — представители города: купцы или промышленники и проч. Мы должны сказать, что кафтаны этихъ Болгаръ тождественны съ одеждами старѣйшинъ, павшихъ у ногъ Василія II въ Венеціанской псалтыри и поэтому всѣ догадки Стасова о томъ, что горожанъ Манассіиной лѣтописи рисовальщикъ одѣлъ, будто бы, въ костюмъ западныхъ областей Болгаріи, гдѣ властвовалъ царь Самуилъ, излишни и исторически не вѣрны. Западныя области Болгаріи, средоточіе и столицы Самуила — та же самая Охрида, которая и нынѣ по народнымъ одеждамъ является, такъ сказать, болѣе болгарскою, чѣмъ сама Болгарія. Въ заключеніе долженъ сказать, что во всей лѣтописи отсутствуетъ какое либо изображеніе болгарскихъ женскихъ костюмовъ, и женщины представлены, по словамъ самого Стасова, въ условныхъ костюмахъ, не принадлежащихъ ни къ какой національности, т. е., по нашему, въ условныхъ иконописныхъ типахъ, которые и доселѣ, напримѣръ, царствуютъ въ нашей иконописи. Если же принять во вниманіе, что именно женскіе костюмы, въ силу племенной и личной женской консервативности, составляютъ у народа національную особенность, значеніе Манассіиной лѣтописи, какъ источника болгарскихъ древностей, становится очень сомнительнымъ. Если же мы и говорили объ этомъ болѣе подробно, чѣмъ, можетъ быть, эта рукопись заслуживаетъ, то именно потому, что ей придается и совершенно излишнее, съ нашей точки зрѣнія, значеніе и при томъ не только Стасовымъ, но напр. Шлюмбергеромъ въ его сочиненіи объ императорѣ Никифорѣ Фокѣ, воспроизведшемъ цѣлые ряды миніатюръ этой рукописи, а вслѣдъ за нимъ и самими болгарами, кото-

рые воспроизвели почти весь этотъ рядъ рисунковъ, передавши и его разсказъ о событіяхъ въ Болгаріи въ ученомъ сборникѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]).

И такъ, изъ историческихъ источниковъ по народнымъ древностямъ болгаръ и болгарскихъ славянъ, наполнившихъ Македонію, ни одинъ не имѣетъ важнаго значенія, а если и есть иные — мы ихъ пока не знаемъ и болгарской наукѣ предстоитъ не легкая задача ихъ открыть. Но въ изслѣдованіи народной старины и древности есть еще одна область, и весьма обширная, которая можетъ быть использована съ большими результатами, — область народной этнографіи. Болгарская наука, очевидно, это живо почувствовала, такъ какъ уже самые первые ея шаги посвящены этой области въ различныхъ весьма обширныхъ и разнообразныхъ ея отдѣлахъ. Конечно, доселѣ, главный матеріалъ собранъ почти исключительно, по такъ называемому фольклору: народныя пѣсни по преимуществу, народныя сказки, различные народные обычаи, — таково содержаніе множества появившихся сборниковъ, трактатовъ и руководящихъ статей. Будучи чуждымъ этой области, я не буду говорить объ этомъ матеріалѣ вовсе и предоставляю, въ частности, своему сотоварищу по экспедиціи проф. Н. А. Лаврову, намѣревающемуся напечатать въ особомъ томѣ этнографическіе матеріалы по Македоніи, высказаться также и по вопросу объ отношеніи македонскаго матеріала къ собственно болгарскому. Этотъ матеріалъ почти исключительно ограничивается народными пѣснями и сказками, сборники которыхъ даже для самой Македоніи насчитываются въ значительномъ числѣ. За этимъ слѣдуютъ нѣкоторыя публикаціи по изученію обрядоваго и экономическаго быта, а также обычнаго права, но, конечно, главный матеріалъ сосредоточивается на лингвистическихъ наблюденіяхъ по Македонскимъ говорамъ и въ связи съ этимъ всевозможные трактаты и статьи политическаго характера по вопросу о національности македонскихъ Славянъ. По изученію внѣшняго быта: жилищъ, народныхъ одеждъ и ихъ украшеній, народному орнаменту и прочимъ сторонамъ народнаго быта Македонскихъ Славянъ и самихъ Болгаръ, сдѣлано пока весьма мало [2]) и то ограничивается, главнымъ образомъ, нѣсколькими иллюстраціями народныхъ костюмовъ въ книгахъ путешествій по Македоніи и отчасти въ Сборникѣ Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія. Между тѣмъ, Болгары вообще и болгарскіе Славяне въ Македоніи представляютъ собою племя, въ высокой степени любопытное для всякаго

---

1) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, V, 1891, стр. 233—266.

2) К. А. Шапкарева. *Сборникъ отъ Български народни умотворения*, VII, 1891. *Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина*, 1888 и слѣд. годовъ. Д. Маринов. *Жива старина*, кн. II, 1892, съ рис.

рода научныхъ этнографическихъ изслѣдованій. Прежде всего потому, что это племя отличается замѣчательнымъ архаизмомъ народнаго характера. Въ силу этого архаизма языкъ племени, а равно и языкъ славянъ Македоніи охватываетъ доселѣ, какъ онъ составлялъ въ IX вѣкѣ, самобытное племя, отличая собою опредѣленную народность. Конечно и на Балканскомъ полуостровѣ многія части племенъ—но не цѣлыя племена—перемѣнили, въ силу своего историческаго существованія, свой народный языкъ и усвоили себѣ языкъ чуждый. Такъ, въ самой болгарской націи, ея верховный туранскій элементъ настолько подчинился славянскому, что совершенно утратилъ свой языкъ и принялъ языкъ покореннаго крѣпостного племени. Романскіе языки были усвоены также цѣлымъ рядомъ мѣстностей, подъ условіемъ латинской, а затѣмъ итальянской культуры; огречились многія части Влаховъ и Албанцевъ. И, тѣмъ не менѣе, и Болгарія и македонскіе Славяне удержали во всей силѣ свой основной національный характеръ, конечно, потому, что вслѣдствіе малаго развитія городовъ, восточная половина Балканскаго полуострова всегда жила селами, сохраняла свой языкъ, удерживала свое обычное право и хранила вѣковую обстановку быта. Но даже и въ городахъ Македоніи различныя племена и національности доселѣ живутъ отдѣльными кварталами: въ плоскихъ торговыхъ частяхъ города тѣсно ютятся Греки и рабочій классъ славянскій; въ высокихъ частяхъ и широко живутъ Турки и вообще мусульмане, Албанцы и друг. Не даромъ также изслѣдователи экономическаго быта Болгаріи рѣшаются (конечно, на первый, быть можетъ, весьма поверхностный взглядъ) утверждать, что лѣсной характеръ почвы въ Болгаріи является весьма значительнымъ фактомъ, потому что онъ представляетъ намъ зрѣлище народа, происходящаго изъ пастушескаго быта и принужденнаго отдаться земледѣлію внѣ степной почвы, ему родной. Исключительно земледѣльческій характеръ Болгаръ, отсутствіе у нихъ торговли, обусловливается отсутствіемъ путей и удаленіемъ большихъ центровъ потребленія. Ихъ промышленность исключительно домашняя, отправляемая въ нѣдрахъ общины и задруги и слѣдующая патріархальнымъ преданіямъ, сложившимся въ родовомъ быту въ степяхъ, а, затѣмъ, окрѣпшая въ ихъ новой осѣдлой жизни среди горныхъ склоновъ, ущелій и долинъ Балканскаго полуострова. Отсутствіе всякой безопасности еще болѣе отдалило македонское славянство отъ торговли, отчасти отъ накопленія денежныхъ богатствъ и выработало тотъ необычайно устойчивый характеръ, который отличаетъ это племя и въ его политической жизни и помогаетъ ему выдерживать еще невиданные ужасы организованнаго правительствомъ разбойничества.

Мы не намѣрены вовсе, однако, заниматься на страницахъ книги, дающей только отчетъ по археологическому путешествію въ Македонію, раз-

смотрѣніемъ вопросовъ этнографическаго быта македонскихъ Славянъ. Это не только потребовало бы совершенно иныхъ, несравненно болѣе продолжительныхъ и чисто этнографическихъ поѣздокъ, но даже и въ элементарной формѣ и радикально измѣнило бы самое содержаніе книги. Наконецъ, я лично не обладаю необходимымъ знакомствомъ со всѣмъ тѣмъ, что принято доселѣ называть «этнографическими изслѣдованіями быта и вижу въ нихъ пока только любительскія упражненія коллекціонеровъ, занятыхъ сложною статистикою, но мало задумывающихся надъ тѣмъ, чтобы начать наконецъ, дѣйствительно, научное обслѣдованіе этого матеріала. Тѣмъ болѣе, даже въ «Сборникѣ» Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія большинство опубликованныхъ рисунковъ не даетъ даже опредѣленныхъ типовъ полнаго болгарскаго костюма, а акварельные снимки расчитаны прямо на украшеніе научнаго журнала. Дѣло въ томъ, что основной смыслъ и интересъ народныхъ одеждъ вообще заключается въ ихъ сравнительно-историческомъ отношеніи къ опредѣленнымъ образцамъ ихъ — древнимъ культурнымъ типамъ. И въ данномъ очень крупномъ вопросѣ, какъ и ранѣе, по поводу, такъ называемой, доисторической археологіи, столь, пропумѣвшей въ свое время, но нынѣ преждевременно увядшей, такъ и нынѣ, по поводу этнографической статистики приходится говорить то же самое, столько же въ видѣ критики, сколько посильнаго отвѣта на вопросъ. Эта мнимая наука этнографіи, поставленная, будто бы, на основахъ доисторической археологіи, не можетъ работать научно до тѣхъ поръ, пока не превратится въ извѣстной части сама въ науку историческую, или, хотя бы, не займется своимъ матеріаломъ съ помощью сравнительно-историческаго метода. Объ этомъ, конечно, мало кто пока помышляетъ и, чтобы убѣдить въ немъ другихъ, пришлось бы посвятить для доказательства этого положенія цѣлое изслѣдованіе, которое мы и надѣемся сдѣлать, на основаніи болѣе намъ извѣстныхъ русскихъ древностей и предметовъ русскаго народнаго быта, а потому въ настоящемъ случаѣ, ограничимся прямо примѣненіемъ выставляемаго положенія только на одномъ пунктѣ болгарской этнографіи: на разборѣ женскихъ народныхъ одеждъ у Славянъ Македоніи и ихъ уборовъ. Мы опускаемъ при этомъ мужскія одежды потому, что онѣ гораздо болѣе подпадаютъ зависимости отъ чуждыхъ вліяній: албанскаго, турецко-греческаго, куцо-влашскаго и даже сербскаго, тогда, какъ женскія народныя одежды Македоніи, за малыми измѣненіями и если не принимать во вниманіе нѣкоторыя преувеличенія мѣстной моды, — на всемъ пространствѣ Македоніи почти однѣ и тѣ же.

Даже и здѣсь, въ народныхъ уборахъ украшенія головы, или такъ называемые, головные уборы играютъ видную роль среди другихъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ различные платки, которыми, такъ или иначе, покры-

вается голова замужнихъ женщинъ — такъ называемые у насъ *повои*. У Болгаръ мужчинъ бѣлый платокъ окутываетъ голову, обыкновенно, лѣтомъ на земледѣльческихъ работахъ (см. ниже рисунокъ жнецовъ Нагорича), а поэтому, затѣмъ, его обычно носятъ батраки, старики и бѣдные крестьяне. Напротивъ того: дѣти, молодые, а, затѣмъ, и въ городѣ селяки носятъ разнаго вида шапки, о которыхъ здѣсь не будемъ говорить, а иногда, хотя очень рѣдко, и фески. Напротивъ того, замужнія женщины всегда покрываютъ голову платками, хотя бы во время работъ и дома, при этомъ или однимъ, окутывая голову по мужскому, или же двумя: однимъ бѣлымъ и

3. Селяки въ с. Постолъ.

другимъ цвѣтнымъ, но полосатымъ. Полосатый платокъ складывается обыкновенно на подобіе полотенца, при чемъ полоски идутъ вертикально, и накладывается на голову такъ, что спускается на плеча. Бѣлый же платокъ, на подобіе покрывала, поверхъ него; затѣмъ, есть обычай свертывать полосатый платокъ также въ видѣ жгута и прицѣплять его къ самому повою подъ подбородкомъ. Иногда такимъ образомъ, что лицо снизу оказывается имъ закрыто. Мы уже имѣли случай разсматривать женскіе повои въ историческомъ костюмѣ[1]) и установить его обще-восточное происхожденіе. Въ частности, однако, должно сказать, что въ болгарскихъ повояхъ именно форма подвѣснаго полосатаго жгута является наиболѣе замѣчательною, такъ какъ она напоминаетъ собою тѣ драгоцѣнныя подвѣсныя цаты къ иконамъ

1) Изображенія русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка. 1906, стр. 112—114.

Богоматери, о происхожденіи которыхъ мнѣ приходилось говорить еще ранѣе.

Самая любопытная замѣна этой подвѣсной цаты въ головныхъ уборахъ является въ видѣ цѣлаго ряда легкихъ металлическихъ бляшекъ, нанизанныхъ на проволоку сплошною кипкой и въ видѣ трехъ такихъ подвѣсокъ, прицѣпленныхъ къ головному платку. Такого рода подвижныя вязки вѣсятъ сильно, помогаютъ удерживать на мѣстѣ весь головной уборъ, но, въ свою очередь, нуждаются въ особой подкладкѣ, путемъ подвѣшиванія второго платка (см. рис. 4). При этомъ надъ челомъ по головному платку протянута пурпурная челка, или діадема, пурпурнаго цвѣта, вся набранная орнамен-

4. Селяки изъ окрестностей Салоникъ.

томъ, съ бѣлыми звѣздочками по пурпурному полю. Еще сложнѣе, и еще болѣе громоздкимъ и тяжелымъ головнымъ уборомъ является большой заткашный всевозможными узорами четыреугольный платокъ, окаймленный густыми кружевными уборами, а внизу широкой, спускающейся на спину полосою бахромы. Этого рода платокъ напоминаетъ собою до извѣстной степени головной уборъ транстеверинокъ въ Римѣ, столь излюбленный живописцами. Очевидно, толстая, заткашная матерія этого платка, или плата, отвѣчаетъ древнему куску парчи, который удерживается на головѣ тѣмъ, что пришивается, въ свою очередь, къ головному платку. При такомъ головномъ уборѣ полагается, затѣмъ, на самыхъ вискахъ особаго рода жемчужныя дорожки, замѣняющія косы, украшенныя жемчугомъ. Кромѣ того, на

плеча спускаются двѣ ленты, состоящія изъ металлическихъ низокъ, подобныхъ же легкихъ бляшекъ. Весьма характерно, затѣмъ, что у дѣтей, въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ подобная форма убора, голова покрывается конической тюбетейкой, напоминающей колпаки нашей Мордвы и нашихъ Черемисъ. Что касается, наконецъ, металлическихъ уборовъ, то, кромѣ указанныхъ ожерелій, существуютъ еще начельныя металлическія украшенія, а также височныя, но почти исключительно въ видѣ прицѣпленныхъ кистей, съ ажурными бусинами къ головному платку, хотя уже нигдѣ не видно, кромѣ обычныхъ серегъ, ни височныхъ подвѣсокъ, ни большихъ средне-азіятскихъ кистей съ ворворками, или съ кораллами и бусами.

Основнымъ одѣяніемъ тѣла[1]) является затѣмъ длинная бѣлая *рубаха* съ широкими рукавами, или рабочая, и, въ такомъ случаѣ, лишенная по подолу всякихъ украшеній, или же расшитая по вороту, по коймамъ прорѣза на груди, по рукавамъ и подолу обыкновенно черною и цвѣтною шерстью. Рубашка эта подпоясывается съ начала тонкимъ шнуромъ, затѣмъ, поверхъ нея надѣвается открытый *жилетъ* или *камзолъ*. Далѣе, широкій, свернутый во много разъ, и полосатый, пестрый *поясъ*, и подъ нимъ привязывается, вокругъ тѣла, широкая понева изъ толстой полосатой домодѣльной матеріи крашенной шерсти. Таковъ простѣйшій костюмъ. Слѣдующій варіантъ этого основного типа въ современномъ костюмѣ представляется увеличеніемъ жилетки, или камзола, изъ рабочьей куртки въ нынешнюю кофту съ полами, доходящими до колѣнъ и съ широкими рукавами до локтей *(зубунче)*. Такого рода верхняя одежда нынѣ расшивается по *верхней* части рукавовъ, далѣе, сплошь по переднимъ поламъ и сзади по обѣ стороны спины, за исключеніемъ ея средины, — обстоятельство очень характерное, которое надобно имѣть въ виду для того, чтобы понять историческое происхожденіе украшеній этой одежды. Если подобная кофта имѣетъ рукава, то никакой иной верхней одежды не полагается, развѣ для зимы, или дождливаго времени. Если же рукавовъ нѣтъ, то надѣвается еще широкій бѣлый суконный *хаматъ*, длиною до колѣнъ, или безъ рукавовъ, коль скоро есть уже куртка съ рукавами, или же съ рукавами и украшается по вороту, по каймамъ обѣихъ полъ и по низу. Эта одежда называется или просто *сукманъ*, или *кюрдія*.

---

1) Приводимъ здѣсь, для общей иллюстраціи, снимки народныхъ одеждъ (рис. 3—8) изъ окрестностей Солуни, с. Постолъ и Битоля; ниже будутъ помѣщаться снимки одеждъ въ окрестностяхъ Скопле, Охриды и др., характерныхъ для этихъ мѣстностей и представляющихъ своеобразные типы и варіанты. Для поясненія и подтвержденія приводимыхъ туземныхъ названій въ концѣ главы помѣщается, въ видѣ приложенія, описаніе женскихъ одеждъ въ селахъ близъ Охриды, изъ книги Шапкарева «Сборникъ отъ български народни умотворения», III, 1, 2, VII, 1891, въ переводѣ съ болгарскаго.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности вокругъ Битоля, и селахъ Охриды, къ этому основному славянскому женскому костюму Македоніи добавляется замѣчательный и совершенно оригинальный *поясъ* (рис. 7—8), состоящій изъ нѣсколькихъ очень длинныхъ толстыхъ и крайне твердыхъ полосъ, шитыхъ и вязанныхъ изъ цвѣтной шерсти. Этимъ поясомъ опоясываются постепенно, начиная съ одного конца, и обматывая по нѣсколько разъ талію, такимъ образомъ, чтобы каждая полоса выдѣлялась и выступала ясно, а, главное, чтобы на свободѣ была видна бахромная обшивка полосъ, приходящаяся, главнымъ образомъ, сзади и иногда даже замѣняемая низаньемъ изъ бляшекъ. Когда такой поясъ обернутъ бываетъ до 6—7 разъ, затѣмъ, спереди выпускается его широкій конецъ, образуя по переду, какъ бы особенно богато орнаментированный передникъ, который приходится, такимъ образомъ, какъ своего рода сѣдло, подъ руками. Подобное же сѣдло изъ цвѣтныхъ полосъ получается и назади. Не рѣдко въ этомъ передникѣ устраивается большой карманъ, который обшивается кожею и въ который кладутся всевозможныя вещи, а, затѣмъ, карманъ этотъ пышно орнаментируется включительно до шитья серебромъ и золотомъ. Уже подъ вліяніемъ албанскихъ модъ, которыя, однако, имѣютъ мѣсто не вездѣ, поверхъ этого же пояса спереди пристраивается, или даже подвѣшивается металлическій поясъ, изъ обычныхъ двухъ широкихъ и ажурныхъ бляхъ дурнаго серебра, застегивающихся пряжкою. Въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто подобнаго, сильно уродующаго женщинъ, пояса, появляется другой широкій поясъ, обыкновенно кожаный съ насѣчками или съ нашивками, а подъ нимъ особый богатый передникъ, орнаментированный. На ноги надѣваются шерстяные чулки (чорапи), украшенные также разнообразными геометрическими орнаментальными вышивками и нерѣдко красные башмаки, тоже мѣстами расшитые. Подобные же, довольно высокіе чулки, украшенные также вышивками, носятъ и мужчины. Весь этотъ женскій костюмъ, равно, какъ отчасти и мужской и въ Македоніи и въ Болгаріи является домодѣльнымъ, нерѣдко тчется также дома и дома же вышивается, а покупаются только мѣхъ и кожа, да еще, конечно, металлическія бляхи, или монеты, служащія украшеніями. Есть, конечно, множество варіантовъ и костюма и уборовъ по различнымъ мѣстностямъ. Однако, главный типъ остается приблизительно тотъ же самый, и потому мы можемъ приступить къ его краткому историческому разбору, не нуждаясь въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Но предварительно надо сдѣлать одно общее замѣчаніе по поводу самой орнаментаціи. Уже было не разъ упомянуто, что всѣ болгарскія одежды сдѣланы ли онѣ изъ грубаго полотна, или бѣлой шерсти — часто мужскія, но, главнымъ образомъ, женскія — вышиваются черною шерстью, даже красною,

зеленою шерстью уже въ деталяхъ, или мелкихъ полоскахъ и, при томъ, исключительно геометрическими рисунками, покрывающими коймы и составляющими широкія орнаментальныя полосы. Нерѣдко, среди черныхъ полосъ въ центрѣ ихъ сидятъ бѣлыя звѣздочки, или крестики. Этотъ основной черный цвѣтъ представляетъ собою грубое подражаніе древнему, темно-лиловому (тоже почти черному) пурпуру. Такимъ образомъ, пурпурныя нашивки на подолахъ, наручахъ, рукавахъ выше локтей, на бокахъ и на спинѣ, полосами

5. Селяки въ с. Долна Солня.

по бѣлому кафтану, полосками по чулкамъ и пр. и пр. возстановляютъ ту древнѣйшую орнаментику бѣлыхъ, льняныхъ, по преимуществу, одеждъ темно-лиловымъ или чернымъ пурпуромъ, которая такъ богато передана намъ коптскими некрополями.

Именно въ Египтѣ, гдѣ впервые была выработана орнаментированная туника, съ своими нашивками по вороту, рукавамъ и подолу, не только были исполнены роскошные образцы, но и создана большая вѣтвь художественной промышленности, такъ какъ этого рода издѣлія сначала самими коптскими

торговцами, а затѣмъ, сирійскими и со временъ ислама арабами распространены были чуть не по всему древнему міру.

Точнѣе говоря, были занесены, какъ предметъ подражанія въ дѣлѣ роскоши, ко всѣмъ тѣмъ, начинавшимъ въ то время жить культурною жизнью націй, племенамъ, которыя могли имѣть съ сирійской торговлей прямыя сношенія. Такимъ образомъ, предметы эти шли на одномъ концѣ древняго міра черезъ Кавказъ и по Каспійскому морю во все Поволжье и на другомъ концѣ по всѣмъ берегамъ Африки, вплоть до Геркулесовыхъ Столповъ, т. е. до Гибралтара. Какъ извѣстно, пурпуръ всегда составлялъ, однако, въ древности царскій цвѣтъ и принадлежность царственнаго облаченія. И вотъ, между тѣмъ, онъ является украшеніемъ, наиболѣе обычнымъ, народныхъ одеждъ въ Македоніи. Мало того, по указанію Верковича[1]), есть цѣлыя мѣстности, въ которыхъ даже мужчины носятъ «черную парамицу» (верхнюю одежду) очевидно, своего рода, плащъ, накидку, украшенную бахромою. Жители Водены и Острова, говоритъ тотъ же Верковичъ, надѣваютъ длинную до земли шерстяную, черную «багряницу» (по словамъ того же Верковича, въ древнее время, по преданію, она (будто бы) была красная), вышитую голубыми шнурками, на мѣховой подкладкѣ, съ длинными, открытыми рукавами, висящими позади; подъ багряницею, они надѣваютъ короткую «долому» (куртка), съ такимъ же вышиваніемъ, какъ и багряница». Изъ этого свѣдѣнія слѣдуетъ изъять ошибочную догадку, что эта «черная» багряница въ древнее время была «красная». Въ свое время, на основаніи византійскихъ миніатюръ, мы имѣли случай говорить много разъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя перенесъ византійскій пурпуръ на протяженіи тысячелѣтняго существованія имперіи и отмѣчать особо въ разныхъ случаяхъ тѣ варіанты цвѣтовъ пурпура, которые, начиная приблизительно съ IX вѣка, существовали въ византійской промышленности одновременно; носили разныя спеціальныя наименованія. Здѣсь же ограничусь краткимъ указаніемъ, что уже въ IX вѣкѣ *коричневый* (шоколадный) цвѣтъ пурпура (натуральный и господствовавшій въ древности) былъ крайне рѣдокъ и оказался замѣненнымъ различными видами *темно-лиловаго* пурпура, переходящаго въ черноту. Такимъ образомъ, болгарскія народныя одежды, вырабатывавшія свой типъ приблизительно въ то же время, должны были усвоить именно этотъ черный цвѣтъ, кстати, наиболѣе простой и прочный. Но для насъ въ настоящее время важно, прежде всего, самое названіе верхней одежды «багряницею», а потому и ея, такъ сказать, царственное происхожденіе. Мы находимъ у извѣстнаго византійскаго хро-

---

1) *Описаніе быта Болгаръ, населяющихъ Македонію*, соч. Стефана Верковича, Москва, 1868, изъ «М. Унив. Извѣстій», № 3, 1868, стр. 7, 14, 20 и др.

никера Евнапія[1]): что, когда Готоы, тѣснимые Гуннами въ 376 году были допущены къ переходу черезъ Дунай, на Оракійскій полуостровъ, то распространились всюду въ большомъ числѣ. Но, прежде всего, были приняты и перевезены подростки (ἄχρυστος ἡλικία), и заботливо распредѣлены между разными народами; рабы же, и жены ихъ, и дѣти, *одни имѣвшіе царскіе знаки, а другія одѣтыя пышнѣе, чѣмъ подобаетъ плѣннымъ*... Изъ этого чрезвычайно характернаго текста мы узнаемъ, что у варваровъ, издавна тѣснившихся около Дуная, было предметомъ моды одѣвать своихъ дѣтей въ царскія одежды и, къ тому же эта мода особенно прививалась у военноплѣнныхъ и продавшихся въ рабство семей. Насколько, однако, подобный обычай кажется страннымъ современному культурному человѣку, привыкшему къ сложной градаціи сословныхъ различій, видно изъ того, что коментаторы и переводчики этого мѣста старались смягчить, или умалить значеніе термина, употребленнаго Евнапіемъ[2]). Между тѣмъ его терминъ совершенно ясный и, значитъ, по нашему: царскія регаліи, царскія отличія, или, еще проще, царскія знаки и царскія облаченія. Очевидно, историкъ въ дѣтскомъ костюмѣ не могъ же предполагать полнаго подбора регалій: діадемы, мантіи, жезла, пурпурныхъ сапожковъ, а хотѣлъ выразить, что на дѣтяхъ были тѣ или другія принадлежности царскаго сана. Кому остается все-таки непонятнымъ такого рода перемѣщеніе царскаго ориата въ народные уборы, достаточно вспомнить хотя бы о «черевичкахъ», которыя стали носить цѣлый рядъ племенъ, окружившихъ Византію. А, вѣдь, мы знаемъ, что пурпурные башмаки въ самой Византіи были недоступны всѣмъ, кромѣ царя и царицы, даже кесарю. Далѣе, сюда же надо присоединить всѣ вѣнечныя украшенія въ свадебныхъ обрядахъ, имѣющіе тоже происхожденіе, въ танцахъ и хороводахъ, княжескіе уборы дѣтей у восточныхъ народовъ и множество различныхъ освященныхъ преданіями обычаевъ и обрядовъ, о чемъ говорить подробнѣе было бы здѣсь излишнимъ. Что, затѣмъ, пурпуръ сталъ принадлежностью придворныхъ мундировъ, основнымъ цвѣтомъ дорогихъ тканей, оплечій, нашивокъ и украшеній, говорить было бы излишне.

Если мы, затѣмъ, начнемъ перебирать въ средѣ народныхъ одеждъ типы, наиболѣе приближающіеся къ одеждамъ Македонскихъ Славянъ, то, оказывается, должны ихъ искать, съ одной стороны, въ средѣ малорусскихъ одеждъ, а затѣмъ Поволжья и, въ частности, у Мордвы и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ уѣздахъ. Оговоримся заранѣе, что считаемъ невозможнымъ

---

1) *Corpus Script. hist. Byl. ed Bonn.* I, p. 50, 16.

2) Ibid. переводъ: *Signa regia*, Valesius въ прим. insignia. Текстъ Евнапія имѣетъ: βασιλικὰ παράσημα.

такъ же устанавливать, такъ сказать, степени родства и пытаться различить, кто родной братъ, а кто двоюродный между этими сходными типами, такъ какъ вопросы близости народныхъ одеждъ еще совершенно не установлены, и мы совсѣмъ не знаемъ, что̀, въ данномъ случаѣ, считать, при сравненіи, основнымъ. Такъ наприм., малорусскія поневы оказываются наиболѣе близки къ болгарской женской одеждѣ, но при нихъ отсутствуютъ всѣ характерные головные уборы, которые, напротивъ того, встрѣчаемъ или на Волгѣ, или у великоруссовъ. Въ силу этого, имѣющіяся у насъ указанія расположимъ просто въ порядкѣ разсмотрѣнія самыхъ уборовъ и одеждъ. Въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ встрѣчаемъ замѣчательное разнообразіе головныхъ платковъ: голубыхъ, красныхъ, коричневыхъ, при томъ большого размѣра, окутывающихъ голову поверхъ бѣлаго убора, который, у замужнихъ женщинъ изъ подъ низу всегда покрываетъ средину головы. Такимъ образомъ, головные покровы сводятся у замужнихъ, къ двумъ платкамъ, — способу, господствующему у малороссовъ (наприм. въ Новохоперскомъ уѣздѣ) [1]), гдѣ манера надѣванія бѣлаго платка колпакомъ наиболѣе подходитъ къ балканской «чалмѣ». Въ томъ же характерѣ, пожалуй, и особое украшеніе спины, въ видѣ выпущенныхъ изъ подъ колпака цѣлаго ряда широкихъ полосокъ, или шитыхъ лентъ съ ковровымъ рисункомъ. Иногда, тамъ же пестрый платокъ, спущенный на спину, повязывается вокругъ красной четыреугольной шапочки, покрывающей волосы (кика). Тамъ же красные платки повязываются поверхъ пестрымъ полосатымъ платкомъ, въ типѣ «дамасскихъ»

6. Изъ окрестностей Салоникъ.

---

1) Какъ извѣстно многія, русскія народныя одежды и головные уборы уже стали въ послѣднее время рѣдкостью и то, что воспроизводится обыкновенными иллюстраціями, является уже безхарактернымъ. По счастью, мы еще можемъ пользоваться нѣкоторыми старыми рисунками. Обращаемъ поэтому вниманіе на альбомъ рисунковъ художника Павлова 1863 года въ библіотекѣ нашей Академіи Художествъ за № 8, а равно и другіе альбомы тамъ же.

тканей. При этомъ чисто славянскій головной уборъ, повидимому, предпочитаетъ бѣлые головные платки, перевязанные пестрыми полосатыми платками; тогда какъ собственно татарскіе платки красные съ бахромою, а великорусскій — красные и пестрые платки, однакоже, не вокругъ щекъ и не окутывающіе всю голову, какъ то принято у Татаръ. Не должно только думать, что русскіе красные платки были переняты именно у татаръ: подобнаго рода мнѣнія сложились, прежде всего, потому, что русскіе изслѣдователи (В. В. Стасовъ, В. А. Прохоровъ и др.) a priori считали все татарское первобытно народнымъ, примитивнымъ для самихъ Татаръ; тогда какъ и татарскія народные одежды и уборы, какъ можетъ догадаться всякій путемъ сравненія ихъ, сложились, какъ и русскіе, также *исторически* въ результатѣ усвоенія Татарами и Монголами культурно-историческихъ типовъ. Какъ извѣстное, наибольшее[1]) разнообразіе головныхъ уборовъ, въ видѣ разноцвѣтныхъ, сложенныхъ платковъ, окутывающихъ или обвивающихъ голову, а затѣмъ, и шею подъ подбородкомъ, сложенныхъ жгутами, въ разныхъ направленіяхъ перекинутыхъ черезъ голову и, главное, набираемыхъ изъ бѣлыхъ полотенецъ и пестрыхъ полосатыхъ, обыкновенно, на востокѣ (Дамаскъ) шелковыхъ, принадлежитъ Египту и Сиріи. Народные уборы Сирійскаго побережья представляютъ намъ и большія кики, увѣшанныя рядами монистъ и покрытыя полосатыми платками[2]), и прямо пестрые платки, обмотанные вокругъ головы и удержанные жгутомъ, свернутымъ изъ того же платка. Платки, прикрытые, или прикрѣпленные сверху, какъ діадемой, особымъ галуномъ (русская «сорока»). Два платка съ кистями и жгутами, пышно окутывающіе голову, обыкновенно красный и поверхъ него синій. Наконецъ, полосатый платокъ, свернутый, своего рода, салфеткою и укрѣпленный на головѣ помощью закалыванія, съ большимъ металлическимъ начельемъ, въ видѣ пояса подвижныхъ серебряныхъ лоточковъ, съ подвѣсными ряснами, или монистами[3]). Подобные же головные уборы, но несравненно въ болѣе тяжелой формѣ и снабженные несравненно большимъ обиліемъ металлическихъ монистъ и пронизей наблюдаются въ русскомъ Туркестанѣ и у Сартовъ. Было бы излишне перебирать всѣ формы тамошнихъ тюбетеекъ и головныхъ платковъ, какъ извѣстно, составляющихъ столь характерные уборы. Если ихъ, однако, нужно въ общемъ перечнѣ упомянуть, какъ особенно раз-

---

1) Въ Россіи тоже разнообразіе, искусственность и даже причудливость въ повязываніи головы платками и полотенцами (убрусами) наблюдается у Мордвы, въ Тамбовской губерніи и пр.

2) Lortet, Dr. *La Syrie d'aujourd'hui.* P. 1884, fig., pag. 58, 124, 134, 153, 238, 348.

3) Ср. описаніе этого головного убора въ Охридѣ у Шапкарева, К. А.: *Сборникъ отъ Болгарски народни умотворения,* III, 7, 1891, стр. 269 подъ № 7, приводимое ниже въ переводѣ.

витой типъ, то не иначе, какъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что эти уборы идутъ уже не отъ коптскаго оригинала, но отъ арабскаго, доказательствомъ чему служитъ тѣснѣйшее родство этихъ головныхъ уборовъ въ Туркестанѣ съ народными уборами Марокко. При этомъ, однако, не лишнее съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на томъ обстоятельствѣ, что иные туркестанскіе головные уборы, какъ и сирійскіе, ведутъ свое происхожденіе отъ царскихъ и патриціанскихъ уборовъ Византіи. Многіе головные платки, какъ будто подражаютъ типу короны формами своихъ накладокъ.

Одежда македонскихъ славянъ типично земледѣльческая одежда: вся ея роскошь сосредоточивается на ея вышивкахъ, тогда какъ она сама приспособлена для трудовой и земледѣльческой жизни и поэтому остается вся бѣлою для постояннаго мытья. Эта одежда надѣвается одна на другую, переходя, такимъ образомъ во всѣ времена года, и, наконецъ, она является одеждой спеціально трудовой, оберегающей тѣло и согрѣвающей его, но въ то же время свободно охватывающей тѣло, въ отличіе отъ одежды кочевника, плотно прилегающей къ тѣлу по условіямъ его жизни. Болгарскія одежды устраиваются спеціально изъ грубаго льна или конопли или такой же грубой шерсти. Украшенія ихъ исключительно нашивныя, изъ цвѣтной пряжи или изъ цвѣтной шерсти. Можно считать особенно характернымъ то, что всѣ эти украшенія ведутся часто почти исключительно въ одной коптской гаммѣ красокъ[1]): темно-лиловая или почти черная, съ бѣлыми звѣздочками по пурпурному полю, или съ пурпурными звѣздочками по бѣлому полю. Напротивъ того, украшенія сербскія приближаются къ типу галуновъ и позументовъ, имѣютъ характеръ пестрый, съ преобладаніемъ особенно краснаго цвѣта и къ нему приближающагося желто-оранжеваго. Такое же различіе находимъ, напримѣръ, между южно-русскими вышивками и сѣверными. Древне-русское украшеніе и отчасти современное великорусское особенно облюбовало галунъ, позументъ, орнаментальную тесьму, часто въ видѣ пристяжного (покупного) украшенія: таковы кики, сороки, воротники, козыри и проч.

Основною формою одежды является рубаха, съ длинными рукавами и съ разрѣзомъ на груди, обшитая по подолу, воротнику, прорѣзу и по концамъ рукавовъ (запястья). Поверхъ рубахи македонскіе Славяне надѣваютъ камзолъ, или жилетку, чаще всего доходящій до колѣнъ и относящійся въ виду мужского зипуна, или камзола, съ половинными рукавами, застегивающійся спереди, обыкновенно, только внизу. Одежда эта столь же обычна въ

---

1) Обращаю особенное вниманіе этнографовъ на поразительную близость и часто тождество тамбовскихъ вышивокъ съ коптскими.

Малороссіи, въ Великороссіи и даже у Сартовъ средней Азіи, съ тою лишь разницей, что у послѣднихъ она имѣетъ длинныя рукава до колѣнъ. Камзолъ, или зипунъ, убирается весь спереди и съ боковъ вышивками, а равно и по концамъ рукавовъ. Въ соотвѣтствіи съ этой верхней одеждой, вокругъ тѣла опоясывается родъ поневы изъ толстаго полосатаго сукна, пошитаго полотнищами. Мы встрѣчаемъ этого рода одежду въ большинствѣ мѣстъ самой Сербіи точно такъ же, какъ всѣмъ извѣстно, что такъ называемыя поневы и плахты являются обычной принадлежностью малорусскихъ народныхъ одеждъ[1]). Наиболѣе любопытнымъ обстоятельствомъ, которое мы разъяснимъ ниже, является одна форма поневы въ видѣ широкаго конца пояса, обернутаго кругомъ тѣла сзади и свѣшаннаго спереди на подобіе передника. Такого рода передникъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сербіи, принимаетъ ромбондальную форму[2]). Всѣ эти одежды вмѣстѣ образуютъ пока чисто трудовую одежду, и первая надѣтая поверхъ ихъ одежда является уже буржуазною, точнѣе говоря, признакомъ зажиточнаго, не трудового класса. Такого рода одежды у македонскихъ Славянъ носитъ общее наименованіе *сайи* или *саги*, названіе которыхъ быть можетъ, происходитъ отъ древне-итальянскаго наименованія плаща (sagum — σάγιον), которое затѣмъ у Византійцевъ стало обозначать мантію, сначала императорскую, а, затѣмъ, женскую, патрицiанскую. Это названіе одежды является весьма важнымъ фактомъ для Македоніи, такъ какъ приблизительно уже около X вѣка оно въ самой Византіи стало уже большою рѣдкостью, своего рода архаизмомъ и, значитъ, могло быть усвоено на Балканскомъ полуостровѣ только въ періодъ VII — IX вѣковъ. Дальше, мы узнаемъ, что македонскіе сайи обычно держатся или просто бѣлаго цвѣта, или же бываютъ двухъ цвѣтовъ зеленаго и краснаго. Эти два цвѣта отличали, какъ всѣмъ извѣстно, знаменитыя византійскія цирковыя партіи[3]). Но, конечно, самымъ замѣчательнымъ уборомъ въ составѣ женскихъ одеждъ

---

1) Рисунковъ издано сравнительно немного: Карича проф. *Сербія*, 1887, стр. 785, 807. Šarić Spomen-Knjiga in Bosne, 1901, лист. 103, 136, 154. Kenner, Durch Bosnien u. Herzegowina. 1897.

2) Какъ извѣстно, на сер. щитѣ Бадагоза, представляющемъ Ѳеодосія съ Аркадіемъ и Гоноріемъ, на столѣ Аркадія имѣется широкій, изъ пурпурной пряжи сдѣланный, clavus или *тавлій*, но въ перекошенной формѣ. Не отсюда ли возникли и патріаршіи *энигонатіи-палицы*, которыя можно считать существовавшими уже около IX вѣка и не являются ли пурпурные ромбы балканскихъ одеждъ переживаніемъ тѣхъ же уборовъ.

3) У Конст. Порфир. въ «Церемоніяхъ» упоминаются на дворцовыхъ протоспаоаріяхъ скарамангіи πρασινοροδινα, по поводу которыхъ Рейске Comment. p. 675 приводитъ аналогичныя выраженія, подтверждающія, что двойныя ткани были полосатыми. Сербскія народныя вышивки держатся этихъ двухъ цвѣтовъ. Ср. изображеніе женщины въ полосатой — красной съ зеленымъ—поневѣ въ рукописи XIV вѣка Служебника изъ Герцеговины, у Стасова *Славянскій и восточный орнаментъ* 1887, табл. XXVIII, 1.

является господствующій въ селахъ около Битоля и Охриды поясъ, о которомъ мы уже вкратцѣ выше упоминали. Поясъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ плетеныхъ широкихъ тесемокъ чернаго цвѣта и совершенно несгибающихся по своей плотности, такъ какъ тесьма сдѣлана въ нѣсколько рядовъ изъ толстой шерсти, сплетенной вязлами на подобіе сноповъ. Нѣсколько тесемокъ такого рода накладываются поверхъ пояса, перекрещиваясь нѣсколько разъ вокругъ тѣла, пока не образуется и спереди и сзади, сзади въ особенности, своего рода горбъ или сѣдло. По переду же выпущенъ большой передникъ, съ широкимъ карманомъ, въ которомъ женщины носятъ всякаго рода вещи.

7. Крестьянка изъ Битоля.

8. Костюмъ селъ въ окрестностяхъ Битоля.

Происхожденіе этой формы несомнѣнно историческое; она является подражаніемъ тому придворному женскому убору Византіи, по которому высшій родъ патриціанокъ въ Константинополѣ назывался «опоясанными». Въ сочиненіи Константина Порфиророднаго «О церемоніяхъ византійскаго двора» 50-я глава 1-й книги трактуетъ о томъ, «что слѣдуетъ соблюдать при избраніи опоясанной патриціанки»: передъ этимъ избраніемъ патриціанка получаетъ изъ рукъ самихъ владыкъ далматику, ооракій и бѣлый мафорій, лобызая при этомъ руки государей. Затѣмъ, въ особомъ помѣщеніи, она облачается, на-

дѣваетъ ооракій, сверхъ далматики, а затѣмъ лоръ и прополому. Устраивается торжественный придворный синклитъ. Ново-поставленную патриціанку вводятъ въ средину собранія и, — говоритъ Константинъ — она слегка кланяется, «такъ какъ она не можетъ сдѣлать земного поклона по причинѣ лорона и прополомы, башнеобразной короны». Чтобы объяснить все это мѣсто, надо знать, что лорономъ называлось одинаково и у императора, императрицы и въ патриціанскомъ облаченіи широкая, убранная драгоцѣнными камнями по золотой парчѣ, патриціанская тога, въ видѣ крайне длиннаго полотнища, обертываемаго вокругъ тѣла и переходящаго по поясу концомъ на лѣвую руку. Ооракіемъ же назывался, повидимому, кусокъ парчевой матеріи, шитой золотомъ и убранной также драгоцѣнными камнями и имѣвшей видъ овальнаго, заостреннаго книзу щита, который императрицы, обыкновенно, держатъ передъ собою въ качествѣ парадного облаченія [1]). Очень понятно, какъ говоритъ и Константинъ, что, имѣя подобные уборы на себѣ, патриціанка уже не можетъ сдѣлать земного поклона, а эта невозможность составляетъ извѣстную, при дворѣ понятную привилегію и достоинство.

Мы имѣемъ рядъ извѣстій о высокой культурѣ Македоніи въ римское время и въ началѣ существованія византійской Имперіи; въ ней рано распространилось христіанство, и, конечно, не напрасно сюда стремились послѣдовательно варвары и кочевники въ теченіе столѣтій. Но страна эта не знала покоя почти полные четыре вѣка, почти утратила свое прежнее населеніе и, смѣнивъ его на новое, не пріобрѣла населенія цѣльнаго и не получила территоріальной независимости. Вмѣстѣ съ мирнымъ, земледѣльческимъ славянскимъ населеніемъ, въ Македоніи явился кочевникъ, природный хищникъ и вымогатель, а въ тоже время въ городахъ уцѣлѣло прежнее культурное и состоятельное населеніе, почти сплошь состоящее изъ Грековъ или отреченныхъ варваровъ, а потому тяготѣющее къ Имперіи и враждебное селамъ. Такимъ образомъ, настоящій миръ, а съ нимъ благосостояніе, довольство, обиліе и культурный подъемъ пріобрѣтаются Македоніею только съ началомъ десятаго вѣка, когда Македонія была на время отвоевана у Византіи Болгарскимъ царствомъ и перестала быть мишенью варварскихъ набѣговъ и нашествій. До X стол. центръ тяжести болгарскаго княжества находился на сѣверѣ, въ Добруджѣ, съ Прѣславомъ столицею, и первыя войны болгаръ (вѣрнѣе, б. м., булгарской орды) съ Византіею велись изъ за Румеліи [2]), а не изъ Ма-

---

1) См. ниже въ перечнѣ «облаченій», кн. II, гл. 41, ed. Bonn. p. 641: «Лороны златотканные 15, ооракіи тѣхъ же лоровъ 12 (θωράκια τῶν αὐτῶν λόρων αβ')».

2) Румелія у Византійцевъ называлась также «Македоніею», и напр. въ разсказѣ о походѣ К. Копронима на τὰς κατὰ Μακεδονίαν Σκλαβινίας разумѣются, повидимому, горныя мѣстности сѣверной Румеліи и Македоніи.

кедоніи; княжество основалось въ 679 г., а около 676 года, какъ доказываютъ извѣстія объ осадѣ Салоникъ, уже существовала славянская Македонія, стремившаяся овладѣть Солунью, какъ своимъ естественнымъ центромъ, но славянскій слой, хотя былъ общій на всей восточной половинѣ полуострова, не игралъ еще политической роли, быть можетъ, именно потому, что первое княжество было кочевою ордою, только осѣвшею. Понадобились три вѣка, чтобы ослабѣла и вовсе исчезла орда, и ея тюркское ядро затянуто было славянскимъ наплывомъ, а затѣмъ выработалось славянское царство, сознаніе большого политическаго тѣла, а съ ними и нагубныя мечты о завоеваніи Византіи. И Крумъ и Омортагъ по своимъ дѣламъ, и еще болѣе, по ихъ смыслу, были только ханы кочевой орды. Первый князь европейскаго типа былъ Михаилъ-Борисъ (852—888, † 907 г.), принявшій христіанство, истребившій у себя боярство, воевавшій и съ Греками и съ Сербами, и съ Франками. Въ его царствованіе Константиномъ и Меѳодіемъ изобрѣтена была славянская азбука, создана литература и книжный языкъ, и славянскому населенію Македоніи, среди котораго издавна было распространено христіанство, дарована была литургія на славянскомъ языкѣ. Все это было здѣсь, повидимому (въ Моравіи, напротивъ, политическою и государственною задачею), дѣломъ и задачею чисто народнаго происхожденія и значенія, и стояло, видимо въ связи съ особенно значительною ролью македонскаго духовенства, уже со временъ Юстиніана. Тѣмъ не менѣе, царствованіе Симеона, который былъ самъ книжникъ, создало расцвѣтъ болгарской духовной литературы, составъ которой не вполнѣ извѣстенъ, но, видимо, поражалъ даже современниковъ, сравнивавшихъ Симеона съ Птоломеемъ. Дѣятельность писателей, переводчиковъ и переписчиковъ сосредоточилась уже съ половины X вѣка не въ самой Болгаріи, а именно въ Македоніи, въ Охридѣ. Симеонъ сталъ «царемъ болгарскимъ» и даже «ромейскимъ самодержцемъ», и если не самую корону, то титулъ «василевса» получилъ, конечно, изъ Константинополя, какъ то ясно засвидѣтельствовано въ «Книгѣ объ управленіи» строками предисловія Константина Порфиророднаго [1]). Значеніе славянскаго центра получила западная Македонія съ 963 г., а въ 981 году Самуилъ избралъ, послѣ Пресны, Охриду своею столицею.

Яркое и притомъ прямое доказательство тождества (или непосредственной, кровной родственной близости) Македонскихъ Славянъ съ Болгарскими

---

1) Что титулъ «царь» по созвучію происходитъ не отъ καῖσαρ а отъ caesar, вѣрно, но невѣрно, что это можетъ указывать на латинское происхожденіе (изъ рукъ папы) титула, такъ какъ латинское *произношеніе* его легко могло удержаться на полуостровѣ, если удержались даже множество словъ. О признаніи Греками «царства болгарскаго» см. Иречекъ, *Исторія Б.* стр. 161.

дается во множествѣ мѣстъ въ извѣстныхъ письмахъ Охридскаго Архіепископа грека Ѳеофилакта конца XI вѣка, гдѣ говорится о грубыхъ, невѣжественныхъ, грязныхъ Болгарахъ — («чудовищахъ») жителяхъ Охридской епархіи, и гдѣ среди непрестанныхъ жалобъ нѣсколько малодушнаго, назойливаго и жаднаго грека слышится извѣстный страхъ къ большой, враждебной и неукротимой націи [1]). Если Ѳеофилактъ называетъ Охридскихъ Славянъ Болгарами и ничѣмъ, видимо, ихъ не отличаетъ и не выдѣляетъ изъ Болгарской націи или племени, то, конечно, не потому, что въ Охридѣ была ранѣе столица болгарскаго царства, но потому именно, что архіепископъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ постоянныя сношенія, и изъ за кого онъ долженъ былъ переселиться въ Солунь.

Здѣсь не мѣсто перебирать положенія, выработанныя славистикою, въ лицѣ Шафарика, Востокова, Билярскаго и др., относительно *Церковно-Славянскаго* или *Старо-Славянскаго* языка, на которомъ оказались духовныя и богослужебныя книги, принесенныя къ намъ, но любопытно припомнить одну изъ догадокъ знаменитаго Слависта В. И. Григоровича. Разбирая появленіе въ X — XIV вѣкахъ такъ наз. «рецензій», т. е. пересмотровъ Церковно-Славянскихъ рукописей, съ цѣлью ввести измѣненія въ языкѣ, происшедшія отъ времени (а можетъ быть, и отъ переноса книгъ въ иныя славянскія страны), и выдѣляя, какъ первую рецензію, и неизвѣстные прототипы—оригиналы Кирилла и Меѳодія, и древнѣйшія рукописи Остромирова Евангелія и пр., Григоровичъ *вторую* рецензію называетъ *охридскою*, по времени и мѣсту учрежденія болгарской патріархіи и архіепископіи (X — XI стол.) [2]). Если, дѣйствительно, важнѣйшій періодъ болгарской (= церковно-славянской) письменности развивался въ западной Македоніи, не въ собственной Болгаріи (въ придунайскихъ областяхъ), то этимъ могла бы быть объяснена одна характерная особенность этой письменности: ея исключительно религіозное содержаніе и отсутствіе лѣтописей, хроникъ и вообще историческихъ болгарскихъ памятниковъ вплоть до эпохи втораго болгарскаго царства. Славяне Македоніи прожили этотъ двухвѣковой промежутокъ среди непрестанныхъ нашествій и разореній, со стороны Печенѣговъ, Грековъ, Норманновъ, наконецъ Половцевъ. Но и возстановленіе болгарскаго царства въ 1186 г. отозвалось для Македоніи только новыми нападеніями съ сѣвера, затѣмъ ненадолго обрѣла она покой подъ властью болгарскаго царя Калояна, а затѣмъ опять попала въ общую дѣлежку Латинянъ. При этомъ все высшее

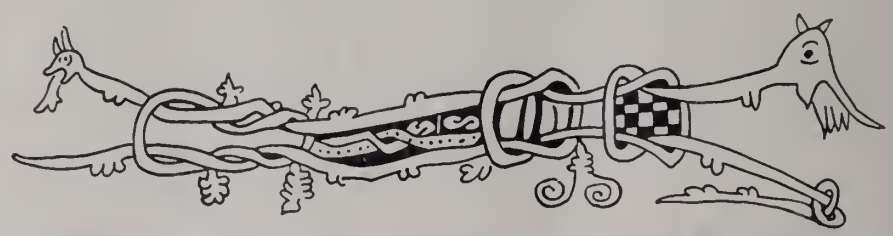
---

1) Ѳ. Успенскаго. *Образованіе втораго Болгарскаго царства.* Одесса, 1879, стр. 2—56.

2) См. дословное заимствованіе изъ курса лекцій Григоровича у А. А. Котляревскаго: *Библіологическій опытъ о древней русской письменности*, въ *Сочиненіяхъ*. IV, 1895, стр. 320—2.

духовенство Охридской архіепископіи назначалось исключительно изъ Грековъ, врядъ ли покровительствовавшихъ распространенію славянскихъ богослужебныхъ книгъ.

Въ дополненіе къ нашему этнографическому экскурсу остановимся въ нашемъ введеніи ненадолго на художественно-историческомъ вопросѣ о древнѣйшемъ орнаментѣ болгарскихъ рукописей. Спѣшимъ впередъ оговориться, что подобное разсмотрѣніе считаемъ до времени совершенно условнымъ, и временнымъ, такъ какъ въ такихъ незатронутыхъ научнымъ анализомъ сферахъ, каковы болгарскія древности, всякаго рода постановка имѣетъ свое значеніе. Кстати, въ этой постановкѣ нашимъ руководителемъ является незабвенный дѣятель русской археологіи, покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, и предстоитъ только сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути, имъ уже, если не проложенному, то намѣченному. Въ двухъ своихъ замѣчательныхъ рецензіяхъ: на извѣстное сочиненіе Віолле-де-Дюка о русскомъ искусствѣ и на первый выпускъ изданія В. В. Стасова «Славянскаго и восточнаго орна-



9. Заставка въ «Хиландарскомъ Паремейникѣ», ркп. М. Рум. Библ. № 1685, XII в.

мента по рукописямъ[1]), покойный ученый орлинымъ окомъ прозрѣлъ важность болгарскаго рукописнаго орнамента для нашей собственной археологіи: этотъ орнаментъ легъ въ основаніе русской письменности и русскаго историческаго орнамента. Отъ южныхъ славянъ приняли мы и письменность и художественные образцы византійскаго искусства, такъ какъ юго-славянскія формы орнамента являлись историческими посредствующими звеньями нашихъ связей съ византійствомъ. Писецъ Остромирова Евангелія 1056 — 1057 года, украсившій его миніатюрами евангелистовъ, имѣлъ для себя, — говоритъ Буслаевъ, — оригиналомъ не греческую, а болгарскую рукопись, и надъ головою св. Луки надписалъ его имя, хотя по гречески, но съ древнеболгарскимъ юсомъ, очевидно, не понимая ни греческаго письма, ни носового

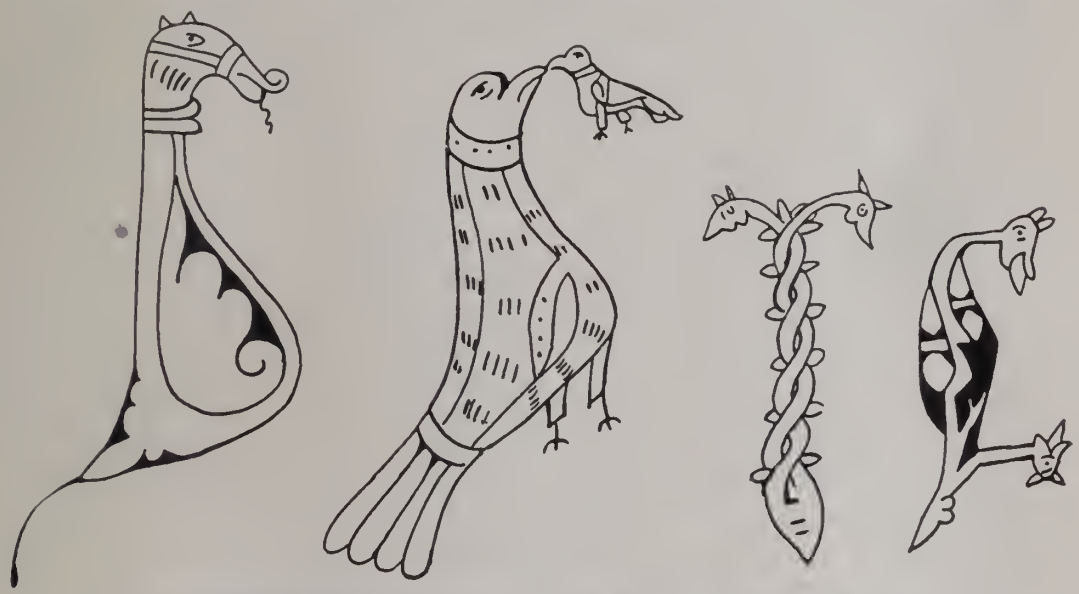
1) «Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго» въ журналѣ «Критическое Обозрѣніе» 1879 г., №№ 2 и 5. Рецензія изданія Стасова, вып. I, 1884 г. «Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1884 г. май, стр. 54 — 104.

произношенія чуждой русскому языку буквы. Правда, самыя заставки Остромирова Евангелія и Святославова Сборника, по взгляду Буслаева, являются собственно произведеніями византійскаго искусства, а не славянскаго, какъ онъ выражается довольно ясно. Но большинство болгарскихъ лицевыхъ рукописей, заставки и инициалы которыхъ воспроизведены въ изданіи Стасова на первыхъ семи его таблицахъ, по самому своему происхожденію и «по своей чудовищности не имѣютъ ничего общаго съ орнаментомъ византійскимъ и всего скорѣе могутъ быть сближены съ самыми грубыми подѣлками ранняго средневѣковаго стиля, изъ котораго потомъ отъ VII и до X вѣка развивался на Западѣ орнаментъ, такъ наз., *тератологическій*, не только рукописный, но и въ издѣліяхъ каменныхъ, металлическихъ и др.». Въ то же время Буслаевъ считаетъ этотъ тератологическій элементъ восточнаго происхожденія, которымъ объясняется многое въ орнаментѣ болгарскомъ, а затѣмъ и русскомъ. «Начавшееся въ эпоху романтизма чествованіе самородности и первобытности національныхъ посѣвовъ культуры и теперь еще не перестаетъ оказывать свою силу въ преувеличенной оцѣнкѣ народныхъ и мѣстныхъ основъ письменнаго орнамента; между тѣмъ, какъ въ другихъ областяхъ исторіи, быта и литературы методъ историческаго изслѣдованія и передачи плодовъ ранней культуры открылъ новые пути къ самымъ убѣдительнымъ заключеніямъ». Это заключеніе Буслаева является важнѣйшимъ и лучшимъ свидѣтельствомъ того научнаго поворота, который произошелъ въ его собственныхъ взглядахъ въ послѣдніе годы его историко-археологическихъ работъ. Онъ указываетъ здѣсь, что для всѣхъ варварскихъ европейскихъ народовъ сѣвера неистощимою сокровищницею было христіанство и культура христіанства восточнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ письменность, преданія и античныя греко-восточныя художественныя формы. Правда, Буслаевъ, по необходимости, останавливается на первой стадіи открытаго имъ пути; ему кажется, что само романское искусство есть только искаженіе въ копіи художественнаго византійскаго оригинала, утратившаго въ этомъ переходѣ въ варварскій стиль свое основное античное изящество. Романскій чудовищный стиль оказался исторически общимъ для самыхъ разнообразныхъ европейскихъ народностей, которыя, благодаря данному имъ художественному упрощенію, могли внести въ орнаментъ свой мѣстный индивидуальный характеръ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Буслаева, чѣмъ спѣшнѣе и небрежнѣе была древняя славянская рукопись исполняема, — тѣмъ болѣе теряла она византійское изящество и стиль и, становясь грубѣе, возвращалась въ среду основного византійскаго натурализма восточнаго характера и тѣмъ энергичнѣе и оригинальнѣе въ ней вырабатывался ея чудовищный стиль. Болгарскія рукописи XI — XIII вѣковъ вырабатывали, такимъ обра-

зомъ, характерную орнаментальную систему, состоящую изъ переплетеній людей и животныхъ и господствовавшую затѣмъ у насъ, въ Россіи, въ періодъ XIII—XV столѣтій. Главною заслугою изданія Стасова, Буслаевъ считаетъ полученныя черезъ это изданіе свидѣтельства въ области восточнаго орнамента, доказывающія, что восточнымъ элементомъ въ русскомъ рукописномъ орнаментѣ мы преимущественно обязаны вліянію болгарской письменности. Эти общіе свои взгляды академикъ Буслаевъ дополнилъ подробнымъ разборомъ орнаментаціи древнѣйшихъ болгарскихъ рукописей XI—XIII стол. по первымъ таблицамъ Стасовскаго изданія, сдѣлавши къ тому же много дополненій, на основаніи нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, находящихся въ Московскихъ библіотекахъ. На основаніи этого разбора уже *Саввина книга* представляетъ замѣтную примѣсь болгарскаго элемента къ византійской основѣ: рисовальщикъ нерѣдко стремится тутъ оживотворить геометрическую фигуру буквы, или глазомъ, или превращеніемъ нѣкоторой ея части въ звѣриную голову. Несравненно характернѣе становится болгарскій орнаментъ въ XII вѣкѣ, въ рукописяхъ Охридскаго Апостола, Евангелія и Хиландарскаго Паремейника, находящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Въ рукописи Охридскаго Апостола византійская основа славянскаго инициала разнообразится обыкновенно звѣриными головами, а также змѣиными узорами, которые являются здѣсь какъ бы впервые. Въ этихъ змѣиныхъ узорахъ Буслаевъ не видитъ собственно ничего болгарскаго, такъ какъ сближаетъ ихъ съ византійскими заставками, въ которыхъ змѣиныя сплетенія встрѣчаются во многихъ рукописяхъ. Самой характерною рукописью, содержащей наиболѣе типичные и разнообразные звѣриные узоры, Буслаевъ считаетъ Хиландарскій Паремейникъ (рис. 9, 10). «Дальше этого, — говоритъ онъ, — одичалая чудовищность средневѣковаго стиля не пошла ни въ одной изъ славянскихъ рукописей. Тутъ не безпомощная неумѣлость самоучки, который боязливо и вяло портитъ въ своей убогой копіи красивый образецъ, а смѣлая и бойкая рука отважнаго удальца, который привыкъ громить классическія сооруженія античнаго міра и ихъ монументальныя развалины и узорчатый щебень пригонять на скорую руку къ своимъ невзыскательнымъ потребностямъ и подѣлкамъ». Буслаевъ видитъ здѣсь одновременно духъ разрушенія старыхъ формъ и созиданіе изъ ихъ обломковъ формъ новыхъ. Онъ прослѣживаетъ весьма внимательно, какъ буквы превращаются въ зубы или жала чудовища, какъ торчатъ онѣ желтой рукой съ пятью пальцами; какъ вытягиваются стволы буквъ и изгибаются на подобіе гусиныхъ шеекъ; какъ листы претворяются въ морду чудовища. Словомъ, эта рукопись представляетъ полное вторженіе болгарскаго самоуправства въ традиціонный строй византійской орнаментики. Ни одна изъ извѣст-

ныхъ рукописей не кишитъ, — по словамъ Буслаева, — такъ змѣями, какъ эта[1]).

При всемъ блестящемъ изложеніи взглядовъ Буслаева и всей тонкости въ характеристикѣ главныхъ болгарскихъ рукописей, особенно аоонскаго Паремейника, наглядно проступаетъ извѣстная недоговоренность, какъ бы прикрывающая историческое противорѣчіе. Такъ, изъ словъ Буслаева мы должны заключить, что древнѣйшія болгарскія рукописи слѣдуютъ вполнѣ византійскимъ образцамъ, а затѣмъ послѣдовательно начинаютъ передѣлывать эти образцы по своему; передѣлка эта завершается въ XII столѣтіи



10. Изъ Паремейника Хиландарскаго м-ря, въ М. Румянц. Публ. Библ. № 1685, XII в.

выработкою «звѣриной» или тератологической системы въ орнаментѣ. И вотъ, между тѣмъ, эта самая система начинаетъ напоминать собою древнѣйшій романскій стиль (VI — X стол.); тотъ стиль, который, по словамъ самого Буслаева, — «мы знаемъ и въ собственно романскомъ стилѣ и въ его вѣтвяхъ: ирландскомъ, меровингскомъ, англо-саксонскомъ, карловингскомъ и лангобардскомъ», въ которыхъ онъ самъ указываетъ «очевидное сродство съ звѣринымъ стилемъ славянскихъ племенъ». Между тѣмъ все это противорѣ-

1) Со времени изд. В. В. Стасова наша Публичная Библіотека пріобрѣла рядъ листковъ Слѣпченскаго Апостола—почти цѣлую рукопись F. п. 1, № 101, въ которой можно найти много дополненій и новаго противъ изданія, вмѣстѣ съ варіантами основныхъ типовъ: есть и крылатые драконы, и птицы, и птица, несущая змѣю, и перевитая змѣею, и змѣи, полуподнявшіяся, и пр. Особенно бросается въ глаза желаніе рисовальщика отыскать въ аканѳахъ подобіе головы, оживить ее глазомъ и т. д.

чіе разрѣшается вполнѣ ясно и точно тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ византійскаго стиля, болгарскій орнаментъ пользовался еще, какъ основою, стилемъ *греко-восточнымъ*, существовавшимъ на ряду съ собственно византійскимъ искусствомъ и породившимъ то самое романское искусство въ Италіи и Южной Франціи, а затѣмъ и нѣкоторыя его вѣтви въ историческіе періоды, проходимые западнымъ искусствомъ подъ вліяніемъ греко-восточнаго стиля. Существованіе этого стиля мы наблюдаемъ прежде всего въ замѣчательномъ и цѣльномъ кругѣ древностей лангобардскихъ, имѣющихъ, ближайшее родство и аналогію съ памятниками Сиріи — въ тотъ же періодъ VII—X вѣка. Произведенія греко-восточнаго стиля, въ настоящее время, изучаются нами во множествѣ предметовъ художественной промышленности того

11. Изъ ркп. Апостола Слѣпчен. м-ря въ Рум. Муз. Публ. Библ.

же періода и, въ частности, въ поливной посудѣ, распространенной за тотъ же періодъ времени по всѣмъ берегамъ Средиземнаго, Адріатическаго и Чернаго морей. Наконецъ въ старой Руси этотъ стиль былъ близко извѣстенъ подъ именемъ «корсунскаго» стиля.

Греко-восточное искусство сформировалось задолго до собственнаго византійскаго и его центромъ была Александрія и искусство христіанскаго Египта или коптское, котораго формы были распространяемы художественной промышленностью Сиріи. На этомъ расцвѣтѣ греко-восточнаго искусства основалась затѣмъ и христіанская культура Малой Азіи, издавна снабжавшая всѣ побережья Чернаго моря и страны Кавказа и южной Россіи своими произведеніями. Вотъ почему и такъ называемый сассанидскій стиль представляетъ тѣсныя связи съ искусствомъ греко-восточнымъ, а когда Исламъ,

въ началѣ VII вѣка, оторвалъ окончательно страны греко-восточной культуры до Малой Азіи включительно отъ Византійской Имперіи и порвалъ общеніе съ остальнымъ христіанскимъ міромъ, то существовавшее въ нихъ грековосточное искусство уцѣлѣло въ безчисленномъ рядѣ мелкихъ кустарныхъ промысловъ, еще и доселѣ питающихъ рынки Востока. Конечно, построеніе исторіи этой параллельной вѣтви искусства христіанскаго Востока принадлежитъ еще будущему, и мы въ настоящее время, затрагивая этотъ совершенно сырой историческій вопросъ, рисковали бы всякаго рода неточностями въ своихъ сближеніяхъ. Однако же, разъ эта половина восточной исторіи обозначилась передъ нами болѣе или менѣе ясно, не принимать въ расчетъ ея фактовъ—значило бы искажать построеніе историческаго процесса. По счастью, въ данномъ случаѣ мы можемъ ограничиться опредѣленными фактическими данными, которыя представляютъ намъ грековосточныя рукописи, орнаменты которыхъ опубликованы въ томъ же изданіи Стасова, отчасти мной самимъ. Культура русскаго и славянобалканскаго юга слагалась, видимо, подъ общимъ условіемъ вліянія основной греко-восточной культуры и именно этимъ, а не вліяніемъ Средней Азіи и Персіи мы должны объяснять господство восточнаго элемента въ нашемъ и балканскомъ орнаментѣ.

На первомъ мѣстѣ приходится поставить орнаментику греческаго Евангелія 967 года въ библіотекѣ Синайскаго монастыря [1]). Орнаментика этой рукописи даетъ какъ разъ тотъ самый тератологическій матеріалъ, который описывается такъ тщательно и характерно Буслаевымъ въ Хиландарскомъ Паремейникѣ. Разница между Синайскимъ Евангеліемъ и Хиландарской рукописью есть разница прекраснаго оригинала и варварской копіи, вычерченной перомъ вмѣсто красокъ и той пестрой декораціи, которую находимъ въ греческой рукописи. Мы видимъ здѣсь также и сплетшихся вокругъ цвѣтка или вѣтки драконовъ и плетеніе змѣй, и человѣческія или птичьи головы на концахъ. Дальнѣйшимъ дополненіемъ того же направленія служитъ другая Синайская рукопись «Поученіе Ѳеодора Студита» 1086 года, за № 401 въ той же библіотекѣ. Къ сожалѣнію, мы совершенно не знаемъ того мѣста, изъ котораго происходятъ обѣ рукописи, но считаемъ нужнымъ сказать, что такого рода характерныя по своей орнаментикѣ рукописи между греческими рукописями X—XI вѣка существуютъ далеко не въ единичныхъ экземплярахъ и могли бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Далѣе, орнаментика болгарскихъ рукописей находитъ себѣ весьма близкія аналогіи въ орнаментѣ рукописей Сирійскихъ и Коптскихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться,

---

1) См. мою замѣтку: «Зооморфическіе инициалы греческихъ и глаголическихъ рукописей X—XI столѣт. въ библіотекѣ Синайскаго монастыря 1903, съ восемью таблицами.

достаточно просмотрѣть даже только таблицы Стасовскаго изданія, за №№ 127, 128, 129 по орнаменту сирійскому и таблицы 133, 134 и 135 орнамента коптскаго. Въ свою очередь, орнаментика этихъ рукописей, ихъ зооморфическіе типы находятъ себѣ ближайшую аналогію въ указанной нами поливной посудѣ, находимой въ развалинахъ Херсонеса, Ѳеодосіи и восточ-

12. Буквы изъ греч. Ев. Син. Библ. № 213, 967 г. По изд. В. В. Стасова.

наго побережья Кавказа. Конечно, мы не позволимъ себѣ вступать на скользкій путь современныхъ догадокъ объ условіяхъ и причинахъ подобныхъ аналогій между коптскими рукописями, съ одной стороны, и балканскими— съ другой. Въ настоящее время стало нѣкоторой модой подыскивать тѣ, довольно разнообразныя, но совершенно случайныя связи и сношенія, которыя могли существовать между средней Европой и Сиріей въ средніе вѣка, но объяснять путемъ подобныхъ открываемыхъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, случайностей, стилистическія аналогіи памятниковъ такихъ отдаленныхъ мѣстностей, очевидно, нельзя, да, главное, никакой нѣтъ въ томъ и нужды. Мы должны, прежде всего, непрестанно памятовать, что въ IX, X и XI вѣкахъ на ряду съ собственно византійскимъ искусствомъ существовало архаическое теченіе кустарнаго характера, шедшее изъ греко-восточныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, Миклошскій кладъ въ Венгріи—есть именно произведеніе этого кустарнаго греко-восточнаго искусства, сработаннаго мѣстными мастерами восточной Европы по старо-завѣтнымъ образцамъ. Искусство Балканскаго полуострова стояло въ прямой зависимости отъ этихъ кустарныхъ мастерскихъ и само очень рано развило у себя цѣлый рядъ кустарныхъ художественныхъ промысловъ, остатки которыхъ мы знаемъ доселѣ.

Третій періодъ, о которомъ приходится сказать нѣсколько словъ въ видѣ обще-историческаго введенія къ археологической темѣ, начинается для

Македоніи вмѣстѣ съ концомъ XII столѣтія, приблизительно съ 1188 года. Съ этого времени Греки почти утратили уже власть надъ Болгаріей, и началось второе болгарское царство. Но для Македоніи эта политическая перестановка не имѣла положительныхъ результатовъ. Только при Іоаннѣ Асѣнѣ II (1218—1241) Македонія была занята Болгарами, хотя столицей этого болгарскаго царства уже было и осталось Тырново, не смотря на присоединеніе къ Болгаріи съ этого времени округовъ Сѣра, Скопія, Прилѣпа и Охриды. Это возсоединеніе Македоніи съ родственной или родною Болгаріею имѣло мало значенія, конечно, потому, что оно было кратковременнымъ, такъ какъ уже въ 1242 году Греки заняли всю восточную Македонію, а въ 1254 и Западную, вплоть до Охриды, и попытка Болгаръ возвратить Македонію себѣ кончилась тѣмъ, что послѣ трехлѣтняго кровопролитія, она была вновь утрачена въ 1257 году. Такимъ образомъ, характеризовать этотъ періодъ возсоединеніемъ съ Болгаріею, очевидно, нельзя, а, между тѣмъ, уже съ 1267 года на Балканскомъ полуостровѣ начинается замѣтное усиленіе Сербіи и обще-европейское движеніе съ запада. А, затѣмъ, въ очень скоромъ времени, а именно въ 1281 году, вся Македонія стала сербскою. Собственно

13. Изъ греч. ркп. Ѳ. Студита, Син. библ. № 401, 1086 г.

съ этого времени и вплоть до 1330 года состоялось большинство построекъ пышныхъ церквей на почвѣ Македоніи, а наступившій въ 1330 году нѣкоторый временный перерывъ, въ видѣ успѣховъ Андроника Младшаго, заставившаго Сербовъ уступить ему Охриду, оказался мимолетнымъ и незначительнымъ. Послѣ знаменитой битвы при Вельбуждѣ въ 1330 году, когда Болгары были поражены на голову Стефаномъ Сербскимъ и убитъ болгарскій царь Михаилъ, власть Сербовъ распространилась на всю Македонію

*

вплоть до крайнихъ западныхъ ея границъ. При сынѣ Стефана, знаменитомъ Стефанѣ Душанѣ (1331 — 1355) византійскія междоусобія усилили власть Сербіи и выдали ей головою даже такіе форпосты Византіи, какъ городъ Серры (1346) и выработали затѣмъ тѣ прерогативы и претензіи на полное господство надъ Балканскимъ полуостровомъ, которыя выразились наиболѣе ярко въ фактѣ вѣнчанія въ Скопіи Душана «царемъ Ромеевъ» и назначенія сына его Уроша кралемъ, т. е. съ точки зрѣнія средневѣковаго титула въ заявленіи правъ Душана на овладѣніе Греческой имперіей. Несомнѣнно, новыя политическія задачи не были національными въ собственномъ смыслѣ слова, уже, между прочимъ, и потому, что титулъ краля сербскаго народа былъ, въ этомъ случаѣ, приравненъ къ придворному титулу кесаря. Такимъ образомъ, величіе новой политической задачи, выработанной среди дипломатическихъ интригъ, значительно ослабляется соображеніями о ея внутреннихъ мотивахъ и случайностью самаго ея возникновенія, какъ справедливо говоритъ проф. Флоринскій [1]). Завоеванія Душана въ Македоніи достались Сербамъ сравнительно легко, а беззащитность покоренныхъ провинцій и отсутствіе солидарности въ ихъ населеніи, крайне разноплеменномъ, облегчали завоевательныя движенія. Македонія была оставлена Византіею на жертву завоевателя, и эта легкость пріобрѣтенія византійскихъ областей должна была вызвать у Душана, какъ высокое мнѣніе о своемъ могуществѣ, такъ и рядъ смѣлыхъ замысловъ и, наконецъ, извѣстное увлеченіе «византизмомъ», которое, по словамъ историка, наглядно обнаружилось въ дальнѣйшей его дѣятельности. Но, отсылая всѣхъ интересующихся къ цитированной прекрасной монографіи, нельзя не указать, что въ этомъ увлеченіи «византизмомъ» была одна положительная и важная для славянской національности сторона — увлеченіе культурной стороною умиравшей политически націи, ея образованностью, ея постройками, церквами и монастырями, покровительствомъ Аѳону, благотворительностью Хиландару, а также дипломатическими сношеніями и союзами съ западными странами, выгодами торговли и прочими сторонами культурной жизни западныхъ государствъ. Повидимому, отъ этой эпохи и уцѣлѣло большинство памятниковъ церковной утвари, находимыхъ нами въ Македоніи. По смерти Душана началось, какъ извѣстно, раздробленіе царства, междоусобія, а въ 1871 году Македонія подверглась страшному разграбленію со стороны турокъ. Еще строились, по принятому обычаю, церкви и монастыри (монастырь Марковъ, по имени краля Марко, сына Вулкашина, умертвившаго Душанова сына Уроша), а въ 1389 году произошла, какъ извѣстно, битва при Косовомъ полѣ, поведшая затѣмъ къ ту-

1) Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. II, 1882, стр. 103.

рецкому завоеванію Македоніи и Болгаріи. Съ концомъ XIV вѣка несомнѣнно заканчивается этотъ послѣдній третій періодъ славянской Македоніи и жизнь въ ней замираетъ вплоть до настоящаго времени.

Памятники искусства южныхъ славянъ еще только приводятся въ извѣстность и археологія сербская, болгарская и молдовлахійская пока совершенно лишена научной постановки. Памятники едва изучаются ради историческаго интереса со стороны ихъ надписей и мѣстнаго антикварнаго значенія, но никакихъ научныхъ работъ и никакого историческаго подбора памятниковъ въ послѣдовательномъ развитіи формъ, за исключеніемъ одной архитектуры, пока вовсе не сдѣлано. Археологическая наука доселѣ поглощена настолько областью византійскаго искусства, что не въ состояніи выдѣлить силъ для научнаго разбора различныхъ вѣтвей византійскаго искусства. Отсюда, господство общихъ ограниченныхъ взглядовъ на ходъ развитія самого византійскаго искусства въ періодъ его разложенія и созданія иныхъ національныхъ побѣговъ. Если чему и посчастливилось выдѣлиться въ данномъ случаѣ, то единственно архитектурѣ, въ которой уже существуютъ общіе очерки архитектуры грузинской и сербской. Совершенно въ иномъ положеніи находятся, напримѣръ, стѣнныя росписи юго-славянскихъ церквей; онѣ доселѣ совершенно не опубликованы и даже не сняты фотографически и, поэтому, недавнее изданіе памятниковъ сербской архитектуры и стѣнной росписи архитектора П. П. Покрышкина является истинной заслугою передъ археологической наукой. Съ сожалѣніемъ должны сказать, что и наша собственная поѣздка должна была ограничиться, въ виду недостатка времени, самыми поверхностными снимками встрѣченныхъ нами стѣнныхъ росписей. Снимки сколько нибудь удовлетворительные требуютъ, какъ извѣстно, постройки лѣсовъ и продолжительной выдержки. Такимъ образомъ, интересъ многихъ росписей можетъ быть только засвидѣтельствованъ путешественникомъ, а не представленъ въ ученомъ изданіи. Въ какомъ же вообще положеніи находятся въ настоящее время славянскіе памятники, можетъ показать одинъ избираемый нами примѣръ.

Въ самое послѣднее время опубликована въ прекрасныхъ фототипическихъ снимкахъ любопытная лицевая рукопись Сербской Псалтыри первой половины XV вѣка, находящаяся въ Мюнхенской библіотекѣ и имѣющая дополнительную копію того же оригинала въ Бѣлградской библіотекѣ. Ученыя силы, привлеченныя къ изданію этого любопытнаго памятника[1]): извѣстный

1) *Die Miniaturen des Serbischen Psalters d. Bibl. in München* v. J. Strzygowski, mit Einleitung v. V. Jagić. Mit 1 Tafel in Farben, — 61 in Lichtdruck u. 43 Abb. *Denkschr. d. K. Akad. d. Wiss. in Wien.* Bd. LII. W. 1906.

славистъ И. В. Ягичъ и проф. Стрыговскій посвятили этимъ миніатюрамъ обширный текстъ на 220 страницахъ, съ объясненіемъ всего содержанія рукописи и ея лицевыхъ изображеній. Но вотъ уже первая миніатюра на первой таблицѣ съ изображеніемъ юноши, умирающаго среди своихъ друзей и смерти, указывающей ему на смертную чашу, оказалась не понятной и необъяснимой, не смотря на цѣлый рядъ сопровождающихъ ее и объясняющихъ надписей. «Си чаша сьмерьтна». И внизу: «Мене плачите се, мене ридаите о друзи, се бо вьнезаіапу прѣдста ми невидимо хищникъ; истрьзае страшнимь оружіемъ из срѣди срьдьчную душу мою, и чашею напяе ме яда сьмрьтнаго. Уви мнѣ, нѣсть милующаго ме». Примѣчаніе (стр. 10) даетъ слѣдующее объясненіе: «Изображеніе это пока въ области искусства остается безъ аналогій, въ особенности главный мотивъ его, указанный и текстомъ передачи чаши со смертельнымъ ядомъ». Равно, среди извѣстныхъ мотивовъ народныхъ вѣрованій не представляется никакой параллели (ссылка на Бастіана). Оріенталисты и слависты должны дѣлать поиски (Генр. Шенкль указываетъ на расказъ о чашѣ Сократа). «Напротивъ того, для характеристики смерти могутъ быть указаны слѣды уже въ античную эпоху». Слѣдуетъ обычное указаніе на изображеніе смерти на аттическихъ лекиѳахъ, этрусскихъ вазахъ и византійскихъ миніатюрахъ.— Возможно, что, дѣйствительно, въ средѣ византійскаго матеріала нельзя найти подобнаго изображенія, но, что касается поздне-греческой иконографіи и славянской въ частности, данная тема является довольно обыкновенной въ извѣстныхъ русскихъ синодикахъ. Синодики, или памятники, кромѣ болѣе или менѣе длинныхъ списковъ именъ различныхъ насельниковъ обители и ея ктиторовъ и благотворителей, начиная отъ царей и царицъ и кончая боярами, дьяками и подъячими — содержатъ обыкновенно статьи о полезности поминовенія умершихъ, о памятованіи смертнаго часа, о загробной жизни и поучительные разсказы о преподобномъ Макаріи, обрѣтшемъ въ пустынѣ черепъ эллина, объ Андреѣ Юродивомъ и тому подобныя статьи поучительнаго характера, сопровождаемыя иллюстраціями. Одною изъ выходныхъ иллюстрацій является изображеніе боярина, къ которому является смерть; внизу же, рядомъ съ его гробомъ, изображеніе чаши «немимоходной». Къ этой миніатюрѣ присоединено нѣсколько изреченій Іоанна Дамаскина и между ними изреченіе о чаши смерти, которой не можетъ миновать ни одинъ человѣкъ, къ которой со страхомъ приближаются молодые и старые, міряне и монахи, къ которой невидимая сила влечетъ и молодость, хотя она и старается пройти мимо нее. За этой миніатюрой слѣдуетъ точно также, какъ и въ Сербской псалтыри, изображеніе гроба и въ немъ тѣло предавшагося тлѣнію. По тексту изреченій того же Іоанна Дамаскина.

Оставляя пока въ сторонѣ росписи, сохранившіяся въ болгарскихъ церквахъ и въ древнѣйшихъ церквахъ Македоніи, такъ какъ о нихъ будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ, остановимся на сербскихъ церквахъ, которыхъ росписи впервые появились въ указанномъ изданіи ученаго архитектора нашей Академіи Художествъ П. П. Покрышкина[1]). Рядъ этихъ росписей сталъ извѣстенъ ученымъ уже съ давнихъ поръ, благодаря выставкѣ снимковъ Вальтровича и Милутиновича на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1872 году. Но, къ сожалѣнію, и истинной потерѣ для археологической науки, снимки эти остаются доселѣ неизданными. П. П. Покрышкинъ, какъ архитекторъ, въ своемъ путешествіи по Сербіи работалъ болѣе всего по обмѣрамъ церквей, рисовкѣ орнаментовъ и приготовленію матеріала для чертежей, но въ то же время, обнаруживая истинно научную пытливость, выполнилъ цѣлый рядъ снимковъ съ церковныхъ фресокъ, изданіе которыхъ позволяетъ уже и въ настоящее время говорить не голословно объ этихъ памятникахъ. Несомнѣнно, что ихъ историческое изслѣдованіе явится со временемъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ византійской археологіи: это одна изъ наиболѣе оригинальныхъ и сильныхъ вѣтвей византійскаго искусства. Весьма любопытно, напримѣръ, что въ то время, какъ великая Успенская церковь Студеницкой лавры, построенная Стефаномъ Нѣманею, около 1190 года, характеризуется въ архитектурѣ, какъ памятникъ Лонгобардскаго стиля на почвѣ Далмаціи, — роспись ея, относящаяся къ тому же времени, носитъ чисто византійскій характеръ. Такова, напримѣръ, фреска Распятія, представляющая какъ бы воспроизведеніе хорошей византійской миніатюры. Прекрасною работою греческихъ мастеровъ является и фреска Страшнаго Суда, настолько, что аналогія подобныхъ росписей можетъ быть указываема только въ византійскихъ мозаикахъ, такъ какъ чисто византійскихъ фресокъ этого времени, мы пока не знаемъ. (Грузинскія фрески этого времени и роспись Спаса Нередицы въ Новгородѣ не принадлежатъ къ чисто византійскимъ произведеніямъ). Подобное же мастерство греческихъ образцовъ находимъ въ росписи второй по старшинству сербской церкви монастыря Жича, построеннаго св. Саввою и его братомъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ между 1222 и 1228 годами. Остатки замѣчательныхъ фресокъ, изображающихъ 40 мучениковъ и крестный ходъ (таблицы указ. изд. XIX—XXX) блещутъ своими греческими типами и исполненіемъ, напоминающимъ лучшія миніатюры. Нагія фигуры 40 мучениковъ особенно любопытны, какъ такого рода ори-

1) Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ» Спб. 1906.

гинальы, отъ подражанія которымъ, ихъ постоянно улучшая, пошло итальянское искусство раннаго Ренессанса. Фигуры эти можно назвать академическими: настолько близко онѣ напоминаютъ господствовавшій нѣкогда въ первой половинѣ XIX вѣка особый вялый, какъ бы ваточный, академическій шаблонъ. Онѣ далеки отъ дѣйствительной анатоміи, отъ рисунка живой натуры, но, несомнѣнно, онѣ передаютъ извѣстное знаніе и умѣніе, точнѣе говоря, нѣкоторую грамотность. Такого же характера и другая сцена, любопытная крайнимъ преувеличеніемъ пропорцій и тѣмъ монументальнымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются всѣ византійскія группы. Какъ извѣстно, наиболѣе блестящимъ временемъ сербской архитектуры является вторая половина XIII и первая половина XIV столѣтія. Эта вторая группа сербскихъ церквей опредѣляется византійскимъ вліяніемъ со стороны архитектурной; по равнымъ образомъ и въ живописи, обильно украшающей храмы этого періода, видятъ также послѣдованіе чисто греческимъ образцамъ. Между тѣмъ, уже, судя по громаднымъ пространствамъ, заполненнымъ этими росписями, какъ въ самой Сербіи, такъ и въ церквахъ Македоніи, мы должны естественно заключить о существованіи чисто сербскихъ мастерскихъ, которыя, очевидно, должны были и слѣдуя греческому образцу, исполнять его, до извѣстной степени, по своему. И вотъ это своеобразное, національное вліяніе на греческой основѣ мы видимъ, напр., во фрескахъ Краліевой церкви въ Студеницѣ, росписанной въ 1314 году (таблицы 56—65). Мы видимъ здѣсь, прежде всего, на основѣ греческаго образца начавшуюся жизнь искусства, личныя попытки оживить группы, мѣстами ихъ расчленивши, размѣстивши рѣже (хотя бы въ ущербъ рисунку, такъ какъ это дѣлается съ греческаго шаблона), равно оживить отдѣльныя фигуры, наклонивши ихъ (хотя бы это было въ толпѣ), разнообразя позами, напр., таблица 56, гдѣ одна женщина представлена даже опирающей руку на баллюстраду и поддерживающей рукою голову въ задумчивости. Особенно замѣтно это по преувеличенію движеній, переходящихъ въ нѣкоторую нервозность, несвойственную византійскому шаблону (таблица 57, фигура Богоматери, она же на таблицѣ 60). Прямо сильное движеніе и красивое, и величественное придано образу Спасителя во фрескѣ Сошествія во адъ. Повидимому, здѣсь даже извѣстные иконные типы подвергаются нѣкоторой переработкѣ, какъ напримѣръ, образъ Одигитріи, стоящей съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ (таблица 61). Всѣмъ извѣстно, что этотъ образъ переданъ греками во множествѣ всевозможныхъ копій и списковъ и, однакоже, мы лично не помнимъ ни одного, который бы сходился съ изображеніемъ Одигитріи въ настоящемъ фресковомъ изображеніи. Здѣсь все иное: и типъ лика Богоматери, и голова Младенца (весьма натуралистичная) и особенная матрональная полнота всей фи-

гуры, и самыя складки, значительно упрощенныя, зачастую прямо вертикальныя, а не изломанныя въ причудливыхъ зигзагахъ, какъ то было въ обычаѣ въ чисто греческихъ произведеніяхъ.

Женскій костюмъ ближайшихъ къ Охридѣ селъ [1]).

Прямо на тѣло одѣваютъ *кошулята* — рубашку едва ли не до лодыжекъ и пятъ, настолько узкую, что носящая ее едва-едва можетъ свободно шагать широкими шагами; изъ толстаго конопляннаго, льняного или бумажнаго полотна. Она вышита на рукавахъ вдоль по шву и въ ширину около рукъ разноцвѣтными, красными, черными и др. бумажными или шелковыми вышивками; точно такъ и внизу вышивки на стану. Вышивки по шву шириною въ 2—3 пальца, а около рукъ почти въ пядь. Застегиваютъ ее подъ горломъ серебряными или оловянными пряжками.

1. До недавняго времени и горожанки Охриды вышивали себѣ рубашки, если не на рукавахъ, то по крайней мѣрѣ, внизу на стану; но, какъ городскія, разумѣется вышивки ихъ были красивѣе и утонченнѣе, обыкновенно шелковыя съ канителью. Точно такъ вышивали и платки. И нынѣ въ сундукахъ у старыхъ женщинъ имѣются кое-гдѣ такія вышитыя рубашки и платки. Всего болѣе были въ употребленіи вышивки въ Кукушѣ.

Женщины, одѣвающіяся въ народный костюмъ, не носятъ панталонъ, какъ вообще у славянъ.

2. Сверхъ рубашки надѣваютъ бумажный жилетъ — *елеча* въ пѣсняхъ — или *зѫбунче*, длинную до колѣнъ бумажную одежду съ половинчатыми рукавами.

3. Поверхъ *зѫбунче* надѣвается *кюрдія*, бѣлая, длинная до колѣнъ изъ шаяка одежда безъ рукавовъ, какъ болгарскій *сукманъ* съ вышивками съ тою только разницей, что она распахивается на двѣ полы, а не какъ сукманъ съ распашкой только на груди.

На плечахъ вшиты по одной на каждомъ подпояскѣ дзуницы, тесемки изъ шаяка шириной въ два пальца, а длиной въ $1^1/_2$ локтя, которыя служатъ для подвязыванія верхней одежды и платка, когда женщины занимаются работой, чтобы имъ не мѣшали работать. Кюрдія на груди и на плечахъ вышита разноцвѣтными вышивками и *камушками* т. е. кусочками краснаго сукна и тонкой желтой жести.

4. Поверхъ кюрдіи опоясываются совершенно оригинальнымъ поясомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ черныхъ и очень длинныхъ шерстяныхъ веревочекъ сплетенныхъ, а несученыхъ, собранныхъ вмѣстѣ снопикомъ. Когда ими опоясываются, перекрещиваютъ ихъ на животѣ такъ, что отъ перекрещиванія постепенно образуется спереди словно конскій хребетъ вдоль по животу отъ пупка до самыхъ сосцовъ. Такимъ образомъ этотъ странный поясъ предохраняетъ животъ женщинъ, особенно беременныхъ отъ всякой внѣшней непредвидѣнной опасности, равно какъ и поясницу ихъ отъ простуды. Внутренность подпоясаннаго хребта, подъ которомъ образуется довольно объемистая пустота, служитъ для помѣщенія разныхъ вещей [2]). За поясомъ у каждой женщины виситъ повѣшенный на цѣпочкѣ ножикъ (сайка), въ пѣсняхъ: *фръшко* или *вершко ноже* (наше фряжскій).

---

1) Переводъ проф. П. А. Лаврова изъ книги К. А. Шапкарева: *Сборникъ изъ Български народни умотворьния*, III, 1, 2, VII, 1891, стр. 268 слѣд.

2) Въ поясахъ Болгарскихъ поселянокъ находится всегда по нѣскольку пучковъ базилики, и еще издали чувствуется сильный запахъ этого растенія.

5. Сверхъ пояса опоясываютъ вышитый передникъ, обыкновенно шерстяной, а иногда и бумажный; а молодыя женщины присоединяютъ и *ал-мамии* т. е. шелковые красные платки, а также серебряныя или мѣдныя пряжки,—металлическій поясъ.

Въ Кукушѣ, какъ и въ Охридѣ, до послѣдняго времени женщины носили цѣльный серебряный поясъ изъ нанизанныхъ на ремень небольшихъ пряжечекъ, а спереди двѣ большія. А въ Кукушскихъ селахъ и нынѣ еще ихъ носятъ. Одинъ изъ подарковъ, которые женихъ долженъ былъ дарить невѣстѣ, это такой серебряный поясъ.

6. Затѣмъ слѣдуетъ *джубето,* бѣлая или въ Стругѣ красная верхняя одежда изъ шаяка, безъ рукавовъ, длиною до колѣнъ, подобная кюрдіи, и только шире ея и съ раскрытыми полами, съ бѣлыми или цвѣтными вышивками изъ снурка и съ вышивками на груди и по швамъ, подъ мышками, и оставленная не запахнутой и не подвязанной чѣмъ нибудь, иногда только опоясанная передникомъ.

Какъ верхняя одежда послѣ этихъ въ прежнее время была *сая*—въ пѣсняхъ бѣлая сая, а нынѣ ее замѣняетъ джубе, которое повидимому мало или совсѣмъ не отличается отъ нея по формѣ [1]).

Цвѣтъ всего мужского или женскаго костюма вообще бѣлый, кромѣ поясовъ, которые всегда бываютъ черные, а въ Стругѣ и джубе, которое обыкновенно краснаго цвѣта.

7. *Сокай* длинный, какъ доска и болѣе пяди шириной полотняный твердый уборъ, надѣтый на голову словно черезъ (?) (кюляфче), съ поднятымъ на темени гребнемъ вышиной въ ладонь [2]), обернутый въ ту сторону, на которую смотритъ лицо носящей его, подвязанный подъ бородой подвязкой и опущенный сзади вдоль спины до бедеръ, на всемъ нижнемъ концѣ котораго висятъ до самыхъ колѣнъ бумажныя сученыя бахрамы въ $1^1/_2$ — 2 пяди длины.

8. Другой, подобный сокаю уборъ, называемый *гайтанъ,* носятъ молодыя женщины; онъ отличается отъ сокая только тѣмъ, что сверху до низу убранъ и покрытъ мелкими озерными раковинками и старыми серебряными монетами даже и по бахромѣ, отчего настолько тяжелъ, что съ большимъ трудомъ держится на головѣ.

Самыя оригинальныя и странныя части женскаго народнаго костюма — это поясъ, сокай и гайтанъ, подобные которымъ врядъ ли носитъ какой нибудь другой народъ.

Сокай носятъ и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Призренскихъ селахъ. Но въ послѣднихъ селахъ носятъ и болгарскій сукманъ такой же какъ и въ Болгаріи и съ тѣмъ же названіемъ.

9. Поверхъ всего на головѣ надъ сокаемъ носятъ убрусъ—бѣлый толстый, квадратный изъ полотна платокъ, вышитый шириной около 4 пальцевъ вышивкой вдоль по двумъ концамъ изъ разноцвѣтной бумажной или шелковой пряжи или кромѣ того для молодыхъ женщинъ по мѣстамъ вышитый канителью, и тогда въ Стругѣ такой платокъ называется махрама.

Дѣвушки не носятъ ни сокая, ни гайтана, который первый разъ надѣваютъ невѣстамъ и носятъ его, пока не родятъ, а потомъ сокаи.

10. На горлѣ, груди, на ушахъ и на головѣ вѣшаютъ разныя связки старыхъ серебряныхъ монетъ.

11. Шерстяные чулки, вышитые разноцвѣтными изъ шерсти, а для невѣстъ и жениховъ изъ шелку вышивками, съ открытыми съ переди верхними частями. На нихъ надѣваютъ опинци, или молодыя женщины красные башмаки съ вышитыми фигурами.

Моріовки (изъ Моріово) вмѣсто чулокъ носятъ на ногахъ видъ плетеныхъ наголенокъ, т. е. частей чулка безъ ступни.

---

1) Есть и другая подобная одежда *клашникъ,* общая, мнѣ кажется, для мужчинъ и женщинъ, подобная *джубе.*

2) Въ Преспанскихъ селахъ, особенно въ Перовѣ вмѣсто такого гребня сверхъ сокая есть еще словно два козьихъ рожка. Въ Охридѣ 50 лѣтъ тому назадъ горожанки носили на своихъ головахъ, какъ Битольскія еврейки подъ кисеей калпаки, сдѣланные изъ картона и покрытые бархатомъ, сверхъ которыхъ торчали, какъ рожки, двѣ заостренныхъ шишки (джумка — шишка, желвакъ).

Весь костюмъ мужской или женскій домашняго производства, за приготовленіе котораго никому не платятъ ни гроша, развѣ только сельскому портному для того, чтобы сшить кюрдію и джубе, а также для пріобрѣтенія цвѣтной шелковой бумажной или шерстяной пряжи, кусочковъ краснаго сукна и др. подобнаго матеріала, нужнаго для вышивокъ.

12. Въ ушахъ носятъ серебряныя серьги, длинныя или тройныя, съ серебряными подвѣсками, соединенныя съ задней части шеи одна съ другой серебряной цѣпочкой.

Косы плетутъ мелкими многочисленными косичками, особенно дѣвушки, и украшаютъ ихъ связками старинныхъ серебряныхъ монетъ и другихъ серебряныхъ украшеній, называемыхъ тунтурицы.

13. На пальцахъ молодыя женщины, особенно невѣсты и помолвленныя дѣвушки, носятъ по нѣскольку серебряныхъ перстней или простыхъ колецъ изъ свѣтлосиняго или крашенаго въ красную или желтую краску олова.

II.

Ѳессалоника (Салоники). Судьбы города. Мозаики Ротонды (ц. вм. Георгія). Мозаики св. Софіи. Солуньскія древнія церкви—нынѣ мечети: ц. вм. Димитрія, ц. Параскевы (Эскиджума), Б. Матери (Казан-джиларъ). Якубъ-паша-джами. Ц. Иліи. Ц. Пантелеймона. Ц. 12 Апостоловъ. Церкви, нынѣ принадлежащія христіанамъ: св. Мины, Николая Ч., Аѳанасія, Панагіи «Декса», Константина и Елены, Б. М. «Панагуды», Ѳеодоры, Б. М. «Лагудины». Монастырь Чаушъ.

Судьбы Ѳессалоники[1]) столь же трагичны, какъ и самой Византіи, и рисуютъ рядомъ съ нею равный примѣръ города, многострадальнаго и снискавшаго себѣ въ исторіи заслугу стойкой и вѣковой защиты культурнаго центра отъ варваровъ. Извѣстно, что городъ этотъ (сначала звался Therma, затѣмъ Thessalonica) былъ основанъ въ 315 году до Р. Х. Кассандромъ и быстро сталъ чисто греческимъ городомъ по своему населенію. Правда, среди грековъ мѣшалось здѣсь издревле населеніе, пришлое съ Востока (Евреи,

14. Стѣны Ѳессалоники.

Армяне), какъ во всякомъ торговомъ городѣ на берегахъ Средиземнаго моря, а въ Салоникахъ по преимуществу. Начиная съ 253 и особенно 268 года по Р. Х., городъ становится цѣлью средневѣковыхъ пиратовъ и варварскихъ набѣговъ, наиболѣе страшныхъ между ними — готоовъ. Къ 390 году отно-

1) Tafel, Th. L. Fr. *De Thessalonica ejusque agro dissertatio geographica.* B. 1839.

сится знаменитое избіеніе солуньскихъ жителей, учиненное Ѳеодосіемъ въ Ипподромѣ. Все V столѣтіе проходитъ для города въ непрестанной грозѣ. Между VII и IX вѣкомъ насчитывается шесть нападеній на городъ болгаръ и другихъ славянъ: сербы начинаютъ свои походы въ 676 году, болгары съ 750 г. Въ 677 году булгары и другіе славяне присоединяются къ аварскому Хагану, и городъ въ теченіе долгаго времени претерпѣваетъ жестокую осаду съ суши и съ моря и терпитъ отъ пожаровъ, причиняемыхъ машинами, бросающими въ городъ огонь. Всѣ берега Ѳессаліи, Греціи, Эпира и Иллиріи разграблены и опустошены. Городъ, ставшій около VIII вѣка μεγαλόπολις, продолжаетъ привлекать хищниковъ и спасается только дарами, присланными изъ Константинополя. Въ тоже время Ѳессалоника получаетъ почетное прозваніе «православной», очевидно, за противодѣйствіе своего клира иконоборческимъ императорамъ. Христіанство, рано утвердившееся въ огреченной Македоніи (около VI вѣка уже вполнѣ), настолько окрѣпло въ VII — VIII вѣкахъ, что именно отсюда явились миссіонеры его для Болгаріи и Моравіи. Къ 886 году, 904[1]), 912 относятся нападенія сарацинъ, приходившихъ съ моря. Лѣтописецъ разсказываетъ, что при подобномъ нападеніи сарацины, придя на 50 слишкомъ большихъ корабляхъ, съ 200 воиновъ на каждомъ, аттаковали разомъ всѣ городскія ворота метательными машинами, и двое воротъ на восточной сторонѣ были зажжены во внѣшней стѣнѣ. Защитники города должны были удалиться во внутренность, такъ какъ сарацины посылали сверху своихъ судовъ метательные снаряды внутрь города. Вновь городъ выкупленъ въ 1185 году. Ужасы нашествій начинаются съ запада въ видѣ норманновъ изъ Сициліи. Городъ взятъ послѣ общей аттаки и совершенно разграбленъ. Въ слѣдующемъ году онъ вновь отвоеванъ Византіею и сицилійскій флотъ разрушенъ бурями. Въ 1204 году Ѳессалоника, вмѣстѣ съ прилегающей страною, стала королевствомъ для владѣтельныхъ герцоговъ Монферратской марки; это королевство составляло третью часть имперіи. Съ 1328 года Андроникъ Комненъ, овладѣвши Солунью, вручаетъ градоначальство Гвидо Лузиньянскому. Городъ становится въ это время центромъ политическихъ предпріятій, распространяющихся на значительную часть полу-

---

1) См. Іоанна Каменіата разсказъ о взятіи Ѳессалоники въ 904 г. 31 Іюня, въ Боннскомъ изд. *Theophanes Continuatus*, 1838, p. 487—600. Этотъ клирикъ повѣствуетъ довольно живо (для Византійца) и краснорѣчиво о взятіи города, избіеніи жителей, уводѣ двадцати тысячъ въ плѣнъ, общемъ ужасѣ и пр., но, кромѣ общаго описанія города, стѣнъ и укрѣпленій, ничего не даетъ для исторіи. Историкъ литературы Крумбахеръ, правда, угадываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ этого посланія, что и въ X вѣкѣ «этнографическая группировка Македоніи была таже, что и теперь», но въ дѣйствительности мы узнаемъ только о Другубитахъ и Сагудатахъ и Скиѳахъ, принявшихъ христіанство: въ риторикѣ византійскаго клирика находимъ обычное безплодіе.

острова. Въ 1331 и 1334—40 гг. императоръ проводитъ здѣсь всю зиму. Историческое значеніе города растетъ вмѣстѣ съ появленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, но въ тоже время судьбы ведутъ городъ къ окончательной гибели. Въ 1422 году Солунь уступлена или запродана венеціанской республикѣ. Въ 1430 году 29 марта, послѣ трехдневной осады городъ взятъ Амуратомъ, послѣ того, какъ измѣнники провели турокъ подземнымъ ходомъ въ городъ. Небольшой венеціанскій гарнизонъ бѣжалъ, а 7000 жителей были всѣ проданы въ рабство. Новое населеніе появилось въ городѣ уже по спеціальному выбору турокъ[1]). Тяжелая судьба города была, такимъ образомъ, результатомъ его межеумочнаго положенія, созданнаго произволомъ или плохою политикою правителей. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала и до настоящаго времени Салоники носятъ двойной характеръ: торговаго порта и военнаго укрѣпленнаго лагеря. Тяжесть подобнаго положенія, хотя нерѣдкаго въ древности, ясна сама по себѣ.

15. С.-в. часть Салоникъ.

Не стоя, такимъ образомъ, ни какъ портовый городъ, ни какъ укрѣпленный лагерь, въ ближайшей связи съ окружающей страною, Солунь была однакоже руководящимъ центромъ для торговыхъ городовъ Македоніи Сѣра, Драмы, Костура, которые тоже были въ Македоніи своего рода греческими факторіями. Напротивъ того, чисто болгарскіе города: Охрида, Куманово, повидимому, мало имѣютъ связи съ Солунью, точно такъ же, какъ и Скопіе, Водена, Битоль — города имѣющіе больше стратегическое значеніе, чѣмъ

1) Греческій авторъ 3-го Отрывка «Объ Эпирскихъ дѣлахъ» (Epirotica, ed. Bonn. 1849, p. 244—5) сообщаетъ, что Турки даже силою набрали себѣ женъ изъ христіанокъ, похитивъ ихъ въ Воскресенье по окончаніи соборной службы.

торговое. Солунь была, однако же, центромъ громадныхъ ярмарокъ (Димитріевская, въ октябрѣ) [1]).

Согласно съ своимъ, такъ сказать, административнымъ происхожденіемъ, Солунь, почти на всемъ протяженіи своей исторіи, не имѣла самостоятельнаго характера, не представляла личности, какъ городъ, всегда тяготѣла въ сторону сильнаго, и самое благосостояніе города въ значительной степени зависѣло отъ общаго хода дѣлъ въ имперіи. Такъ, ея соборъ, главныя ея церкви — всѣ относятся къ древнему византійскому періоду, и нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ церквей позднѣйшаго періода этого положенія не мѣняютъ. Что въ періодъ времени до X вѣка Солунь была цвѣтущимъ городомъ и была украшаема на частныя и городскія средства, а также и на правительственныя, — доказывается тѣмъ, что за нею сохранилась своего рода легенда объ ея богатствѣ рѣзными мраморами; не говоря уже объ извѣстныхъ античныхъ декоративныхъ скульптурахъ, отсюда нѣкогда вывезенныхъ (извѣстная Никантада съ 1865 года въ Лувръ); повидимому, древне-христіанскій періодъ и ранній византійскій VI—IX столѣтій обиловалъ постройками. Здѣсь найдено много саркофаговъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города, очевидно, составлявшихъ богатый, пока еще не разслѣдованный некрополь (есть извѣстіе, что въ окрестностяхъ города были христіанскія катакомбы). Отсюда вывозилось много мрамора въ Адріанополь съ 1430 года, а затѣмъ рядъ громадныхъ турецкихъ бань построенъ, очевидно, изъ матеріаловъ разобранныхъ церквей.

16. Улица въ Салоникахъ.

Самое расположеніе города отвѣчаетъ типу эллинистическихъ городовъ. Одна прямая большая улица прорѣзываетъ его съ запада на востокъ, отъ воротъ Каламаріи до Вардарскихъ; ей параллельно идетъ другая прямая улица, отъ Башенныхъ воротъ къ Іеникапу; и доселѣ же также двѣ параллельныхъ улицы пересѣкаютъ городъ въ противоположномъ направленіи —

1) Tafel, l. c., p. 227—230.

поперекъ, теряясь затѣмъ въ мелкихъ переулкахъ, идущихъ на холмъ, который какъ бы прикрываетъ городъ съ сѣвера. На этомъ холмѣ устроена турками большая цитадель, по всей вѣроятности, занимающая мѣсто древ-

17. Угловая башня въ Салоникахъ.

няго укрѣпленнаго лагеря, если не самого укрѣпленія. Городъ, какъ извѣстно, окруженъ стѣнами, но только сухопутными, а берегъ моря былъ защищенъ, повидимому, только въ древности, но отъ этихъ защитныхъ стѣнъ уцѣлѣла лишь большая угловая башня, доселѣ служащая тюрьмою. Городскія постройки въ большинствѣ представляютъ тотъ же характеръ, что и въ современномъ Стамбулѣ, т. е. состоятъ изъ разныхъ видовъ фахверка, а потому легко горятъ, и пожары въ этомъ городѣ всегда были болѣе разрушительны, чѣмъ даже нападенія непріятелей. При этихъ пожарахъ цѣликомъ сгорали обыкновенно и церкви, базиличной формы, крытыя стропилами и черепицей, а построенныя изъ бута или даже щебня. Городъ многократно и жестоко страдалъ отъ землетрясеній.

18. Тріумфальная арка въ Салоникахъ.

Изъ первыхъ памятниковъ города сохранилось, поэтому, мало, но между этими остатками выдѣляется знаменитая тріумфальная арка, находящаяся въ началѣ главной улицы Via Egnatia, у восточныхъ воротъ города (Кассанд-

ровыхъ или Константинопольскихъ)[1]), между Ротондою и Ипподромомъ. Нынѣ уцѣлѣла вполнѣ изъ тройной арки лишь средняя, почти въ 10 метровъ ширины, выполненная, очевидно, безъ кружала и опирающаяся на два пилона или столпа, обложенные со всѣхъ четырехъ сторонъ четырьмя поясами мраморныхъ рельефныхъ изображеній битвъ римской Имперіи съ варварами. Арки и скульптуры эти въ настоящее время опредѣленно приписаны имп. Галерію, стало быть между 296 и 311 гг.[2]). Въ скульптурахъ довольно

19. Тріумфальная арка въ Салоникахъ.

живо представлены: вверху тріумфъ надъ варварами и самое торжественное шествіе побѣдителя съ отрядами войскъ, толпами влекомыхъ плѣнныхъ, среди которыхъ видимъ и верблюдовъ, ниже битвы римскихъ войскъ съ варварами, завоеваніе страны (олицетвореніе рѣкъ и горъ и пр.); по самому цоколю на одномъ пилонѣ сохранились въ нишахъ съ раковиннымъ сводомъ окрыленныя фигуры, близко напоминающія по стилю своихъ драпировокъ фигуры на пьедесталахъ римской арки Константина.

1) Объ этихъ воротахъ Tafel, p. 99 — 100.
2) Kinch, *L'arc de triomphe de Salonique.* 1890.

На первомъ мѣстѣ и по древности, и по художественному достоинству, и по общеисторическому значенію, слѣдуетъ поставить, конечно, въ Солуни церковь *Св. Георгія* или, такъ называемую, *Ротонду* — нынѣ мечеть Ортакёй - Джами. Вопросъ о времени происхожденія этой церкви и объ ея мозаическихъ украшеніяхъ можно считать въ настоящее время приблизительно рѣшеннымъ[1]): церковь эта цѣликомъ христіанскаго происхожденія и должна

20. Тріумфальная арка въ Салоникахъ.

относиться къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанскаго искусства. Въ прежнее время она носила названіе «старой митрополіи», замѣненной впослѣдствіи «Св. Софіей». Круглая церковь имѣетъ два входа: на югѣ и западѣ.

1) Texier er Popplewell Pullan, *Architecture byzantine,* pl. XXX — XXXIV. Bayet et Duchesne, abbé, *Mission au mont Athos.* Archives des missions scientifiques et littéraires. III-e s., v. III, 1876, p. 201 sq. Bayet, Ch. *Recherches p. s. à l'histoire de la peinture en Orient.* Bibl. d. Ec. franç. d'Athènes et de Rome, X, 1879, p. 85—86. Millet, G. *L'art byzantin.* Histoire de l'art, publ. par André Michel, I, 1905, p. 165 — 166.

Толщина стѣнъ 18 фут., вышина 50, діаметръ церкви 80 фут. Стѣны пробиты шестью нишами, крытыми коробовымъ сводомъ. Средняя ниша, противъ входа, пробита и оканчивается абсидою, выходящей снаружи церкви и имѣющей пять оконъ. Такимъ образомъ общій планъ церкви приближается къ обычному типу круглыхъ римскихъ зданій, и сравнительно съ нимъ, планъ церкви въ Босра, на краю Гаурана и Аравіи, является гораздо болѣе сложнымъ, такъ какъ тамъ круглое зданіе вписано въ четыреугольникѣ и имѣетъ даже три абсиды. Церковь Георгія можетъ быть называема въ точномъ смыслѣ слова Ротондою и покрыта вся цѣликомъ, кромѣ абсиды, однимъ куполомъ. На этомъ основаніи Ротонда Георгія можетъ быть сопоставляема съ

21. Церковь св. Георгія («Ротонда») въ Салоникахъ.

Ротондою Св. Гроба, церковью Антіохіи и, еще болѣе того, церковью Вознесенія на Элеонѣ, а относить ее приходится или къ второй половинѣ IV вѣка или не позже средины V-го столѣтія.

Церковь замѣчательна, главнымъ образомъ, своими мозаическими росписями шеи и купола. Что было въ срединѣ купола, того не знаемъ, но что тамъ была нѣкогда также мозаика, показываютъ слѣды сохранившейся каймы средняго медальона. Байе предполагаетъ, что, на подобіе Равенскихъ мозаикъ, въ срединѣ купола былъ центральный медальонъ, содержавшій въ себѣ изображеніе Спасителя или евангельскую сцену.

Сохранившаяся мозаическая роспись въ шеѣ купола во многихъ мѣстяхъ, составляющихъ почти одну треть всей мозаики, осыпалась и замѣнена масляной раскраскою по штукатуркѣ въ новѣйшее время. Нѣкогда эта рос-

нись имѣла 8 отдѣленій, повторявшихъ дважды 4 архитектурныхъ композиціи въ противулежащихъ тяблахъ[1]). Въ настоящее время одного отдѣленія болѣе не существуетъ, въ прочихъ мозаика въ верхнихъ частяхъ и въ нижнихъ разрушена и замѣнена живописью. Далѣе фигуры святыхъ закрашены, вѣрнѣе замалеваны, и видны только тѣневыми абрисами. При числѣ фигуръ 17 только надъ 12 сохранились надписанныя ихъ имена. Композиція представляетъ монументальныя и роскошно убранныя алтарныя части храмовъ: декоративность этихъ композицій не позволяетъ положительныхъ заключеній, на сколько ихъ рисунокъ передаетъ дѣйствительную конструкцію алтарныхъ частей въ древне-христіанской базиликѣ, но тѣмъ не менѣе отношеніе къ реальной основѣ несомнѣнно здѣсь существуетъ и должно быть принимаемо въ разсчетъ при нашихъ сужденіяхъ объ архитектурѣ V и VI столѣтій. Пред-

22. Внутренность церкви св. Георгія въ Солуни.

ставляемый нами въ точной передачѣ рисунокъ одного изъ такихъ отдѣленій въ краскахъ позволяетъ судить въ подробностяхъ объ ихъ декораціи. Трудно сказать и здѣсь не мѣсто разбирать, на сколько вся эта декоративная композиція воспроизводитъ собственную обстановку древне-христіанскаго алтаря. Однако, главныя черты этой обстановки, въ видѣ киворія по сре-

1) Всѣ мозаическія композиціи нами воспроизведены здѣсь въ книгѣ по исполненнымъ экспедиціею фотографіямъ, но четвертая выполнена была также съ натуры акварелью художникомъ Д. К. Крайневымъ и воспроизведена поэтому цвѣтною автотипіею по способу «трехъ красокъ».

динѣ, ниши позади его, раковиннаго свода надъ пирамидальнымъ верхомъ киворія, достаточны для этого указанія. Киворій стоитъ здѣсь обыкновенно, на повышенной нѣсколькими ступенями солеѣ; онъ устроенъ въ видѣ балдахина на четырехъ, шести или восьми колоннахъ. Съ потолка его спускается подвѣсная большая лампада. Но, къ сожалѣнію, нижняя часть этого киворія почти во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, или разрушена, или занята фигурою святого, и потому мы не можемъ сказать, что именно помѣщалъ мозаичистъ на мѣсто обычнаго престола. Однако, въ томъ именно случаѣ, гдѣ лѣвая часть внутренности киворія въ мозаикѣ оказывается сохраненною, тамъ мы видимъ во-первыхъ: приподнятую на одну треть вышины завѣсу, а внизу, на полу киворія, небольшой круглый столъ (повидимому, онъ весь реставрированъ) съ лежащею на немъ книгою. Стало быть, и здѣсь имѣла мѣсто символическая декорація экзедръ и хоровъ, изображенныхъ въ Равенскомъ Баптистеріи. Это тѣ-же уготованные престолы съ книгою Евангелія, которые ставились въ торжественные дни собраній въ церквахъ востока, въ знакъ невидимаго присутствія Главы церкви. По сторонамъ киворія стоятъ обыкновенно, въ данномъ случаѣ, въ молитвенномъ положеніи, какъ служители церкви — святые. Разрушеніе мозаики именно въ нижнихъ частяхъ крайне затрудняетъ для насъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ далеко простирается повышенная солея и гдѣ начинаются изображенные по обѣ стороны алтарной ниши, боковые корридоры, обходящіе затѣмъ эту нишу, полукругомъ. Возможно, что рисовальщикъ передаетъ здѣсь только декоративную роспись алтаря, точно такъ же, какъ и второй этажъ всей конструкціи, который, состоя изъ многоугольнаго открытаго портика по срединѣ, и двухъ крытыхъ куполами киворіевъ, уже почти навѣрное, есть настѣнная живописная декорація.

Переходя теперь къ фигурному содержанію мозаикъ, напомнимъ, что именно эта часть покрыта грубой мусульманской размалевкой и остается пока недоступна для изслѣдованій. Равнымъ образомъ никакого заключенія доселѣ не было получено изъ разбора самыхъ изображеній и даже самый подборъ святыхъ ничѣмъ пока не объясняется. Порядокъ фигуръ слѣдующій по отдѣленіямъ: 1. Романа пресвитера и Евкарпія воина, мѣсяца декабря. 2. Косьмы и Даміана мѣсяца сентября. 3. Онисифора воина и Порфирія мѣсяца августа. 4. Льва воина мѣсяца іюня и Филимона свирѣльщика мѣсяца марта. 5. Отдѣленія нѣтъ. 6. Филиппа епископа мѣсяца октября и Ѳерина воина мѣсяца іюля. 7. Василиска воина мѣсяца апрѣля и Приска воина мѣсяца октября и 8. Ананія пресвитера мѣсяца января и Аристарха мѣсяца апрѣля. Слѣдуетъ прибавить, что названные въ надписяхъ мѣсяцы празднованія святыхъ не совпадаютъ даже со святцами X вѣка. Такимъ

образомъ мы, вѣроятно, еще не скоро будемъ знать, на чемъ основанъ выборъ святыхъ и какая тема руководила всею композиціею.

23. Мозаика въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Салоникахъ.

Но главный интересъ мозаики сосредоточивается не въ сюжетѣ ея, а въ стилѣ архитектурной декораціи и только отчасти въ стилѣ фигуръ, на сколько мы въ состояніи разсмотрѣть его черты сквозь грубую размалевку.

Если мы сопоставимъ эту декорацію съ росписями римскихъ катакомбъ, которымъ онѣ отвѣчаютъ хотя-бы по мѣсту росписи, то мы прежде всего

24. Мозаика въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни.

замѣтимъ исчезновеніе основныхъ греческихъ формъ росписи. Мы не имѣемъ здѣсь ни пейзажа, ни ландшафта, ни живописной переспективы, ни воздушныхъ полей съ ихъ трельяжами, вѣтками, рѣющими птицами, пастушьими сценами, жанровыми картинками. Мы находимъ здѣсь, напротивъ того: слож-

ную постройку и, не смотря на массу колонн и причудливыя аркады, видимъ все таки монументальное построеніе, со сложными и тяжелыми римскими карнизами. Это построеніе болѣе всего напоминаетъ намъ дворецъ Діоклетіана въ Спалато[1]), базилику Константина въ Римѣ и причудливую архитектуру Аравійской Петры. Даже церковь Сергія и Вакха въ Константинополѣ и тѣмъ болѣе Св. Софія Константинопольская отличаются сравнительною простотою конструкціи, конечно, между прочимъ, въ зависимости отъ того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ только декорацію, а тамъ дѣйствительную архитектуру, выполненную въ камняхъ. Здѣсь, въ отличіе отъ дѣйствительной архитектуры, мы видимъ крайне повышенныя аркады на несоразмѣрно тонкихъ и высокихъ колонкахъ, и хотя, съ одной стороны, можемъ объяснять это разсчетомъ декоратора, при размѣщеніи архитектурныхъ формъ въ выгнутомъ сводѣ, все-же не можемъ отрицать здѣсь извѣстной моды или вкуса, который впослѣдствіи выразился и въ самой архитектурѣ. Достаточно, напримѣръ, просмотрѣть миніатюры Ашберингемскаго Пятикнижія, чтобы убѣдиться въ существованіи характерной манеры донельзя вытягивать аркады на тоненькихъ колонкахъ въ живописи V, VI столѣтій. Крайне сложные, пышно разукрашенные карнизы въ Солунской мозаикѣ напоминаютъ исключительно римскія зданія III и IV вѣка по Р. Х. Круглые киворіи, опирающіеся на витыя колонки, встрѣчаются только въ греческихъ рукописяхъ VI, VII столѣтій. Такимъ образомъ, весь архитектурный ансамбль данной мозаики, быть можетъ, воспроизводитъ одно изъ роскошныхъ зданій Константинова вѣка, если не самую базилику Іерусалимскую. Особенно характерной деталью служатъ многочисленные пояски, по 4 и по 5-ти на каждой колоннѣ, осыпанные по краямъ жемчугомъ. Промежутки между архитектурными композиціями заполнены орнаментальнымъ восходящимъ стеблемъ съ акантовыми разводами, обычнаго греко-римскаго типа. Эта форма стародавняя и встрѣчается уже въ римскихъ катакомбахъ II-го столѣтія, но еще въ чисто греческомъ пониѣ изящнаго стебля, быть можетъ, морского растенія, напримѣръ, папируса. Въ тяжелой римской формѣ она является въ катакомбахъ уже только въ IV столѣтіи[2]). Затѣмъ изъ прежнихъ декорацій попали сюда павлины и птицы, размѣщенныя по зданію. Главная же черта всей архитектурной декораціи состоитъ въ обильныхъ украшеніяхъ изъ драгоцѣнныхъ камней, разсыпанныхъ по карнизамъ, поясамъ колонокъ, аркадъ, кессонамъ и балдахинамъ киворіевъ[3]). Среди камней, по тяжелому римскому

---

1) Beylié, de, L. L'habitation byzantine, 1902.
2) Wilpert, Mgr. *Die Malerien der Katakomben Roms.*, 1904, pl. 134.
3) Ibid, Катак. Понціана, конца V вѣка, табл. 255.

вкусу, преобладаютъ красные камни, а жемчугомъ обнизаны пояски пирамидальныхъ верховъ на киворіяхъ.

Изображенныя въ мозаикѣ святые представлены здѣсь исключительно

25. Мозаика церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни.

въ позѣ молящихся по древне-христіанскому обычаю, съ руками, слегка поднятыми и поднимающими въ свою очередь пышную далматику[1]) или длинную мантію-хламиду, застегнутую на правомъ плечѣ. Въ далматикахъ пред-

1) Ibid. табл. 188, 217—8, 250.

ставлены пресвитеры, въ патриціанскихъ хламидахъ — прочіе святые. Всѣ стоятъ лицомъ къ зрителю, но уже не среди райскихъ деревъ, какъ, напримѣръ, въ римскихъ катакомбахъ[1]) или равенскихъ мозаикахъ, но, какъ было говорено выше, среди алтарей. Повидимому, обычай изображать святыхъ въ гиматіяхъ и мантіяхъ и хламидахъ, т. е. въ одеждахъ патриціанскихъ установился уже въ началѣ IV вѣка. Не смотря на варварское обезображеніе, фигуры святыхъ выступаютъ съ высокимъ достоинствомъ, и хотя лики ихъ въ большинствѣ замазаны, далматики перечерчены и удвоены или даже утроены въ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе, немногіе, пощаженные турецкой размалевкой куски, свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи искусства. Композиція фигуръ полна натуральности и благородства. Головы и руки моделлированы сильнымъ рельефомъ; цвѣтъ тѣла живой и теплый; особенно хороши полутоны одеждъ. На нашемъ рисункѣ красками, съ акварели, исполненной художникомъ Крайневымъ, легко видѣть, что одежды фигуръ разнообразились именно въ полутонахъ: свѣтло-зеленый, свѣтло-лиловый, свѣтло-коричневый и т. д.

Однако, главный интересъ настоящихъ мозаикъ сосредоточивается, конечно, въ той архитектурной декораціи, которая служитъ фономъ для этихъ фигуръ и повторяется восемь разъ въ кругъ ротонды. Изъ этихъ восьми архитектурныхъ композицій только четыре варіанта, прочія же четыре— ихъ повторяютъ. Каждое мозаическое отдѣленіе представляетъ какъ бы внутренность пышной христіанской базилики, при этомъ въ главной ея части, т. е. алтарной. Святые стоятъ собственно по сторонамъ алтаря или киворія. Но подъ этимъ киворіемъ, обыкновенно, нѣтъ престола, за исключеніемъ двухъ композицій, въ которыхъ вмѣсто престола изображенъ низенькій налой, на которомъ лежитъ раскрытое Евангеліе. Киворій поставленъ на ступеньчатомъ возвышеніи или солеѣ (три ступени). Въ одномъ случаѣ на солеѣ поставлена невысокая ажурная баллюстрада, внутри которой представленъ святой епископъ стоящимъ. Впрочемъ, именно эта часть мозаики, равно какъ и вообще нижняя часть композицій, были нѣкогда особенно разрушены, а затѣмъ еще болѣе были искажены реставраціею, покрывшей масляными красками даже части мозаикъ. Затѣмъ несомнѣнно, вся эта архитектурная декорація воспроизводитъ, въ условной, слегка фантастической формѣ, аркады и портики, обходящіе кругомъ алтарную абсиду. Далѣе, верхніе боковые нефы или хоры, хоры алтарные, подымающіеся надъ киворіемъ; наконецъ, верхи этихъ портиковъ условно или декоративно снабжены щипцами и куполами, а затѣмъ и вся конструкція дана не въ тяжелыхъ строительныхъ фор-

1) Ibid. табл. 138.

махъ, но въ легкихъ декоративныхъ поясахъ, карнизахъ, колонкахъ, пилястрахъ и проч. и проч. При этомъ купола орнаментированы рубинами, сапфирами и жемчугомъ; карнизы поясами ововъ, киматіями, а фризы—по пурпурному фону — плывущими лебедями. Еще пышнѣе раздѣланы киворіи и алтарныя абсиды; крыши киворіевъ изъ металлическихъ чешуекъ, а своды абсидъ по раковинной чашѣ украшены на подобіе хвостовъ павлина. Тутъ же, для приданія церковнаго характера всей декораціи, разставлены высокіе свѣщники, повѣшены пурпурныя завѣсы, лампы и поставлены фигуры птицъ и драгоцѣнныя вазы.

Вся эта декорація носитъ ясно характеръ Константиновской эпохи. Это прежде всего именно та, еще чисто языческая, греко-римская архитектура, которую въ монументальныхъ сооруженіяхъ мы знаемъ во дворцѣ Спалато, въ базиликѣ Константина, а въ декоративной формѣ находимъ въ баптистеріи Равенны, погребальныхъ пещерахъ Петры, но прежде всего въ извѣстномъ Календарѣ 354 года, который иначе называется Календаремъ Константина. Орнаментація аркадъ и вообще рамокъ этого Календаря, хотя она болѣе всего остального, т. е. болѣе, чѣмъ фигуры и письмо, потеряла въ копіи, уже по тому одному, что совершенно утратила краски, является весьма характерною. И по отношенію къ этому характеру является вполнѣ вѣрнымъ замѣчаніе заслуженнаго изслѣдователя этого памятника [1]), что народная культура выражается въ орнаментикѣ болѣе чѣмъ въ литературѣ и пластическомъ искусствѣ вообще. Орнаментъ, дѣйствительно, приготовляетъ искусство (какъ то ясно показываетъ, напримѣръ, готическій стиль), но также орнаментъ и

26. Видъ мозаикъ церкви св. Георгія до послѣдней реставраціи.

1) Josef Strzygowski. *Die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354.* Berlin. 1888, p. 105—6.

удерживаетъ элементы разложившагося художественнаго стиля долго послѣ того, какъ само искусство уже обратилось въ развалину. Вполнѣ раздѣляя поэтому мысль названнаго изслѣдователя, что декорація Константиновскаго Календаря есть переживаніе античнаго искусства, мы, однако же, можемъ къ этому прибавить, что это переживаніе, разлагая самый стиль древности, рождаетъ новый. Нарожденіе этого новаго стиля совершается путемъ внесенія въ античную схему восточныхъ элементовъ: сухая линія римскаго свода покрывается здѣсь поясами драгоцѣнныхъ камней, обильно разсыпанными на пилястрахъ и колоннахъ. Съ той же самой точки зрѣнія, являются ложными и всѣ тѣ заключенія историковъ искусства, по которымъ древне-христіанскій и ранній византійскій стиль не заключаютъ въ себѣ ничего новаго противъ антика и потому не должны быть называемы византійскими. Въ новѣйшее время снова высказана та же самая тенденція и именно по поводу мозаикъ Георгія Солунскаго[1]). Изслѣдователь старается увѣрить насъ, что онъ не находитъ въ этомъ памятникѣ ничего собственно византійскаго: эти волшебные дворцы, какъ онъ выражается (тогда какъ это не дворцы, а только базилики), чисто античнаго происхожденія, точно такъ же, какъ и самыя фигуры святыхъ, съ ихъ красивыми клавами и величавыми позами, чисто античнаго стиля. Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не признаетъ, что само византійское искусство начиналось въ IV и V вѣкахъ своего рода «ренессансомъ» греческаго искусства и, по всей вѣроятности, мало интересуется тѣмъ вопросомъ, гдѣ же собственно начинается, такъ называемое «византійское» искусство. Вопросъ, на который наименѣе даютъ отвѣтъ тѣ самые нѣмецкіе историки, которые стараются увѣрить, что Св. Софія Константинопольская ничѣмъ не отличается отъ термъ Каракаллы.

Наконецъ одну любопытную деталь мы должны указать на нашемъ акварельномъ рисункѣ. Два боковыхъ киворія, или балдахина, поставленные на четырехъ столбахъ, въ видѣ открытаго портика, оказываются здѣсь *позолоченными* сверху или *съ наружной стороны*, какъ образецъ византійскихъ куполовъ и, кромѣ того, покрытыми особой орнаментаціей изъ сѣти ромбовъ, съ драгоцѣнными камнями внутри — рубинами и сапфирами; подъ киворіями подвѣшены лампады. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и фронтонъ средняго портика вмѣстѣ съ карнизами также густо позолоченъ. Все это не только черты орнаментики, но и исторической архитектуры временъ Константина и перваго нашествія восточныхъ вкусовъ въ западную архитектуру, начиная съ Діоклетіана и кончая Юстиніаномъ. Но именно въ настоящемъ рисункѣ мы видимъ

---

1) Kurt, J. *Die Mosaiken der christlichen Aera. I. Die Wandmosaiken von Ravenna.* 1903, p. 16.

эту орнаментацію во всемъ ея богатствѣ и, такъ сказать, во всей ея свѣжести. Золотые плоскіе купола, золоченые, крытые чешуйчатыми плитками, шатровые киворіи, обиліе рубиновъ и сапфировъ и красные фоны все это носитъ такой специфическій характеръ, что должно быть названо особою, весьма недолговѣчной, модой, просуществовавшей не болѣе полвѣка.

Мозаическая роспись реставрирована масляною краской въ 1889 году итальянцемъ Розп. При этомъ все отдѣленіе надъ алтаремъ исполнено живописью; проходящая подъ мозаиками баллюстрада вся написана и при томъ очень грубо. Фотографіи сохранившихся мозаикъ до 1889 года, а равно и собственное наблюденіе надъ мозаиками, намъ показали, что справа отъ алтаря верхняя часть отдѣленія вся написана заново. Третье отдѣленіе, идя по тому же направленію, фигуры поновлены, внизу слѣва и справа такъ же дополнено живописью, то же въ четвертомъ и пятомъ отдѣленіи; въ шестомъ и седьмомъ — верхняя часть древняя. Такимъ образомъ, кромѣ немногихъ частей, почти вездѣ низъ дописанъ въ 1889 году.

Ротонда извѣстна также въ исторіи христіанскаго искусства и своимъ мраморнымъ амвономъ, который, будучи нѣкогда вынесенъ мусульманами на дворъ мечети, простоялъ такъ около тысячи лѣтъ, подвергаясь непогодѣ и варварскому обращенію магометанъ съ фигурами, а затѣмъ былъ, какъ извѣстно, изданъ учеными французской миссіи и нынѣ перенесенъ въ Константинопольскій Музей. Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи V вѣка, относимомъ, по характеру его скульптуры, къ малоазіатской школѣ, трудно судить въ виду крайней степени разрушенности памятника. Во всякомъ однако случаѣ, даже поверхностное сравненіе фигуръ и особенно драпировокъ на его рельефахъ, съ барельефами тріумфальной арки въ той же Солуни, показываетъ, какой сильный шагъ къ паденію былъ сдѣланъ въ теченіе времени, протекшаго отъ вѣка Константина. Подмѣчать черты художественнаго упадка въ первой половинѣ V вѣка—не лишнее. въ цѣляхъ настоящаго пониманія Юстиніановской эпохи.

Въ видѣ такого же рода неопредѣленныхъ обломковъ представляется мозаическая роспись шести глубокихъ нишъ церкви, нѣкогда пышно украшенныхъ мозаиками по коробовымъ сводамъ. Къ сожалѣнію, новѣйшая размалевка до такой степени прикрыла то немногое, что̀ нынѣ уцѣлѣло отъ древней мозаики, что изящество ея нѣкоторыхъ частей по неволѣ пропадаетъ для зрителя; лишь въ третьей нишѣ направо отъ входа сохранилось болѣе другихъ: тамъ по серебряному фону исполнены превосходнаго, еще античнаго вкуса, различныя птички, голуби, перепелки, утки, корзины съ плодами, все это въ живыхъ формахъ и еще античной лѣпки. Грубѣе выполнены въ другой нишѣ ковровые рисунки съ кругами, подѣленными на

сегменты, по коймы этихъ ковровъ съ разводами и вязлами, внутри которыхъ сдѣланы птицы въ живыхъ позахъ, прекрасной работы. Во дворѣ церкви Св. Георгія имѣется на мѣстѣ прежняго христіанскаго фіала — турецкій и два портика входныхъ, которыхъ колонны имѣютъ кубовыя капители, также турецкаго происхожденія; но въ полу этихъ портиковъ, набранныхъ изъ обломанныхъ плитъ, имѣются куски орнаментальныхъ плитъ. Два куска плиты, съ профилеванными византійскими бордюрами, представляютъ, внутри разводовъ, зайцевъ, птицъ, клюющихъ грозди винограда, еще хорошаго времени, т. е. между XII и XIV вѣкомъ; третья— тоже обломанная, со стертымъ рельефомъ геральдическаго льва, позднѣйшаго времени.

27. Мозаика въ нишахъ Ротонды.

Хотя мы не знаемъ, въ концѣ концовъ, какое содержаніе имѣла мозаическая роспись купола ротонды, но уже самый декоративный фризъ ея находитъ себѣ, какъ было говорено, ближайшую аналогію въ Равенскомъ баптистеріи. И дѣйствительно, если мы исключимъ изображенія святыхъ, то наши декоративныя композиціи представляютъ, какъ было говорено, внутренность церквей и ихъ алтарныхъ частей. Фризы Равенскаго баптистерія представляютъ, какъ было нами раньше указано, церковные хоры или верхнія палаты базиликъ, въ которыхъ на тронахъ или креслахъ помѣщались для всеобщаго обозрѣ-

28. Плита въ церкви св. Георгія въ Солуни.

нія наиболѣе священныя утвари и предметы почитанія въ церкви. Нѣчто подобное есть и здѣсь въ видѣ налоя съ евангеліями.

Исключительно декоративныя темы врядъ ли были бы возможны въ росписи церкви, а потому онѣ естественно наводятъ на мысль, что Ротонда

Солуни первоначально вовсе не имѣла значенія церкви, а была, всего скорѣе, зданіемъ декоративнаго характера. Сравнивая его съ различными современными ему зданіями, мы нападаемъ на мысль: не была ли ротонда св. Георгія такою же *усыпальницей*, какъ напримѣръ, извѣстный мавзолей Констанціи въ Римѣ. Извѣстно, что мавзолеи въ видѣ круглыхъ зданій, пробитыхъ внутри поясомъ глухихъ нишъ для постановки въ нихъ фамильныхъ склеповъ, появились въ Римской имперіи со временъ Августа. Ихъ главными представителями являются знаменитый мавзолей Цециліи Метеллы и «громада Адріана» — замокъ Св. Ангела. Но за воротами Рима, въ различныхъ мѣстахъ, уцѣлѣло еще въ руинахъ нѣсколько подобныхъ же массивныхъ сооруженій II—IV вѣковъ. Изъ нихъ Торре Пиньятара содержала нѣкогда въ себѣ извѣстный саркофагъ Елены, матери Константина. Подобное же назначеніе имѣла руина Tor dei schiavi. Внизу этой башни есть подземная крипта[1]), а по круглому потолку имѣются слѣды росписи. Извѣстно затѣмъ, что внутри мавзолея Елены впослѣдствіи времени, т. е. уже въ XVI вѣкѣ, изъ сосѣднихъ катакомбъ Петра и Марцеллина вынутыя мощи этихъ святыхъ поставили въ особо устроенной по этому случаю «церкви». Наконецъ, знаменитый круглый храмъ Ромула на Римскомъ форумѣ, какъ извѣстно, есть тоже мавзолей 309 года, воздвигнутый сыну Максентія Ромулу, съ монументальнымъ входомъ и большими полукруглыми по сторонамъ входнаго портика экзедрами. Въ верхнемъ поясѣ этого храмика можно видѣть такой же рядъ полукруглыхъ небольшихъ оконъ, какъ и въ храмѣ Георгія Солуньскаго.

Святая *Софія Солуньская* представилась намъ, къ сожалѣнію, уже въ видѣ колоссальной руины, стоящей посреди полуразрушенныхъ кварталовъ, кучъ мусора и камня, и въ состояніи полнаго запущенія со времени страшнаго пожара 1890 года, 22 Августа.

Фотографіи нашей экспедиціи отъ № 27 по 41-й представляютъ это состояніе съ достаточною ясностью, въ особенности, если эти 14 номеровъ сравнить съ фотографіями мѣстныхъ фотографовъ, снятыми до пожара. Кучи мусора, кирпичей и камня покрываютъ доселѣ окружающую мѣстность, такъ что во дворъ Св. Софіи и ко входу приходится идти внизъ, и покатость эта мѣстами сильная и на столько крутая, что, очевидно, мѣсто Св. Софіи будетъ долго представлять собою пріемникъ дождевой воды, а входы скоро очутятся подъ землею. На рисункѣ (№ 29) можно видѣть остатки византійскихъ входныхъ пропилеевъ или воротъ съ колоннами напереди и рѣзными

---

1) Подъ Солуньскою Ротондою была, кажется, крипта или подземелье, судя по свидѣтельству аббата Беллэ отъ 1772, но уже въ его время ставшее недоступнымъ (il y avait aussi de beaux souterrains, dans lesquelles on ne peut plus entrer), см. Tafel, l. c., p. 346.

кубовыми капителями. Было бы весьма желательно разобрать кучу мусора на этомъ мѣстѣ и добиться настоящаго плана и рисунка этихъ любопытныхъ пропилеевъ. Находившійся ранѣе за этими пропилеями огороженный западный дворъ мечети стоялъ, конечно, на мѣстѣ древняго атріума и сохранялъ отъ него нѣкоторыя части древней настилки; въ настоящее время передняя часть его мусульманской колоннады[1]) полуразрушена, разрушенъ фонтанъ и сгорѣли всѣ деревья, росшія во дворѣ и различныя жилыя помѣщенія мусульманскаго происхожденія. Въ настоящее время всѣ входы, кромѣ одного, и всѣ окна внизу загорожены и забиты досками или завалены и забраны камнями. Входятъ въ мечеть на сѣверо-западномъ углу ея по кучамъ битаго камня, въ безпорядкѣ насыпаннаго на полахъ. Такъ какъ пожаръ, по разсказамъ, начался внутри самой мечети, отъ загорѣвшихся въ ней различныхъ пожитковъ, которые были свалены жителями мусульманскаго квартала, то особенно пострадали: эта самая внутренность и боковыя ея части. Сѣверный корридоръ весь закопченъ дымомъ; штукатурка обвалилась во многихъ мѣстахъ и въ главномъ нефѣ; многія колонны потрескались и драгоцѣнные пестрые мраморы ихъ барабановъ ломаются кусками. Абсида закопчена дымомъ до неразличимости, и мозаическаго изображенія Богородицы, во время нашего посѣщенія, нельзя было разсмотрѣть, ни простымъ, ни вооруженнымъ глазомъ. Каменная эстрада для чтецовъ, посрединѣ мечети, потрескавшейся во многихъ мѣстахъ, стала уже недоступною, и мало поврежденными остались только мембиръ и амвонъ изъ пестраго зеленаго мрамора, прислоненный къ сѣверному столбу главнаго нефа. Весь полъ мечети покрытъ камнями и мусоромъ, среди котораго ребятишки ищутъ кубики золотой мозаики.

29. Развалины на западной сторонѣ Софіи Солуньской.

Какъ оказалось изъ разспросовъ на мѣстѣ, о реставраціи церкви и даже о какомъ бы то ни было ея исправленіи мало думаютъ и турецкая администрація и само мусульманское населеніе: для обоихъ эта задача явна непо-

---

1) Кузинери въ своемъ путешествіи, т. I, стр. 44, v. Tafel p. 110 видѣлъ по фасаду храма *восьмистолпный портикъ*, въ которомъ четыре колонны были изъ verde antico и четыре изъ бѣлаго мрамора.

сильная. Если-же и подымается объ этомъ рѣчь со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ правительственныхъ архитекторовъ, то только по поводу разныхъ случаевъ, напримѣръ, прибытія русской экспедиціи, когда возникаетъ надежда на полученіе субсидіи отъ русскаго правительства на реставрацію бывшей Св. Софіи Солунской. Если подобныя надежды нельзя не назвать химерою, то все-же нельзя не пожалѣть, что при данномъ положеніи дѣла, зданіе Св. Софіи угрожаетъ послѣдовать обычной участи руинъ: врядъ-ли это зданіе простоитъ болѣе полувѣка, такъ какъ потрескавшіяся колонны и своды начинаютъ уже угрожать обваломъ и самымъ стѣнамъ.

30. Дворъ мечети Софіи Солуньской до 1890 г.

Какъ нѣтъ худа совсѣмъ безъ добра, такъ и въ настоящемъ случаѣ пожаръ мечети послужилъ во-первыхъ: къ открытію греческимъ ученымъ Папагеоргіемъ мозаичныхъ надписей, которыя были расчищены отъ копоти и краски пансіонеромъ нашей Академіи Художествъ В. Н. Бобровымъ; во-вторыхъ: къ изслѣдованію Св. Софіи англійскими архитекторами Шульцемъ и Барнслеемъ и въ третьихъ: къ изслѣдованію мозаичныхъ надписей нашимъ ученымъ Я. И. Смирновымъ, которое привело, наконецъ, крупный историческій памятникъ къ настоящей научной постановкѣ[1]). Нашъ собственный осмотръ собора, капителей, мозаикъ и исполненіе фотографическихъ снимковъ были также значительно облегчены тѣмъ, что вслѣдствіе пожара и уничтоженія оконъ въ верху, соборъ въ настоящее время имѣетъ такъ много

31. Софія Солуньская до 1890 г.

1) О времени мозаикъ Св. Софіи Солунской въ «Византійскомъ Временникѣ» 1898 года, № 3. Е. К. Рѣдина: «Мозаика купола Св. Софіи Солунской (къ вопросу о времени ея)», съ пятью таблицами рисунковъ въ «Византійскомъ Временникѣ 1899 года, № 3. Я. И. Смирнова: «Еще о времени мозаикъ Св. Софіи Солунской» въ «Византійскомъ Временникѣ 1900 года, № 1». См. тамъ же и *литературу* предмета.

свѣта, какъ, конечно, онъ никогда не имѣлъ со времени своего построенія. Мало того: благодаря этой массѣ свѣта, льющагося во всѣ раскрытыя верхнія арки, выступаетъ красота византійской архитектуры, всегда помраченная вѣковыми пристройками, клѣтями и подклѣтями, отовсюду, вокругъ главнаго зерна, нагроможденными. Хотя Софія Солунская вовсе не Юстиніанова времени и вовсе не копія Софіи Константинопольской, тѣмъ не менѣе, при данныхъ условіяхъ, впечатлѣніе ея архитектуры было таково-же, какъ и самой Софіи Константинопольской: и здѣсь поражаетъ величавая широта купола и могучій сводъ, покрывающій виму и алтарную нишу. Столь же

32. Софія Солуньская до пожара 1890 г.

33. Внутренность храма Софіи Солуньской.

34. Алтарь Софіи Солуньской.

сильное впечатлѣніе производятъ раскрытые нынѣ верхніе хоры по тремъ сторонамъ церкви съ 4-мя аркадами въ каждой, опертыми въ западной части на три колонны и со столбомъ посреди двухъ колоннъ на сѣверной и южной

сторонахъ. Сквозь эти хоры видны теперь голубое небо, аркады западнаго фасада и боковыя стѣны и легкая декорація сѣверо-западнаго и юго-западнаго хора, образуемаго двойною аркой, опертой на тонкую колонку. Капитальный интересъ имѣетъ также рѣзьба капителей, которыя, къ сожалѣнію, могли-бы быть сняты только при помощи лѣсовъ вполнѣ удовлетворительно. Одна характерная капитель (рис. 36) съ развѣвающимися, какъ-бы отъ вѣтра листьями въ аркадѣ нижняго сѣверо-западнаго угла, особенно для насъ любопытна и даже важна своимъ указаніемъ на время. Капитель эта не можетъ быть ранѣе начала VII столѣтія и по грубости своей обработки относится, всего вѣроятнѣе, къ серединѣ VII вѣка, что показываетъ, что и самая церковь Св. Софіи была построена не ранѣе того-же времени; а это вполнѣ совпадаетъ съ выводами Я. И. Смирнова на основаніи надписей алтарной мозаики. VII-му вѣку соотвѣтствуютъ и кубовыя капители хоровъ, украшенныя рѣзьбою, мелко раздѣланныхъ и плотно прилегающихъ къ кубу акантовыхъ листьевъ. Разслѣдованіе мозаикъ и ихъ надписей, произведенное доселѣ Я. И. Смирновымъ, Е. К. Рѣдинымъ, въ дополненіе прежнихъ наблюденій Байе и др. не можетъ быть, къ сожалѣнію, дополнено съ нашей стороны новыми данными. Постройка особыхъ лѣсовъ требовала много времени и средствъ, а усиліе различить что-либо простымъ глазомъ или въ бинокль, снизу или съ хоровъ приводили только къ безплоднымъ догадкамъ. Мы даже не рѣшаемся заносить сюда изъ своей записной книжки мелкихъ

35. Детали храма Софіи Солуньской.

36. Капитель Софіи Солуньской.

догадокъ о фигурахъ и жестахъ апостоловъ купольной мозаики и пробовать повѣрять ихъ догадками Е. К. Рѣдина, такъ какъ въ данномъ случаѣ усиленныя наблюденія на мѣстѣ вовсе не подкрѣпляются снятыми фотографіями. Какъ извѣстно, турки намазали поверхъ каждой фигуры апостола, чтобы ее скрыть, деревья, и если на самой мозаикѣ эти намалеванныя деревья просвѣчиваютъ и позволяютъ различать мозаическій рисунокъ, то на фотографіи они ложатся густымъ непрозрачнымъ пятномъ.

Можно считать окончательно установленнымъ фактъ исполненія мозаикъ алтаря Св. Софіи въ 780-хъ годахъ (къ тому-же времени приблизительно можно было-бы отнести и самое построеніе церкви). Этотъ фактъ доказывается надписями на стѣнахъ алтаря, нынѣ съ достаточною точностью, прочтенными и съ полной вѣроятностію объясненными:

$\frac{\text{P}}{\text{I}}$ Χριστὲ βοήθει Θεοφίλου Ταπινοῦ ἐπισκόπου.

въ монограммахъ сѣв. стѣны: Κύριε, βοήθει Κωνσταντίνου δεσπότου.

» » южной » Κύριε, βοήθει Εἰρήνης δεσπύνης.

Этими надписями дата мозаической росписи опредѣляется очень точно по годамъ правленія Константина и Ирины (Константинъ VI † 15 іюля 797 года) и солунскаго архіепископа Ѳеофила, участвовавшаго въ VII Вселенскомъ Соборѣ (787 годъ). Весьма любопытна и вполнѣ вѣроятна догадка Я. И. Смирнова, что ко времени этихъ надписей относилась собственно прежняя мозаическая роспись алтаря, представлявшая «Славу Креста». Слѣды этого креста имъ открыты среди золотыхъ кубиковъ фона теперешняго мозаическаго изображенія Богородицы. Такимъ образомъ, алтарная мозаика была рѣдкостнымъ памятникомъ иконоборства, воспроизводившимъ излюбленную эмблему Константинова вѣка. Если затѣмъ, для опредѣленія времени купольной мозаики, также имѣются надписи, исполненныя въ рамкахъ среди цвѣточной гирлянды, опоясывающей всю купольную мозаику, то, къ крайнему сожалѣнію, надпись эта оказывается неполной, такъ какъ самая интересная ея часть, а именно дата, представляется лишь одною начальною цифрой ς, т. е. количествомъ лѣтъ отъ сотворенія міра. Какая тому могла быть исконная причина, судить объ этомъ можно разно, и возможна, между прочимъ, и такая догадка (Я. И. Смирнова), что ремесленникъ мозаичистъ, приготовляясь набирать надпись по лежавшему передъ нимъ шаблону, «плохо расчиталъ, при посадкѣ кубиковъ въ цементъ, разстояніе между буквами нижней строки, а между тѣмъ у него было оставлено только два равныхъ поля для помѣщенія въ нихъ надписей и потому онъ, замѣтивъ свою ошибку, съузилъ три послѣднія буквы, но этимъ дѣло не исправилъ и интереснѣйшія для

пасъ буквы опустилъ вовсе». Возможно, однако, что эти интересныя буквы, дополняющія число лѣтъ, были помѣщены гдѣ-либо въ сторонѣ, напримѣръ,

37. Мозаика въ куполѣ Софіи Солуньской.

подъ ногами Божіей Матери, гдѣ теперь внутри гирлянды есть промежутокъ съ перевязанными на-крестъ лентами. Но догадки объ этомъ, пока не будетъ вполнѣ расчищена, высвѣтлена и удовлетворительно снята фотографическимъ способомъ вся мозаика, приходится считать излишними. Итакъ, раскрытая доселѣ надпись: † Μηνὶ Νοεμβρίῳ ἰνδικτίονι τετάρτῃ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ς. [ἐ] πὶ Παύλου τοῦ ἁγιωτάτο[υ ἡμῶ]ν ἀρχεπισκόπου ἐγέ[νετο σ]ὺν Θ[ε]ῷ τὸ ἔργον τοῦ [το] сообщаетъ намъ только то, что мозаика выполнена при святѣйшемъ солунскомъ архіепископѣ Павлѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 4-го индикта, но годъ отъ основанія міра остается неизвѣстнымъ. Отыскать же епископа Павла оказалось не легко, хотя и приходилось искать, начиная съ VII столѣтія, такъ такъ счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра ранѣе этого времени въ надписяхъ не употреблялся, и вотъ, когда Лоранъ указалъ на упоминаніе солунскаго епископа Павла въ 649 году, Я. И. Смирновъ принялъ это мнѣніе Лорана «какъ окончательное», хотя, такимъ образомъ, время исполненія купольной мозаики совпадало со временемъ построенія самого зданія, а между тѣмъ нѣсколькими страницами ранѣе онъ же, охотно и съ большой послѣдо-

вательностью на этотъ разъ, принималъ, что купольная мозаика можетъ быть почти одновременна съ Богоматерью абсиды [какъ, очевидно, исполненная въ эпоху послѣ иконоборческаго періода]. Весьма естественно, что такого рода заключеніе о времени происхожденія купольной мозаики должно было вызвать пересмотръ вопроса, такъ какъ оказывалось, что самый стиль мозаики шелъ совершенно въ разрѣзъ не только со сложившимися представленіями о стилѣ VII вѣка, но даже и съ самыми памятниками, которыхъ для этого времени имѣется не мало. Нѣтъ надобности разбирать мнѣнія о стилѣ купольной мозаики, высказанныя Лабартомъ, Гершпахомъ и Байе, можно только подивиться, какъ могли ранѣе, на основаніи безобразнаго рисунка въ изданіи Тексье, видѣть въ этой мозаикѣ» простое и весьма изящное исполненіе рисунка, спокойныя величавыя монументальныя позы, ландшафтные аксесуары (?), въ то же время возвышенность идеи, индивидуальность типовъ и выраженій». Е. К. Рѣдинъ, въ своей статьѣ, вѣрно указываетъ позднѣйшій характеръ самой композиціи «Вознесенія» (что потомъ признаетъ и Я. И. Смирновъ) и затѣмъ близкое сходство въ позахъ фигуръ съ позднѣйшими мозаиками и фресками: церкви Св. Марка въ Венеціи и Св. Георгія въ Старой Ладогѣ. Затѣмъ, ограничивая свой анализъ художественныхъ формъ мозаики наилучше сохранившеюся фигурою Богородицы, Е. К. Рѣдинъ указываетъ въ ней чрезвычайное удлиненіе самой фигуры и преувеличенность пропорцій; продолговатое лицо, тонкій удлиненный овалъ, длинную тонкую шею; общую тонкость и худобу фигуры; блѣдное лицо и закрытые глаза; одежду, испещренную многочисленными складками, въ видѣ тѣней или полосъ». Сравнивая этотъ образъ съ фигурами орантъ въ Кіевѣ, Равеннѣ, Никеѣ, онъ находитъ здѣсь «низшее художественное исполненіе». Все это совершенно вѣрно и наблюденія того-же рода приходили на мысль, по всей вѣроятности, не одному Е. К. Рѣдину. Отсюда, однако, далеко до настоящаго научнаго анализа художественнаго стиля и манеры и, слѣдовательно до научнаго заключенія о времени самой мозаики. Такого рода научный анализъ можетъ быть выполненъ лишь въ результатѣ основательнаго разслѣдованія памятника, освобожденія мозаики отъ турецкихъ намалевокъ и промывки ея. Въ настоящее же время достаточнымъ будетъ указать на крупный историческій интересъ этого памятника и рекомендовать его вниманію реставраторовъ, которые именно при настоящемъ состояніи церкви могли бы найти вполнѣ удобный случай къ очисткѣ мозаикъ. Мозаика въ куполѣ исполнена крайне грубо и небрежно, лишена изящества, прежде всего, въ самомъ рисункѣ и еще болѣе того въ краскахъ отличается неуклюжими позами и жестами и не представляетъ никакой индивидуальности въ типахъ и выраженіяхъ. Но она имѣетъ свой крупный историческій интересъ,

такъ какъ является памятникомъ періода бѣднаго художественными произведеніями.

Композиція Вознесенія, какъ уже доказано проф. Рѣдинымъ и принято Я. И. Смирновымъ, стоитъ ближе къ памятникамъ позднѣйшаго вре-

38. Изображеніе Б. М. и ангеловъ въ «Вознесеніи» — мозаика Софіи Солунской.

мени. Однако, достаточно обратить вниманіе на пропорціи фигуръ по отношенію другъ къ другу, напримѣръ: на большія фигуры Богоматери и Апостоловъ и маленькій кругъ съ фигурою Спасителя (не болѣе $^3/_4$ размѣра про-

чихъ фигуръ), чтобы убѣдиться, что въ данномъ случаѣ есть большая разница съ прежнимъ рисункомъ. Очевидно, этотъ уменьшенный размѣръ для возносящагося (удаляющагося) Спасителя есть особая натуралистическая черта, которая вовсе не свойственна позднѣйшей живописи, повторяющей одну и ту же пластическую композицію, а напротивъ того, оригинальная черта, свойственная еще древности. Далѣе: промежуточныя пальмы между фигурами относятся къ деталямъ древняго византійскаго искусства, за періодъ VI—IX столѣтій и въ мозаикахъ XI—XII вѣковъ мы ихъ нигдѣ не найдемъ въ такомъ изобиліи. Но мы обратимъ вниманіе лишь на одну необыкновенно характерную деталь мозаической композиціи, всѣми изслѣдователями ея доселѣ незамѣченную: облачную кайму подъ ногами Богоматери и Апостоловъ, перерѣзанную бордюромъ-гирляндой. Дѣло въ томъ, что по рисунку Тексье (именно въ этомъ случаѣ крайне неправильному), эта облачная кайма представляется какою-то чудовищно-причудливою холмистою почвой, состоящею изъ ряда чередующихся красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ и золотыхъ валиковъ, на которыхъ стоятъ апостолы (см. таблицы 40 и 41). Получается, стало быть, впечатлѣніе какой-то удивительно причудливой почвы, которую проф. Рѣдинъ принимаетъ за изображеніе скалъ, «образованныхъ изъ красныхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ полосъ, съ сердцевиной то золотой, то голубой. Между тѣмъ изъ такихъ обыкновенно цвѣтовъ набираются въ римскихъ мозаикахъ, начиная съ мавзолея Констанціи, именно облака, во время заката окрашенныя во всѣ цвѣта радуги. Здѣсь облака представлены клубящимися надъ горизонтомъ въ вертикальномъ направленіи и, очевидно, странность этого представленія является единственною причиною того, что о немъ ничего не говорятъ. Между тѣмъ этотъ облачный поясъ или кругъ представляетъ весьма осмысленную деталь, хотя совершенно не оправдываемую историческими обстоятельствами событія. А что въ данномъ случаѣ представлены именно облака, а не земная почва, достаточно обратиться къ самой мозаикѣ или даже къ снимкамъ, чтобы видѣть, что ноги апостоловъ помѣщаются въ срединѣ этихъ валиковъ, а не поверхъ ихъ, какъ представлено у Тексье. Наконецъ, древность мозаики, въ предѣлахъ перваго тысячелѣтія, доказывается также и стилемъ ея. Фигура Спасителя отличается крайне укороченными пропорціями, *невозможными* въ эпоху послѣ X вѣка. Она помѣщена на золотой радугѣ, среди голубо-бирюзоваго круга, съ синими коймами. Одежды Спасителя золотыя, съ красными контурами. Онъ благословляетъ именословно, держа лѣвой рукою зашнурованный свитокъ, упертый на колѣна. Подъ ногами его полукруглый омфалъ—пурпуръ съ золотомъ, который собственно и несутъ два ангела. Этотъ омфалъ близко напоминаетъ собою щитъ, на которомъ возносили провозглашеннаго императора. Богоматерь изображена въ

сѣро-лиловатыхъ одеждахъ съ крайне преувеличенными пропорціями ногъ и очень укороченнымъ бюстомъ. На ногахъ ея надѣты красно-пурпурныя сандаліи; голова крайне мала; пояса совершенно не видно, равно нѣтъ и полотенца. Нимбъ блѣдно-лиловаго цвѣта. Фигура эта напоминаетъ гораздо болѣе типы Богоматери въ римскихъ мозаикахъ VII—IX столѣтій, чѣмъ византійскіе XI—XII вѣковъ: прежде всего, здѣсь нѣтъ совсѣмъ обычныхъ для Богоматери одеждъ: синяго хитона и темно-лиловаго маоорія. Очевидно, лиловатая окраска одеждъ относится къ тѣнямъ точно также, какъ въ одеждахъ апостоловъ верхняя бѣлая (сѣроватая) расцвѣчена сѣро-лиловыми и свѣтло-зеленоватыми тѣнями. Ангелы, несущіе Христа, представлены въ голубоватыхъ хитонахъ и пепельно-пурпурныхъ гиматіяхъ, съ пурпурными крыльями, шрафированными золотомъ и голубоватыми полосами, что́ вмѣстѣ образуетъ родъ радуги въ темныхъ тонахъ. Равно и оба ангела, стоящіе по сторонамъ Богоматери, изображены въ сѣро-лиловыхъ одеждахъ, съ темно-пурпурными крыльями, мелко штрихованными золотомъ. Обѣ эти фигуры могутъ назваться сравнительно красивыми и имѣютъ живыя позы, отчасти въ зависимости отъ ихъ обращенія къ «мужамъ галилеянамъ». Апостолъ Петръ изображенъ въ коричневомъ гиматіи, держа крестъ въ рукахъ. Его характерная голова передана даже съ темно-краснымъ загаромъ лица, свойственнымъ рыбаку. За нимъ слѣдуетъ молодой неизвѣстный апостолъ, далѣе апостолъ среднихъ лѣтъ, съ бородою, подобный лицомъ Павлу, взмахнувши рукой на голову, созерцаетъ Вознесеніе. Слѣдомъ за нимъ молодой апостолъ, какъ-бы чѣмъ то сокрушенный и не слыша призыва ангела, представленъ на ходу. Всѣ они въ бѣлыхъ (сѣроватыхъ) одеждахъ, имѣющихъ красно-коричневые контуры. Тоже самое видимъ по другую сторону отъ Богоматери: обычная фигура апостола Павла съ продолговатой головою, сильно развитымъ надъ нею черепомъ, высокимъ, взлызлымъ лбомъ. Далѣе молодой апостолъ, изображенный съ крестомъ. Вновь апостолъ съ рукою на головѣ. Всѣ фигуры — разнообразно поставленныя (выразительность и разнообразіе этихъ фигуръ указывается и г. Байэ) и съ опредѣленными экспресіями въ каждой. Уже эта одна общая всѣмъ фигурамъ, натуралистическая черта могла бы напомнить намъ, что мы имѣетъ дѣло съ памятникомъ древнѣйшаго періода византійскаго искусства, когда оно даже въ монументальныхъ композиціяхъ еще преслѣдовало задачи живописи, а не иконописи въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Быть можетъ, даже въ предѣлахъ этихъ задачъ искусство первыхъ девяти вѣковъ христіанства было несравненно болѣе слабо и по временамъ даже безпомощно, но это было переживаніе необыкновенно могучаго типа, продолжавшаго жить на греческомъ востокѣ, не смотря на измѣнившееся направленіе жизни. Этому переживанію греческаго антика на-

стоящія фигуры обязаны своимъ интересомъ, которому суждено только усилиться, когда мозаики будутъ расчищены.

Что купольная мозаика св. Софіи Солунской принадлежитъ IX вѣку, въ настоящее время, благодаря указанію г. Пападопуло-Керамевса на епископа Павла Солунскаго, которому адресовано одно изъ писемъ патріарха Фотія между 882 и 885 годомъ, нынѣ не оставляетъ сомнѣнія. Тотъ-же епископъ Павелъ подписался на 6-мъ засѣданіи Константинопольскаго собора въ мартѣ 880 года, а 4-й годъ индикта, ближайшій къ этимъ годамъ, есть 886. Итакъ, остается ожидать того времени, когда мозаики будутъ очищены и промыты и будетъ научно разобранъ ихъ стиль. Періодъ искусства VIII и IX столѣтія остается намъ доселѣ весьма малоизвѣстнымъ, прежде всего, за отсутствіемъ памятниковъ, а затѣмъ и потому, что памятники этого времени исключительно ремесленнаго характера. И такъ какъ памятниковъ съ художественнымъ достоинствомъ за это время мы не знаемъ, то блестящія произведенія X вѣка, по необходимости, пришлось называть «эпохою процвѣтанія», а періодъ VIII—IX столѣтій считать эпохою упадка. Состояніе искусства въ различныя эпохи оцѣнивается по передачѣ имъ формъ человѣческой фигуры, конечно, въ зависимости отъ сравненія этихъ формъ съ антикомъ, какъ высшимъ (доселѣ) образцомъ. На второмъ мѣстѣ ставится орнаментъ и вообще декоративная сторона искусства и уже на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ краски. Легко можно себѣ представить, какъ при подобной условности нашихъ современныхъ понятій о ходѣ искусства, ошибочны и всѣ наши заключенія о такъ называемыхъ *эпохахъ упадка*. Было-бы, можетъ быть, вполнѣ послѣдовательно устранить, хотя на время, самый терминъ: «эпоха упадка», оставивъ, напротивъ того, выраженіе «эпоха процвѣтанія» для тѣхъ временъ, когда памятники обильны и отличаются хорошей работой.

Мы имѣемъ въ Римѣ рядъ мозаикъ IX столѣтія: въ церкви св. Пракседы (817 — 824), роспись алтарную и тріумфальной арки и роспись капеллы Св. Зенона; церкви св. Цециліи (того-же папы Пасхалія); церкви св. Марка (827—844) и церкви св. Маріи Навичелла. Изъ этихъ мозаическихъ росписей только одна послѣдняя, по своей крайней грубости, заслуживаетъ названіе памятника эпохи упадка. Всѣ прочіе, такъ или иначе, не лишены своеобразнаго достоинства, хотя всѣ относятся къ ремесленнымъ работамъ. При ихъ оцѣнкѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя особенно сложными являются въ ремесленныхъ работахъ. Такъ, напримѣръ, ремесленная работа пользуется нерѣдко старинными шаблонами и при томъ не для всего произведенія, но нѣкоторыхъ его частей. Въ мозаикахъ церкви Св. Марка въ Римѣ образъ Спасителя, изображенный въ медальонѣ на тріумфальной аркѣ, вѣка на два старше типа Спасителя въ алтар-

ной мозаикѣ той-же церкви. То же самое мы можемъ сказать о мозаикѣ въ придѣлѣ Св. Зенона или въ такъ называемой *капеллѣ колонны* въ церкви Св. Пракседы. Образъ Спасителя въ медальонѣ, несомый ангелами, въ сводѣ этой капеллы относится, по малой мѣрѣ, къ VI столѣтію, тогда какъ фигура Спасителя въ алтарной мозаикѣ представляетъ уже типъ IX вѣка: въ первомъ случаѣ — мы имѣемъ юношескій типъ лица, близкій къ равенскому, слегка опушающую щеки бороду, античную драпировку одеждъ и еще античную лѣпку тѣла. Напротивъ того, алтарная мозаика лишена уже всякой лѣпки и моделировки; фигура дается въ видѣ однообразно расцвѣченной поверхности, подѣленной контурами и для оживленія лицевой маски дѣлается только рѣзкая тѣнь мускуловъ или пятно румянъ на щекахъ. Рисунокъ фигуры начинаетъ отличаться крайнею неправильностью. Того же рода декоративное исполненіе фигуръ находимъ въ алтарной мозаикѣ церкви св. Цециліи, но рисунокъ, не смотря на утрировку пропорцій, отличается здѣсь сравнительною правильностью и, очевидно, выполненъ по хорошему шаблону. Иного рода фигура самого Спасителя, поражающая уродливостью головы и благословляющей именословно десницей. Фигура эта взята въ колоссальныхъ размѣрахъ и скопирована, очевидно, съ какого-нибудь постояннаго шаблона, при чемъ голова Спасителя, по всей вѣроятности, измѣнена или передѣлана.

Въ настоящее время сравненіе купольной солуньской мозаики съ римскими возможно только въ самыхъ общихъ чертахъ. Это сравненіе удостовѣряетъ насъ въ томъ, что солуньская мозаика дѣйствительно исполнена въ стилѣ IX вѣка, поскольку этотъ стиль представленъ мозаиками римскими, съ тою, однако-же, разницею, что греческая мозаика представляетъ несравненно болѣе жизненныхъ формъ, а римскія мозаики, напротивъ того, несравненно схематичнѣе. Очевидно, и здѣсь дѣйствовали общія причины, по которымъ вообще греческое мастерство художественнѣе, ближе къ жизни, болѣе интересуется натурою, тогда какъ римское всегда имѣетъ характеръ копіи и чуждо всякой моделировкѣ. Изъ общихъ признаковъ стиля замѣтимъ преувеличенную стройность фигуръ, усиливаемую тѣмъ, что бюстъ фигуры всегда крайне умаленъ. Рисунокъ фигуръ правиленъ только въ предѣлахъ обычныхъ, такъ сказать, статуарныхъ положеній; тогда какъ всякое иное положеніе или движеніе съ живымъ жестомъ исполняется обязательно съ крайними неправильностями. То-же самое долженъ сказать о драпировкахъ, но весь рисунокъ обычныхъ апостольскихъ облаченій представляетъ крайне простую несложную и ясную схему: здѣсь вовсе нѣтъ еще той причудливой игры, мелкихъ складокъ, перегибовъ, заливовъ и ломанныхъ угловъ, ласточкиныхъ хвостовъ, которую находимъ въ византійскомъ искусствѣ X и XI столѣтій. Вся драпировка ближе къ скульптурѣ, чѣмъ въ живописи. Тотъ же характеръ отноше-

ній замѣчается въ общемъ рисункѣ лицъ и тѣла: достаточно сравнить хотя-бы одну болѣе ясную фигуру Богородицы съ обыкновенной византійской Богоматерью XI и XII вѣковъ, чтобы увидѣть всю разницу. Этому скульптурному характеру отвѣчаетъ общій блѣдно-сѣроватый цвѣтъ въ солунскихъ мозаикахъ, обусловливаемый обильнымъ употребленіемъ мрамора и шифера. Однако, это обиліе безцвѣтнаго шифера вызывается вкусомъ къ скульптурной, призрачной фигурѣ и только отчасти обычаями мозаическаго мастерства.

Мы нашли всю внутренность храма Солуньской Софіи засыпанною кучами мусора, но на одномъ углу ея стоялъ еще драгоцѣнный по древности, хотя грубой работы, амвонъ, который также является памятникомъ современнымъ эпохѣ построенія или украшенія храма [1]).

39. Амвонъ въ Софіи Солуньской.

При настоящемъ состояніи греко-восточной археологіи оказывается крайне труднымъ во всякомъ большомъ городѣ Ближняго Востока получить полныя свѣдѣнія о его памятникахъ. Зачастую только случайность наталкиваетъ путешественника на какую-нибудь древнюю церковь. Главная причина этого обстоятельства въ отсутствіи интереса къ своимъ памятникамъ, къ древности. Та же самая задача оказалась затруднительною и въ Солуни. Дѣло въ томъ, что историческія свѣдѣнія о церквахъ Солуни относятся къ такому періоду, который имѣетъ, повидимому, весьма мало общаго съ современнымъ состояніемъ. Въ Житіяхъ святыхъ и Менологіи Василія II упоминаются слѣдующія церкви (см. списокъ у Тексье, стр. 122): *апостола Андрея* (по словамъ Димитцы (стр. 351), церковь эта упоминается еще въ X вѣкѣ), *Божіей Матери Одигитріи*, *Николая Ч.*, *Мины*, *Іоанна Предтечи*, *Агавона*, *Филокала*, *Агапита и Ѳеодула*, *Еликониды*, *Іосифа*, *Марка*, *Матроны*, *Алфея*, *Александра*, *Анисіи*, *Амвросія*, *Ананіи и Азарія*, *Давида*, *Домнина*, *Фантина*, *Флорентія*, *Павла*, *Порфирія*, *Ѳессалоникіи Мученицы* (7 ноября). Мы приводимъ этотъ списокъ ради того только, чтобы обратить вниманіе на его древне-христіанскій составъ и на то, что изъ всѣхъ этихъ церквей мы можемъ указать только на одну, которая сохранилась: церковь Б. М. Одигитріи, нынѣ по народному — солуньскому прозвищу *Лао-Оди-*

---

1) Ср. Bocca di pozzo въ Латеранскомъ монастырѣ въ Римѣ, конца VIII в. у Cattaneo *L'architettura in Italia* dal s. VI al 1000, 1888, p. 149, fig. 85, въ главѣ о *итало-византійскомъ стилѣ*.

гитріи или, какъ нынче сокращенное, *Лагудины*. Не знаемъ также и тѣхъ церквей, которыя насчитываетъ Димитца (стр. 351): *Святыхъ Безтѣлесныхъ Силъ* у сѣверной стѣны; *Б. М. Нерукотворной* (вѣроятно, «Нерукотворенной Иконы» Богоматери); *Божіей Матери Милостивой* и *Б. М. Персіотиссы*[1]). Солунь настолько часто страдала отъ пожаровъ, что древнѣйшія церкви, имѣвшія почти исключительно форму базиликъ (какъ и церкви современныя въ греческихъ городахъ), всегда устраивавшіяся съ деревянными стропильными крышами, горѣли заурядъ съ домами, которыми онѣ были облѣплены вплотную. Итакъ въ этомъ спискѣ церквей нельзя разсчитывать найти ни одной среди существующихъ и, какъ увидимъ, большинству сохранившихся въ Солуни церквей и затѣмъ обращенныхъ въ мечети, нынѣ приписываются иныя посвященія.

40. Церковь въ Салоникахъ.

Тексье насчитываетъ между Солуньскими мечетями слѣдующія тринадцать, которыя, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, превращены изъ церквей въ мечети: 1) Большая мечеть *Касиміе*,— бывшая базилика св. вм. *Димитрія*, обращенная въ мечеть въ 898 году Гиджры; 2) *Ески-Джума* — (мечеть съ 832 г. гиджры) имя, которое онъ объясняетъ названіемъ Пятницы, почему Ески-Джума является древнею церковью святой Параскевы-Пятницы; 3) *Санкіе-Джами* (и Сакіе-Джами) — бывшая церковь Св. Пантелеймона, при Тексье бывшая въ развалинахъ, а нынѣ одна изъ лучшихъ мечетей города; 4) *Акча Меджидъ-Джами* — по Тексье, греческая церковь, обращенная въ мечеть, неизвѣстнаго имени. Мы, осмотрѣвъ мечеть, нашли въ ней только турецкую постройку съ нѣсколькими древними колоннами. 5) *Карали-Джами* — по словамъ Тексье, древняя церковь, но мы, осмотрѣвши ее, нашли, что нынѣ это цѣликомъ турецкая постройка, поддержанная деревянными столбами, небольшая и бѣдная, но помѣщенная на холмѣ, гдѣ, вѣ-

1) Гдѣ именно въ Солуни находилась древняя церковь «Маріи Богородицы», указываемая глухо въ нижнихъ, приморскихъ частяхъ города, или даже у самаго морского берега, не знаемъ, но церковь заслуживаетъ быть упомянутою уже ради ея крипты (στοὰ τις ὑπόγειος), въ которой начиналось празднованіе великомученику Димитрію 25 окт. въ канунъ праздника и устраивался крестный ходъ къ церкви великомученика. См. Tafel, p. 111—3.

роятно, была древняя церковь; къ ея террассѣ спереди прислоненъ мраморный амвонъ съ розпятыми мраморными же ступенями (смотри ниже). 6) *Сатти-Джами* — и 7) *Альджа Имаретъ-Джами* — намъ неизвѣстныя; 8) *Софо-еффенди-Джами* — и 9) *Ики Шерифъ-Джами*. Затѣмъ слѣдуетъ въ спискѣ Тексье три мечети, всѣмъ извѣстныя, какъ греческія церкви: 10) *Сарали-Джами или Ески-Джами* въ участкѣ Ески-Сарай — церковь Иліи; 11) *Соуксу-Джами* — церковь 12 Апостоловъ и 12) мечеть *Казанъ-Джиляръ* — изданная у Тексье въ рисункахъ, бывшая ц. Богородицы, но по ошибочно прочтенной у Тексье надписи, опредѣленная у Тексье, какъ церковь святыхъ Вардія и Маріи; во времена Тексье была уже въ видѣ развалинъ, какъ нашли ее и мы. Наконецъ, неизвѣстная намъ 13) *Фатас-Джами* — будто бы древняя церковь Панагіи. Вмѣстѣ со *Св. Софіей* и *Ротондою* (имени Св. Георгія) — число церквей, пересчитанныхъ у Тексье (быть можетъ, имъ не осмотрѣнныхъ) какъ превращенныхъ въ мечети — 15; но намъ изъ этого числа стали извѣстны и нами осмотрѣны только 10 (см. ниже), а прочихъ пяти мы не нашли. Но въ тоже время въ Солуни нашлась замѣчательная мечеть, бывшая древняя церковь, подъ названіемъ 11) *Якубъ-Паша-Джами* — находящаяся за конакомъ влѣво отъ 12) *Саатли-Джами*, изъ которыхъ послѣднюю, можетъ быть, можно отождествить съ мечетью Сатти-Джами, упоминаемою у Тексье, хотя она тоже турецкой постройки. Такимъ образомъ, изъ списка Тексье мы не видали собственно только трехъ, но объ одной изъ нихъ онъ самъ отзывается, что она ничѣмъ не замѣчательна, а объ другой — что это галлерея съ минаретами. Такимъ образомъ, можно считать, что большинство церквей, обращенныхъ въ мечети и бывшихъ при Тексье, сохранилось и нынѣ почти цѣликомъ.

Конечно, большинство сохранившихся (хорошо построенныхъ и сколько-нибудь поддержанныхъ) древнихъ церквей въ Солуни должно являться нынѣ въ видѣ мечетей, однако, древнія церкви сохранились еще и въ рукахъ православнаго населенія[1]) и дѣйствительно, мы получили отъ мѣстнаго причта довольно длинный списокъ церквей и параклисовъ и святыхъ источниковъ въ Солуни, между которыми оказались также и древнія или, по крайней мѣрѣ, сохранившія въ себѣ различные остатки древнихъ церквей.

По этому списку православныя церкви Солуни суть слѣдующія:

Во имя: 1) Вм. *Мины* — большая церковь со многими древностями, нами ниже подробно описываемая.

2) *Св. Николая Чудотворца* — церковь, находящаяся по близости отъ

---

1) По свѣдѣніямъ путешественниковъ, и въ XVII вѣкѣ насчитывалось около 25 церквей въ Солуни, стало быть, число, приблизительное къ современному. Tafel, l. c. p.

Б. М. Лагудины, по народному названію «Св. Никола Сирота» (*Димитца*, стр. 252). Церковь древняя, замѣчательно сохранившаяся.

3) *Церковь Николая Чудотворца* — большая, совершенно новая, перестроенная и увеличенная въ новѣйшее время. О предметахъ старины въ церкви см. ниже.

4) Церковь во имя *Св. Аѳанасія Александрійскаго*—на главной улицѣ. О многихъ предметахъ древности, въ ней находящихся, см. ниже.

5) *Священномученика Ипатія* или *Б. М. Праворучицы* — (*Панагіа Декеа* по народному произношенію вм. Δεξιά). О замѣчательныхъ предметахъ древности въ этой церкви см. ниже.

6) *Церковь Равноапостольныхъ Константина и Елены.* Церковь Константина находится у русскаго посольства, имѣетъ много древностей (см. ниже).

7) *Церковь во имя Срѣтенія Господня* — церковь нынѣ совершенно новая, но въ ея стѣны вдѣланы разные замѣчательные барельефы и фрагменты.

8) *Церковь Св. Ѳеодоры*—новая, но съ любопытными старыми иконами.

9) *Церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.* Любопытныя древнія иконы. Церковь извѣстна подъ народнымъ прозвищемъ «*Панагуды*».

10) *Церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы*—въ народѣ слывущая подъ именемъ *Великой Панагіи;* вмѣстѣ съ церковью Св. Мины является главною православною церковью въ Солуни, заново перестроена. (См. ниже).

11) *Церковь Великомученика Георгія* — рядомъ съ Ротондою. Любопытный образецъ небольшихъ приходскихъ церквей, возникавшихъ повсюду на мусульманскомъ востокѣ въ возмѣщеніе отобранныхъ мусульманами храмовъ обыкновенно рядомъ съ ними же, коль скоро и самое христіанское населеніе не было истреблено.

12) *Б. М. Одигитріи* — любопытная церковь, въ солуньскомъ простонародьѣ извѣстная подъ именемъ «*Лагудины*» или «*Лагудіаны*».

13) *Церковь въ монастырѣ Чаушъ*—замѣчательная своими древностями (см. ниже).

14) *Церковь во имя Св. Троицы,* — въ дачномъ предмѣстьѣ Салоникъ-Кала-Маріи — церковь совершенно новая.

15) *Церковь во имя Вознесенія* — новая.

16) *Церковь во имя Параскевы* — на кладбищѣ, новая.

17) *Церковь во имя Благовѣщенія* — на кладбищѣ, новая.

18) *Церковь во имя Вм. Димитрія* — сгорѣла. Димитца насчитываетъ въ исторіи три церкви во имя Вм. Димитрія: первая — маленькая, вторая и

третья — современная базилика. По всей вѣроятности, эта указанная намъ солуньскимъ причтомъ церковь была тоже возмѣщеніемъ знаменитой базилики послѣ ея обращенія въ мечеть (Касиміе).

19) Шесть параклисовъ: 1) во имя *Преп. Антонія*, 2) во имя Священномученика *Харалампія*, близъ главной улицы, — вся новая; 3) церковь во имя *Спаса Преображенія;* 4) церковь во имя *Преображенія Господня;* 5) еще церковь *во имя Преображенія* и 6) церковь *Божіей Матери Милостивой* (Елеусы).

Священные источники отчасти при тѣхъ же церквахъ: *Ѳеодоры*, *Божіей Матери Милостивой*, *Параскевы*, *Лагудины*, *Св. Павла*, *Благовѣщенія* и пр.

Церковь великомуч. Димитрія.

Церковь во имя *вм. Димитрія* была построена на мѣстѣ погребенія и древнѣйшаго ораторія иллирійцемъ Леонтіемъ въ 413 году, надъ тѣломъ мученика, положеннымъ въ ней въ серебряной ракѣ съ изображеніемъ великомученика и подъ сѣнью серебрянаго же киворія [1]), поддерживаемаго шестью колоннами и окруженнаго по низу шестью преградами, также покрытыми серебромъ. Въ 690-хъ годахъ въ церкви произошелъ сильный пожаръ, киворій почти расплавился, и затѣмъ церковь была возобновлена или была построена въ видѣ великолѣпной базилики въ VII вѣкѣ, черезъ 10 лѣтъ послѣ пожара [2]). Тафель подробно доказываетъ, что современная мечеть Касиміе и есть именно эта постройка, начала VII столѣтія; такъ какъ, по его мнѣнію, если-бы эта церковь когда-либо тоже разрушилась или сгорѣла, мы бы узнали о томъ отъ какого-либо составителя дополненій къ житію великомученика. Между тѣмъ извѣстно только, что въ 1185 году, при

41. Церковь великомученика Димитрія въ Салоникахъ.

1) Разсужденія Тафеля, повторенныя не разъ въ его книгѣ, о томъ, что вмѣсто κιβώριον въ текстѣ Житія должно было стоять κιβώτιον (такъ названо въ одномъ синаксарѣ, Tafel, p. 122—3), совершенно на этотъ разъ неудачны, такъ какъ имѣется описаніе этого киворія, стоявшаго на колонкахъ, имѣвшаго шесть сторонъ и пр.

2) Реставрація киворія, приложенная къ изданію Тексье на основаніи описанія киворія въ житіи Св. Великомученика, совершенно не отвѣчаетъ стилю времени.

нападеніи Нормановъ, церковь была ограблена, и иконопись ея подверглась искаженію. Подобное разореніе (уцѣлѣли только колоннады и стѣны) выпало, конечно, на долю базилики и въ 1430 году, при взятіи города Солуни, когда она была возвращена христіанамъ (имъ было оставлено *четыре* храма). Въ 1480 году базилика была реставрирована Лукою Спандони, но уже въ 1481 — обращена въ мечеть. Церковь эта, до извѣстной степени, какъ-бы раздѣляла судьбы своей Солуни, благодаря популярности ея великомученика. Великолѣпный надгробный памятникъ XV вѣка, пристроенный у западнаго угла главнаго нефа, въ стилѣ венеціанскаго мавзолея, остается доселѣ свидѣтельствомъ близкихъ связей Солуни позднѣйшаго времени съ Адріатическимъ побережьемъ[1]).

Доселѣ пять нефовъ базилики представляютъ удивительную архитектурную красоту, хотя базилика затемнена, благодаря тому, что окна частью полуразрушены и забраны досками, а боковыя галлереи заложены. Базилика покрыта нынѣ размалеванными темною краской стропилами; боковые нефы грубо оштукатурены и содержатся съ большою небрежностью; полъ въ нихъ представляетъ грубую настилку изъ кусковъ; по низу стѣнъ еще видны древнія окна, но нѣсколько оконъ вновь, безъ соблюденія всякой симметріи, нарублены. Въ особенно жалкомъ состояніи находятся хоры, отведенные и нынѣ для женщинъ и, вѣроятно, по этому случаю покрашенные по капителямъ и частью по колоннамъ въ розовую краску. Отвратительный видъ по-

42. Внутренность церкви св. великомуч. Димитрія въ Солуни.

1) Пышная двуязычная надпись 1481 г. приведена у Тафеля, стр. 122—3.

добныхъ румянъ турецкаго ветхаго хозяйства, среди господствующаго въ базиликѣ запустѣнія, ободранной штукатурки, вѣкового, не убраннаго мусора, столь-же вѣковой пыли, наводитъ уныніе, послѣ мимолетнаго восторженнаго впечатлѣнія. Эта турецкая штукатурка не только безобразитъ собою зданіе, но даже скрываетъ древнюю архитектуру, не позволяя, напримѣръ, судить о томъ, какъ была освѣщена древняя церковь. Такъ, напримѣръ, мы не въ состояніи рѣшить, были-ли нѣкогда окна по сѣверной сторонѣ нефа, или тамъ и ранѣе были глухія аркады, какъ теперь, тогда какъ по западной и южной стѣнамъ нефа подъ крышею идетъ рядъ часто пробитыхъ полукруглыхъ оконъ. Колонны средняго нефа поставлены на пьедесталы или базы, четыреугольные и восьмиугольные, также и на хорахъ. Въ боковыхъ нефахъ колонны не имѣютъ базъ и утверждены въ самой настилкѣ. Капители хоровъ и боковыхъ нефовъ всѣ имѣютъ видъ трапецій или кубовъ, во вкусѣ VII столѣтія. Колонны главнаго нефа имѣютъ прекрасныя, но наборныя и разнообразныя капители: и коринѳскаго ордена II—III столѣтій послѣ Р. Х., и корзиночнаго типа, съ орлами по угламъ, сравнительно недурной рѣзьбы VI вѣка, но, къ сожалѣнію, обитыя мусульманами, и знакомый намъ типъ капители съ глубоко высѣченною листвою акантовъ, на которыхъ верхи листьевъ, какъ бы развѣянные вѣтромъ, приподняты надъ тѣломъ капители и загнуты въ сторону (см. рисунокъ 45). Такого рода капители мы знаемъ изъ второй половины VI вѣка въ Равеннѣ, Іерусалимѣ и пр.[1]). Прежней облицовки мраморами стѣнъ боковыхъ нефовъ базилика Димитрія не сохранила, и облицовка уцѣлѣла только въ главномъ нефѣ, въ поясѣ аркадъ, съ лицевой стороны, тамъ, гдѣ она была слишкомъ мелка и гдѣ ее нельзя было снять, не разрушивши самого зданія. Облицовка эта, состоящая изъ мраморной и мозаической инкрустаціи, представляетъ верхній бордюръ въ видѣ ломанаго пестраго карниза, который мѣстами уже сильно разошелся, выпятился и

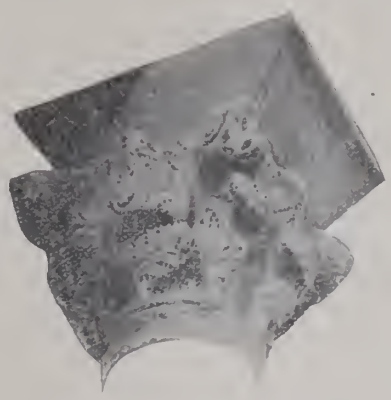
43. Колоннада церкви великом. Димитрія.

1) См. общія указанія о капителяхъ въ ст. г. Габріэля Милле *L'art byzantin*, въ I т. *Histoire de l'art* изд. Андрэ Мишеля, p. 153—5, fig. 92 изъ Эски-джума (см. ниже).

угрожаетъ распаденіемъ. Облицовка алтаря вся сорвана, но его пять арочныхъ оконъ, прорѣзывающія нишу во всю ширину, съ 4-мя промежуточными колоннами, мощными и высокими, имѣютъ доселѣ величавый видъ. Та же самая абсида снаружи крайне обезображена всякими пристройками. Боковыя части церкви находятся въ столь же жалкомъ состояніи. Въ сѣверо-восточномъ углу церкви есть, напримѣръ, боковая камера для жертвенника, нынѣ совершенно темная, наполненная летучими мышами и всякимъ мусоромъ, оставленнымъ здѣсь жившими бѣженцами. Среди всего этого сора видишь изящный косякъ античной работы надъ дверью. Скевофилакій на южной сторонѣ, во времена Тексье былъ покрытъ еще облицовкою изъ пестрыхъ мраморовъ, а полъ — мозаикой, съ обычными византійскими украшеніями: мы этой части увидать не могли. Въ самомъ нефѣ въ полу, близъ алтаря, нашли мы орнаментальныя плиты отъ разобранныхъ амвоновъ и иконостасной преграды, съ профилями и вписанными ромбами и медальонами.

44. С.-з. уголъ церкви великомуч. Димитрія въ Солуни.

По лѣвую сторону отъ церкви, проведя насъ какими-то темными камерами, дервиши, владѣющіе мечетью Касимье, показали намъ, внутри совершенно темнаго сводчатаго помѣщенія, большую каменную плиту сѣраго известняка: по ихъ словамъ и по утвердившемуся мѣстному преданію, эта плита прикрываетъ, будто-бы, мощи великомученика, сюда перенесенныя. На плитѣ видѣли мы поставленный плохой образъ и лампадки, что показываетъ, что дервиши не упускаютъ случая собирать съ паломниковъ лепту на содержаніе могилы великомученика. Повѣрять правдоподобность этого отождествленія плиты съ мощами Димитрія, на основаніи существующихъ до-



45. Капитель церкви великомуч. Димитрія.

полненій въ житіяхъ и разсказовъ, не считаемъ нужнымъ за безрезультатностью подобныхъ гаданій, пока нельзя сдѣлать настоящихъ поисковъ: возможно, что эта плита, дѣйствительно, надгробная[1]), но прикрываетъ совершенно иного, неизвѣстнаго покойника. Мощи великомученика хранились нѣкогда, подъ киворіемъ, въ особой крипѣ, положенными въ священной ракѣ [2]).

Уже древнѣйшая (по Тафелю, стр. 121—вторая) церковь вм. Димитрія имѣла мозаическія украшенія[3]), изъ которыхъ упоминается одно изображеніе чудеснаго исцѣленія, которое находилось на наружной стѣнѣ. Слѣдующая постройка (по Тафелю, самаго конца VII вѣка) содержала въ себѣ мозаическое изображеніе славянскаго нашествія и осады, о чемъ говоритъ писатель VIII вѣка.

Мечеть Эски-Джума.

Мечеть *Эски-Джума* — древняя церковь *Св. Параскевы* — Пятницы, длиною 70 футовъ и на половину того шириною, представляетъ величественную базилику, съ замѣчательно широкимъ среднимъ нефомъ и узкими боковыми. Характеръ постройки настолько мало выдаетъ церковное ея назначеніе и настолько еще напоминаетъ римскія судебныя базилики, что при видѣ ея становится вполнѣ понятно появленіе различныхъ догадокъ о языческомъ ея происхожденіи. Церковь расположена сравнительно въ глухомъ кварталѣ и потому не вполнѣ застроена, а съ западной стороны вполнѣ свободною стоитъ высокая стѣна, нѣкогда пробитая пятью арками (теперь заложены и частью намалеваны). Въ передней сторонѣ нарошка еще виденъ высокій карнизъ. Входятъ въ церковь боковымъ, крытымъ сводами, ходомъ на рѣзныхъ пилястрахъ, между которыми нѣкогда были три открытыя аркады, нынѣ забранныя, въ южную часть церкви по ея срединѣ. Церковь имѣетъ два нарошка, изображенные и описанные Тексье. Внутренній нарошкъ высотою почти равенъ церкви. Столь же грандіозное впечатлѣніе пред-

---

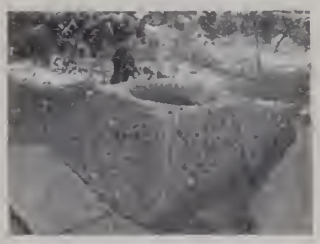
1) Подъ 26 октября записано греческое Слово или «Память о бывшемъ по царскому повелѣнію, перенесеніи изъ Ѳессалоникъ (иконы или плиты) славнаго и побѣдоноснаго Димитрія, прежде лежавшей на его гробѣ, полномъ мира, и покрывавшей его», изданное г. А. И. Попадопуло-Керамевсомъ въ Ἀναλέκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, IV, p. 238—246, 1897. Дѣло это состоялось при Мануилѣ Комнинѣ, во время войнъ Византійцевъ въ Сициліи, въ 6657 году.

2) Врядъ-ли, однако, воспроизведена именно эта рака въ ковчежцѣ, хранящемъ частицу мощей вм. Димитрія (и другія мощи, съ бюстомъ неизвѣстнаго святого) и представляющемъ на верхней дощечкѣ великомученика (IX—X в.) въ ризницѣ собора въ Гальберштадтѣ. См. Schlumberger, *L'Épopée byzantine*, II, 1900, p. 505, 525 fig.

3) Въ текущемъ году въ церкви вм. Димитрія, дѣйствительно, открыты мозаики, (пока не знаемъ ни эпохи, ни ихъ содержанія) и для срисованія ихъ нынѣ отправленъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ его рисовальщикъ художникъ Н. К. Клюге.

ставляетъ апсида, открывающаяся всею своею шириною въ средній нефъ и освѣщенная тремя большими окнами. По 12 колоннъ изъ различныхъ пестрыхъ мраморовъ поддерживаютъ раздѣляющую арками стѣну средняго нефа и украшены великолѣпными капителями композитнаго коринѳскаго ордена первой половины V столѣтія[1]), быть можетъ происходящими изъ какого-либо иного болѣе древняго зданія, если только мы не будемъ принуждены согласиться, что самая церковь Ески-Джума относится къ тому же V столѣтію цѣликомъ, хотя послѣднее обстоятельство мало вѣроятно по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ кубы, помѣщенные на этихъ капителяхъ, какъ пяты сводовъ, по своей орнаментаціи, видимой на рис. 46 относятся ко времени не ранѣе VI вѣка. Далѣе, рѣзьба на пилястрахъ въ боковомъ нарѳикѣ также относится къ тому же времени и совершенно того же характера рѣзьбы. Полъ базилики весь сохранился отъ древности и состоитъ изъ монументальныхъ плитъ бѣлаго мрамора. Пространство базилики имѣетъ слѣдующія измѣренія: средній нефъ отъ осей колоннъ — 17 метровъ 0,72, боковой—6,55 метра, ширины— всего нефа до стѣнъ — 36 метровъ; нарѳикъ въ ширину — 5,62 метра, южный входъ — ширины 3,64; главный нефъ открывается 13 аркадами съ обѣихъ сторонъ на хоры. Въ полу мечети вставлена надпись. Съ боку мечети пристроенъ турецкій фонтанъ изъ одной остроконечной арки съ двумя или тами византійской работы, въ которой можно еще различить грифона. Земля около мечети сильно поднялась и внутрь ее сходятъ уже по ступенямъ и пологому сходу; въ мечети сыро и она грозитъ въ будущемъ разрушеніемъ. Съ сѣверо-западной стороны мечети имѣется два тюрбе шейховъ, оба поздне-

46. Капитель въ Эски-джума.



47. Капитель во дворѣ Эски-джума.

---

1) Проф. Стрыговскій придалъ этой формѣ капители названіе «Ѳеодосіевой», потому что, по его предположенію, она распространилась въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго (408 — 450).

турецкаго происхожденія, но убранные древними карнизами, происходящими изъ византійскихъ церквей.

Догадки о томъ, что церковь Св. Пятницы или Эски-Джума была, въ языческую эпоху храмомъ Венеры, и именно Венеры Термэи (Thermaea), были послѣдовательно приняты первыми описателями Салоникъ: Божуромъ, Кларкомъ, Ликомъ[1]), но пока ничѣмъ не подтверждаются.

Казан-Джилар-джами.

Церковь Богоматери обращенная въ мечеть подъ именемъ *Казан-Джилар-Джами* помѣщается внутри нищенскаго, а потому необычайно многолюднаго квартала и представляетъ красивую, мѣстами прямо изящную, руину, облѣпленную со всѣхъ сторонъ убогими хибарками евреевъ. Уже во времена Тексье эта мечеть представляла собою руину и тогда уже была лишена снаружи всякой штукатурки и побѣлки (быть можетъ, снаружи и не была никогда оштукатурена). Красота ея архитектурныхъ профилей, гзымзовъ и валиковъ, образующихъ чрезвычайно любопытныя и живописныя формы, обратила на себя вниманіе англійскаго архитектора, снявшаго ея планъ, разрѣзъ и виды сторонъ (таблица 50 по 51). Надпись на мраморномъ косякѣ входной двери гласитъ, что *сіе бывшее мірскимъ мѣсто освящено нынѣ какъ храмъ во имя Пресвятой Богоматери Христофоромъ, славнѣйшимъ царскимъ протоспаѳаріемъ и катепаномъ Лонгобардіи, его супругою Маріею и дѣтьми его Никифоромъ и Анною, въ сентябрѣ, XII индиктіона, въ 6537 году*, что̀ составляетъ годъ, соотвѣтствующій 1028-му году — году смерти Константина Порфиророднаго. Катепанъ Христофоръ оказывается здѣсь нынѣ историческимъ дѣятелемъ, какъ преемникъ Бояннеса, энергическаго предводителя греческихъ войскъ въ Южной Италіи[2]).

Въ планѣ мечеть представляетъ вполнѣ типичное византійское купольное зданіе X—XI вѣка, характерное развѣ только по массивной толщинѣ стѣнъ и столбовъ. Спереди во всю ширину церкви отдѣленъ папоикъ въ три метра шириною, стало быть, очень узкій, а нынѣ къ тому же совершенно затемненный, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано, въ современную мечеть Казан-Джиляръ ведетъ лѣстница изъ крутыхъ ступеней, собранныхъ, между прочимъ, изъ различныхъ кусковъ мрамора. Но, когда изъ папоика вступишь въ среднюю часть храма, получается изящное впечатлѣніе небольшого, но стройнаго

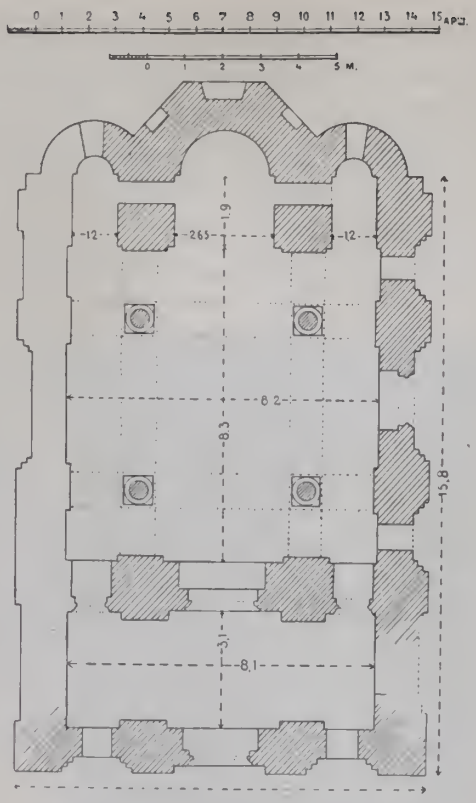
---

1) Выдержки у Тафеля, стр. 172 — 173.

2) Надпись издана Мордтманомъ въ *Revue Arch.* 1878, Sept. Снимокъ и подробности о войнѣ въ соч. G. Schlumberger, *L'Epopée Byzantine*, III, 1905, p. 51 — 53, fig. Надпись у Кирхгофа C. I. Gr. n⁰ 8705: ἀφιερώθη ὁ πρὶν βέβηλος τόπος εἰς ναὸν περίβλεπτον τῆς Θ(εοτὸ)κου παρὰ Χριστωφό(ρου) τοῦ ἐνδοξοτά(του) βασιλικοῦ (πρωτο) σπαθαρίου κ(αὶ) κατὰπονολάγου (?) Βαρδίας κ(αὶ) τῆς συνβίου αὐτοῦ Μαρίας κ(αὶ) τῶν τέκνων αὐτῶν Νικηφό(ρου), Ἄννης κ(αὶ) Κατακαλῖς, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ ἰνδ (ικτιῶνος) ιβ, ἔτει ϛφλζ.

Годъ 6537, мѣсяцъ Сентябрь = Сентябрю 1028 года.

зданія, освѣщеннаго мягкимъ разсѣяннымъ свѣтомъ и отовсюду расчлененнаго, благодаря тому, что вмѣсто глухихъ столбовъ въ срединѣ поставлены четыре мраморныхъ колонны, открывающія перспективы на внутренность всѣхъ сводовъ. Своды сведены узко и крайне приподняты, сообразно византійской манерѣ X-го вѣка; алтарная ниша, открытая до верху своего полусвода или конки, лишена совершенно иконостаса, но сохранила приподнятую солею и два боковыхъ коридора; ниша ея внизу прорѣзана михрабомъ, а вверху, по древнему, тремя арочными окнами. Внутри въ церкви всюду видны мраморные косяки и наличники оконъ и дверей, но работа въ мраморѣ грубая, каменотесная, не исключая и самыхъ капителей, которые, имѣя простую форму трапецій, украшены по угламъ простыми жгутами, а посрединѣ углубленными розетками, окруженными завиткомъ и крестами въ кругахъ. Но церковь представляетъ значительный интересъ по исполненію купола съ двумя поясами арочныхъ оконъ и въ особенности по декоративной раздѣлкѣ наружныхъ фасадовъ. Эта декорація, исполненная, главнымъ образомъ, путемъ разнообразной профилевки въ самой кирпичной кладкѣ, своеобразна и характерна и, главное, отличается



48. Казан - джилар - джами по плану арх. Н. П. Покрышкина.

49. Казан - джилар - джами въ Салоникахъ.

нѣкоторою новостью или малою для насъ извѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, большинство византійскихъ церквей X—XII столѣтій извѣстны намъ или въ облицовкѣ тесаннымъ камнемъ, какъ видимъ въ древнихъ церквахъ Греціи, или покрыты турецкою штукатуркой, безпощадно уничтожающей для глаза древнюю профилевку. Здѣсь, напротивъ того, лицевой фасадъ представляетъ весьма живописную руину и заслуживаетъ точнаго воспроизведенія въ архитектурномъ рисункѣ, какого мы въ будущемъ ожидаемъ отъ архитектора П. П.

50. Казан - джилар - джами.

51. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ.

Покрышкина, (которому мы одолжены планомъ, какъ и всѣми послѣдующими планами). Нижній ярусъ фасада состоитъ изъ трехъ арокъ широкихъ и тяжелыхъ, а верхній — изъ трехъ же арокъ высокихъ и легкихъ, обрамленныхъ трехступеньчатыми откосами. Нынѣ эти аркады представляютъ три глухія ниши въ нижней части и 3 открытыя окна вверху. Но еще болѣе разнообразна орнаментація южнаго фасада, производящаго сильное впечатлѣніе, благодаря тому, что онъ открытъ на широкій дворъ, хотя застроенный еврейскими лачугами. Мы видимъ здѣсь рядъ смѣло разработанныхъ аркадъ, глухихъ и открытыхъ, обрамленныхъ уступчатыми откосами и выдающимися полу-колоннами на переднихъ пилястрахъ, поднимающимися до верху, безъ всякихъ наглавниковъ и среди этой массивной, напоминающей романскія зданія, конструкціи, тонкій мраморный, далеко выступающій, карнизъ. Благодаря также тому, что широкіе кирпичи превосходнаго обжога, густого красно-

кирпичнаго цвѣта, окружены плотною массою окрашеннаго розоватаго цемента, образуется слегка пестрое, но живое впечатлѣніе постройки. Сѣверный фасадъ, засыпанный вплоть до верха арокъ нижняго этажа, представляетъ еще болѣе живописную руину, которая, благодаря разрушенію, а также турецкой передѣлкѣ, даже кажется другою конструкціею.

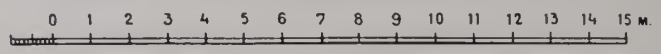
Якубъ-Паша джами.

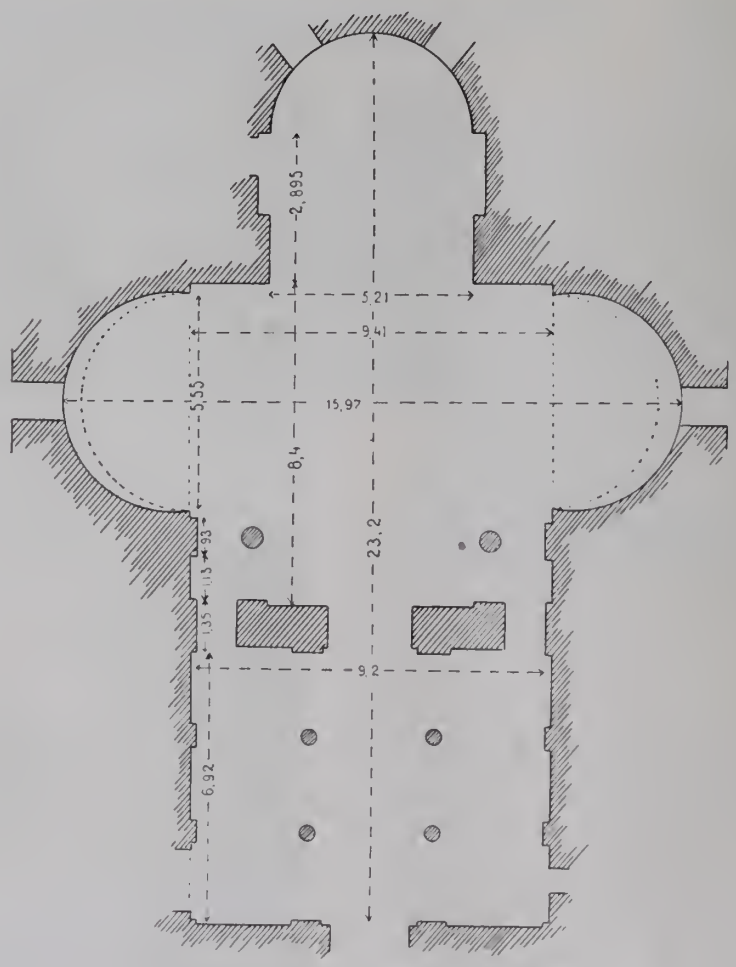
Мечеть по прозвищу *Якубъ-Паша*, находящаяся въ центральной части Солуни по близости отъ конака и Саатли-Джами, но уже въ возвышенной части города, отличается замѣчательною щеголеватостью своихъ пяти куполовъ, придающею ей, не смотря на турецкую штукатурку, архитектурную красоту. Кирпичная кладка арочной орнаментаціи куполовъ, а частью боковыхъ фасадовъ и самой апсиды, напоминаетъ во многомъ церковь 12-ти Апостоловъ, но уже представляетъ, сравнительно съ мечетью Казанъ-Джиляръ, формы болѣе обычныя или даже банальныя. На западной сторонѣ мечети новый турецкій навѣсъ покрываетъ небольшой портикъ. Всѣ стѣны не только густо оштукатурены, но и росписаны блѣдно-розовою краской во вкусѣ новаго Стамбула. Все же характерность архитектурныхъ наружныхъ формъ выступаетъ въ глухихъ аркадахъ, красивыхъ куполахъ восточной части и сильно выступающаго посреди нихъ полукружія апсиды. Окна апсиды замурованы, но еще видны мраморные пояса, проходящіе по восточной сторонѣ черезъ всѣ три выступа. Когда всѣ эти аркады были открыты, въ видѣ оконъ, обрамленныхъ мраморными пилястрами, все это было въ новомъ щего-

52. Якубъ-Паша-джами въ Солуни.

53. Восточная сторона Якубъ-джами въ Салоникахъ.

леватомъ вкусѣ византійскихъ церквей XII вѣка. Еще доселѣ каждый куполъ покрытъ черепицею по округлостямъ каморъ и не рѣдко средняя черепица красиво приподнята, какъ бы вспоминая прежніе акротеріи. Внутри мечеть еще болѣе передѣлана, чѣмъ церковь 12-ти Апостоловъ; здѣсь даже нарѳикъ передѣланъ по-турецки, имѣетъ остроконечныя арки, а большія окна, пови-





54. Церковь пророка Иліи въ Солуни.

димому, частью пробиты вновь. Для устройства менбира срѣзаны угольные алтарные столбы и, вмѣсто того, устроены еще новые перемычные своды. Боковые нефы открываются въ нарѳикъ двумя широкими аркадами. Такимъ образомъ, церковь представляется своего рода переходомъ отъ Казанъ-Джи-

ляра къ церкви 12-ти Апостоловъ и, повидимому, принадлежитъ еще къ XII или, въ крайнемъ случаѣ, къ первой половинѣ XIII вѣка. Главное отличіе представляетъ характерная и солидная конструкція церкви, въ которой купола не выдѣлены изъ общей массы такъ, какъ въ церкви 12-ти Апостоловъ. По нарошку помѣщены два небольшихъ купола безъ всякаго освѣщенія и промежъ нихъ крестовые своды; заканчивается же нарошкъ простымъ коробовымъ сводомъ. Внутри церковь отличается замѣчательнымъ обиліемъ свѣта, но всюду въ ней бывшіе мраморные карнизы сплошь замазаны. Съ западной стороны церкви имѣется большой фонтанъ, съ навѣсомъ на древнихъ колоннахъ. На углу его врыта древняя капитель.

Церковь Иліи въ Солуни.

Древняя церковь пр. Иліи, сохранившаяся въ мечети подъ прозвищемъ Эски-Сарай, находится за конакомъ [намъ конакъ называли «старымъ»]. Тексье называетъ мечеть «Саралиджами», можетъ быть, тоже имя, тогда какъ на планѣ она названа «Саатлиджами». Не смотря на всѣ распросы, намъ такъ и не удалось узнать дѣйствительнаго имени мечети, но, въ концѣ концовъ, оно не играетъ и большой роли, такъ какъ мечеть не можетъ быть смѣшана съ другою: настолько она характерна. Это небольшая церковь съ куполомъ, съ полукруглыми боковыми нефами и съ двумя нарошками прекрасной конструкціи, оба на четырехъ колоннахъ, и съ хорами на западной сторонѣ, открывающимися внутрь церкви широкою тройною аркадою на двухъ колоннахъ. Любопытно и освѣщеніе церкви: въ восточной сторонѣ окна въ два пояса, одно полукруглое и два круглыя по сторонамъ и три четыре-угольныя внизу: на южной и сѣверной сторонахъ пять полукруглыхъ оконъ.

55. Церковь пророка Иліи въ Солуни (мечеть Ески-Сарай).

Тексье увѣряетъ, что онъ видѣлъ на камнѣ, «отдѣленномъ отъ этой церкви», надпись съ 6562 годомъ, соотвѣтствующимъ 1012 году отъ Р. Х. Мы считаемъ въ общемъ почти несомнѣннымъ, что церковь относится къ XI — XII столѣтіямъ.

Церковь св. Пантелеймона.

Не менѣе изящна архитектура большой мечети Исакіе-джами, предполагаемой древней *церкви св. вм. Пантелеймона:* стоя среди обширнаго сада,

56. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) до ея передѣлки.

мечеть еще издали является монументально величавымъ и даже импозантнымъ представителемъ ранней солуньской архитектуры. Здѣсь еще господствуетъ широкій стиль XI — XII столѣтій, съ покойно массивнымъ барабаномъ средняго купола и съ грузнымъ полукругомъ могучаго свода надъ среднимъ нефомъ. Такой, отчасти тяжелый характеръ основнаго и массивнаго средняго столба церкви какъ бы облегчается высокою и утонченною, чисто византійскою структурою оконъ, пробитыхъ

57. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) въ Салоникахъ.

въ барабанѣ купола, и въ видѣ тройчатой аркады, прорѣзывающихъ арку средняго нефа. Весь остальной корпусъ храма, кромѣ входовъ, почти лишенный просвѣтовъ, остается намѣренно грузнымъ и глухимъ, и раздѣланъ только аркадами, оживляющими поверхность. Внутренность храма оперта на четыре стройныхъ колонны, которыхъ гармоническое впечатлѣніе нарушается нѣсколько малыми для нихъ капителями, при которыхъ получилась съуженная, какъ бы сдавленная шейка при переходѣ отъ столба колонны къ капители. При этомъ рисунокъ самыхъ капителей кажется какъ бы обезображеннымъ: повидимому, что то здѣсь срѣзано уже при Туркахъ. Возможно также, что, при самой византійской постройкѣ, употребили сборный матеріалъ: такъ, капители кажутся намъ гораздо ранѣе самаго зданія, и ихъ острая листва покрываетъ всю корзину капители сплошною сѣтью или рѣшеткою, не позволяющею различать отдѣльныхъ листьевъ аканѳа. Надъ сѣтью только между поясами отдѣляются [слабо, потому что концы сбиты] свѣшивающіеся концы листьевъ. Подобный пошибъ капителей знаемъ въ Византіи уже съ VII — VIII столѣтій.

58. Церковь св. Пантелеймона въ Салоникахъ.

Церковь 12-ти Апостоловъ.

Бывшая церковь 12-ти Апостоловъ, нынѣ мечеть Соук-су, не даромъ пользуется и въ ученомъ мірѣ и въ самой Солуни большою извѣстностью: церковь сразу привлекаетъ туриста, подходящаго къ ней глухими восточными переулками, какъ неожиданное изящное явленіе. Весь корпусъ древней церкви сохранился (благодаря бѣдности квартала) не только въ первоначальной конструкціи, но и въ своемъ простомъ кирпичномъ уборѣ, и штукатурка на этотъ разъ не закрыла ни выложенныхъ въ толщѣ стѣнъ аркадъ, ни пестрой смѣны слоевъ кирпича и кладки, ни кирпичныхъ колонокъ, столбиковъ и зигзаговыхъ выпусковъ подъ камарами. Но, кромѣ того, вся поверхность стѣнъ въ этой церкви украшена весьма затѣйливо разными орнаментальными выкладками, расположенными, согласно архитектурной конструкціи стѣнъ, аркадъ и поясовъ. Орнаментика очень проста и незамысловата: пояса, зигзаги, ромбы, кресты, меандры и пр.

59. Церковь 12-ти Апостоловъ (нынѣ Соукъ-Су) въ Салоникахъ.

Какъ извѣстно, въ паронкѣ храма, на капителяхъ, въ люнетахъ и надъ дверью находятся монограммы и надписи, которыя съ совершенною точностью называютъ *Нифонта патріарха и ктитора*, повторяя это до трехъ разъ (во время нашего осмотра, надписи и монограммы оказались отчищенными отъ покрывшей ихъ побѣлки Я. И. Смирновымъ). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подъ Нифонтомъ разумѣется здѣсь первый константинопольскій патріархъ этого имени, бывшій патріархомъ въ 1312—1315 годахъ, а не второй Нифонтъ, бывшій въ 1481—1512 годахъ. Равно, можно съ достовѣрностью принять [1]), что первый Нифонтъ былъ строителемъ, а не возобновителемъ церкви,

60. Церковь 12-ти Апостоловъ.

1) Н. П. Милюкова, *Христіанскія древности западной Македоніи*. Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—. IV, 1, 1899, стр. 6—8, 121 и др.

такъ какъ типъ и архитектурная конструкція храма указываютъ именно на 13—14 столѣтія, какъ время построенія его. Иное дѣло — орнаментація храма узорами кирпичной кладки: для хронологическаго пріуроченія церкви на основаніи узоровъ, мы имѣемъ пока слишкомъ мало указаній въ точно опредѣленныхъ памятникахъ. Уже на абсидахъ церквей св. Луки Фокидскаго (начала XI столѣтія) и св. Никодима въ Аѳинахъ (до 1044 года) выложены въ кирпичѣ цѣлыя орнаментальныя композиціи. Повидимому, въ Македоніи эта форма орнаментаціи держалась особенно долго.

Солуньскій храмикъ св. Апостоловъ снимали и чертили пенсіонеры нашей Академіи Художествъ гг. Лазаревъ-Станищевъ, Векшинскій и, кажется, также г. Бобровъ: было бы въ высшей степени желательно и для исторіи и для самой архитектурной практики издать нѣкоторые снимки, принадлежащіе нашей Академіи Художествъ.

61. Церковь 12-ти Апостоловъ въ Салоникахъ.

Прочія солуньскія мечети, нами видѣнныя, не показались намъ особенно любопытными. Такъ *Акче-меджидъ* представляетъ новую постройку, но съ древними колоннами, и во дворѣ мечети имѣется выдолбленная византійская капитель. Карали-Меджидъ — тоже турецкая постройка, съ деревянными столбами, но на холмѣ и въ старомъ видѣ, а къ одной сторонѣ мечети приставленъ византійскій амвонъ, весь мраморный и съ мраморными же, хотя розными ступенями (см. рис. 62: выш. 1,30, шир. 0,84).

Церковь св. Мины.

Приступая къ обозрѣнію современныхъ солуньскихъ церквей, мы, по особой случайности, можемъ начать съ церкви св. Мины, одной изъ наиболѣе видныхъ городскихъ церквей и одной изъ самыхъ древнихъ. Церковь эта помѣщается между пристанью и базаромъ, въ узлѣ мелкихъ улицъ, окружающихъ базаръ, близко отъ главной артеріи Солуни, и состоитъ, наряду

съ церквами Панагіи и Николая Чудотворца, въ наибольшемъ почетѣ у греческаго торговаго населенія. Въ прошломъ вѣкѣ эта церковь, существовавшая уже въ девятомъ вѣкѣ, сгорѣла и была возстановлена, но при этомъ подверглась полной перестройкѣ. Тѣмъ не менѣе, когда мы ее осматривали въ 1900 году, она сохраняла замѣчательныя древности. Сама церковь имѣла [1]) обычный типъ греческой большой базилики, грубо сложенной и на половину смазанной съ двумя рядами деревянныхъ столбовъ внутри; украшеніемъ стѣнъ служила ординарная прослойка кирпичами въ два или три ряда. Иконостасъ представлялъ только иконы двадцатыхъ годовъ, но въ алтарѣ было устроено деревянное горнее мѣсто, въ срединѣ котораго стояло великолѣпное епископское сѣдалище или кресло, изъ массивныхъ плитъ серпентина или даже verde antico; сѣдалище это имѣло внутри ступени и, очевидно, въ древности служило *амвономъ*. Его лицевая сторона (на рис. 67 оно приставлено къ стѣнѣ именно этою стороною) раздѣлана аркадами, а на боковыхъ плитахъ высѣчены монограммы имени Спасителя въ кругахъ, обставленныя съ обѣихъ сторонъ кипарисами. Амвонъ, видимо, относится къ VII—VIII вѣкамъ и стоялъ нѣкогда вѣроятно на особомъ повышенномъ подножіи, какъ и амвонъ Софіи Солуньской.

62. Фрагментъ близъ Карали-джами въ Салоникахъ.

63. Рельефы, вставленные въ стѣну церкви св. Мины въ Салоникахъ.

Далѣе, на углу храма во дворѣ стояла капитель тоже этой древнѣйшей эпохи. Однако, ни колоннъ, ниже базъ не сохранилось.

Но, взамѣнъ того, сохранилось много древностей иной позднѣйшей эпохи, не менѣе важныхъ. А именно, на стѣнахъ, въ разныхъ мѣстахъ ока-

1) Говоримъ: «имѣла» и «сохраняла» и прочее, потому что два года назадъ, во время большого пожара, по словамъ газетъ, эта церковь опять сгорѣла, и что представляетъ теперь, не знаемъ.

зались вложенными отдѣльные рельефы или куски неизвѣстнаго орнаментальнаго фриза: отдѣльныя фигуры животныхъ и птицъ вмазаны въ стѣну ограды, по стѣнѣ западнаго лицеваго фасада, частью на восточной сторонѣ и въ надворномъ сараѣ. Рельефы имѣютъ въ длину отъ половины до трехъ четвертей аршина въ ширину и одного аршина въ длину. Такимъ образомъ, скульптуры эти являются камнями въ кладкѣ, обдѣланными съ передней стороны въ видѣ рельефа. Но рельефы уже были сильно изуродованы, когда попали сюда въ стѣну: отбиты ноги, головы, обсѣченъ фонъ, состоящій изъ крупной листвы аканѳовъ; только въ одномъ случаѣ возлѣ самаго рельефа сохранилась выдающаяся человая *(модильонъ)* пальметка пилястра или выпускнаго камня, бывшаго въ срединѣ (окошнаго?) арочнаго свода. Въ одномъ случаѣ (рис. 66) камень имѣетъ какъ будто бы видъ капители, но настолько грубой, что нельзя утверждать этого положительно. Поэтому мы не могли составить рѣшительнаго заключенія о первоначальной роли камней въ древнемъ разобранномъ храмѣ.

Еще менѣе можно гадать о первоначальной орнаментальной темѣ, которая содержалась въ этихъ рельефахъ. Изъ дюжины сохранившихся рельефовъ пять представляютъ обычный типъ византійской птицы, или клюющей плоды на вѣткѣ или обчищающей себѣ перушки: птица типична и по стильнымъ формамъ, такъ какъ это та самая тяжелая перепелка, которую мы привыкли видѣть въ византійскихъ миніатюрахъ, начиная съ десятаго вѣка. Но затѣмъ мы находимъ здѣсь: барана, собаку или волка, медвѣдя (дважды), льва, льва, терзающаго лань, и голову въ шлемѣ (послѣднюю тему мы нашли на одномъ изъ храмовъ Аѳона) [1]). Конечно, этихъ скульптуръ нельзя смѣшивать съ античными барельефами, напр. фигуркою Мелеагра, тоже вмазанной въ стѣну сарая рядомъ съ прочими. Наконецъ, на одной плитѣ мы находимъ изображеніе средневѣковаго фантастическаго звѣря, извѣстнаго подъ именемъ *аспида*.

Если бы мы встрѣтили эти рельефы въ какомъ-либо романскомъ зданіи, врядъ-ли они обратили бы на себя особенное вниманіе. Но въ византійской церкви это первоклассная рѣдкость, имѣющая притомъ принципіальное историческое значеніе по вопросу о самомъ происхожденіи такъ называемаго звѣринаго стиля въ романскомъ искусствѣ.

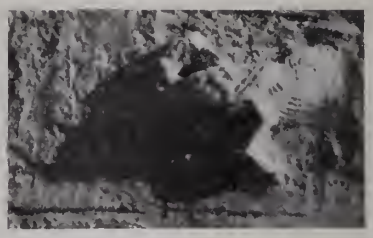
Въ самомъ дѣлѣ, періодъ европейскаго звѣринаго стиля укладывается въ какіе-нибудь три-четыре вѣка: съ IX по XIII вѣкъ включительно. Здѣсь и ломбардскій стиль, и древности варварскихъ народностей Европы, и роман-

---

1) На стѣнѣ Хиландарскаго собора, см. *Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ*, 1902 г., стр. 39.

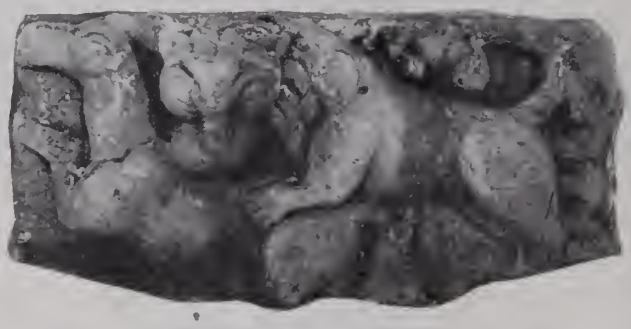
скій періодъ, съ его національными началами и зародышами, и тяжелыми горельефами странилъ, украшающихъ порталы величавыхъ, но мрачныхъ соборовъ. Пока исторія этого звѣринаго стиля не начертана даже приблизительно, и исторія искусства въ этотъ періодъ разорвана еще ложнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ, а самое положеніе историческаго періода является крайне одностороннимъ и къ тому же лишено всякаго научнаго значенія, такъ какъ мы не знаемъ ни начала, ни источниковъ этого звѣринаго стиля. Говорить, какъ то было ранѣе, о римскомъ происхожденіи этого стиля

64. Рельефъ (медвѣдь) въ стѣнѣ церкви св. Мины.



65. Плита на стѣнѣ церкви св. Мины.

уже нельзя, а всякія указанія на Востокъ, на арабо-византійскія и персидскія вліянія, безъ точной датировки прогрессивно развивающихся формъ, остаются пока малозначительной фразою. Нельзя же, дѣйствительно, придавать серьезнаго научнаго значенія отдаленнымъ намекамъ на памятники Ниневіи и Персеполя, и совершенно очевидно, что настала пора разобраться



66. Плита въ стѣнѣ у церкви св. Мины въ Салоникахъ.

въ громадной массѣ средневѣковыхъ рельефовъ всякаго рода, содержащихъ въ себѣ на громадномъ пространствѣ и за цѣлыя столѣтія, цѣльное и характерное содержаніе, извѣстное подъ именемъ звѣринаго стиля.

Въ настоящемъ вопросѣ [1]) о солуньскихъ рельефахъ звѣринаго стиля приходится идти путемъ исключеній. Во первыхъ, мы можемъ исключить всю область *варварскихъ древностей* этого стиля, относящихся исключительно къ сферѣ народныхъ уборовъ, мужскихъ и женскихъ, украшенныхъ темами этого рода. Затѣмъ, мы можемъ равно отдѣлить *поливную посуду* [2]) греко-восточнаго происхожденія, *восточныя ткани* съ рисунками, серебряныя *блюда и сосуды* такъ называемаго сассанидскаго стиля, персидскія, арабскія, *далѣе средневѣковыя aquatanilia* и пр. и ограничиться исключительно *рельефами*. Наконецъ, и по этой послѣдней сферѣ мы должны и можемъ сдѣлать важное художественно-историческое ограниченіе. Дѣло въ томъ, что звѣриный стиль еще въ раннюю эпоху слился съ орнаментаціею ременныхъ плетеній: извѣстно, что концы этихъ плетеній въ рѣзныхъ издѣліяхъ и въ орнаментальныхъ инициалахъ получили звѣриную форму головъ, хвостовъ (лошадиныхъ, змѣиныхъ, драконовыхъ — все равно, — намъ не стоитъ нужды нынѣ разбирать эти типы), а съ другой стороны правильные (геометрическихъ формъ) узоры плетеній наполнились темами звѣринаго стиля: сценами охотъ, птицами, монстрами и т. д. Но для этихъ орнаментацій, покрывающихъ собою тяги арокъ, колонки и наличники порталовъ, стѣнки амвоновъ, ножны церемоніальныхъ мечей, даже древка процессіональныхъ крестовъ, очевидно, существовалъ искони совершенно особый художественный источникъ, и археологическія обозрѣнія, смѣшивающія эти типы съ нашими рельефами, лишаются тѣмъ самымъ руководящаго начала.

67. Амвонъ въ церкви св. Мины въ Солуни.

---

1) Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ вообще требуетъ возможнаго расширенія горизонтовъ, иначе говоря—пересмотра всего историческаго пути, которымъ прошелъ этотъ стиль изъ древности античной и греко-азіатскаго искусства до средневѣковой Европы, но мы надѣемся сдѣлать это обозрѣніе въ другомъ мѣстѣ и по такому отдѣлу (русскихъ курганныхъ древностей), который стоитъ въ срединѣ этого движенія.

2) Однако большія и плоскія блюда грековосточной работы съ поливными украшеніями, представляющія птицъ, грифовъ, грифона бьющагося съ змѣею, и пр. послужили оригиналами для рельефовъ, такъ какъ именно эти блюда вставлялись въ видѣ человыхъ украшеній, надъ замками арокъ по церковному фризу въ Греціи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Италіи, въ Испаніи и пр.

Такимъ образомъ, становится возможнымъ выдѣлить звѣриные рельефы средневѣковой, такъ называемой романской архитектуры въ особый, хотя мелкій, художественный типъ. Этотъ типъ одиночныхъ рельефовъ, одиночныхъ плитъ, съ рѣзною лицевою поверхностью, уже съ достаточною давностью (со временъ Комона) указанъ подъ названіемъ *briques historiées*, а въ качествѣ его прототипа представлены штампованные и покрытые цвѣтною поливою (синею или зеленою, откуда древнерусскія *цѣнины*) восточные образцы, какъ древнѣйшіе въ Ниневіи и Вавилонѣ, такъ и позднѣйшіе арабскіе и персидскіе. Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ источниковъ типа, получается нѣкоторое опредѣленіе его техническихъ особенностей и его художественнаго содержанія: дѣйствительно, штампованныя плитки не могутъ представлять особенно высокаго рельефа и должны ограничиваться одною фигурою, рѣдко двумя, и притомъ почти исключительно изъ животнаго міра, такъ какъ человѣческая фигура не подходитъ къ размѣрамъ облицовочнаго изразца или плиты камня въ кладкѣ. Однако, такъ какъ эти фигуры звѣрей размѣщаются въ рядъ по стѣнѣ, онѣ могутъ быть связаны темою охоты или даже сказочною фабулою, но это послѣднее является крайнею рѣдкостью. Въ большинствѣ случаевъ, отдѣльныя фигуры животныхъ представляютъ орнаментальныя плиты, назначенныя замѣнять собою всякаго рода украшенія арокъ, оконъ, междустолній, подвѣнечныхъ фризовъ и пр.

Въ этомъ послѣднемъ тѣсномъ значеніи наши рельефы имѣютъ нѣчто общее напр. съ *александрійскими процессами лѣпныхъ украшеній* въ оконныхъ поясахъ, тимпанахъ арокъ, въ формѣ лѣпныхъ рельефовъ (стуковъ) на цвѣтномъ фонѣ, въ видѣ животныхъ, фигурокъ и пр., какія находимъ въ Равеннскомъ баптистеріи. Прототипомъ такой орнаментаціи являются также извѣстные амвоны св. Аньелла (566—9) и Деодата (597 г.), съ отдѣльными тяблами нашю, въ которыхъ размѣщены агнцы, птицы, даже рыбы и пр.; эти декоративныя тябла стали довольно обычнымъ украшеніемъ бронзовыхъ литейныхъ, рѣзныхъ или эмальированныхъ дверей съ X вѣка, преимущественно въ XI и XII столѣтіяхъ (см. ниже разборъ орнаментальной двери въ Охридѣ).

Рельефы лангобардской архитектуры [1]) (періода съ начала VIII стол. по начало XI вѣка) также могли бы быть разсматриваемы какъ оригиналы средневѣковой орнаментаціи, но эти рельефы настолько тѣсно связаны съ плетеніями, геометрическими орнаментальными фигурами, а также архитектурными расчлененіями фризовъ аркадами, тяблами и пр., что полной аналогіи мы здѣсь, очевидно не находимъ.

---

1) Cattaneo, L'architettura in Italia dal secolo VI al 1000 circa. V. 1888.

Не находя такимъ образомъ совершенно одинаковыхъ памятниковъ въ этомъ предыдущемъ періодѣ, мы затѣмъ какъ бы разомъ встрѣчаемъ яркіе факты употребленія рельефныхъ плитъ въ видѣ украшенія стѣнъ *въ срединѣ двѣнадцатаго столѣтія*, притомъ въ памятникахъ романской архитектуры, столь раздѣленныхъ другъ отъ друга странъ, какъ средняя Россія и сѣверная Италія. Мы разумѣемъ съ одной стороны *храмы Павіи* (1155 г.) *и Пармы* (1196 г.) и съ другой — *Дмитровскій соборъ* во Владимірѣ и *соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ*, относимые къ 1194 г. — первый, и къ 1234 году — второй. Но, какъ мы уже не разъ говорили и съ нужными подробностями, два русскіе собора являются въ своемъ родѣ единственными памятниками по небывалому богатству скульптуръ, разсыпанному по всѣмъ сторонамъ соборовъ. На соборахъ въ Павіи и Пармѣ мы находимъ скульптуры архитектурно сосредоточенными въ нѣсколько фризовъ, протягивающихся отъ различныхъ поясовъ порталовъ средняго и боковыхъ.

Здѣсь въ квадратныхъ и четыреугольныхъ плитахъ тонкою рѣзбою поверхъ представлены львы, сфинксы и грифы, пары птицъ, стилизованныя чудовища, птица несущая рыбу, крылатый амуръ, ѣдущій на львѣ, св. Георгій, убивающій дракона, всадники, охотники, асиидъ и василискъ и пр. и пр.; все это въ тяжелыхъ романскихъ формахъ стиля, съ дѣтски реальною и вмѣстѣ грубою выдѣлкою деталей и подробностей, свойственныхъ варварскому искусству. Но самая манера рѣзьбы и моделировка фигуръ, а также ихъ общій рисунокъ еще приближаются къ античнымъ (можно было бы сказать: этрусскимъ) образцамъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ рельефами Владиміро-Суздальскихъ соборовъ. Стѣны этихъ соборовъ, какъ извѣстно, прямо почти вымощены рельефными плитами, размѣщенными въ очевидномъ декоративномъ порядкѣ, который съ извѣстной ясностью обнаруживаетъ также условный смыслъ, существованіе опредѣленной внутренней темы или задачи въ этой группировкѣ. Мы имѣли уже случай не разъ [1]) описывать и объяснять декоративныя темы Дмитровскаго собора и по прежнему удерживаемъ цѣликомъ схему данныхъ нами ранѣе объясненій. Дѣйствительно, если нѣтъ никакой нужды гадать, подобно мѣстнымъ археологамъ, о сокровенномъ смыслѣ рельефовъ Дмитровскаго собора, то съ другой стороны нельзя и отрицать, что помѣщенныя поверхъ рельефныхъ фризовъ, представляющихъ животныхъ,

---

1) О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства въ «Памятникахъ древней письменности и искусства, вып. 132, 1899 года. «Русскія древности въ памятникахъ искусства», вып. IV, стр. 18—58. См. Д. П. Бережкова: о храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества (12—13 в.) 1903 г., стр. 2—3, 17, 19, 97, 100. О распространенности каменныхъ храмовъ въ Суздальскомъ краѣ въ до-монгольскій періодъ свидѣтельствуетъ перечень 17-ти церквей.

птицъ, монстровъ, даже деревья, изображенія Спасителя, Богоматери, Соломона и Давида, имѣютъ опредѣленное значеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, общій видъ нагроможденныхъ уже безъ всякаго порядка на стѣну рельефныхъ плитъ въ соборѣ Юрьево-Польскаго, обнаруживаетъ одно весьма простое, но слишкомъ существенное обстоятельство, котораго слѣдуетъ держаться прежде всего при сужденіи объ этой декораціи, а именно: при взглядѣ на этотъ соборъ совершенно ясно, что рельефныя плиты, которыми вымощены стѣны этого собора, собраны отовсюду изъ разобраннаго ранѣе древняго собора или даже двухъ церквей. Прежде эти плиты были расположены въ извѣстной декоративной системѣ: внутри аркадъ, по тягамъ сводовъ, въ капителяхъ пилястръ, консоляхъ колонокъ и пр. и пр., а затѣмъ, будучи оторваны отъ этихъ своихъ декоративныхъ формъ, послужили, согласно установившейся еще въ Греціи привычкѣ, украшеніями стѣнъ. На соборѣ Юрьева-Польскаго, это обстоятельство наблюдается очень легко, но его гораздо труднѣе отличить въ рельефахъ Дмитровскаго собора, такъ какъ тамъ декоративная сторона самого собора выполнена и сохранена цѣликомъ, и, очевидно, только внутренность аркадъ, наполненныхъ рельефами, представляетъ сборъ разобранныхъ ранѣе памятниковъ.

Самый подборъ темъ этого звѣринаго стиля во Владиміро-Суздальскихъ храмахъ представляетъ уже значительныя отступленія отъ церквей Италіи. Такъ, кромѣ того, что здѣсь повторяются обычныя эмблематическія темы: грифъ, сфинксъ, химера, аспидъ, василискъ, драконъ, сирена, а равно: пары грифовъ, львовъ, птицъ, барановъ и пр. и пр. Здѣсь мы находимъ рядъ условныхъ растительныхъ орнаментовъ въ видѣ Древа Жизни особеннаго средне-вѣкового типа. Равно и самый пошибъ скульптуръ рѣзко отличается отъ античной манеры собора въ Павіи: какъ мы уже писали ранѣе, фигуры не имѣютъ здѣсь округлой моделировки, а выполнены на одной поверхности, причемъ контуры насѣчены вглубь легче или сильнѣе и этимъ ограничивается вся сила рельефа, такъ что рука, положенная на груди, не приподнята надъ нею, а вырѣзана въ этой груди внутри и оказывается какъ бы углубленною въ тѣло. Сухая, мелочная рѣзьба и сложная композиція при варварскомъ преувеличеніи извѣстныхъ деталей, по которымъ дѣтская манера различаетъ породу животнаго, аттрибуты святыхъ, полъ и возрастъ и пр. указываетъ вполнѣ очевидно, какъ мы уже объ этомъ писали, нѣмецкую передачу устарѣлаго римскаго оригинала; такимъ образомъ скульптуры Владиміро-Суздальскихъ церквей примыкаютъ по стилю къ средневѣковымъ памятникамъ южной Германіи [1]), а не къ Италіи.

---

1) Наиболѣе близки скульптуры на замкѣ Тироль въ Тироли, по порталамъ, начала XII вѣка, въ видѣ отдѣльныхъ плитъ, съ изображеніями: кентавра, василиска и аспида,

Ясно, что между Владиміро-Суздальскими соборами и Ломбардскими (Павія, Парма, Верона и Комо) долженъ быть третій связующій ихъ членъ и, очевидно, принадлежащій греческому востоку. Въ настоящее время становится уже возможнымъ намѣтить нѣсколько памятниковъ, принадлежащихъ этому греческому Востоку и относящихся къ періоду XI—XIV столѣтій. На первомъ мѣстѣ мы поставимъ любопытныя известковыя плиты, найденныя въ Херсонесѣ Таврическомъ. Три такихъ плиты, длиною 60 сант. и отъ 40 до 50 сант. вышины украшены изображеніями льва и другихъ животныхъ, простою грубою рѣзьбой.

Въ церкви XIII—XIV ст. въ Ѳеодосіи, въ карантинѣ А. Л. Бертье-Делагардъ нашелъ размѣщенныя по поясу абсиды рядъ плитъ съ погрудными изображеніями апостоловъ, *тождественнаго* стиля и техники съ суздальскими рельефами. На Кавказѣ въ Ани проф. Н. Я. Марръ открылъ храмъ XII вѣка, покрытый *романскими* скульптурами звѣринаго стиля.

Иной византійскій характеръ носятъ орнаментальныя плиты изъ мрамора, замѣчательной работы, хотя нѣсколько сухой рѣзьбы, на церквахъ Аоинъ («древняя Митрополія»), въ Артѣ (фотографіи Я. И. Смирнова) въ соборѣ г. Софіи въ Болгаріи и въ Софіи Трапезундской.

Внутри церковь святаго Мины имѣетъ мало любопытныхъ древностей: есть запрестольный крестъ, поставленный на особомъ пьедесталѣ, украшенномъ надписью, но въ самомъ иконостасѣ всѣ образа новые или поновленные. А такъ какъ въ новой греческой иконописи, наблюдается исключительно лишь ея натуралистическое разложеніе, то и въ образахъ этой церкви мы не нашли другихъ чертъ кромѣ натуралистическихъ. Здѣсь есть образъ Божіей Матери Горгуникоосъ, ласкательно охватившей Младенца, сидящаго у Нея на лѣвой рукѣ. На особомъ аналоѣ внутри полузакрытый образъ святого Спиридона. Далѣе любопытенъ образъ св. Анны съ Успеніемъ святой въ срединѣ и житіемъ вокругъ.

Церковь Николая Чудотворца.

Любопытная церковь Святого Николая Чудотворца, по прозванію святой Никола Сирота (Ὀρφανὸς ἅγιος Νικόλαος) представляетъ наилучше сохранившуюся византійскую церковь Солуни, постройки XIII—XIV вѣка, по своимъ размѣрамъ, мало прельщавшая мусульманъ, не пожелавшихъ превратить ее въ мечеть. Уже самый входъ во дворъ этой мечети обрамленъ двумя колоннами, поставленными у стѣны, по перевернуу-

---

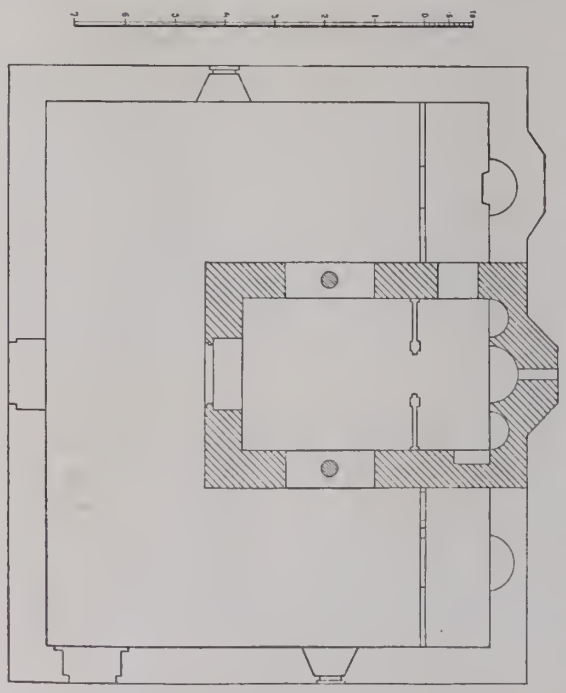
льва, химеры, монстровъ различныхъ, но также борцовъ, двухъ птицъ по сторонамъ чаши, овна, волка и пр. См. Lind, K. *Atlas Kirch. Denkm. d. Mittelalters im Oest. K. u. in ehemal. Lomb. Ven. Königreiche. Von d. K. K. Central-Commission.* Wien. 1872, fol. Taf. XII, 69. Ср. ibid. скульптуры въ Каринтіи: Taf. II. 8, въ Venzone XII в. и пр.

тыми низомъ кверху и увѣнчанными, вмѣсто капители, одинмъ кубовымъ верхомъ, украшеннымъ рѣзьбою: крестомъ, въ кругу среди двухъ крыновъ. Дворъ представляетъ обширную пустырь, среди котораго выдается маленькая церковка, окруженная спереди грубо сложеннымъ открытымъ нарошкомъ,

68. «Малая» церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

69. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

вѣрнѣе навѣсомъ, на деревянныхъ столбахъ; съ восточной же стороны выступающая одною полукруглой абсидою, все это простой и грубой кладки. Единственныя украшенія находятся на восточной сторонѣ и представляютъ орнаментальную кирпичную кладку, въ видѣ зигзаговъ и ромбовъ и рѣшетокъ по карнизу абсиды и по небольшимъ окнамъ восточной стороны.



70. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

Церковь необычайно малыхъ размѣровъ, ее обходитъ по тремъ сторонамъ внутренній притворъ или нарошкъ, почти весь расписанный и уставленный по стѣнамъ стасидіями. Поверхъ стасидій стоятъ рядами старыя иконы съ облупившимися ликами. Правая сторона нарошка отдѣлена деревянною стѣнкою, а вверху прикрыта рѣшетчатымъ мушарабіемъ — это древній бабникъ — гинекей. Старый священникъ подтвердилъ мнѣ, что и до-

селѣ женщины становятся въ ихъ церкви за этой рѣшеткой. Въ этомъ притворѣ есть придѣлъ святого Пантелеймона. Нарѳикъ покрытъ по стропиламъ черепичною скатною крышею и сохранился цѣликомъ отъ XV вѣка. Стѣнная роспись, сохранившаяся отъ того же времени, представляетъ во первыхъ: житіе Николая Чудотворца, житіе св. Герасима, евангельскія притчи, нѣсколько евангельскихъ сценъ, бесѣду съ Самаритянкой и изображенія нѣсколькихъ святыхъ: Елены, Екатерины во весь ростъ, но прикрытыхъ стасидіями. Средняя часть церкви сохранила древній иконостасъ съ мраморными баллюстрадами, колонками, на нихъ поставленными и мраморнымъ же антаблеманомъ, украшеннымъ рѣзьбою. Промежутки между колонокъ закрыты мѣстными иконами на лицо, а изнутри алтаря забраны досками. На иконѣ Божіей Матери съ Младенцемъ въ алтарѣ, написанной на другой сторонѣ иконы Спаса, читается надпись, къ сожалѣнію, полуразрушенная въ самомъ концѣ, гдѣ читалось имя вкладчика и дата.

71. Роспись церкви Николая Чудотворца въ Салоникахъ.

На западной сторонѣ изображено житіе Николая Чудотворца въ двѣнадцати отдѣленіяхъ, а въ нарѳикѣ подрядъ св. Савва, Ефремъ, Павелъ Исповѣдникъ, житіе Евфрасіи. Въ одномъ отдѣлѣ нѣсколько сценъ евангельскихъ исцѣленій: разслабленнаго, хромого, страдающаго водянкой и бесѣда Христа съ Самаритянкою. Многія сцены прекраснаго письма конца XIV, первой половины XV вѣка, которыя являются даже близкими къ миніатюрамъ прекраснаго Евангелія Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что фрески сильно пострадали отъ турецкаго варварства: многіе лики изуродованы, у нихъ выткнуты глаза и еще болѣе страдаютъ отъ столь же варварскаго обхожденія нищенскаго клира.

72. Церковь св. Николая въ Солуни.

Любопытны и двѣ колонны, сохранившіяся въ нефѣ церкви, на которыхъ поставлены несоразмѣрно большія и сильно обколоченныя капители, взятыя изъ другихъ древнѣйшихъ церквей. Колонны эти, по всей вѣроятности, принадлежатъ VII, VIII вѣку. Ихъ кубовая покрышка украшена рѣзьбою и монограматическими крестами въ кругахъ.

Большая или главная церковь *Николая Чудотворца*, вновь выстроенная на старомъ мѣстѣ, сохранила много прекрасныхъ старыхъ иконъ, перенесенныхъ, однако, на хоры церковные. Между ними икона Страшнаго Суда замѣчательно мелкой работы, размѣромъ не болѣе трехъ четвертей аршина, но съ полной выпискою деталей, съ изображеніемъ восьми отдѣловъ ада и прочее.

73. Серебряный ковчегъ для храненія ковчежца главы св. Евстаѳія Плакиды въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни.

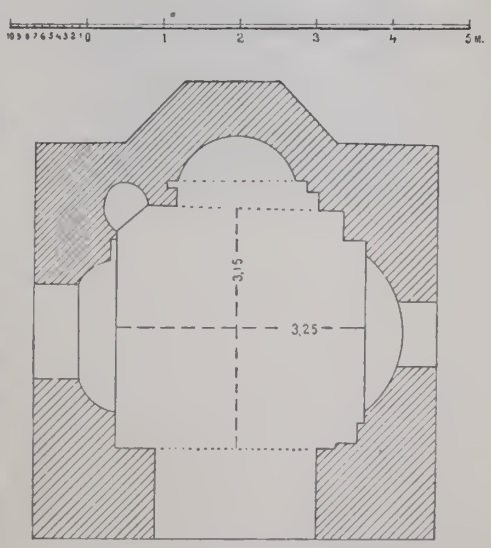
Главной древностью церковной является здѣсь ковчежецъ главы святого Евстаѳія Плакиды, имѣющій форму черепа изъ кованнаго серебра, украшеннаго финифтью и драгоцѣнными камнями по филиграневу или скаиному рисунку въ видѣ различныхъ разводовъ криновъ и травъ, наведенныхъ въ фонахъ зеленою и голубою финифтью. Вся эта серебряная обложка выполнена изъ отдѣльныхъ пластинокъ, перегнутыхъ и связанныхъ между собою припаянными шарнирами. Фонъ пластинокъ слабо позолоченъ и, кромѣ финифти, нѣкоторыя части наведены чернью, равно какъ и самая надпись, именующая игумна

74. Ковчежецъ главы св. Евстаѳія въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни.

и іеромонаховъ, украсившихъ эту раку въ 1730 году, исполнена также черпью. Въ общемъ весь рисунокъ выполненъ по восточнымъ, преимущественно персидскимъ, образцамъ, доселѣ живущимъ въ Турціи. Столь же любопытна серебряная коробка съ крышкой, украшенная по низу чеканными изображеніями, относящимися къ святому Евстафію, а поверхъ восточными разводами, въ которой въ церкви хранятъ этотъ ковчегъ.

75. Рельефъ въ церкви св. Аѳанасія въ Салоникахъ.

Церковь во имя святого *Аѳанасія* Александрійскаго, находящаяся на главной улицѣ Солуни, содержитъ въ себѣ, кромѣ сохранившихся отъ древней постройки, колоннъ и капителей, также древнее Евангеліе XI вѣка, икону Одигитріи съ надписью этого имени обычнаго типа, также на южномъ углу замѣчательныя рельефныя изображенія Одигитріи, стоящей съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Рельефъ относится къ очень позднему времени и во всякомъ случаѣ не ранѣе XIV вѣка, такъ какъ отъ предыдущаго хорошаго періода едва удержана только схема драпировки фигуры, но въ плохой и сухой передачѣ. Что въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе— это манера плоскаго ремесленнаго исполненія рельефа, въ которомъ едва и очень слабо намѣчены контуры рисунка, какъ бы жилами на поверхности фигуры; манеру эту любопытно сравнить съ техникою западныхъ средневѣковыхъ рельефовъ того же времени. Къ сожалѣнію, рельефъ густо покрытъ масляною краскою, вышина его 0,93, ширина 0,30.



76. Церковь Спаса Преображенія въ Солуни.

Близъ главной же улицы Солуни мы посѣтили церковь св. Харалампія, XVIII вѣка, также наполненную старыми иконами, которыми мы не имѣли

однако, достаточно времени заняться. Самый иконостасъ имѣетъ иконы, помѣченныя 1790 годомъ.

По близости отъ той же церкви прошли въ параклисъ Спасителя Христа или Спаса Преображенія, крохотную церковь, но накрытую куполомъ (см. рис. 76 планъ, снятый П. П. Покрышкинымъ), и представляющую любопытную комбинацію двухъ полукружій, замѣняющихъ боковые нефы. Сѣверное полукружіе служитъ входомъ, правое освѣщается окномъ. Отъ древней росписи здѣсь уцѣлѣло изображеніе Спаса Пантократора въ куполѣ, Архангеловъ и Пророковъ. Ничего древняго въ иконостасѣ и ризницѣ нами не найдено.

Церковь Панагіи Дексы.

Церковь эта обычнаго солунскаго типа, перестроенная въ XIX столѣтіи, но, быть можетъ, на старомъ основаніи, съ остатками декоративныхъ рѣзныхъ плитъ въ полу, получила свое наименованіе отъ чтимой здѣсь издревле иконы Богоматери Праворучицы — *Панагіи Дексы* вмѣсто: *Дексіи*.

77. Икона Божіей Матери «Дексы» въ церкви того же имени въ Солуни.

Икона Панагіи Дексы есть ничто иное какъ переводъ извѣстной иконы Богоматери Милостивой или Киккской, которой даже наименованіе по гречески надписано надъ иконой. Высота иконы 1 метръ 5 сант., ширина — 0,63. Икона прекрасная, лучшаго греческаго письма, яркаго и сочнаго, повидимому произведеніе Кипрской школы XV вѣка. Облаченіе Богоматери краснаго цвѣта въ глубокихъ тонахъ. Отлично выписано смуглое лицо Богоматери и Младенца, но дурно нарисована фигура послѣдняго. Съ правой стороны отъ Богоматери въ полѣ написана также фигура евангелиста Луки, пишущаго образъ Богоматери. По отношенію къ прозвищу иконы должно замѣтить, что вполнѣ аналогичная икона, но съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и надписанная именемъ Киккіотиссы, находится въ церкви св. Константина и Елены въ той же Солуни.

Прочія иконы церкви относятся уже по большей части къ XVII столѣтію, а любопытный рядъ иконъ 1820-хъ годовъ мѣстнаго издѣлія снабженъ подписями именъ живописцевъ и вкладчиковъ. Было бы весьма желательно дождаться отъ мѣстныхъ любителей какого-либо описанія этихъ иконъ и имъ подобныхъ старыхъ въ Солунскихъ церквахъ. Путешественнику

заниматься описаніями немыслимо, такъ какъ многія иконы укрѣплены въ иконостасахъ, забраны досками, и разсмотрѣніе ихъ надписей потребовало бы слишкомъ много времени.

Въ той же церкви имѣется шитая на красномъ атласѣ шелками, золотомъ и серебромъ большая плащаница (1,47 м. дл. и шир. 1,17 м.). Плащаница окаймлена орнаментальной широкой полосою съ 4-мя эмблемами Евангелистовъ по угламъ. Среднее изображеніе представляетъ Спасителя, положеннаго на золотомъ платѣ, въ синемъ препоясаніи; въ головахъ Его сидящая Богоматерь обнимаетъ Его голову, выше женщина, воздѣвшая обѣ руки надъ головой по надписи «Саломія»; далѣе, Мароа и Марія плачущія; Іоаннъ, преклонившійся къ тѣлу; Іосифъ, поднимающій платъ и Никодимъ у ногъ Спасителя. Длинная надпись внизу указываетъ на 1679 годъ.

78. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагіи Дексы.

Церковь эта, находящаяся въ восточной части города, близь нынѣшняго помѣщенія русскаго посольства, сохранила нѣсколько надписей въ правомъ нефѣ и въ алтарѣ, положенныхъ въ полу (изданныхъ) и нѣсколько орнаментальныхъ плитъ изъ бѣлаго мрамора, а также древнихъ иконъ, изъ которыхъ одна икона Божіей Матери Кикской съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ была уже упомянута ранѣе. Подобная же церковь во имя Срѣтенія Господня, стѣны которой представляютъ нѣсколько вложенныхъ барельефовъ и фрагментовъ[1]). Орнаментація плиты представляетъ, кромѣ обычной каймы, любопытныя формы плетеній, соединенныхъ съ причудливыми рисунками птицъ. Далѣе въ стѣны вдѣланы часть пилястра съ бараньей головой, пилястровая капитель растительной формы, фигура неизвѣстнаго святого (апостола). На западной стѣнѣ вдѣлана плита размѣромъ 1,33 и 0,66 съ рельефнымъ изображеніемъ Богоматери Заступницы (Оранты) въ формѣ пло-

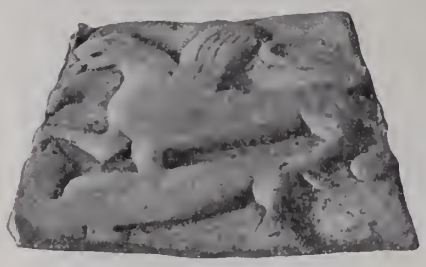
Церковь св. Константина и Елены.

1) Одна плита орнаментальнаго характера издана въ книгѣ П. И. Милюкова Христіанскія древности западной Македоніи, 1899, рис 3, Издатель сближаетъ плиту по времени съ надписью, вдѣланной надъ входомъ въ церковь 1272 года.

скаго рельефа, съ сухими повышенными контурами, ремесленной работы позднѣйшаго времени.

Церковь Богоматери Панагуды.

Церковь съ этимъ прозваніемъ, какъ оказалось по справкамъ, освящена во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, и очевидно ея прозвище есть простонародное сокращеніе древняго греческаго имени. Современная церковь мало сохранила однако отъ древней постройки, а ея иконопись почти вся принадлежитъ 20-мъ годамъ XIX столѣтія. Въ полу церкви вдѣлана замѣчательная, но полустертая византійская плита XIII—XIV вѣка, съ изображеніемъ грифа, терзающаго какое то неизвѣстное животное съ длиннымъ туловищемъ. Среди любопытныхъ образцовъ иконописи должно упомянуть на первомъ мѣстѣ рядъ типическихъ иконъ 20-хъ годовъ, ведущихъ свое очевидное начало еще отъ Критской школы XVI—XVII столѣтій, введшей въ греческую иконопись живописныя формы итальянской манеры (преимущественно венеціанской школы), расшитыя одежды, красновато-оливковую карнацію и прочее. Изъ этого ряда иконъ въ церкви въ одномъ изъ придѣловъ обращаетъ вниманіе образъ Спасителя—Великаго Архіерея въ саккосѣ и омофорѣ, расшитыхъ золотомъ по зеленому шелку. Тамъ же мѣстная икона Богоматери, писанная по итальянски съ лилейнымъ жезломъ въ рукахъ и съ Младенцемъ, стоящимъ съ лѣвой стороны и держащимъ земной шаръ. Рядъ другихъ иконъ, какъ напримѣръ Крылатаго Іоанна Предтечи, Спаса Вседержителя, Рождества Богородицы, Николая Чудотворца помѣчены 1819-мъ и 1820 годами и греческими надписями, поминающими сотрудниковъ этого церковнаго обновленія.



79. Плита въ церкви Божіей Матери Панагуды.

Независимо отъ интереса, представляемаго самою церковью съ ея иконостасомъ, Панагуда сохраняетъ двѣ замѣчательныя древности: чтимую мѣстную икону Божіей Матери съ прозвищемъ Панагуды и великолѣпную плащаницу, которая одна заслуживаетъ пріѣзда путешественниковъ въ Солунь для посѣщенія этой церкви.

Икона Божіей Матери (рис. 80) имѣетъ въ вышину 1 метръ, 17 и въ ширину 0,85 м. Стоитъ у лѣваго клироса, писана на толстой дубовой доскѣ, въ послѣднее время поновлена въ иконописномъ родѣ и представляетъ варіантъ Иверскаго типа Богоматери. Икона вся обита чеканной серебряною басмою, не вполнѣ однако сохранившеюся и потому перебитою въ рисункѣ. Въ прежнее время руки Богоматери и Младенца были открыты для прикла-

дыванія; въ настоящее время они прикрыты также серебромъ. Нимбы Богоматери и Младенца также позднѣе остальной ризы. Икона замѣчательна этою самою чеканною ризой, сохранившеюся очевидно отъ XIII—XIV вѣка и представляющей великолѣпные разводы и арабески греко-восточнаго характера XIV—XV столѣтій, повидимому, отъ другой несравненно большихъ размѣровъ мѣстной иконы. Рисунокъ этихъ арабесокъ удостовѣряетъ насъ, что мы, къ сожалѣнію, очень мало знаемъ греко-восточное искусство въ послѣднія времена Византіи, которое между тѣмъ куда болѣе было разнообразно противъ шаблоннаго искусства XI—XIII вѣка. Очевидно, вся эта чеканная риза съ чудными по своей мелочности и своему изяществу и необыкновенному разнообразію арабесками, составляла нѣкогда только фонъ и коймы большой великолѣпной мѣстной иконы. Икона разрушилась, фоны эти были содраны и отданы въ мастерскую, гдѣ простой мѣдникъ выдѣлалъ на этихъ фонахъ, выдалбливая ложками контуры одеждъ Богоматери и размѣстилъ все это на настоящей иконѣ. Такимъ образомъ вышло, что одежда Младенца ничѣмъ не выдѣляется отъ одежды Богоматери. Она сдѣлана изъ того же куска и на ногахъ у Младенца видны продолженіе контуровъ одежды Матери. Очевидно, древнѣйшая икона была, прежде всего, гораздо больше. Ея контуры одеждъ можно наблюдать на лѣвой сторонѣ настоящей фигуры въ видѣ тонкихъ прожилокъ, весьма искусно размѣщенныхъ среди разводовъ тончайшей работы. Тамъ же помѣщенъ и одинъ титулъ древней иконы Богоматери Η | ΕΛΠΗϹ | ΤΩΝ | ΑΠΕΛΠΙϹΜΕΝΩΝ | «Надежда отчаявшихся».

80. Икона Б. М. въ церкви Божіей Матери Панагуды.

Плащаница церкви Панагуды[1]) (рис. 81—84) имѣетъ въ длину 1,75 м., шир. 0,62 м., окаймлена позднѣйшею каймою изъ темно-малиноваго атласа взамѣнъ старой, разрушившейся около 50 лѣтъ тому назадъ, по словамъ священниковъ. Можно предполагать съ большою дозою вѣроятности, что эта исчезнувшая кайма была нѣкогда снабжена соотвѣтственными надписями, и можно поэтому сожалѣть объ исчезновеніи документа первостепенной важности для такого также первоклассного памятника древности. Другая внутренняя кайма, узкая, орнаментирована крестами въ кругахъ, шитыми также золотомъ и серебромъ. Но главною драгоцѣнностью являются три вышитыхъ посрединѣ иконныхъ изображенія, изъ которыхъ два крайнія представляютъ Причащеніе въ двухъ видахъ, а третье въ срединѣ — положеніе во гробъ и плачъ надъ тѣломъ Іисуса вмѣстѣ съ литургическимъ поклоненіемъ тѣлу. Срединная сцена входитъ въ ту серію плащаницъ, о которой мы уже говорили въ примѣчаніи подробно въ своемъ мѣстѣ. Однако, данное изображеніе по той древности, какую мы этому памятнику приписываемъ, заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія. Во первыхъ, тѣло Господа положено здѣсь на складномъ, драгоцѣнномъ матрасѣ, облачено препоясаніемъ, а голова заключена внутрь крестнаго нимба. По угламъ изображенія четыре Евангельскія эмблемы, съ надписями именъ. По одну сторону тѣла стоятъ два архангела съ рипидами и два ангела, плачущіе и несущіе покровы. По другую сторону представлены херувимы и серафимы по двое. И такъ въ этой сценѣ мы имѣемъ одной изъ древнѣйшихъ изображеній литургическаго характера. Согласно съ этимъ, и разбитое на два поля Причащеніе въ двухъ видахъ, въ обычной композиціи (но не съ Петромъ и Павломъ во главѣ).

На одной сторонѣ Спаситель причащаетъ отъ тѣла кускомъ артоса, который Онъ передаетъ въ руку апостолу Петру, взявъ его изъ корзины съ нарѣзанными кусками. За апостоломъ Петромъ пятеро другихъ апостоловъ, между которыми легко узнать Андрея по косматой шевелюрѣ и безбородаго апостола Ѳому. На другой сторонѣ Спаситель, взявъ въ обѣ руки металлическую небольшую чашу и придерживая ее лѣвою за ручку, причащаетъ апостоловъ, между ними первымъ юнаго Іоанна, за которымъ тоже видны ня-

---

1) Эта замѣчательная плащаница, снятая нами фотографически, была упомянута и достойнымъ образомъ оцѣнена нами въ соч. «Памятники Христіанскаго искусства на Аѳонѣ», 1902, стр. 266, но фотографіи съ ней не могли быть тогда изданы, а въ 1904 г. архитекторъ de Tourneau, по этому указанію, снялъ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ византинистомъ Габріэлемъ Милле издалъ въ *Bulletin de correspondance hellénique* въ 1905 г. въ трехъ прекрасныхъ геліогравюрахъ со статьею: *Un chef d'oeuvre de la broderie byzantine*, p. 259—268. По вопросу о положеніи нашей плащаницы въ средѣ этихъ древностей см. перечень, нами данный въ указ. книгѣ, нынѣ, однако, на половину уже увеличившійся новымъ матеріаломъ.

теро другихъ. Спаситель стоитъ при этомъ передъ престоломъ четыреугольной формы, покрытымъ парчевою тканью съ нашитыми по сторонамъ крестами и угловыми гаммами. Престолы состоятъ изъ четыреугольной доски, утвержденной на широкой деревянной или каменной ножкѣ. По сторонамъ Спасителя стоятъ два ангела, одинъ съ ринидою въ правой рукѣ, а другой въ соотвѣтствіи — въ лѣвой, — по той, очевидно, причинѣ, что церковныхъ ринидъ за престоломъ полагается двѣ и ихъ нужно было распредѣлить на повторенное дважды число ангеловъ. Самое замѣчательное въ этой плащаницѣ — необыкновенное изящество рисунка, почти никогда не встрѣчающееся въ произведеніяхъ тканья и вышиванья, развѣ въ немногихъ образцахъ, составляющихъ историческіе вклады царей и царицъ. Настоящій рисунокъ на-

81. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ.

ходитъ себѣ правда нѣкоторыя аналогіи въ памятникахъ греко-славянскаго шитья XIV—XVI вѣка. Наиболѣе характерное во всемъ этомъ рисункѣ — древне-византійскіе типы, почти аттическіе лицъ какъ молодыхъ,

82. Средина плащаницы въ церкви Божіей Матери Панагуды.

такъ и старыхъ. Между ними ликъ Христа еще приближается къ мозаическому типу XII—XIII столѣтій по пышной темно-каштановой шевелюрѣ волосъ на головѣ, спадающихъ на шею и округлой бородѣ безъ раздѣленія при узкомъ продолговатомъ овалѣ лица. Столь же замѣчательны характерные

античные овалы ангельскихъ ликовъ. Болѣе слабы и схематичны драпировки и складки одеждъ. Фоны исполнены золотымъ зигзаговымъ шитьемъ, контуры же краснымъ шелкомъ, а архитектурныя детали серебромъ и зеленымъ шелкомъ. Лица и тѣло передаются палевымъ шелкомъ, при чемъ контуры исполняются коричневыми цвѣтами и краснымъ; волосы раздѣлываются

83. Плащаница церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ.

желто-золотистымъ шелкомъ, а контуры прядей — краснымъ и коричневымъ точно такъ же раздѣлываются глаза. Контуры одеждъ исполняются краснымъ и малиновымъ шелками. Самая парча выполнена сплошными золотыми нитями и по этому фону зигзагами раздѣлана серебромъ. Такимъ образомъ здѣсь примѣнены всевозможные виды и формы шитья золотомъ и серебромъ

и въ рѣшетку и плетенку, и косое шитье, и зигзагъ и пр. и пр. и мѣстами перехвачено очевидно для крѣпости свѣтло-зеленоватымъ шелкомъ.

Несравненно менѣе значительна сохраняющаяся въ церкви Панагуды епитрахиль XVII—XVIII столѣтій, исполненная также по малиновому атласу шелками, золотомъ и серебромъ. Рисунокъ очень грубъ, фигуры снабжены славянскими надписями.

84. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ.

Церковь св. Ѳеодоры.

Церковь во имя Св. Ѳеодоры, бывшая нѣкогда при монастырѣ, въ которомъ будто бы подвизалась святая этого имени еще въ X столѣтіи. По соображеніямъ арх. Антонина («Поѣздка по Румеліи», стр. 104) изъ двухъ святыхъ Ѳеодоръ, именуемыхъ Солуньскими, мощи, почитаемыя въ этой церкви принадлежатъ святой Ѳеодорѣ, подвизавшейся въ X вѣкѣ. По календарю арх. Сергія, подъ 5 апрѣля почитается Св. Ѳеодора, жившая въ Солуньскомъ монастырѣ и

умершая въ 892 году; при жизни стала извѣстна послушаніемъ въ исполненіи наложенной на нее строгою игуменіею эпитиміи, а именно: терпѣніемъ не говорить съ дочерью, живя съ нею въ одной кельѣ, въ теченіе 15 лѣтъ, а по смерти своей мироточеніемъ. Въ церкви Св. Ѳеодоры при насъ уже все было новое и только въ полу заложены оказались различные куски надписей. Иконостасъ написанъ былъ также заново, а старинный оказался розпятымъ, и изъ него одна любопытная икона Спаса Вседержителя изъ верхняго пояса иконостаса съ четырьмя эмблемами по угламъ небеснаго круга, въ которомъ вписано погрудное изображеніе Спаса, относится еще къ XVII вѣку. Икона эта, имѣя полтора метра вышины и по изображенію и по темно-коричневому письму съ краснымъ хитономъ Спаса и золотистымъ гиматіемъ, любопытна для сравненія съ одной стороны съ византійскими мозаиками, а съ другой — съ русской иконописью.

Церковь, извѣстная подъ именемъ Лагудины или Лагудіаны, была посвящена собственно во имя Божіей Матери Одигитріи, какъ значится въ спискѣ, переданномъ мнѣ въ Солуни и какъ объясняется въ то же время у Димитцы (стр. 352). Но церковь уже не сохранила этой древней иконы Богоматери, и всѣ ея иконы чисто ремесленной работы, относятся къ XVIII и даже къ XIX вѣку, но вокругъ церкви сохранилось извѣстное число древнихъ остатковъ прежней базилики: дворъ церкви доселѣ обложенъ цѣлымъ десяткомъ древнихъ мраморныхъ колоннъ и на углу стоитъ опрокинутая капитель VII—VIII вѣка. Въ полу передъ алтаремъ вложена орнаментальная плита, происходящая отъ иконостасной преграды или отъ баллюстрады фіала; въ сторонѣ имѣется древнее агіасма — святой источникъ. Церковь Божіей Матери Лагудины.

Въ сѣверо-восточномъ углу города, тамъ, гдѣ постепенный подъемъ городской мѣстности заканчивается выступающими каменистыми террасами, стоитъ древній монастырь Чаушъ. Въ древности монастырь носилъ имя Влатѣйскаго и заслужилъ недобрую славу участіемъ въ сдачѣ города Амурату, которому былъ во время осады открытъ водопроводъ, снабжавшій городъ водою изъ мѣстныхъ источниковъ, находящейся по близости Хартаитской горы. На этой же горѣ мусульмане заложили свою цитадель, примкнувъ ее къ городскимъ стѣнамъ. Монастырь не окруженъ стѣнами и не имѣлъ ихъ въ древности, и какъ при архимандритѣ Антонинѣ (стр. 156), такъ и теперь въ немъ нѣтъ никакого братства, а живетъ только одинъ игуменъ съ нѣсколькими рабочими, скорѣе на правахъ арендатора этого участка. Прежній страхъ и привычка скрывать отъ дикихъ турокъ все монастырское имущество уже не въ такой силѣ какъ раньше (чаще всего — этотъ страхъ мнимый и прикрываетъ собою желаніе скрыть отъ лишней извѣстности церковное имущество, которое можетъ быть съ выгодою продано) и мы могли поэтому Монастырь Чаушъ.

обозрѣвать весь монастырь, видѣть святую чашу, которой не показали Антонину, но такъ и не добились того, чтобы намъ показали древнія рукописи, которыя видѣлъ Антонинъ (стр. 157). Монастырскія зданія не велики, заключаются въ маленькой церковкѣ и нѣсколькихъ домикахъ, грубо построенныхъ и прилѣпленныхъ къ скалѣ. Вокругъ церкви лежатъ нѣсколько капителей, изъ коихъ двѣ, наилучше сохранившіяся мы сфотографировали (см. рис. 86). Обѣ эти капители имѣютъ видъ кубовыхъ трапецій съ закругленнымъ абакомъ, и одна изъ нихъ орнаментирована акантами, просверленными рядомъ точекъ. Эта манера орнаментаціи, начавшаяся въ VI—VII

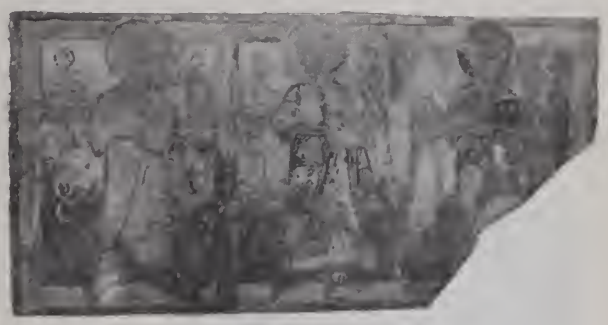
85. Монастырь Чаушъ.

86. Капитель въ монастырѣ Чаушъ.

вѣкѣ, повидимому, прекратилась около X, но сказать на этомъ основаніи, къ какому вѣку принадлежитъ подобная капитель въ Чаушѣ — мы не рѣшаемся. Другая капитель орнаментирована 1) по абаку іоническими валютами и по

трапеціи византійскими крестами среди грубыхъ акаѳоовъ. На нашъ взглядъ, эта капитель не можетъ быть ранѣе XII вѣка. Церковка чрезвычайно мала, такъ что въ ней едва можетъ помѣститься какой-нибудь десятокъ молебщиковъ. Она построена Іоанномъ Кантакузеномъ или, вѣрнѣе, при Іоаннѣ Кантакузенѣ, стало быть, въ срединѣ XIV столѣтія, по мѣстному преданію. Иконы въ церкви оказались позднѣйшаго времени, плохой сохранности. Но одна изъ нихъ представилась сравнительною рѣдкостью. Нѣкогда въ доску этой иконы была вправлена посреднѣ нынѣ исчезнувшая икона Богоматери, по всей вѣроятности, чтимая чудотворная. Нынѣ, вмѣсто того, въ икону эту вправлена вкладная иконка Спаса Вседержителя съ архангелами ему преклоняющимися. Икона эта, несомнѣнно, XV столѣтія. Большая иконная доска, въ которую эта икона вправлена, представляетъ въ трехъ рядахъ поясныя изображенія Спаса Вседержителя съ Евангеліемъ, благословляющаго именословно, двухъ архангеловъ по сторонамъ Петра и Павла и великомучениковъ Георгія и Димитрія и, по всей вѣроятности, муч. Прокопія.

Замѣчательная рѣдкость, хранящаяся въ монастырѣ и неизвѣстно откуда сюда попавшая, есть большая эмалевая икона на мраморѣ апостоловъ Іакова, Филиппа и Луки[1]). Мраморная доска имѣетъ въ длину 1 м. 5, въ ширину — 0,68 м. и толщины — 0,4 м. На подобіе перегородчатыхъ эмалей, фигура выполняется здѣсь по углубленному лотку, на которомъ контуры рисунка, фигуры и драпировокъ (не многихъ) оставлены въ видѣ толстыхъ перегородокъ. Затѣмъ внутренность была заполнена цвѣтными эмалевыми порошками, которые, будучи расплавлены, образовали собственную эмаль. Что это не была простая цвѣтная паста, только высушенная въ холодномъ видѣ, а сама расплавленная эмаль. — доказательствомъ служитъ ея сохраненіе доселѣ во многихъ частяхъ. Однако же полное доказательство могло бы быть получено только путемъ анализа сохранившихся кусковъ. Кайма иконы выполнена изъ цвѣтного городчатаго орнамента, красныхъ и черныхъ шашекъ. Фигуры выполнены по византійскимъ типамъ X—XI столѣтій: у ап. Луки бѣлая и голубая одежда; то же у Филиппа; у Іоанна хитонъ голубого



87. Эмалевая плита въ Чаушѣ.

1) П. Н. Милюкова, стр. 9.

цвѣта. Нимбы были нѣкогда пурпурные, но почти утратили цвѣтъ. Большія уставныя буквы именъ—синяго цвѣта, на фонѣ, который также былъ цвѣтнымъ, но какого цвѣта, теперь сказать трудно. Икона эта могла быть выполнена въ періодъ между XII и XIII столѣтіями и врядъ ли много позднѣе этого періода. Не смотря на все крайнее разрушеніе иконы, вещь имѣетъ капитальный интересъ по своей рѣдкости, а главное, потому, что даетъ намъ нѣкоторое понятіе о той полихроміи, къ которой стремились византійскіе вкусы лучшаго времени. Эта мраморная плита представляетъ, очевидно, лишь четвертую часть полной серіи апостоловъ иконостасной преграды, изображенныхъ по сторонамъ центральной фигуры Спасителя. По всей вѣроятности, этотъ рядъ апостоловъ былъ помѣщенъ тотчасъ выше антаблемана иконостасной преграды, т. е. въ первомъ ряду, такъ называемаго, темплона, подъ серіею праздниковъ. Чтобы объяснить себѣ этотъ рядъ, припомнимъ статуи апостоловъ, украшающія доселѣ иконостасную преграду церкви Святого Марка. Доказательства такого размѣщенія данной плиты и другихъ отсутствующихъ досокъ можно видѣть и въ размѣрахъ буквъ въ именахъ апостоловъ, написанныхъ по древнему типу X—XI столѣтій сверху внизъ.

Намъ показали также и святую купу или чашу Тайной Вечери, хранимую въ особомъ ковчежцѣ и служащую предметомъ паломническаго поклоненія. Чаша эта серебряная (въ поддонъ ея будто бы вложены кусочки тыквенной чаши Тайной Вечери), какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ 88, исполнена не ранѣе XVIII вѣка, быть можетъ, сначала въ видѣ благочестиваго воспоминанія о Тайной Вечери, или для теплаго вина, но въ формѣ необычной и получила наименованіе ἁγιοκούπη. Внутренняя накладная пластинка изображаетъ Спасителя по грудь, благословляющаго именословно правою рукою, а въ лѣвой держащаго потиръ; затѣмъ по круговой каймѣ въ медальонахъ представлены грубо апостолы и архангелы. Въ чашу наливаютъ освященную воду и пьютъ на здоровье.

88. Чаша въ ризницѣ м-ря Чаушъ.

Чаушская обитель существовала уже въ X стол., какъ указываетъ Преосв. Порфирій [1]), такъ какъ извѣстный Іоаннъ Ивиръ, строитель Ивер-

1) *Путешествіе въ Метеорскіе монастыри.* 1896, стр. 340.

скаго монастыря на Аѳонѣ, выпросилъ себѣ эту обитель взамѣнъ Аѳонской. Тогда звалась она Влантіонъ, а названіе Чаушъ получила, говорятъ, послѣ 1430 г., когда, пощаженная Муратомъ, получила отъ него будто бы стражу изъ чаушей.

Именно этому монастырю принадлежитъ церковь во имя Б. М., слывущая у Солунянъ подъ названіемъ *Б. М. Лагудіаны* или *Лагудины*, по согласнымъ показаніямъ Тафеля (стр. 140) и Димитцы (стр. 352),—древняя церковь Богоматери Одигитріи, извѣстная уже Евстаѳію. Прозвище это составилось изъ сокращенія имени Лао-Одигитріи и подъ этимъ именемъ она была занесена въ нашъ списокъ солуньскихъ церквей. Въ ней почитается древняя икона Б. М. «Ходатайцы» или «Заступницы», — μεσίτρια (иначе ее зовутъ почему то «Гулайца», которая, по мнѣнію того же ученаго іерарха [1]), относится, вѣроятно къ XIV вѣку и писана не грекомъ, а славяниномъ, такъ какъ лики иконъ не греческіе. Въ церкви имѣется святой источникъ — ἁγίασμα.

---

1) Ibid. стр. 337.

III.

Городъ Серры. — Митрополія и прочія городскія церкви. — Монастырь Іоанна Предтечи на Меникдейской горѣ.

Городъ Серры (слав. *Сѣръ*) явился для нашей экспедиціи своего рода повтореніемъ Солуни по обилію и разнообразію археологическихъ находокъ, а также и по интересу этнографическому. Правда, городъ (около 27 тыс. жителей) этотъ почти на половину греческій, т. е. среднее сословіе въ немъ болѣе или чистые греки, или огреченные валахи и сравнительно большіе кварталы въ верхней части города принадлежатъ мусульманамъ (до 13 т.), но есть и славяне, нынѣ уже перестающіе говорить по гречески и считать себя за грековъ, какъ было во времена проф. В. И. Григоровича. Въ нашу бытность въ этомъ городѣ онъ къ тому же былъ оживленъ въ одинъ день ярмаркою, когда намъ трудно было даже пробираться среди толпы по улицамъ. Но и въ остальные дни нашего двухнедѣльнаго пребыванія, городъ представлялъ оживленіе, не свойственное обыкновеннымъ восточнымъ городамъ и напоминавшее намъ только что покинутый Солунь. Видимо, городъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ для всей южной Македоніи. Кромѣ того, онъ лежитъ въ мѣстности, почти совершенно обезпеченной отъ грабежей и насилій албанскихъ, а потому спокойной. Все

89. Улица въ городѣ Сѣрѣ.

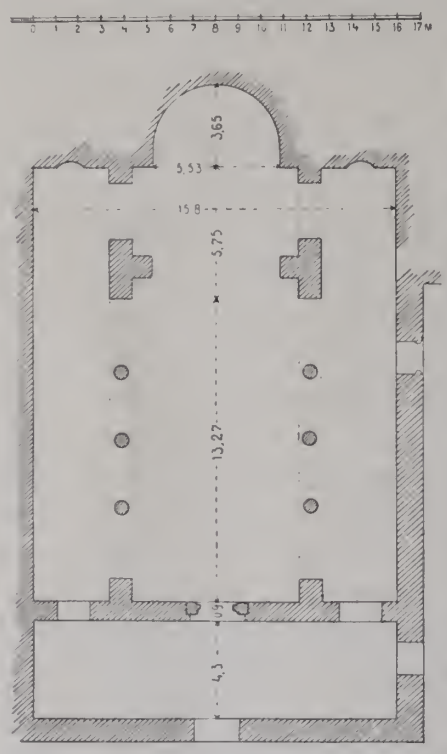
простое населеніе города, кромѣ извѣстной части ремесленниковъ, суть болгары, рѣдко и мало враждующіе съ греками. Съ другой стороны, и сами здѣшніе греки болѣе просвѣщены и лучше устроились въ торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ, напримѣръ, въ юго-западной Македоніи, а потому о какой либо враждѣ, въ наше, по крайней мѣрѣ, время, не было слышно. Такимъ образомъ, городъ показался намъ идеальнымъ мѣстопребываніемъ въ несчастной Македоніи. Мы могли свободно ходить по всему городу и даже по самымъ глухимъ мусульманскимъ кварталамъ въ одиночку, развѣ только вызывая праздное любопытство дѣтскаго населенія города, обитающаго здѣсь исключительно на улицахъ. Городская мѣстность также поставлена самою природой въ великолѣпныя условія климата и удачнаго расположенія (по общему правилу древнихъ греческихъ городовъ) на подобіе амфитеатра, обиліемъ по сосѣдству чуднаго камня для постройки и прекрасною водою. Въ срединѣ города имѣется крытый базаръ, въ которомъ однако хотя мало оказалось восточныхъ рѣдкостей, но значительное количество монетъ и также фальшивыхъ, такъ какъ городъ является излюбленнымъ пунктомъ для наѣздовъ европейскихъ антикваровъ. Сравнительно небольшая часть города раздѣлана въ томъ особенномъ европейскомъ вкусѣ, который, подобно Смирнскому, сочетаетъ нѣкоторое наружное щегольство съ пристрастіемъ къ восточной обособленности: идя по глухой улицѣ, видишь въ стѣнахъ парадные входы съ щегольскою дверью, но жилище, по прежнему, скрыто отъ посторонняго взора высокимъ заборомъ. Городъ носитъ древній характеръ даже въ своемъ расположеніи, въ дѣленіи на кварталы, по своему культурному уровню, по многимъ старинным домамъ, чистенькимъ мостовымъ, старинным базарамъ и старымъ церквамъ. Не даромъ существуетъ онъ уже двѣ тысячи лѣтъ, нося все одно и тоже имя: Siris, Serrae, Σιρρα, Σιραι, Σιρις, Сересъ, Серры, Сѣръ. Но существованіе города, видимо, было всегда крайне тревожнымъ и тяжелымъ, о чемъ можно найти много свѣдѣній и у византійцевъ [1]).

Главнымъ памятникомъ древности является *митрополія,* большая базилика, посвященная великомученику Ѳеодору Тирону или, быть можетъ, также и Ѳеодору Стратилату. Время основанія храма (между XI и XIII стол.) въ точности неизвѣстно, и Стефану Душану принадлежитъ, повидимому, только возобновленіе или передѣлка храма послѣ взятія имъ города въ 1345 году. Въ 1849 году страшный пожаръ, опустошившій весь городъ, истребилъ церковь и она доселѣ еще остается исправленною наскоро и не приведенною въ должное состояніе. Какъ обыкновенно на Востокѣ бываетъ, громадныя

---

1) Нѣкоторое описаніе города дано въ «Путешествіи по долинамъ Струмы и Месты» въ *Сборникъ за народни умотворенія* зэ 1894, стр. 469 слѣд.

кучи мусора, скопившіяся вокругъ базилики, вмѣсто того, чтобы быть вывезенными на подводахъ, были прикрыты каменной мостовою и утверждены въ видѣ террасъ на разныхъ уровняхъ, которыя въ концѣ концовъ настолько окружили и стѣснили церковь, что ея боковой портикъ представляетъ зіяющее продолговатое углубленіе среди двора, въ которое спускаются по особо устроеннымъ лѣстницамъ. Чрезвычайная сырость никогда не просыхающаго зданія, базилики, ея паронка и портика разрушаетъ сохранившіяся мозаики, уцѣлѣвшую серебряную утварь и древнія ткани; лѣтняя температура въ церкви напоминаетъ воздухъ ледяныхъ погребовъ.



90. Соборъ въ Сѣрѣ по плану арх. П. П. Покрышкина.

Узкій дворъ, расположенный съ южной стороны базилики, самъ представляетъ, какъ сказано, насыпную террасу, возвышающуюся надъ боковымъ портикомъ или, точнѣе, навѣсомъ, съ южной стороны церкви, и въ портикъ надо сходить двумя лѣстницами. У западнаго угла этого портика или открытаго паронка стоитъ каменная колокольня, аоонскаго четырестороннаго типа съ прорѣзными аркадами наверху. Какъ эта колокольня, такъ и весь верхъ церкви, какъ то указано въ надписи, выложенной кирпичемъ, относятся къ 1720 году. Портикъ опущенъ частью на древнихъ мраморныхъ колоннахъ, частью же на деревянныхъ; по стѣнамъ его и надъ ведущими въ него лѣстницами, а также и на стѣнахъ самой церкви, и въ полу вставлено нѣсколько древнихъ фрагментовъ и плитъ отъ разобраннаго фіала изъ бѣлаго мрамора, а также и мраморнаго амвона. Авторы новѣйшей французской монографіи о митрополіи Серръ представили весьма внимательно выполненные рисунки этихъ плитъ [1]), но, тѣмъ не менѣе, эти рисунки не позволяютъ судить по нихъ по́ниву о времени исполненія. На нашъ взглядъ, плиты эти никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ фіаломъ Аоонской Лавры и тѣмъ болѣе

1) Perdrizet, P. et Chesnay, L. *La métropole de Serrès. Mon. et Mém. publ. par l'Acad. d. S. Fond. E. Piot.* X, 2, P. 1904, fig. 8—17.

относить къ XI вѣку. Сухая неуклюже-ремесленная и грубая рѣзьба этихъ плитъ, исполненныхъ уже безъ всякихъ образцовъ, требуетъ относить ихъ, по крайней мѣрѣ, къ XIV столѣтію (см. фот. № 154).

На восточной стѣнѣ митрополіи видна вдѣланная рельефная плита съ изображеніемъ по грудь Богоматери, молящейся съ воздѣтыми руками, грубой и поздней работы. По сторонамъ читается надпись МР ΘΥ Η ΠΟΝΟΛΥΤΡΕΑ (ἡ πονολύτρια = «разрѣшительница скорбей» [1]).

Внутренность церкви представляетъ еще стоящими на мѣстахъ большія монументальныя колонны, а высокая, крытая коробовымъ сводомъ, церковь не лишена нѣкоторой грандіозности по впечатлѣнію: будь церковь болѣе освѣщена и лучше вентилирована, она могла бы считаться замѣчательнымъ памятникомъ, но нынѣ она представляетъ собою обветшалое, запущенное зданіе. Чтобы разобраться въ различныхъ его частяхъ, потребовалось бы обить штукатурку во многихъ мѣстахъ и различить очевидно разнообразныя по времени кладки. Алтарная часть церкви сохранилась еще отъ древности съ своей широкою аркой и широкимъ полукружіемъ алтарной ниши. Въ немъ есть и горнее мѣсто о трехъ ступеняхъ.

Но самое замѣчательное въ церкви это сохранившіяся въ абсидѣ, въ среднемъ ея поясѣ, подъ живописнымъ изображеніемъ Вседержителя (1850 года) *мозаики*, вѣрнѣе, мозаическій фризъ, обходящій полукружіе абсиды и

91. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра.

представляющій *Причащеніе Спасителемъ апостоловъ* подъ двумя видами, въ двухъ симметрическихъ сценахъ, изъ шести фигуръ каждая. Извѣстно,

1) См. снимокъ въ той же монографіи: *La métropole de Serrès* par P. Perdrizet et L. Chesnay, p. 17.

что эта символико-декоративная сцена представлена главнымъ образомъ двумя памятниками Россіи: св. Софіи Кіевской и Михайловскаго монастыря [1]) въ Кіевѣ же, 1037 и 1108 годовъ. Другія изображенія Причащенія находятся: въ Евангеліи Нац. Библ. въ Парижѣ № 74, но большая часть принадлежитъ къ позднѣйшему времени, а именно фресковой живописи церквей: въ Солуни, Аѳинахъ, Грузіи, Мистрѣ, въ южной Италіи, а также на шитыхъ покровахъ и плащаницахъ, о которыхъ мы уже говорили [2]).

Чтобы установить какой либо взглядъ на нашу мозаику, необходимо предварительно дать себѣ отчетъ въ ея состояніи. Авторы французской монографіи описываютъ это состояніе весьма жалкимъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, значительная часть фигуръ подкрашена масляной краской, потому что лики осыпались или частью, или даже цѣликомъ. Они наблюдали мозаику съ небольшихъ лѣсовъ, вышиною въ 6 метровъ, и ихъ фотографія даетъ вполнѣ

92. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра.

возможность различить части мозаики, разрушенныя и дополненныя краскою. Съ своей стороны, мы снимали мозаику дважды: безъ лѣсовъ снизу и получили изображеніе, конечно, въ ракурсѣ, но, тѣмъ не менѣе, достаточно ясное и позволяющее судить о реставраціи. Кромѣ того замѣтки, сдѣланныя нами на мѣстѣ, приводимъ здѣсь вкратцѣ. Идя слѣва направо, двѣ крайнія фигуры слѣва сплошь замазаны краскою. Слѣдующіе четыре апостола сохранились; изъ нихъ первый наилучше: это особенно счастливо сохранившаяся фигура апостола Андрея, за исключеніемъ ступней и ногъ. Слѣдующая фигура ап. Луки также хорошо сохранилась, кромѣ слѣдковъ. У слѣдующихъ двухъ апостоловъ обезображена живописью часть фигуръ отъ колѣнъ и головы.

---

1) Кіевскія мозаики: изд. Рус. Арх. Общ. 1874—1887 таб. 5 въ л. *Русскія древности въ пам. иск.* IV, рис. 96—99, 148.

2) *Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ,* 1902, стр. 258—281.

Куполъ киворія весь исполненъ краскою, и отъ самого киворія сохранились капители и части колоннъ. Престолъ наполовину разрушенъ. Фигура Спасителя сохранилась только правая, и то отъ плеча внизъ, все остальное и вся лѣвая фигура сохранились только въ кускахъ. Чаша, которую держитъ Спаситель, также задѣта была разрушеніемъ и хотя она, повидимому, представляетъ дѣйствительно потиръ, т. е. чашу на особой ножкѣ, за которую держитъ ее Спаситель, но съ полной увѣренностью форму ея себѣ представить нельзя. Два ближайшіе апостола справа сохранились сравнительно полно, за исключеніемъ у перваго всей части отъ колѣнъ внизъ, а у второго различныхъ частей фигуры. Въ фигурѣ третьяго апостола сохранились только различныя части: ликъ, лѣвая нога и часть одеждъ дополнены красками. Отъ фигуры четвертаго апостола сохранился только кусокъ, а пятаго и шестого не сохранилось совсѣмъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сравнивать лишь весьма немногія аналогичныя фигуры. Общее сравненіе настоящей мозаики съ обѣими кіевскими представляетъ намъ самый ея рисунокъ несравненно болѣе слабымъ, менѣе характернымъ, болѣе вялымъ и шаблоннымъ. Стоитъ только сравнить аналогичную фигуру хотя бы того же ап. Андрея съ фигурою апостола Петра въ Кіевской Софіи, чтобы убѣдиться во первыхъ, въ томъ, что шаблонъ, имѣвшійся для Македонской мозаики, несравненно грубѣе, схематичнѣе, а, главное, онъ ремесленно запутанъ, тогда какъ въ Кіевской мозаикѣ при всемъ схематизмѣ ея исполненія, при всей сухости передачи, самый рисунокъ, сравнительно говоря, еще высокаго характера. Если затѣмъ мы сравнимъ между собою обѣ кіевскія мозаики, отстоящія другъ отъ друга всего только на какія нибудь 70 лѣтъ, мы найдемъ именно въ рисункѣ чрезвычайно замѣтную разницу. Шаблоны Кіево-Софійской мозаики могутъ быть названы древними, даже сравнительно съ рисункомъ мозаики Михайловскаго монастыря. Въ Софіи фигуры коротки, драпировки ихъ искусны, осмысленны и правильны, хотя, конечно, сухи, жестки, угловаты и причудливы. Напротивъ того, даже общій характеръ стиля Михайловскихъ мозаикъ уже несравненно ниже Софійскихъ; какъ мы уже имѣли случай говорить, здѣсь нѣтъ прежней цѣльности въ манерѣ составленія апостольскихъ группъ: мастеръ этого шаблона стремится замѣнить недостатокъ стиля и строгаго рисунка натуралистическою постановкой; пропорціи фигуръ утрированы до крайности; головки несоразмѣрно малы, какъ и руки и ноги; драпировки окончательно спутаны или громоздятся безформенными массами. Въ то же время Михайловская мозаика въ техническомъ отношеніи страдаетъ излишнимъ обиліемъ камня и шифера и потому отличается общимъ господствомъ сѣраго, мертвенно-безцвѣтнаго тона. Перенося эти особенности сравненія рисунка и красокъ на мозаику митрополіи Серръ, мы легко можемъ заключить, что эти мозаики не могутъ

относиться къ XI вѣку: въ нихъ нѣтъ ни того прекраснаго рисунка, который отличаетъ собою византійскія работы этого вѣка, ни тѣхъ блестящихъ глубокихъ тоновъ красочной гаммы, какіе мы для этого времени знаемъ. Словомъ, эта мозаика временъ упадка и скорѣе всего второй половины XIII столѣтія. Она не можетъ быть съ другой стороны произведеніемъ XIV вѣка, такъ какъ въ ней, въ особенности въ драпировкахъ ея фигуръ, а частью также и въ ликахъ, гдѣ они сохранились, еще чувствуется вполнѣ ясно господство древнихъ шаблоновъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ разрушеніемъ византійскаго стиля, которое наблюдается, напримѣръ, въ датированной мозаикѣ Ватопеда и выражается въ новомъ, несравненно болѣе упрощенномъ схематизмѣ драпировокъ. Кромѣ указаннаго достоинства въ изображеніи апостольскихъ фигуръ македонской мозаики, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе также живая группировка самой композиціи, невозможная для XIV вѣка.

Въ алтарѣ и въ ризницѣ митрополіи оказался рядъ предметовъ древности и старины, имѣющихъ не мало интереса. Между ними на первомъ мѣстѣ мы поставимъ пару рѣдкостныхъ серебряныхъ *ринидъ* (рис. 93 и 94), наведенныхъ финифтью. Здѣсь на тонкую серебряную дощечку наложены и прибиты рядъ пластинокъ, выполненныхъ перегородчатою финифтью по золоченному серебру. При исполненіи финифти, поле каждаго лоточка или пластинки сдѣлано слегка шероховатымъ, съ цѣлью способствовать удержанію финифтянаго слоя на широкомъ полѣ. На этомъ фонѣ выложены изъ золоченныхъ ленточекъ орнаментальные или фигурные рисунки. Но затѣмъ, на подготовленныхъ такимъ образомъ лоточкахъ выполнена уже не эмаль, а такъ называемая финифть, которая, ничѣмъ не различаясь въ своемъ составѣ отъ перегородчатой эмали, представляетъ совершенно иную техническую обработку, о которой умѣстно сказать именно въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ наши ринды пока являются памятникомъ своего рода переходнымъ отъ эмали къ финифти. А именно: мы находимъ въ этой техникѣ и собственныя перегородочки, поставленныя на ребро и припаянныя къ лотку, и также плоскіе, припаянные къ лотку жгутики скани, только не сученой, а изъ гладкой, тонкой проволоки. Далѣе, эмалевый порошокъ насыпается здѣсь сравнительно въ небольшомъ количествѣ чтобы, при расплавленіи, только покрыть поверхность лоточка, не заполняя ее до верха перегородочекъ. Цвѣта эмали выбраны болѣе элементарные, и между ними отсутствуютъ полутоны. Мы находимъ здѣсь бѣлый цвѣтъ, желтый, черный (темно-лиловый) для передачи пурпура, синій, голубой и бирюзовый. Когда порошокъ расплавленъ, то онъ нерѣдко переходитъ предѣлы перегородочекъ, сдѣланныхъ изъ тонкой проволоки, и цвѣта часто смѣшиваются, образуя заливы. Кромѣ того фоны заполняются иногда однимъ сплошнымъ тономъ, не вы-

дѣляя выполненныхъ на нихъ особо рисунковъ. Но главное отличіе получающейся здѣсь финифти отъ эмали состоитъ въ томъ, что порошокъ насыпается здѣсь мелко и при томъ одинъ разъ, такъ что расплавленный слой не поднимается до краевъ перегородочекъ и не заполняетъ предназначеннаго для каждаго цвѣта углубленія. Поэтому, финифть исполняется безъ всякой шли-

93. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра.

фовки поверхности, такъ какъ подобной ровной поверхности уже нѣтъ, и эмаль лежитъ собственно въ различныхъ ямкахъ и внутри лоточковъ тонкимъ слоемъ, какъ бы наведеннымъ на донышко лоточка. Отсюда наше характерное выраженіе: «наводить финифть».

Сюжеты, изображенные на обѣихъ рипидахъ, относятся къ опредѣленной сферѣ символико-литургическихъ сюжетовъ. На одной рипидѣ

изображенъ въ срединѣ Спасъ Вседержитель на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, благословляющій десницею и окруженный четырьмя эмблемами евангелистовъ въ кругу. Вокругъ него по внѣшней каймѣ рипиды изображены архангелы, съ мѣрилами въ рукахъ и шестикрылые серафимы. Вокругъ по каймѣ внутреннихъ медальоновъ надписано (вокругъ Спаса Вседержителя) пѣснопѣніе: τὸν ἐπινίκιον ὕμνον ᾄδοντα, βοῶντα, κεκράγοτα καὶ λέγοντα. ἅγιος, ἅγιος ΚΣ Σαβαώθ. πλήρης ὁ οὐρα ✝ (вокругъ Спаса Эммануила): νὸς καὶ ἡ γῆ τῆς δόξης σου. ὡσαννὰ ἐν τοῖς ὑψίστοις. ἐυλογήμενος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυ. ὡσαννὰ ἐν τοῖς ὑψίστοις. На другой рипидѣ, въ среднемъ медальонѣ изображенъ Спасъ Эммануилъ, благословляющій обѣими

94. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра.

руками именословно. Его погрудное изображеніе заключено внутрь восьмиконечной звѣзды, по образцу средниаго изображенія «панагій». Авторы французской монографіи, издавшіе изящную, но по своимъ тонкимъ полутонамъ не вполнѣ вѣрную акварель съ одной изъ рипидъ, присоединили прекрасные снимки надписей, но по чему-то не разсмотрѣли на самыхъ рипидахъ

внизу, на пластинкѣ, которою ручка рипиды прикрѣплена къ ея кругу, совершенно ясную надпись: ΓΕΝΝΑΔΙΟ. Угадывая въ общемъ довольно вѣрно, что рипиды относятся къ XVI вѣку, они по поводу ораря, находящагося въ этой же ризницѣ и исполненнаго при митрополитѣ Геннадіи, и иконы двухъ святыхъ Ѳеодоровъ съ надписью вкладчика, на ней изображеннаго, того же митрополита, заключаютъ, что и эти рипиды могли бы быть вкладомъ того же благочестиваго іерарха. Издаваемый нами фотографическій снимокъ (но не рисунокъ) съ достаточной ясностью представляетъ надписанное имя и не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію въ томъ, что настоящая пара рипидъ, дѣйствительно, выполнена по заказу митрополита Геннадія.

Въ ризницѣ митрополіи хранится также замѣчательное блюдо артосной панагіи (рис. 95), съ изображеніемъ въ срединѣ «Панагіи» съ Младенцемъ (Божіей Матери Оранты съ поднятыми руками и Младенца въ лонѣ ея мафорія, благословляющаго обѣими руками). Изображеніе чрезвычайно утрированное и плохо выполненное. Вокругъ по каймѣ рѣзная по серебру надпись, которая читается слѣдущимъ образомъ: сіе чаше сътвори жупанъ митрѣ великыкомы жупана его нѣга ради душе родители ему проданъи бриянъ дрьгоушинъ и бадѣ (?) и крьсти нынѣ...

95. Славянскій дискосъ въ ризницѣ собора въ Сѣрѣ.

Другое серебряное блюдо нѣмецкой работы XVI вѣка съ эмблемою Евангелиста Іоанна и по каймѣ съ различными эмблематическими монстрами: химерами, аспидомъ, василискомъ, дивьими людьми и пр. и пр.

Потиръ XVII вѣка (рис. 96) серебряный позолоченый, покрытый превосходною сканью, а по низу греческой надписью.

Крестъ воздвизальный (рис. 97) золоченаго серебра XVII вѣка, любопытный не по изображеніямъ, чрезвычайно грубымъ, но по скани, покрывающей бока креста и всѣ фоны; сканью исполнены также всѣ надписи на

крестѣ. Прочіе серебряные предметы церковной утвари: серебряное блюдо митрополита Григорія 1654 года, фіалъ серебряный 1665 года и большія блюда съ изображеніями Θеодора Тирона и Θеодора Стратилата 1721 года любопытны единственно своими греческими надписями, сообщенными въ точныхъ снимкахъ въ указанной французской монографіи. Кромѣ того имѣются въ ризницѣ кацея дурного серебра XVIII вѣка большого размѣра; два кинжала въ серебряныхъ ножнахъ, съ изображеніемъ Св. Θеодора Стратилата грубой и поздней работы, выдаваемыя ризничими за мечи самихъ Θеодоровъ. . .

96. Потиръ въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

Гораздо болѣе любопытны уцѣлѣвшіе въ ризницѣ епитрахили (рис. 98), орарь, воздухи и куски древнихъ облаченій. *Орарь* ризницы, вкладъ того же митрополита Геннадія, представляетъ чередованіе господскихъ праздниковъ съ изображеніями святыхъ по двое. Далѣе имѣется *омофоръ* митрополита Патраса Θеофана 1612 года и *епитрахиль* 1646 года митрополита Серръ Даніила. Исполненіе послѣдняго очень грубо, но въ то же время любопытно по различнымъ подробностямъ натуралистическаго характера, внесеннымъ въ обычную иконописную редакцію 12 господскихъ праздниковъ. Далѣе любопытенъ также «эпигонатій» съ изображеніемъ въ срединѣ «Панагіи» съ Младенцемъ, по сторонамъ Святыхъ и Пророковъ, ее предвозвѣстившихъ: между ними можно различить царей Давида и Соломона.

Одинъ наручъ съ изображеніемъ Архангела и надписью. Четыре крестообразныхъ куска (рис. 99), происходящихъ видимо отъ различныхъ саккосовъ и четыре же узкихъ полосы отъ коймъ саккоса съ погрудными изображеніями апостоловъ. Всѣ эти куски относятся къ XVII столѣтію, снабжены греческими надписями и любопытны по нѣкоторымъ деталямъ новой греко-славянской иконописи въ изображеніяхъ праздниковъ Срѣтенія, Успенія, Благовѣщенія, Крещенія, Преображенія, Вознесенія, Входа въ Іерусалимъ, Рождества, Сошествія во адъ, Пятидесятницы.

Церковь Святыхъ Таксіарховъ или архангеловъ Михаила и Гавріила, находящаяся подъ цитаделью Стефана Душана, хранитъ мощи святыхъ Трифона и Параскевы въ ковчежцѣ, имѣющемъ финифтяный окладъ позднѣйшаго времени. *Церковь во имя святыхъ Антонія и Марины* также хранитъ замѣчательный эпигонатій или *палицу* XVII вѣка, шитую по темно-коричневому шелку съ золотомъ и изрѣдка серебромъ и изображающую Бого-

матерь съ Младенцемъ на престолѣ, окруженную 7 пророками и греческой надписью, заимствованной изъ текста: «свыше пророци Тя предвозвѣстиша»

97. Крестъ въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

и пр. Въ *церкви Панагіи* хранится образъ Панагіи съ именемъ Левкалиды 1842 года. Близъ митрополіи, надъ выходящимъ изъ подъ скалъ сильнымъ

водным источником, построена церковь, возобновленная въ 1876 году, *Фотиніи* Самаряныни, любопытная и сама по себѣ и по отношенію къ святому источнику. Въ полу церкви вдѣланы мраморныя плиты, орнаментированныя рѣзьбою, позднѣйшей эпохи. Въ иконостасѣ нѣсколько старинныхъ иконъ, между ними образъ Св. Фотиніи, аѳонской работы XVII столѣтія, и образъ Пророка Ильи, возносящагося на колесницѣ, помѣщаемый обычно среди мѣстныхъ иконъ у сѣверной или южной двери въ греческихъ церквахъ Балканскаго полуострова. Сторожиха церкви повела насъ затѣмъ въ неизвѣстную молельню, чтобы показать большую *икону Одигитріи* съ надписью этого имени (обычнаго типа) и другія старинныя иконы XVII вѣка. Мы осмотрѣли равнымъ образомъ рядъ новыхъ церквей города во имя: св. Власія, Богоматери Элеусы, св. Пантелеймона, Киріака, Варвары Великомученицы, Аѳанасія патріарха Александрійскаго, Георгія «живоноснаго источника», въ которыхъ мы, однако, ни не встрѣтили ничего любопытнаго кромѣ надписей, или предметы старины сравнительно недалекой, но выдаваемые за древность. Мы побывали также въ греческомъ госпиталѣ, въ вестибюлѣ котораго видѣли уже извѣстныя издавна мраморныя урны, обломокъ греческой стелы и великолѣпную стелу съ двумя портретами хорошаго греческаго времени.

98. Епитрахили въ ризницѣ собора г. Сѣра.

Части города Серръ, расположенныя по амфитеатральнымъ уступамъ, надвигающихся съ сѣверо-востока горныхъ отроговъ, отличаются замѣчательной живописностью, и въ нихъ также расположено нѣсколько небольшихъ, но любопытныхъ своею старою конструкціей церквей. Такова напр. маленькая церковь Іоанна Предтечи (рис. 100), вся живописно зарощенная,

вмѣстѣ съ обширнымъ монастырскимъ дворомъ, деревьями. На самой вершинѣ, наконецъ, того холма, на которомъ нѣкогда была цитадель города (Калэ) есть также руина древней церкви, которая была нѣкогда вся разобрана для постройки стѣны и только средняя часть которой уцѣлѣла, оставленная за ненадобностью.

99. Древнее шитье въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

Трудно было бы забыть, но столь же трудно описать все очарованіе дороги изъ Серръ въ монастырь Іоанна Предтечи на Мениклейской горѣ. Въ монастырь этотъ собственно нѣтъ дороги, какъ въ большинствѣ горныхъ мѣстностей Македоніи, прежде всего, потому, что путь здѣсь заключается въ постоянныхъ перевалахъ съ одного холма на другой, изъ одного ущелья въ другое; идутъ и ѣдутъ верхомъ, или разными тропами, или даже безъ

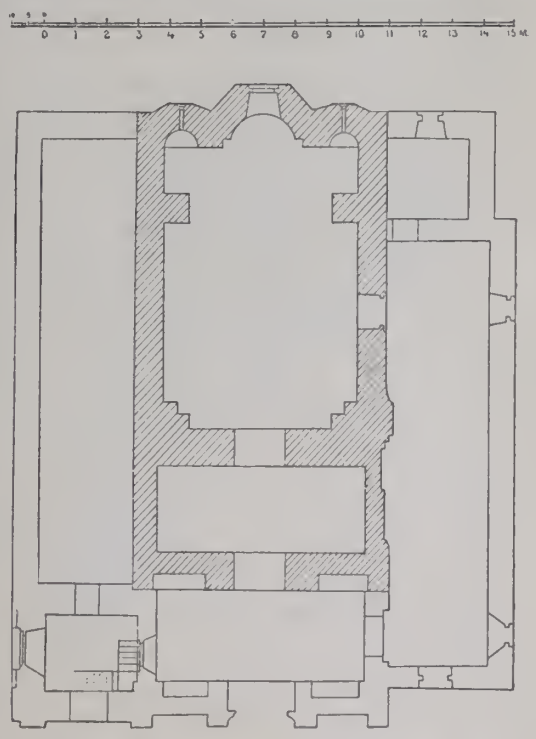
Мениклейскій м-рь І. Предтечи.

нихъ, руководясь горными привычками и наглядкою туземцевъ. Къ тому же большинство горныхъ поверхностей здѣсь еще остается совершенно необработаннымъ, по осени лишено растительности и пустынно, и по дорогѣ встрѣчаются только стада, принадлежащія куцовлахамъ. Поднимаясь на высокіе перевалы, на высоту тысячи и болѣе футовъ, видишь дивныя картины сосѣднихъ планинъ. Верховой путь въ монастырь утомителенъ и беретъ не менѣе 4—5 часовъ съ ранняго утра. Лишь въ самомъ концѣ пути, спускаемся, наконецъ, въ одно заросшее лѣсомъ ущелье, на этотъ разъ прямо направляющееся на сѣверъ. Въ его верховьи устроенъ монастырь. По самой срединѣ ущелья дорогу внезапно прерываетъ колоссальная скала, остатокъ обрываемой весенними водами горы. Вся мѣстность, очевидно, принадлежитъ монастырю и только потому сохранила свое лѣсное убранство. Бѣгущій внизу, подъ горной тропинкою, ручей идетъ отъ могучаго источника, и надъ мѣстомъ, гдѣ онъ пробивается изъ подъ земли, и поставленъ самый монастырь. У стѣнъ монастыря нынѣ расположился дачный поселокъ, растущій подъ покровомъ монастыря и обѣщающій нѣкогда превратиться въ балканскій курортъ, когда найдется капиталистъ, рѣшающійся пожертвовать на время большою суммою денегъ для устройства чуднаго мѣста. Монастырь устроенъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья и притомъ въ его вершинѣ, за которою начинается уже крутой подъемъ, выводящій въ различныя ущелья, на значительно большей высотѣ, направляющіяся какъ бы лучами въ разныя стороны на сѣверъ. Мѣстность указана, такъ сказать, самою природою, вѣроятно, задолго до появленія христіанства въ странѣ и стала мѣстомъ христіанской Ѳиваиды, по всей вѣроятности, въ очень отдаленныя времена. Первое извѣстіе объ этомъ монастырѣ относится, однако, только ко временамъ царя Андроника Стариаго, когда монастырь былъ поднятъ уже изъ развалинъ и переустроенъ митрополитомъ Зихненскимъ Іоакимомъ. Извѣстно, что оба Андроника были ктиторами монастыря. Обители благотворили извѣстный Ѳеодоръ Метохитъ и Іоаннъ Кантакузенъ. Такимъ образомъ, это была видная обитель еще въ эпоху

100. Церковь Іоанна Предтечи въ Сѣрѣ.

X—XII вѣка, и потому вполнѣ понятно, что Стефанъ Душанъ, завладѣвшій мѣстностью въ 1345 году, уже въ октябрѣ этого года, тотчасъ послѣ своего вѣнчанія на Ромейское царство, далъ монастырю хрисовулъ съ различными дарами и вкладами. Церковь монастыря (рис. 101) построена около 1340 года и представляетъ небольшое, но весьма пропорціональное византійское зданіе, къ сожалѣнію, чрезвычайно затемненное позднѣйшими боковыми пристройками, а спереди каменнымъ нарѳикомъ, построеннымъ въ 1849 году. Далѣе, церковь эта, будучи построена уже на нѣкоторомъ склонѣ холма, на которомъ расположенъ монастырь надъ срединою ущелья, мало видна съ монастырскаго двора. Да и весь монастырскій дворъ загороженъ мелкими постройками: монашескихъ келій, архондарика, фіала на мраморныхъ колоннахъ, игуменской кельи, синода и проч. Въ монастырѣ и теперь около 20 монаховъ, исключительно грековъ; даже и между послушниками монастыря мы встрѣтили только сербовъ патріархистовъ, но не болгаръ. Вся внутренность двора заросла вѣковыми деревьями, шпалерами винограда и заросла маленькими садиками, до которыхъ греческіе монахи большіе охотники. Войдя внутрь нарѳика, не безъ любопытства можно разсматривать его свѣжую роспись. Здѣсь, по аѳонскому преданію и обычаю, все направлено къ монашескому поученію: изображенъ крылатый Іоаннъ Предтеча, Богоматерь — Живоносный Источникъ, Лѣствица Климака, Страшный Судъ; передъ входомъ «Денсусъ»,

101. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.



102. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

ктиторы: митрополитъ Геннадій и Андроникъ Палеологъ. Церковь имѣетъ затѣмъ внутренній нарѳикъ, сохранившій роспись отъ начала XVII вѣка, но затѣмъ и главный нефъ церковный и весь алтарь по стѣнамъ и сводамъ росписаны сплошь еще по византійскому обычаю, очевидно, въ старину, намъ точно неизвѣстную, пожалуй, не ранѣе XVII вѣка. Письмо въ значительной степени сходно съ росписью бокового нарѳика, на которомъ читается надпись, что онъ украшенъ за счетъ Киръ Георгія Мавруди Загори Саракина Пасхали и пр. и пр. при митрополитѣ Даніилѣ въ 1630 году. Тамъ представлено: житіе Іоанна Златоуста, притчи, различные отшельники и святые. Возможно, однако, что въ самой церкви нѣкоторыя части росписи старше, а другія переписаны въ позднѣйшее время. Заниматься росписью болѣе подробно мы не имѣли возможности, такъ какъ церковь настолько темна, что потребовалось бы прибѣгать къ особому ея освѣщенію и весьма затянуть исполненіе фотографическихъ снимковъ, безъ которыхъ самыя занятія живописью остаются совершенно безплодными.

Въ монастырской ризницѣ хранится рядъ любопытнѣйшихъ предметовъ древности и старины даже среди тѣхъ, которые обыкновенно показываютъ пріѣзжимъ, и въ шкафу ризницы имѣются другіе предметы не менѣе значительные. Между показанными предметами мы ставимъ на первомъ мѣстѣ двѣ серебряныя *рипиды* совершенно того же самого типа и характера, фактуры и исполненія, хотя гораздо болѣе простыя по своимъ финифтянымъ украшеніямъ, чѣмъ пара рипидъ въ митрополіи Серръ.—На одной изъ рипидъ (рис. 103) въ срединномъ медальонѣ изображенъ по грудь, въ богато орнаментированномъ саккосѣ, съ крещатымъ омофоромъ и въ митрѣ съ драгоцѣнными камнями, «Іисусъ Христосъ Великій Архіерей», какъ гласитъ самая надпись, благословляющій именословно. Кругомъ греческая надпись на слова: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля» и проч. — вокругъ по каймѣ архангелы и серафимы. Всѣ фона раздѣланы или орнаментальными финифтяными щитками или сканными вѣточками. На другой рипидѣ (рис. 104) въ срединномъ медальонѣ представленъ «Іисусъ Христосъ Эммануилъ» (по надписи), также благословляющій обѣими руками именословно среди круга архангеловъ, держащихъ рипиды. Щитокъ, прикрѣпляющій стержень древка къ рипидѣ, такъ же, какъ и въ предыдущей парѣ митрополіи Серръ, орнаментированъ надписью, которая называетъ имена «Ѳеодора и Георгія» 1592 года, а на другой содержитъ въ монограммѣ титулъ митрополита.

Въ ризницѣ сохраняется также замѣчательный серебряный крестъ 1732 года съ наведенными финифтью рѣзными изображеніями; имѣется также большой аѳонскій крестъ и крестъ вкладъ Богдана воеводы Молдавскаго 1594 года. Великолѣпный потиръ (рис. 105), украшенный сканью и финифтью

по ножкѣ, снабженъ также въ среднихъ щиткахъ чеканными монограммами, называющими вкладчиковъ, также, повидимому, конца XVI столѣтія. Любопытнѣйшій предметъ, найденный нами въ ризничномъ шкафѣ, есть дарохранительница въ видѣ однокупольной церкви, изъ листового серебра, съ алтарной нишей и двумя четырегранными выступами для боковыхъ алтарныхъ

103. Эмалевая рипида въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

ниш (рис. 106), украшенная рядами оконныхъ аркадъ (готическаго пошиба), въ которыхъ круглыя мелкія стекла наведены разноцвѣтною финифтью. На правой сторонѣ этой модели читается крупная надпись, указывающая вкладъ въ монастырь Іоанна Предтечи 1721 года. Такимъ образомъ, венцъ эта вхо-

дитъ въ серію любопытныхъ предметовъ кустарнаго греко-восточнаго искусства второй половины XVI вѣка и первой половины XVII.

Нельзя не отмѣтить здѣсь проявленія просвѣщеннаго либерализма со стороны греческаго монашества монастыря Іоанна Предтечи. Ризничій рас-

104. Ризница въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

крылъ для насъ всѣ шкафы ризницы и предоставилъ осматривать все ихъ содержаніе. Правду говоря, въ нихъ оказалось мало предметовъ, имѣющихъ историческое значеніе для современной археологической науки. Большинство предметовъ относилось къ XVIII или XIX столѣтію и не выходило изъ раз-

ряда промышленныхъ издѣлій обычныхъ на церковныхъ базарахъ и въ лавкахъ, заведенныхъ греческимъ востокомъ по образцу русскихъ, и отчасти даже русскаго издѣлія. Несчастный греческій востокъ можно помянуть здѣсь словомъ сожалѣнія, что, живя подъ гнетомъ туречины, православный востокъ наводняется бракомъ русскихъ церковныхъ «товаровъ» того жалкаго ремесленнаго пошиба, который изготовляется въ громадномъ количествѣ московскими промышленниками и убиваетъ послѣдніе остатки греческаго художественнаго мастерства русскимъ «синодальнымъ» вкусомъ. Послѣ издѣлій этого рода съ удовольствіемъ смотришь даже кустарныя издѣлія аѳонскихъ монаховъ, тѣмъ болѣе—албанскихъ серебряниковъ. Такъ, въ этомъ шкафу, среди различныхъ потировъ и дискосовъ работы аплике съ херувимами, мы увидали

105. Потиръ въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

106. Дарохранительница въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ г. Сѣра.

два аѳонскихъ напрестольныхъ креста, рѣзныхъ изъ дерева и оправленныхъ въ серебряную наведенную филигрью оправу. Такъ пріятно послѣ дурной машинной работы русскихъ промышленниковъ посмотрѣть на умѣлую ручную технику славянскихъ мастеровъ Балканскаго полуострова. Однако, сколько нибудь значительныя и интересныя вещи оказались совсѣмъ не здѣсь. Одинъ изъ монаховъ, догадливый, какъ грекъ, видя наши усилія найти что либо еще любопытное въ ризницѣ, повелъ насъ съ собою и въ какомъ то закоулкѣ церкви показалъ любопытную шитую икону Іоанна Предтечи (рис.

107), изображеннаго по обычаю крылатымъ и благословляющимъ правою рукою; возлѣ ногъ Іоанна поставлена чаша съ его усѣченной главою, а съ правой стороны изображено деревцо, у корня котораго лежитъ сѣкира. По сторонамъ Предтечи надписаны имена вкладчиковъ: Ѳеофана іеромонаха и Макарія іеромонаха. Но вокругъ этой иконы кромѣ того укрѣпленъ рядъ древнихъ крестовъ, панагій, образковъ, складней, перстней, тѣльниковъ, тѣльныхъ крестовъ и даже поясныхъ украшеній и бляхъ, очевидно, пожертвованныхъ различными вкладчиками чтимой иконѣ ихъ популярнаго патрона. Правда, большинство этихъ панагій греческаго и русскаго издѣлія XVII вѣка и къ тому же времени относятся образки и складни. Двѣ большія бляхи, отъ какой то великолѣпной иконы представляютъ погрудное изображеніе Спаса Вседержителя съ фиифтью.

107. Мелкіе предметы древности въ м-рѣ Іоанна Предтечи.

IV.

Скопіе и его округъ.—Нерезскій монастырь.—Церковь с. Люботина.—Монастырь Марковъ.—Церкви с. Кучевища.—Народныя одежды.—Монастырь арх. Михаила.—Монастырь Матка.—Куманово.—Церкви с. Нагорича.—Монастырь Матейцы.—Приштина.—Церковь Грачаницы.

Мы прибыли въ Скопіе 16 августа, т. е. въ ту пору года, когда города Македоніи становятся не привлекательными и тяжелыми для пріѣзжаго. Въ эту пору года вся растительность Македоніи выгораетъ, и потому немудрено, что самый городъ съ его вѣковыми кучами мусора, странной пылью, сбившейся на улицахъ на четверть аршина вглубь, съ его единственной замощенной улицей, рядомъ пустырей въ самомъ центрѣ, пересохшимъ Вардаромъ, зловонной падалью, здѣсь никогда неубираемой, и убогимъ восточнымъ типомъ построекъ, напоминающимъ базарные кварталы Стамбула, производили угнетающее впечатлѣніе. Нельзя было скрыть отъ самого себя и въ разговорахъ унылаго впечатлѣнія, производимаго мыслью, что Скопіе, уже чисто славянскій городъ Македоніи, послѣ Битоля ея главный центръ, средоточіе болгарской интеллигенціи, куда ниже по культурѣ собственно греческихъ городовъ Македоніи. Все, на что ни взглянешь вокругъ, говоритъ противъ этой славянской культуры. Уже нѣтъ домовъ прежней щеголеватой кладки изъ тесанаго камня, какими тщеславится Греція и греческіе города Балканскаго полуострова. Нѣтъ вовсе сколько нибудь разумно расположенныхъ улицъ: все здѣсь живущее напоминаетъ какую то усѣв-

108. Видъ г. Скопье.

шуюся орду, построившуюся тамъ и сямъ, безъ всякаго порядка, смысла и резона, по долинѣ. Что то похожее на осадокъ орды, представляютъ собою и другіе восточные города, но въ нихъ, по крайней мѣрѣ, есть любопытная наутина круговыхъ линій, обходящихъ со всѣхъ сторонъ ядро крѣпости, есть разнохарактерные кварталы. Ничего подобнаго нѣтъ въ Скопіи, и найтись въ ниомъ лабиринтѣ его улицъ безъ помощи туземца совершенно немыслимо. А между тѣмъ большинство этихъ улицъ образуется деревянными лавками, или даже, точнѣе, ларями, которые ставятъ на пустырѣ, по своему произволу, столь же подвижные, какъ и они сами, коммерсанты. Но проходитъ годъ, и рядомъ съ ларемъ строится домъ, столь же хилый и убогій по самому дешевому способу постройки — фахверка: возникаетъ улица, и вотъ, если посравнить подобное расположеніе восточно-славянскаго города съ греческимъ, хотя бы самоновѣйшимъ, однако расположеннымъ не только архитектурно въ видѣ амфитеатра, но и въ высшей степени гигіенично и цѣлесообразно, какъ не удавалось расположить часто даже европейскіе города, а тѣмъ болѣе старыя европейскія столицы, то невольно приходитъ на умъ сравненіе двухъ культуръ, и не въ пользу славянской. Обвинять въ этомъ турецкій гнетъ нѣтъ никакого основанія. Во первыхъ, турецкіе кварталы, какъ вездѣ, такъ и здѣсь выдерживаютъ свой оригинальный, чисто восточный характеръ и если этотъ характеръ или даже окаменѣвшій типъ не отличается щегольствомъ, выставкою, не лѣзетъ въ глаза, а, напротивъ того, скроменъ и строгъ, простъ и цѣлесообразенъ, то, должно сказать, турецкая часть балканскихъ городовъ производитъ лучшее впечатлѣніе. Въ Скопіи самые базары какъ бы пострадали отъ славянской примѣси, и сравнивать ихъ даже съ базаромъ въ какомъ нибудь Сѣрѣ было бы къ ихъ невыгодѣ. Здѣсь, чтобы войти въ лавку, надо или черезъ невылазную грязь, или по какимъ то мосткамъ, жердочкамъ и камушкамъ подняться на нѣсколько ступенекъ, чтобы ступить на крыльцо и шаткій порогъ убогой лачуги и, съ трудомъ откинувши перекошенную стеклянную дверцу, влѣзть внутрь затемненной хибарки. Здѣсь лавки только бакалейныя, портняжныя, сапожныя, желѣзняковъ, крамарей, даже часовщиковъ мало. Мы попали въ болгарскую книжевницу. Право, это была скверпѣйшая холодная лавченка, скорѣе нашъ овощный ларь со всякимъ книжнымъ мусоромъ на полкахъ. Здѣсь не было даже изданій Софіи, все больше лубочная печать, всевозможныя брошюры патріотическаго характера и жалкіе учебники народныхъ школъ. По первому звуку о нашемъ приходѣ въ лавку — какъ же мало здѣсь жизни и живыхъ звуковъ—стали появляться одинъ за другимъ болгарскіе народные учителя, все сплошь незрѣлая молодежь, врядъ ли что разумѣющая, кромѣ патріотическихъ приказовъ и возгласовъ. Говорятъ—впрочемъ это все слова

сербовъ, которыя требуютъ повѣрки, — Скопіе имѣло когда то сербское большое населеніе или даже была населена сербами; до извѣстной степени можно повѣрить, что здѣсь была сербская колонія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что подъ городомъ есть рядъ чисто сербскихъ поселеній и большихъ сербскихъ селъ; что касается настоящаго времени, сербскихъ домовъ здѣсь насчитывается не болѣе 50 и совсѣмъ нѣтъ даже сербской церкви. Извѣстный Гончевичъ политикующій сербскій туристъ, говоритъ въ своей книгѣ[1]) на стр. 182 слѣдующее: «Скопле (по турецки Искипъ)—городъ въ 22.000 жителей; около 11.000 составляютъ сербы (изъ нихъ 3.500 магометанъ) 1.200 цыганъ, 3.500 албанцевъ и 6.000 турокъ. Сербы говорятъ довольно чисто по-турецки, изъ нихъ многіе оболгарены и увлечены болгарскою пропагандою». Эта выдержка даетъ наилучшій случай достойно оцѣнить слѣпую сербскую политику, которая доселѣ, отрицая всякую дѣйствительность, безумно фантазируетъ тамъ, гдѣ пора бы было стать на ноги на реальной почвѣ. Очевидно, въ Скопіи никогда не было значительнаго числа сербовъ, но извѣстное число, хотя ограниченное, было, и никто другой, скажемъ съ удареніемъ, какъ именно эта сербская часть славянскаго населенія, составляла его культурную сторону, и доселѣ сербскіе дома часто лучшіе дома и держатъ въ своихъ рукахъ промысловую, промышленную и производительную стороны окрестнаго хозяйства. Что значительная масса сербовъ послѣ Коссова боя перешла въ исламъ, фактъ тоже общеизвѣстный, но поминать о немъ въ данномъ случаѣ при подсчетѣ сербскаго населенія въ современныхъ городахъ Македоніи по малой мѣрѣ странно. Въ данномъ случаѣ примѣняется русская пословица: «что съ возу упало, то пропало» и послѣ перехода въ исламъ славянинъ совершенно исчезаетъ для своей родины. Но главное, что становится прямо забавнымъ, это—отсутствіе болгаръ въ городѣ по показаніямъ Гончевича и жалобы того же путешественника на торжество, великую радость и издѣвательства ловкихъ болгарскихъ агитаторовъ, овладѣвшихъ городомъ. Откуда, скажешь себѣ, могли бы они взяться, если бы основное населеніе города не состояло изъ болгаръ? Но, конечно, въ этомъ городѣ, бывшемъ центрѣ сербскаго королевства, столицѣ Стефана Душана, сербы составляли основной буржуазный слой населенія, тогда какъ болгары долгое время были исключительно, говоря по нашему, простымъ народомъ и потому, кромѣ самой политической стороны дѣла, современное болгарское господство (точнѣе было бы сказать: верховенство) является результатомъ господства демократіи, начавшагося нынѣ въ Македоніи подъ прикрытіемъ знамени ислама. Тотъ же Гончевичъ свидѣтельствуетъ, что гарнизонъ Скопія

1) «Старая Сербія и Македонія» 1899 года.

простирается до 7.000 человѣкъ, и дѣйствительно городъ является, подобно Битолю, своего рода вооруженнымъ турецкимъ лагеремъ, вокругъ котораго едва ли не въ каждой лачугѣ организуется революціонная дѣятельность болгарскихъ четъ. Первое время насъ провожали по городу сербскіе учителя, отлично говорящіе по русски, а затѣмъ, въ свою очередь, болгарскіе и мы имѣли возможность посѣтить большинство убогихъ церквей города, нынѣ перешедшихъ исключительно въ болгарскія руки, настолько, что сербы даже не имѣютъ постоянной службы, а лишь временно, по праздникамъ, и въ часы послѣ службы болгарской. Но если болгары одолѣли въ политикѣ, выставивъ массу взамѣнъ интеллекта и имущества, то они мало подняли культурный цензъ въ городѣ. Въ частности, наше посѣщеніе церквей въ Скопіи дало сплошь только отрицательные результаты: церковь во имя *Вознесенія* построена вновь на старомъ основаніи и не сохранила въ себѣ ничего древняго и даже ничего старшаго, но сберегла всю ветошь, какая только нашлась. Ветхія, полуосыпавшіяся иконы плохого греческаго письма, иногда даже со славянскими надписями, но въ большинствѣ съ греческими, не могли заинтересовать по крайней мѣрѣ насъ, искавшихъ историческихъ памятниковъ и въ этой области [1]). Множество надгробныхъ плитъ сороковыхъ годовъ XIX вѣка, которыя, можетъ быть, заинтересуютъ этнографа. Церковь великомученика *Димитрія* и большая церковь во имя *Богоматери*, построенная также въ новѣйшее время, даже съ портиками въ арабскомъ вкусѣ, но вполнѣ на греческій манеръ и очевидно греческими руками. Все въ этихъ церквахъ носитъ приниженный, узко-служебный характеръ отъ банальныхъ иконостасовъ, съ иконами плохого письма, до базарной московской утвари, какъ и русскія церкви послѣдняго времени, сооружаемыя подъ исключительнымъ руководствомъ нашего духовнаго клира.

Между тѣмъ, городъ Скопіе, вдвинутый въ уголъ колоссальной и богатѣйшей по своему плодородію долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ эту долину впадаетъ горный проходъ изъ старой Сербіи, игралъ роль еще во время

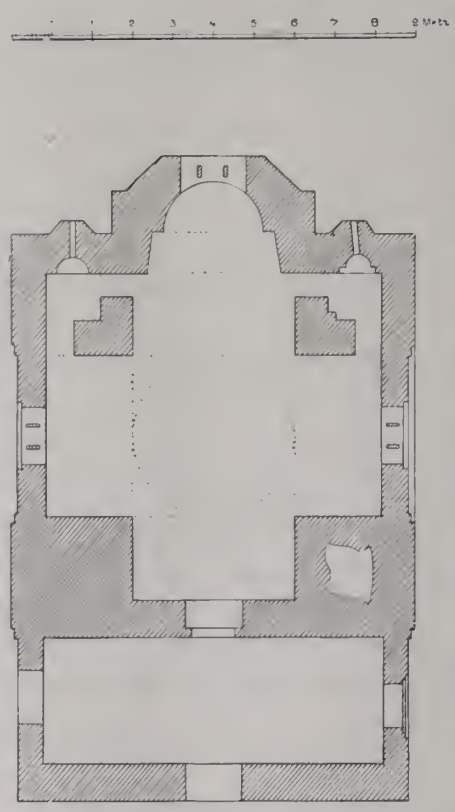
---

1) Въ видѣ простой догадки считаемъ нужнымъ сообщить о существованіи иконы Богоматери съ надписью: Η ΣΚΟΠΗΟΤΙΣΣΑ и о возможной принадлежности ихъ именно городу Скопіи (по др. греч. Σκοῦποι у римлянъ Scopi, виз. Σκούπιον у Прокопія IV, de aed. и Σκόπια (τὸ) у Анны Комниной IX, p. 253), если только это прозвище не есть эпитетъ въ значеніи «покровительницы» или «блюстительницы» — отъ σκεπη, σκοπή, σκοπιά и σκοπιάζειν, хотя возможно было бы и совмѣщеніе того и другого смысла, какъ игра словъ въ имени бывшей чудотворной иконы г. Скопіи. Иконы, мною видѣнныя: въ лавкѣ антиквара въ Венеціи въ 1896 г. и въ текущемъ 1908 году въ складѣ при церкви о. Торчелло, относились къ позднѣйшей греческой иконописи: одна изображала Божію Матерь съ сложенными на груди руками, грубаго письма и съ надписью: Η ΚΗΑ Η СКОПНОТНССА.

древняго болгарскаго царства. Въ 1002 году здѣсь царь Самуилъ былъ разбитъ Императоромъ Василіемъ Болгаробойцемъ. Василій, взявши Видинъ, захватываетъ неожиданно Самуила близъ Скопіи. Городъ сданъ грекамъ измѣною. Самуилъ, положившійся на рѣчное половодье, былъ застигнутъ неожиданно греческими войсками, перешедшими въ бродъ рѣку, такъ что былъ взятъ цѣликовъ весь лагерь и царская палатка. Префектъ Скопіи Романъ, предавшій городъ, былъ сынъ Петра болгарскаго царя и братъ Бориса. Такимъ образомъ, городъ перешелъ во владѣніе грековъ надолго и, если не считать нѣкоторыхъ успѣховъ воинственнаго народа, напримѣръ, при Петрѣ Дѣянѣ въ 1040 году, когда затѣвалось возстановленіе болгарскаго царства отчасти въ той же Скопіи, то это пораженіе Самуила повело за собою покореніе на періодъ въ 200 лѣтъ. Но и въ срединѣ XII столѣтія при Исаакѣ Ангелѣ мѣстность города Скопія продолжала служить поприщемъ борьбы грековъ и славянъ изъ за владѣнія Балканскимъ полуостровомъ. Въ 1180 году Скопіемъ овладѣваетъ на нѣкоторое время сербскій король Неманя. Однако и самая исторія этого города совершенно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что это былъ всегда городъ славянскій. Именно здѣсь болгары провозглашаютъ царемъ Петра Дѣяна. Здѣсь же въ 1073 году болгарская знать, подъ предводительствомъ Георгія Войтаха, объявляетъ царемъ Константина Бодина, (названнаго Петромъ). Окрестности Скопіи послѣдовательно раззоряются славянами, безсильными противодѣйствовать греческимъ войскамъ. Черезъ сто лѣтъ спустя послѣ Немани, Скопіею овладѣлъ сербскій краль Милутинъ, а въ 1336 году Стефанъ Душанъ основалъ здѣсь свою столицу. Однако, уже въ 1348 году вновь появились здѣсь войска Іоанна Кантакузена, а различныя опустошенія окрестностей не прекращались въ теченіи всего этого времени. Кромѣ греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ войскъ и четъ, сюда доходили и Печенѣги.

Такимъ образомъ, если вся Македонія вообще заслуживаетъ имя многострадальной, то Скопіе по преимуществу, а если всякаго рода неурядицы, грабежи, убійства были здѣсь и до турокъ, то подъ турецкимъ владычествомъ этотъ исконный безпорядокъ выросъ въ нѣкоторый страшный кошмаръ, давящій здѣсь жизнь и принизившій ее до рабскаго отчаянія. Къ тому же здѣсь кромѣ Скопіи никогда не было городской и промышленной жизни, и все благосостояніе округа всегда сосредоточивалось исключительно въ земледѣліи. Но, если не было городовъ, то были и остались громадныя богатыя села, на средства которыхъ были воздвигнуты великолѣпныя церкви и, если въ настоящее время это округъ *чисто болгарскій* съ немногими вкрапленными въ него сербскими селами, то въ культурномъ отношеніи онъ можетъ назваться уголкомъ старой Сербіи.

Нерезъ. Весьма характернымъ селомъ является Нерезъ, расположенный отъ города въ полутора часахъ ходьбы пѣшкомъ, уже на легкомъ повышеніи земли къ начинающимся отсюда холмамъ. Въ срединѣ очень большого и, главное, очень длиннаго села, въ ущельи, стоитъ прекрасная по виду, но крайне запущенная пятикупольная церковь. Изъ словъ представителей причта мы поняли, что церковь не имѣетъ нынѣ особаго священника, и за церковью смотритъ только простой пономарь. Въ окнахъ выбиты мѣстами стекла; внутри, въ особенности въ пароикѣ, самая грубая деревенская мазня покрываетъ стѣны; церковныя книги представляются въ видѣ ветхихъ (и древнихъ) рукописей, валяющихся на окнахъ, отчасти и прямо на полу; такая же ветшаная утварь и всѣ облаченія. Какая причина этой бѣдности, мы такъ и не поняли изъ разговоровъ, но именно ей церковь обязана сравнительно большою сохранностью. Церковь эта построена въ 1164 году, какъ гласитъ о томъ великолѣпно высѣченная надпись на косякѣ главной входной двери по мрамору: «Сей храмъ святого и славнаго великомученика Пантелеймона сооруженъ (изукрашенъ) иждивеніемъ господина Алексѣя Комнина и сына порфирородной госпожи Ѳеодоры въ сентябрѣ мѣсяцѣ 13 индикта 6673 года при игумнѣ монахѣ Іоанникіи» Ἐκαλιεργήθη ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Παντε[λε]ήμονος ἐκ συνδρομῆς κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ υἱοῦ τῆς Πορφυρογεννήτου κυρᾶς Θεοδώρας μη (νι) Σεπτεμβρίῳ ἰνδ ῖγ ἔτους ϛχοϛ ἡγουμενεύοντος Ἰωαννικίου μοναχοῦ. И такъ постройка эта имѣла мѣсто въ царствованіи Мануила и на средства того самаго Алексѣя Комнина, который впослѣдствіи, будучи императоромъ, въ 1181 году пожаловалъ посохъ съ крестомъ Саввѣ Сербскому Епископу (не знаменитому Саввѣ, который былъ около 1221 года). Извѣстна затѣмъ своего рода исторія въ Константинопольскомъ патріархатѣ, по случаю намѣренія Андроника женить Алексѣя Комнина, незаконнаго сына Мануила, на Иринѣ, дочери Андроника отъ Ѳеодоры:



109 Нерезскій монастырь по плану П. П. Покрышкина.

извѣстно также, что именно архіепископъ болгарскій совершилъ эту кровосмѣсительную свадьбу. Церковь имѣетъ тотъ же самый (рис. 109) характеръ, что въ Кучевиштахъ, и даже абсида ея представляетъ нѣкоторую орнаментацію (рис. 110 и 111) въ кирпичной кладкѣ. Но кладка эта, за исключеніемъ куполовъ оконъ, ихъ аркадъ и обрамляющихъ полуколонокъ, грубая и неправильная и, кромѣ того, разрушеніе обезобразило наиболѣе красивыя двойныя и тройныя аркады боковыхъ стѣнъ и абсиды. Въ темномъ нарѳикѣ церкви вложена римская плита надгробнаго характера съ изображеніемъ возлежащихъ за пиршествомъ. Далѣе, орнаментальная плита (рис. 112), вышиною около полутора аршинъ, вся подѣленная на 4 ряда полей, по четыре въ каждомъ ряду, внутри которыхъ вписаны вырѣзанныя рельефомъ фигурки птицъ, очищающихъ себѣ перья клювомъ, зайцевъ, поѣдающихъ

110. Церковь Нерезскаго монастыря, 1164 г.

111. Церковь Нерезскаго монастыря.

112. Мраморная плита въ Нерезскомъ м-рѣ.

грозди, далѣе деревьевъ и орнаментальныхъ звѣздъ и кружковъ. Очевидно, это плита отъ разобраннаго амвона. По сухому стилю фигуръ и самой рѣзьбы, плита эта не можетъ быть ранѣе XII — XIII столѣтія, т. е. отно-

сится, по всей вѣроятности, ко времени основанія церкви. Церковный иконостасъ заполненъ плохими позднѣйшими иконами, изъ которыхъ нѣкоторыя, постарше, почернѣли до неразличимости и требуютъ настоятельно расчистки: другія—новѣйшаго грубаго мастерства. Но съ правой стороны иконостаса, въ верхнемъ его поясѣ оказывается вдѣланнымъ въ стѣну великолѣпный фасъ рѣзного амвона или киворія. Въ настоящее время, какъ видно на рис. 113, этотъ рѣзной фасъ служитъ кіотомъ для малярнаго образа великомученика Пантелеймона. Но самый киворій или амвонъ относится ко времени

113. Часть рѣзнаго амвона въ иконостасѣ Нерезскаго монастыря.

основанія церкви и представляетъ, вмѣстѣ съ киворіемъ Софіи въ Охридѣ и церкви въ Калабакахъ въ Ѳессаліи, остатокъ замѣчательнаго произведенія греческаго искусства на востокѣ. Въ настоящемъ случаѣ орнаментація киворія выполнена вся тонкою, сухою, но характерною и стильною рѣзьбою. Карнизъ покрытъ рѣзными пальметками, а весь передъ киворія, обрамленный по аркадѣ узорчатымъ плетеніемъ, раздѣланъ потомъ разводами изъ подобныхъ же пальметъ и по срединѣ парою великолѣпныхъ фазановъ, приближающихся къ священной чашѣ. На кубовой капители и на капителяхъ полуколонокъ та же рѣзьба изъ пальметокъ безъ монограммы (о самихъ амвонахъ подобнаго рода будетъ сказано ниже по поводу амвона Охридскаго).

Селеніе Люботинъ или Любитенъ, какъ его называли намъ сами жители, находится отъ Скопіе въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ верховой ѣзды, среди пологихъ холмовъ и на краю обширнаго, раскинутаго по нѣсколькимъ логамъ села, котораго значительная часть захвачена уже албанцами. Церковь эта представляетъ собою въ настоящее время полную руину, и понадобится уже немного времени на то, чтобы она превратилась въ окончательную развалину. Внутренность ея раскрыта, главный куполъ обвалился и лишенъ крыши, другія части уже стали сильно осыпаться, и съ наружной стороны церковь, какъ видно на рис. 115, засыпана до половины мусоромъ, такъ что самый входъ въ нѣкоторыя двери сталъ невозможенъ. Сводовъ надъ серединою и нефами или нѣтъ, или они пробиты и даютъ доступъ дождю. Внутренніе столбы, скрѣпленные уже давно большими дубовыми брусьями, расшатаны и еле держатся, одинъ изъ нихъ покачнулся и въ ближайшемъ будущемъ долженъ упасть. Но внутри внимательная рука сербовъ села доселѣ вычищаетъ мусоръ, удаляетъ камни и дѣлаетъ возможнымъ осмотръ церкви. Когда мы пріѣхали туда, нѣкоторая часть этихъ сербовъ собралась къ церкви и вступила съ нашими спутниками въ обычный разговоръ, наполнившійся жалобъ, какъ только узнали, что мы русскіе. Но затѣмъ сюда же собрались и албанцы, съ недоумѣніемъ, а, слѣдовательно, по восточному понятію, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ слѣдившіе за нашими археологическими поисками. Надъ главнымъ входомъ, на широкой плитѣ имѣется здѣсь надпись, свидѣтельствующая о томъ, что храмъ построенъ во имя Николая Чудотворца, благодаря рвенію и средствамъ госпожи Деницы, во дни краля Стефана Душана, въ 1337 году. Надпись (рис. 116) читается такъ: *съзидасе сии*

Люботинъ.

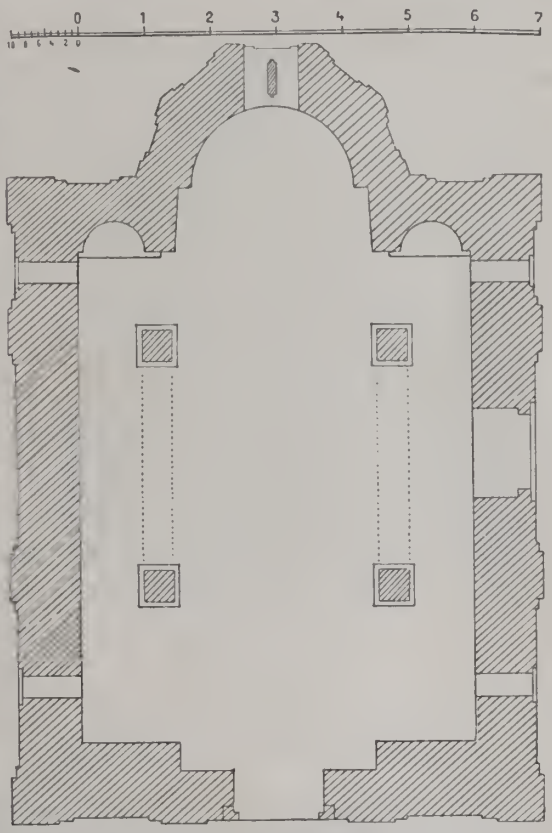


Рис. 114. Церковь сел. Люботина. Планъ архит. П. П. Покрышкина.

бжьныи храмь сто великаго оца Николы подвигомь и трудомь гжде дьнице въ дни стефана краль душане и дрьжаше снь старьи боико и матковъ и други снь звечань ситницомь въ лѣт ҂ѕѡмє (6845). Здѣсь мы находимъ уже, такимъ образомъ, сербскую передѣлку греческаго зодчества. Какъ общую черту слѣдуетъ отмѣтить: существованіе одного купола, подтянутый характеръ арокъ и сводовъ, многогранную форму абсиды и, наконецъ, орнаментацію изъ кирпичной кладки на восточной сторонѣ (см. рис. 115).

115. Церковь села Люботина.

Самое однако любопытное въ церкви — это ея живописная роспись [1]), сохранившаяся до насъ, хотя въ общихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, большинство фресокъ окончательно испорчено разрушеніемъ; очевидно, во всемъ селѣ только лѣнивый ихъ не уничтожаетъ. Албанцы прокалываютъ глаза у всѣхъ фигуръ, находящихся внизу, а потому наиболѣе пострадавшею фреской оказывается наиболѣе интересная въ историческомъ отношеніи: «Деисусъ», во весь ростъ, съ изображеніемъ въ сторонѣ краля Стефана Душана, его супруги,

116. Надпись надъ входомъ въ церковь с. Люботина.

сына Уроша и мѣстно чтимыхъ святыхъ. Фреска эта, какъ обычно, помѣщается на лѣвой сторонѣ главнаго нефа въ нижнемъ поясѣ. По сторонамъ ея изображены во весь ростъ святые Стефанъ, Романъ и Лаврентій (мѣсто которыхъ обычно на нижней стѣнѣ жертвенника или алтаря) и, въ соотвѣт-

1) См. подробное описаніе ея въ соч. П. Н. Милюкова, стр. 108—112.

ствіе имъ, на другой сторонѣ—Свв. Проконій, Меркурій, Ермолай и Пантелеймонъ. На противоположной стѣнѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ изображены святые: Спиридонъ, папа Сильвестръ, Григорій Богословъ и Николай Чудотворецъ. Затѣмъ, въ главномъ же нефѣ, на западной сторонѣ по низу изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ и святые Косма и Даміанъ; въ верхнемъ поясѣ евангельскія событія; начиная слѣва отъ входа: Вознесеніе Божьей Матери, бракъ въ Канѣ Галилейской, Іисусъ учащій во храмѣ, бесѣда съ Самаритянкой, Исцѣленіе слѣпого и бѣсноватаго, Исцѣленіе кровоточивой. Уже въ алтарной части приходится: Явленіе женамъ мироносицамъ и Воскресеніе Господне. Алтарная часть представляетъ по росписи обычныя формы: святителей Петра, Кирилла, Григорія Богослова, Аѳанасія, Іоанна Милостиваго. Выше: Причащеніе апостоловъ подъ двумя видами. Это въ главной алтарной нишѣ; въ боковыхъ нишахъ по низу изображено: слѣва, въ жертвенникѣ — святители Петръ и Аѳанасій по сторонамъ Младенца, лежащаго въ чашѣ, къ которому Петръ прикасается ножемъ. Справа святые Исавръ и Викентій. Поверхъ этихъ изображеній, въ алтарномъ сводѣ изображена Богоматерь на престолѣ съ Младенцемъ и два архангела по ея сторонамъ; въ лѣвой нишѣ — образъ отрока Эммануила по грудь, благословляющаго; въ правой — по грудь же Богоматерь въ типѣ Оранты или «Заступницы», а надъ этимъ изображеніемъ помѣщенъ Нерукотворенный образъ — Святое Чреніе, т. е. отпечатокъ Нерукотвореннаго образа на керамидѣ или черепицѣ кирпичнаго цвѣта, поддерживаемой двумя ангелами.

Интересъ этихъ изображеній по ихъ оригинальному натурализму, напоминающему средневѣковую итальянскую живопись, не малый, но, къ несчастью, фрески до такой степени исколоты, обколочены и обезображены, что ихъ воспроизведеніе совершенно немыслимо въ фотомеханическомъ снимкѣ: единственно одна передача въ краскахъ въ акварельномъ снимкѣ могла бы дать удовлетворительное изображеніе. Самая любопытная черта въ этихъ фрескахъ есть соединеніе древняго греческаго оригинала въ типахъ и ликахъ съ подробностями натуралистическихъ сценъ, которыя здѣсь имѣютъ мѣсто. Сцена брака въ Канѣ Галилейской раздѣляется на двѣ, между собою соединенныя, картины. Слѣва представленъ большой парадный столъ на рѣзныхъ фигурныхъ ножкахъ, уставленный чашами и покрытый нарѣзаннымъ хлѣбомъ, ножами и ложками; края стола съ той стороны, гдѣ сидятъ за нимъ пирующіе, прикрыты наколотыми на него шитыми полотенцами, замѣняющими роль салфетокъ. На почетномъ мѣстѣ во главѣ стола сидитъ Іисусъ Христосъ въ большомъ креслѣ; подойдя къ Нему, говоритъ Ему на ухо съ большимъ оживленіемъ и, какъ бы умоляя Его, Богоматерь. За столомъ сидятъ женихъ и невѣста въ брачныхъ, т. е. патриціан-

скихъ одеждахъ. Женихъ въ княжескомъ вѣнцѣ и кафтанѣ съ широкими бармами, невѣста съ бармами и въ высокой башнеобразной коронѣ, сзади ихъ двѣ служанки, а возлѣ нихъ еще, тоже на почетномъ мѣстѣ, посаженый отецъ въ парчевой мантіи и въ колпакѣ, окутывающемъ голову. Далѣе, Спаситель, стоя, благословляетъ рядъ большихъ узкогорлыхъ амфоръ, въ которыя прислужники льютъ воду. Изображеніе краля и двухъ женскихъ фигуръ по его сторонамъ мало уже сохранило деталей; ясно различается митра, какъ вѣнецъ на головѣ краля; высокая башнеобразная, расширенная кверху и усыпанная по верху жемчугомъ, корона княгини, покрытая драгоцѣнными камнями, оплечья и надѣтыя на нихъ дивитисіи съ лоронами, переброшенными черезъ лѣвую руку. На западной сторонѣ отлично сохранилось Вознесеніе Божіей Матери (рис. 117): представленъ большой открытый саркофагъ; надъ нимъ, наклонившись, два юныхъ апостола (одинъ изъ нихъ держитъ рѣчь къ группѣ апостоловъ) и одинъ сѣдой апостолъ, наклонившись, указываетъ на лежащіе тамъ покровы; слѣва группа апостоловъ съ Павломъ во главѣ; наверху, въ небесахъ, въ голубомъ кругу Богоматерь съ распростертыми руками, сидящая на радугѣ, возносится двумя ангелами.

117. Вознесеніе Божіей Матери въ росписи церкви Люботина.

Марковъ монастырь.

Въ глухомъ ущельи, но въ густо населенной, по причинѣ необыкновеннаго плодородія, мѣстности, въ трехъ — четырехъ часахъ разстоянія ѣзды отъ Скопіе, лежитъ монастырь Марковъ, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ (благодаря имени, легендамъ и преданіямъ) историческихъ святынь Македоніи. Продолжительная и трудная, по постояннымъ подъемамъ и спускамъ, поѣздка въ этотъ монастырь вела насъ (быть можетъ, по пути, случайно и не особенно удачно выбранному) черезъ всю долину Скопіе и мимо деревень Хаджово, Грачево, Любошъ, Дрейчаны (Арнаутское село), Батинцы (Арнаутское село), Сужица (Болгарское село, по турецкій чифтликъ). На этомъ пути особенно поражало насъ феноменальное богатство почвы въ Скопійскомъ округѣ, образующемъ какъ бы нѣкоторую чашу, ежегодно наполняемую плодородными наносами съ горъ. Здѣсь повсюду, почти въ каждомъ ущельи и на каждомъ предгорьи, есть деревни и села, которыя поражаютъ русскаго туриста, непривычнаго у себя къ подобному зрѣлищу. Большіе, прочно построенные двухъ-этажные дома съ высокими двухъ-этажными сараями, засыпанные полбою, заваленные навозомъ, съ крѣпкими частоколами и тынами,

съ вѣковыми садами и богатыми огородами, все это до верха полныя хозяйственныя чаши. И какой дорогой предметъ этого хозяйства — македонскій табакъ, первый табакъ въ мірѣ по цѣнѣ и достоинству! Для этого табаку при домахъ сдѣланы сараи, длиною во много сажень, и вся ихъ внутренность завѣшана сверху до низу и отъ одного угла до другого въ 4 и въ 6 рядовъ отъ полу напушами. А какіе высокіе растутъ рядомъ табаки, какая кукуруза, какія колоссальныя дыни, рядомъ въ бахчахъ! Земля зачастую прямо пурпурная, пышная и легкая, какъ будто вся изъ растительнаго перегноя или же темно-красная, мѣстами темно-малиновая, почти шоколадная, чрезвычайно плодородная глина, а въ долинахъ слои ила и кремнистаго песка, на которыхъ еще сильнѣе растутъ овощи. И вотъ среди этого жирнаго обилія, на этой богатѣйшей нивѣ-почвѣ, гдѣ каждый крестьянинъ изображаетъ изъ себя богатаго фермера, турецкій гнетъ питаетъ и поддерживаетъ исконнаго врага — арнаута. Самое любопытное — это наблюдать сравнительно даже наружный характеръ арнаутскихъ и болгарскихъ селъ. Болгарскія села состоятъ изъ ряда подобныхъ богатыхъ фермъ: въ нихъ хозяинъ и весь его домъ, отъ мала до велика, всѣ сами работники, все плотныя, высокія, выработанныя вѣковымъ трудомъ фигуры, но на всѣхъ лицахъ этихъ рослыхъ, могучихъ фигуръ написанъ тупой страхъ, покорное уныніе, и при встрѣчѣ они обнаруживаютъ почти рабскую безсловесность. Вы едва добьетесь на свой вопросъ «да» или «нѣтъ», нечего и спрашивать о дорогѣ—вамъ никогда не покажутъ; рядомъ арнаутское село—здѣсь зачастую домъ, кромѣ лошадей и домашняго скота ничего въ себѣ не содержитъ, хотя теперь и арнауты начинаютъ мало по малу сами заниматься земледѣліемъ — такъ много уже арнаутовъ сюда набралось. Но иные дома — каменныя крѣпостцы, въ которыхъ феодалу можно отстрѣливаться мѣсяцами отъ всей округи возставшей на разбойниковъ; оконца въ этихъ крѣпостцахъ видны только подъ крышей; всѣ подступы къ дому укрѣплены или обстрѣливаются изъ дома, и эти разбойничьи гнѣзда достаточно объясняютъ намъ тупой страхъ и унылое равнодушіе ко всему на лицѣ болгарина. Здѣшнія богатыя земли все турскіе чифтлики, и отъ этихъ богатствъ весьма малая доля приходится на долю самого землевладѣльца.

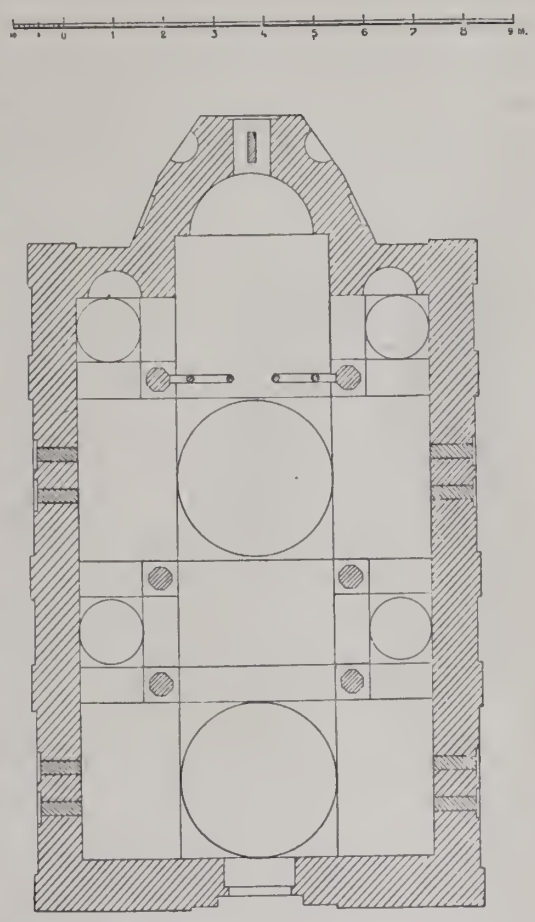
Все это объясняетъ намъ, съ одной стороны, царское богатство монастырей и церквей вокругъ Скопіе, построенныхъ въ XIV, XV и началѣ XVI вѣка, въ эпоху ли кратковременнаго процвѣтанія и политической самостоятельности, или даже подъ турецкимъ гнетомъ, но когда по крайней мѣрѣ здѣсь въ округѣ никто не видалъ албанцевъ. Нынѣ всѣ эти богатыя церкви являютъ видъ печальныхъ развалинъ и содержатся лишь на убогіе гроши, собираемые столь же убогимъ духовенствомъ. Подъѣзжая къ Мар-

кову монастырю, видимъ у самой тропинки стоящую руину небольшой церкви, грубо сложенной изъ кирпича и щебня и лишенной крыши, но восходящей, судя по фрескамъ изъ протоевангелія, доселѣ покрывающимъ ея стѣны, къ срединѣ XVI вѣка.

Марковъ монастырь лежитъ въ глубинѣ большого воднаго ущелья, занимая его склонъ къ глубоко текущему ручью съ правой стороны. Монастырь доселѣ огороженъ стѣнами, хотя грубо сложенными изъ битаго щебня, но содержимыми въ полномъ порядкѣ. Массивныя ворота входа, устроенныя внутри небольшого домика съ жилищемъ привратника наверху, ведутъ внутрь опрятнаго дворика, на этотъ разъ, какъ и въ греческихъ монастыряхъ, заботливо прибраннаго. Монастырь имѣетъ не много монаховъ и послушниковъ, которые всѣ охотно дали себя снять у церковной стѣны. Монастырская церковь исполнена, повидимому, почти цѣликомъ въ 1345 году: по надписи, списанной Сречковичемъ надъ входомъ изъ притвора внутрь церкви, она построена въ этомъ году. Надпись гласила слѣдующее: «изволеніемъ Отца и воплощеніемъ Сына и сошествіемъ Святого Духа обновисе сей свѣти и божествени храмъ святаго и великомученика Христова Побѣдоносца Димитрія, съ усердіемъ и потщаніемъ благовѣрнаго Краля Влькашина и благовѣрніи кралице Елены и съ превозлюбленимъ ею штерма и синомь благовѣрнимъ кралѣмъ Маркомъ и Андреяшемь, Иванишемь и Димитромъ вл. . . . сыже монастирь наче се здати въ лѣто 6853 (1345) въ дни благовѣрнаго царя Стефана и христолюбиваго краля Марка». Видъ монастырской церкви съ южной стороны (рис. 118) представляетъ щеголеватое зданіе, установившагося сербскаго типа, напоминающаго и церкви старой Сербіи и Хиландаръ на Аѳонѣ съ однимъ куполомъ и характерною раздѣлкой тремя аркадами (сильно повышенными) сторонъ главнаго нефа и одною аркадою для притвора внутренняго. Затѣмъ въ этихъ аркадахъ красиво продѣланы арки для оконныхъ отверстій, изъ которыхъ нижнія съ

118. Марковъ монастырь.

самаго начала устроены слѣпыми и орнаментированы сплошною кирпичною кладкой. Алтарная часть представляетъ выпускъ въ три грани (планъ — рис. 119) съ подобными же орнаментальными аркадами въ два пояса. Поверхъ всего зданія возвышается приподнятый, весьма стройный, купольный барабанъ о восьми граняхъ, орнаментированный подобными же аркадами и очень узкими оконными же отверстіями. Кладка храма прекрасна выполнена изъ тесаннаго камня, перемежаемаго рядами, тремя или четырьмя или даже двумя, кирпичной кладки, а западная сторона кромѣ того орнаментирована въ рѣшетку по оконнымъ аркадамъ.



119. Марковъ монастырь. Планъ И. И. Покрышкина.

Напротивъ того, внутренность церкви съ самаго начала производитъ тягостное впечатлѣніе своимъ убожествомъ и совершенными разрушеніями древности. Тотъ же Сречковичъ въ притворѣ церкви съ лѣвой стороны видѣлъ фреску, изображавшую, по надписямъ, краля Вулкашина и сына его Марка, ктитора монастыря. Но, увы, въ настоящее время ни фресокъ, ни надписей или нѣтъ, или не видно. По грубо оштукатуренной стѣнѣ паперти все размалевано масляною краскою какимъ то досужимъ маляромъ, Димитріемъ грекомъ изъ Константинополя, или болгариномъ, обучившимся малярному ремеслу. При этомъ размалеванъ даже самый входъ, мраморный портикъ пестро росписанъ подъ мраморъ, и косякъ раскрашенъ розетками, и написаны панели на высотѣ полутора сажень отъ земли. Безобразіе этой размалевки сверху подъ пестрый мраморъ даетъ крайне противное впечатлѣніе своею пестротою, въ особенности, когда разсмотришь, какъ щегольски и со вкусомъ было раздѣлано все, даже начиная съ притвора, въ древности. Повсюду мраморные наличники, косяки и колонны, и всѣ детали отличаются превос-

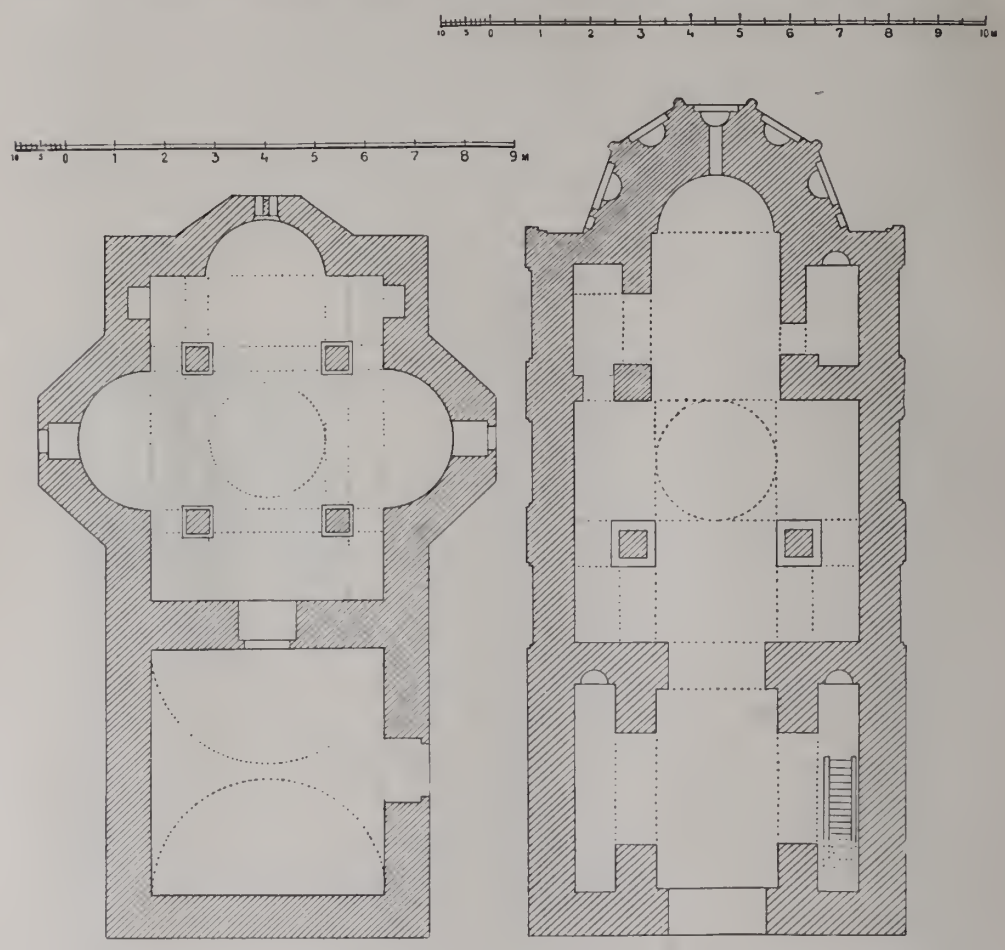
ходнымъ стилемъ и вкусомъ XIV вѣка, который для Сербіи является, какъ извѣстно, эпохою процвѣтанія и политическаго и культурнаго. Еще болѣе возбудило сожалѣнія подобное уродованіе древняго памятника, когда стало ясно, что оно было вызвано, главнымъ образомъ, политическою враждою мѣстнаго болгарскаго причта къ остаткамъ древней сербской культуры. Повидимому, прекрасно сохранившаяся ктиторская фреска была уничтожена, какъ памятникъ сербскаго владычества въ этихъ мѣстахъ, именно болгарскимъ патріотизмомъ. Уничтожена или, будемъ надѣяться, только скрыта отъ взоровъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ церкви, подъ грубою намалевкой масляною краской, мы сами легко различили одну голову въ царской коронѣ и другую голову архангела и рядомъ еще голову въ вѣнцѣ неизвѣстной фигуры. Возможно, что въ разныхъ мѣстахъ сохранились хотя куски древнихъ фресокъ и только прикрыты новою росписью масляными красками впредь до открытія ихъ въ болѣе счастливыя времена. Церковный иконостасъ, хотя по всей деревянной работѣ относится уже къ XVII вѣку, но также прикрываетъ собою первоначальную иконостасную преграду. Во первыхъ, самыя царскія двери, состоящія изъ двухъ частей низкой двухстворчатой дверки, съ двумя арочными полями, на которыхъ, очевидно, было изображено Благовѣщеніе, и каймою изъ мелкихъ орнаментовъ, а также и вѣнчающаго эти двери орнаментальнаго балдахина, въ видѣ, однако, одной дощечки, орнаментированной какъ самая дверь, относятся навѣрное къ XIV столѣтію, точнѣе говоря, къ основанію храма. Памятникъ этотъ деталный, но заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія, въ виду крайней рѣдкости подобнаго устройства. Дѣло въ томъ, что такихъ низенькихъ, оканчивающихся оваломъ, царскихъ дверей, сохранилось не мало въ старинныхъ русскихъ церквахъ, но имъ обыкновенно недостаетъ указываемаго верха. Верхъ этотъ, вдѣланный подъ самый косякъ, не приходится вплотную надъ царскими дверями, а оставляетъ пространство въ ширину не менѣе аршина, которое, образуя своеобразную пустоту или промежутокъ, закрывалось, по требованіямъ литургіи, особою небольшою завѣсой. Равнымъ образомъ, съ другой стороны алтарной преграды (рис. 120) мы находимъ все древнее устройство въ видѣ двухъ орнаментальныхъ колонокъ о восьми граняхъ, съ украшенными рѣзьбою капителями. Кромѣ того, какъ оказывается, цѣлъ весь каменный иконостасъ, только прикрытый позднѣе обычнымъ деревяннымъ сооруженіемъ. Далѣе, у престола сохранилась любопытная плита, вложенная у самаго входа между царской дверью и престоломъ, съ вырѣзаннымъ на ней сербскимъ орломъ въ геральдической формѣ, среди двухъ орнаментальныхъ же львовъ. Форма, имѣющая также свой интересъ по отношенію къ нашему двуглавому орлу. Въ церкви сохранилась мѣстами и древняя роспись, главнымъ образомъ, въ алтарной

части. Верхняя ея часть представляетъ по сторонамъ большого декоративнаго окна «Причащеніе» подъ двумя видами. Въ данномъ случаѣ любопытно, что вмѣсто дискоса, на престолѣ, нарисована большая плоская чаша, или, точнѣе, широкое блюдо, съ нарѣзанными треугольными кусочками артоса. Надписи надъ этою фрескою — греческія Η ΜΕΤΑΔΟΣΗΣ и пр. Слѣдующая фреска по правую сторону представляетъ Тайную Вечерю Ο ΔΙΠΝΟΣ, также весьма поздняго перевода: представленъ полукруглый столъ, за которымъ возсѣдитъ по срединѣ его (а не съ лѣваго края) Спаситель, а у Него на правой рукѣ, склонившись, положилъ голову молодой Іоаннъ. Съ другой стороны, представлено явленіе Спасителя двумъ женамъ мироносицамъ, также съ греческой надписью: ΧΕΡΕΤΕ. Ниже, съ правой стороны, въ рядъ двѣ фрески со сценами изъ акаѳиста Пресвятой Богородицѣ: на тему: «Взбранной воеводѣ побѣдительная»: престолъ съ богатою шидитіею, на немъ поставлена икона Одигитріи, по сторонамъ патріархъ съ кадиломъ и сзади него клиръ и царь со свитою; слѣва около той же иконы царица съ вельможами, надпись: Поюще Твое Рождество, хвалимъ Тя вси, Богородице» (Икосъ 12). По правой сторонѣ явленіе ангела Богоматери возлѣ киворія съ надписью поверхъ (Икосъ I): «Ангелъ предстатель съ небесе посланъ бысть рещи Богородицѣ» и рядомъ же ангелъ, стоящій передъ Богоматерью, сидящею въ большомъ креслѣ и пр. Въ главномъ куполѣ сохранилось также изображеніе Вседержителя. Вся эта роспись носитъ вообще характеръ хорошей греческой работы, хотя и снабжена славянскими надписями, и было бы весьма желательно ее сохранить, о чемъ мы и пытались сдѣлать нѣкоторое соотвѣтствующее внушеніе монастырскому игумну, который, однако же, оказался еле грамотнымъ человѣкомъ. Въ монастырѣ мало даже богослужебныхъ книгъ, и вмѣсто нихъ еще употребляются старыя рукописи, валяющіяся по окнамъ и даже поламъ.

120. Иконостасъ въ монастырѣ Марковѣ.

На сѣверо-востокъ отъ Скопіе уходитъ глубокое, обставленное высокими горами и весьма водное ущелье, мѣстами расширяющееся и образующее плодородныя долины, мѣстами занятое горными селами и доводящее до глубинъ этой части Македоніи, нѣкогда занятыхъ сербскими поселенцами и еще сохранившихъ исконное населеніе. Въ одной изъ подобныхъ долинъ лежитъ сербское (по болгарскому выраженію — «сербоманское» населеніе) село Кучевище (Кучевишта), съ двумя купольными церковками (планъ 121 и 122) позднѣйшаго времени, не позже, однако, XV вѣка, любопытной, главнымъ Кучевишта.

образомъ, своею пестрою, но уже чисто деревенски грубой орнаментаціею западнаго фасада различными кирпичными узорами: въ сѣтку, въ рѣшетку и пр. Внутри сохранились также и остатки росписи въ правомъ діаконикѣ



121. Церковь въ с. Горно-Кучевишта. Планъ П. П. Покрышкина.

122. Церковь въ селѣ Дольней Кучевиштѣ. Планъ П. П. Покрышкина.

плохой ремесленной работы и равно въ притворѣ, гдѣ однако же, еще недавно бывшія на виду фрески житія вм. Георгія нынѣ оказались замалеванными невѣроятно грубымъ письмомъ. Въ верхней церкви во имя Богородицы (рис. 123 и 124) также сохранилась еще роспись съ надписью 1501 года: въ абсидѣ изображена Богородица Знаменія съ Младенцемъ въ ореолѣ, къ которымъ идутъ святые Симеонъ, архангелъ Михаилъ, Меркурій, далѣе Деисусъ и святители, между ними Савва Сербскій. Любопытно также и кладбище, окружающее главную церковь, полное великолѣпно высѣченныхъ плитъ съ надписями.

Въ себѣ Кучевиштахъ усердствовавшіе въ своемъ сербскомъ патріотизмѣ мѣстные учителя устроили намъ своего рода живую выставку мѣстныхъ народныхъ одеждъ во дворѣ гостинницы, воспроизведенную нами въ альбомѣ фотографій за № 242—6 (рис. 125—127). Трое молодыхъ селяковъ и пять женщинъ явились, облеченные во всѣ ихъ праздничные костюмы и уборы. А одинъ изъ учителей давалъ нѣкоторыя, впрочемъ очень суммарныя, объясненія. По этимъ объясненіямъ, главнымъ образомъ, выходило, что признаки сербскаго народнаго костюма заключаются въ особой нашивкѣ на боку кафтана (см. рис. 125). Самъ по себѣ безрукавный кафтанъ бѣлаго сукна, кустарной работы, тоже отличаетъ сербовъ отъ болгаръ; онъ обшитъ кругомъ черными вязанными тесьмами по всѣмъ швамъ, а на плечахъ эта тесьма образуетъ какъ бы особенную нашивку съ коймами, овальной формы, которая напоминаетъ византійскіе наплечники, бывшіе частью особаго накладного воротника. Затѣмъ, съ боку на бедрѣ съ лѣвой стороны, а у иныхъ съ обѣихъ

123. Церковь с. Кучевишта.

124. Селяки села Кучевишта.

125. Селяки села Кучевишта.

сторонъ сдѣлана нашивка темнолиловой, почти черною шерстью, имѣющая видъ обыкновеннаго кошеля, съ овальнымъ ушкомъ наверху, черезъ которое продѣвается шнуръ, затягивающій кошель. И вотъ эту орнаментальную нашивку, которая, переставъ быть кошелемъ, прикрѣплявшимся съ боку, стала простою орнаментаціей, намъ выдавали за особый знакъ сербскаго владычества или даже прямо королевства, своего рода гербъ Македоніи. По этому

образчику можно судить, насколько всѣ подобныя, сочиненныя по рефлексу, политиканства отвѣчаютъ исторической реальности. Тѣмъ не менѣе, мужской костюмъ, представленный на нашемъ рисункѣ, должно, дѣйствительно, считать народнымъ сербскимъ, хотя идущимъ не изъ глубокой древности. Этому противорѣчитъ, напримѣръ, феска на головѣ, албанскій поясъ и отчасти воротникъ казакина, вышитый различными геометрическими фигурами. Главное, на что должно обратить вниманіе, это пестрые шитые чулки на ногахъ женщинъ и мущинъ. Чулки эти вышиты черной шерстью, полосами, съ простѣйшей геометрической орнаментаціей, и (кромѣ малорусскихъ) напоминаютъ вышивки чулокъ у племени горныхъ Таджиковъ Дарваза въ Бухарѣ[1]). Издатель этихъ послѣднихъ вышивокъ сообщаетъ, что шерстяные узорчатые носки распространены по всему Востоку, но отличаются отъ горныхъ чулокъ по размѣрамъ и по рисунку, и поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ горными чулками Дарвазской коллекціи, составляющими характерное произведеніе горцевъ Нагорной Бухары и сѣверо-западной Индіи. Такимъ образомъ, наши чулки отличаются отъ Дарвазскихъ также размѣромъ и упрощеніемъ геометрическихъ рисунковъ, но ихъ узоръ явно выдаетъ свое происхожденіе отъ восточныхъ, завезенныхъ сюда издѣлій, ковровъ и матерій. Самый способъ орнаментаціи черной шестью по бѣлому, очевидно, указываетъ намъ на исходный основной типъ александрійскихъ или коптскихъ тканей, легшихъ въ основу всѣхъ народныхъ уборовъ греческаго средневѣкового Востока. Все остальное въ мужскомъ уборѣ, а именно: албанская или герцеговинская расшитая куртка, опахивающая накось грудь въ видѣ жилета и покрытая густо

126. Сербы-селики изъ села Кучевишты.

1) Гр. А. А. Бобринскаго: Орнаментъ горныхъ Таджиковъ Дарваза (Нагорная Бухара. Москва 1900 г. Таблицы 11—14, 17—19).

мишурнымъ шитьемъ, а затѣмъ широкій поясъ, нѣсколько разъ обвитый вокругъ тѣла и оканчивающійся кожанымъ шитымъ верхомъ, рубашка, выпущенная въ видѣ фустанеллы, и чувяки, все это скорѣе можетъ быть названо обще-балканскимъ костюмомъ, чѣмъ спеціально сербскимъ.

Женскій уборъ былъ представленъ намъ, какъ мы упомянули, пятью женщинами, болѣе или менѣе богато и тяжело убранными. Дѣвичьяго убора не было показано. Начнемъ, прежде всего, съ головы. На голову надѣвается большое бѣлое покрывало, въ видѣ длиннаго и широкаго убруса — полотенца, нѣсколько разъ свернутаго. Полотенце прикрываетъ голову и затѣмъ или свертывается вокругъ нея подъ шеей, или распускается обѣими концами по рукамъ, но при этомъ оно удерживается на головѣ особымъ полосатымъ шарфомъ восточнаго (дамасскаго) рисунка. Къ тому же самому полотенцу, у самыхъ ушей прикрѣплена нить крупнаго жемчуга, опускающаяся подъ подбородкомъ или подобная же нитка, гирлянда или низка, какъ называли въ старину, золотыхъ монетъ или бляшекъ, обрамляющая весь овалъ и звенящая при каждомъ движеніи головы. Затѣмъ, поверхъ нижней рубашки надѣта верхняя, расшитая продольными полосами и по подолу изъ черной шерсти, почти въ томъ же самомъ типѣ, какъ въ нашихъ инородческихъ уборахъ по Волгѣ. Поверхъ этой шитой рубашки надѣта шитая кофта, покрытая черными вышивками по бѣлому, идущими сплошь и почти совершенно закрывающими бѣлый рукавъ. Кофта эта подпоясана широкимъ мужскимъ поясомъ съ наборомъ. Конецъ рукавовъ завернутый, весь расшитъ въ видѣ широкихъ нарукавниковъ. Затѣмъ по переду надѣваются лицевыя занавѣски, богато и пестро расшитыя полосами вертикальными и продольными, а иногда вышитыя кругами, размѣщенными по поясамъ. Однако же, мы здѣсь, какъ и вообще въ другихъ окрестностяхъ близь Скопіе, не встрѣчали ни разу тѣхъ толстыхъ лицевыхъ передниковъ, набитыхъ горою, которые такъ поражаютъ въ нѣкоторыхъ болгарскихъ селеніяхъ близь Салоникъ, Битоля и Охриды. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одежды въ окрестностяхъ Скопіе рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ женскихъ болгарскихъ народныхъ уборовъ и костюмовъ, обычно носимыхъ въ окрестностяхъ Салоникъ, Сѣра и пр. Развѣ только тѣмъ, что въ иныхъ мѣстностяхъ Болгаріи женскіе уборы еще больше напоминаютъ тяжеловѣсностью своихъ ушныхъ подвѣсокъ и низокъ средне-азіатскіе костюмы и уборы; затѣмъ въ иныхъ мѣстностяхъ пояса получаютъ характеръ чисто арнаутскій, съ извѣстными громадными бляхами изъ дурного серебра. Мы отмѣчаемъ это тождество сербскихъ и болгарскихъ народныхъ уборовъ съ удареніемъ, главнымъ образомъ, потому, что есть попытки ложнаго толкованія этихъ костюмовъ и уборовъ въ пользу того или иного политическаго опредѣленія жителей въ спорныхъ мѣстностяхъ, подобно округу

Скопіе. Такъ, напримѣръ, указанное нами сочиненіе Гончевича представляетъ рисунки женскихъ народныхъ одеждъ, совершенно обычныхъ во всѣхъ болгарскихъ селахъ, подъ именемъ сербскихъ, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ Дибръ (стр. 185—6), Кичево, (стр. 189) тогда какъ въ томъ же самомъ сочиненіи, подобные же народные костюмы, явно, сербскаго населенія, представлены изъ Печа, Призрѣна (стр. 204, 218) и наконецъ даже съ невѣроятнымъ легкомысліемъ представлены двѣ болгарки изъ Букова и Мурихова (стр. 101 и 112) съ ихъ чудовищными подушками вмѣсто занавѣсокъ, подъ названіемъ «сербокъ».

Монастырь Архангела Михаила.

Проѣхавъ далѣе вглубь того же ущелья, на разстояніи приблизительно двухъ часовъ, мы прибыли въ монастырь архангела Михаила, (рис. 128) построенный въ 1641 г. (по надписи надъ входомъ) и расписанный (по надписи) внутри церкви въ 1701 году[1]). Церковь монастыря отлично сохранилась, хотя изуродована во многихъ мѣстахъ внутри яркой и пестрой размалевкою. Бывшая надъ самымъ входомъ надпись какъ будто нечаянно, но, очевидно, въ силу тѣхъ же мотивовъ болгаро-македонской политики, замазана розовою и голубою краской по набросанной штукатуркѣ. Главный интересъ церкви представляетъ ея роспись, достаточно сохранившаяся для того, чтобы быть пробнымъ камнемъ для оцѣнки и датировки позднихъ росписей другихъ церквей Балканскаго полуострова. Въ нарѳикѣ церкви на западной стѣнѣ изображено «древо Іессеево». На сводахъ вверху Спаситель и архангелъ Михаилъ и насупротивъ «Деисусъ». На восточной стѣнѣ нарѳика изображенъ Страшный Судъ, а по его боковымъ стѣнамъ сцены изъ Протоевангелія и Вселенскіе соборы. Въ центральной части церкви представлены Евангельскія сцены и «Соборъ архангела Михаила», въ куполѣ — Вседержитель съ пророками. Единственнымъ любопытнымъ отступленіемъ было изображеніе Лѣствицы на западной стѣнѣ, помѣстившееся въ средней части храма, очевидно, по забвенію обычныхъ темъ.

127. Церковь монастыря Архангела Михаила, близъ Скопіе.

1) П. Н. Милюковъ, ib. стр. 113.

Оба боковые нефа по аѳонскому типу раздѣланы полукруглыми нишами, и ихъ своды и стѣны росписаны также въ три пояса, сверху—евангельскими сценами, снизу—святыми, по преимуществу—святыми воинами и мучениками Георгіемъ и Димитріемъ, Меркуріемъ и Никитою, Прокопіемъ и двумя Ѳеодорами. Отецъ игуменъ монастыря не желалъ насъ отпустить изъ обители безъ трапезы и принудилъ принять вечерю, на которую сошлось множество званаго и, повидимому, также не званаго народа изъ села: въ концѣ концовъ, эта вечеря стала ареною политики, благодаря приподнятому одушевленію хозяевъ и многихъ гостей, множеству тостовъ и восклицаній, которыми управлялъ самъ отецъ игуменъ. По счастью, вся эта политиканская агитація была покрыта искреннимъ добродушіемъ простыхъ людей. Она происходила на террасѣ монастырскаго корпуса, построеннаго изъ громадныхъ балокъ по староаѳонскому образцу и съ тою же первобытной простотою, какую мы видали гдѣ либо въ Хиландарѣ или Зографѣ. Громадный деревянный столъ былъ покрытъ кувшинами съ виномъ и нарѣзанными краюхами хлѣба; на немногихъ тарелкахъ поданы были куски вареннаго мяса, огурцы и овощи. Вся эта характерная трапеза вполнѣ отвѣчала дѣтски простой и невѣроятно грубой размалевкѣ оштукатуренныхъ стѣнъ террасы; на ней были написаны въ громадныхъ размѣрахъ, почти въ натуральную величину, различныя животныя и звѣри, бродящія среди холмовъ и долинъ: олени, львы, верблюды, козы и пр. и пр.

128. Церковь монастыря Матки.

Монастырь Успенія, носящій названіе Матка, по имени ли села, или вѣрнѣе по народному имени Богоматери, представляетъ чрезвычайно щеголеватую, небольшую однокупольную церковь, съ высокимъ барабаномъ, значительно передѣланную какъ разъ во время нашей экспедиціи, и заслуживаетъ всякаго вниманія, благодаря сравнительно хорошо сохранившейся храмовой росписи. На полу церкви, передъ самыми царскими вратами (солеи въ храмѣ не сдѣлано или полъ былъ поднятъ когда либо) вдѣлана надпись, которая указываетъ, что церковь построена около 1370 года. Центральный четыреугольникъ церкви имѣетъ въ ширину не болѣе 3 сажень и подпруж-

ныя арки оперты на столбахъ и на кронштейнахъ. Весь иконостасъ новый, но роспись, исполненная на средства нѣкоей Милицы при митрополитѣ Аѳанасіи, осталась нетронутою въ позднѣйшее время и, относясь къ XIV столѣтія (за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ поновленныхъ надписей) заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ сравнительно недурная сербская живопись. Въ главной алтарной нишѣ изображена Богоматерь съ Младенцемъ на престолѣ (храмъ посвященъ во имя Богоматери). Выше въ аркѣ Вознесеніе Господне и затѣмъ на томъ же уровнѣ, по сводамъ евангельскія событія. Въ срединѣ восточной подпружной арки святой Убрусъ а по парусамъ евангелисты; внутри подпружныхъ арокъ пророки; среди нихъ Великаго Совѣта Ангелъ — ангелъ съ ликомъ Спасителя и съ надписью имени Іс. Хс. Подробности евангельскихъ событій, здѣсь представленныя, обращаютъ на себя также вниманіе: таково, напримѣръ, изображеніе Спасителя въ саду Геосиманскомъ и паденіе передъ Нимъ воиновъ, съ подробными вокругъ надписями «Азъ есмь»; «поклонышеся Ему» и пр. Въ слѣдующемъ поясѣ ниже изображены святые, патріархи и пророки, святые Ананія, Азарія и Михаилъ, Великій Архіерей и по сторонамъ Его Богоматерь и предтеча, святая Петка и пр. и пр. Подъ росписью имѣется надпись: «*Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и съвръшениемъ святаго Духа сьи святыи бъжьствии храмъ святыа Владичицы Богородице приснодѣвы Марие*».

Выше монастыря Матки, по направленію къ югу, на скалѣ, въ области той же рѣки Трески, есть превосходно сохранившаяся купольная церковь Николая Чудотворца, подвергшаяся въ послѣднее время радикальной передѣлкѣ и пристройкѣ, увеличившей церковь почти вдвое. По надписи, высоко помѣщенной надъ входомъ, на кругломъ камнѣ, церковь относится къ XIV вѣку и заслуживаетъ вполнѣ осмотра, котораго мы, къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ не успѣли сдѣлать.

Куманово. 22 августа мы переѣхали въ большое село Куманово по желѣзной дорогѣ. Имѣя видъ нашей большой слободы, Куманово, тѣмъ не менѣе, городъ и значительный административный пунктъ въ центрѣ крупнаго земледѣльческаго района. Однако, городъ этотъ состоитъ почти исключительно изъ чисто деревенскихъ построекъ. Его громадныя улицы, во время нашего пріѣзда, были покрыты, поверхъ вѣковой пыли, всякаго рода мусоромъ отъ большихъ базаровъ, здѣсь происходящихъ. Трудно вообразить себѣ что либо болѣе азіатски-грязное, чѣмъ пресловутая гостинница, или вѣрнѣе, харчевня съ номерами въ этомъ селѣ. Номера эти, окружавшіе среднюю залу, имѣли размѣры, которыми могъ бы удовлетвориться только развѣ китаецъ. Нестерпимая вонь отъ очага, обильно поливаемаго саломъ, и отъ коптящихъ керосиновыхъ лампъ, вмѣстѣ съ адскимъ шумомъ, подымаемымъ выпивочными

компаніями, собиравшимися здѣсь,—дѣлали вообще пребываніе здѣсь, а особенно ночлегъ — совершенно невыносимыми. Къ тому же, въ главномъ залѣ, имѣвшемъ видъ каютъ-кампаніи, одна стѣна была обращена въ театръ маріонетокъ и соотвѣтственно росписана. Правда, за отсутствіемъ труппы, пред-

129. Площадь села Куманова.

ставленій на этомъ театрѣ въ наше время не было, но хозяинъ гостиницы оказался любителемъ-музыкантомъ, игравшимъ на нѣсколькихъ инструментахъ; онъ время отъ времени развлекалъ по ночамъ пировавшихъ у него за блюдомъ солянки или яичницы селяковъ своею игрой.

Нагоричъ.

Цѣлью нашего пребыванія въ Кумановѣ было посѣщеніе монастырей Нагорича и Матейцы, перваго на востокъ, а второго на западъ отъ Куманова. Поѣздка наша въ Нагоричъ была произведена со всевозможными удобствами въ двухъ сельскихъ фаэтонахъ. На поляхъ селяки (рис. 130) метали стога и

130. Селяне изъ стараго Нагорича.

собрались толпами, когда мы подошли къ одной группѣ. Интересъ видѣть неизвѣстныхъ русскихъ оказался до такой степени силенъ, что они долго стояли передъ нами и провожали насъ глазами, когда мы уѣхали. Большинство ра-

ботавшихъ были женщины, костюмъ которыхъ оказался облегченъ отъ извѣстныхъ тяжелыхъ передниковъ и походилъ до чрезвычайности въ этомъ видѣ на малорусскій и бѣлорусскій. Бѣлая рубаха принимаетъ здѣсь видъ длиннаго большерукавнаго халата. На лѣвой сторонѣ его у женщинъ мы увидали извѣстный кошель, о которомъ уже было говорено, и могли легко догадаться, что жнецы и жницы были изъ сербовъ. Въ ихъ рукахъ были оригинальныя двузубыя вилы, съ особымъ короткимъ зубомъ, или, скорѣе, клыкомъ изъ крѣпкаго корня, вдѣланнаго въ раструбѣ. Этотъ клыкъ помогаетъ задерживать колосья и намъ показался остроумнымъ приспособленіемъ. Жнецы были изъ Стараго Нагорича.

Пока мы ѣхали въ Старый Нагоричъ, бывшіе съ нами болгарскіе учителя настояли на томъ, чтобы мы по пути и ранѣе посѣтили село Младо-Нагоричъ, поселокъ болгарскаго происхожденія. Мѣстность эта, составлявшая, какъ извѣстно, одну изъ резиденцій сербскихъ королей въ XIV вѣкѣ, и доселѣ, какъ мы убѣдились, заселена довольно многочисленнымъ сербскимъ крестьянствомъ; откуда взялись небольшою кучкой болгары и какъ удалось имъ отвоевать для себя поля и усадьбу, возлѣ старинной церкви, назвавъ ее «Младо-Нагоричемъ», намъ осталось неизвѣстнымъ и понять это изъ разспросовъ какъ сербовъ, такъ и болгаръ, — не удалось. Церковь Младо-Нагорича отличной древней кладки, только переложенной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣетъ форму базиличную, но съ небольшимъ куполомъ, опирающимся на четыре столба. Абсида имѣетъ форму срѣзаннаго конуса о трехъ сторонахъ. Нартексъ очень широкій, двойной, раздѣленный также столбами, примкнутъ съ западной стороны. Вся церковь имѣетъ длины 19 аршинъ. Надъ внутреннимъ входомъ, гдѣ обычной надписи, мы увидали сбитую какъ разъ штукатурку, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что бывшая здѣсь сербская надпись намѣренно уничтожена болгарами. Въ первомъ отдѣленіи притвора еще сохранилось на западной стѣнѣ *Успеніе Б. М.* и святые; внутренній притворъ безъ росписи. Роспись самой церкви сохранилась только частями. При этомъ въ абсидѣ изображена Б. М. среди ангеловъ, по сторонамъ поясъ Святителей; ниже — «Причащеніе» подъ двумя

131. Церковь въ селѣ Младо-Нагоричѣ.

видами, а еще ниже — святители. На сѣверной и южной стѣнахъ — изображены *Страсти Христовы* и *Житіе вм. Георгія*, что заставляетъ предполагать, что эта церковь была и въ древности освящена во имя Вм. Георгія. Роспись алтаря сохранилась полностью, но письмо въ алтарѣ, повидимому, принадлежитъ уже къ XV или XVI столѣтію (судя по иному, иконописному колориту и формамъ фигуръ) и снабжено греческими и славянскими надписями. Евангельская роспись представляетъ любопытныя черты, мало извѣстныя въ иконографіи; такъ, напримѣръ, «Несеніе креста» изображено какъ несеніе трехъ крестовъ съ толпою народа и воинами впереди. Далѣе *Распятіе* — изображено съ двумя приставленными къ кресту лѣстницами; по одной изъ нихъ влѣзаетъ служитель, повидимому, отрѣшающій гвозди отъ тѣла Христова. Налѣво и направо группы воиновъ и апостоловъ, со святыми женами. Внизу женская фигура, колѣнопреклоненная, собираетъ кровь Христову въ чашу. На лѣвой стѣнѣ были нѣкогда изображенія ктиторовъ, но нынѣ фрески здѣсь сбиты. Отъ клирошанъ церкви мы узнали, что въ окружности Нагорича нѣкогда было пять церквей, но три изъ нихъ нынѣ разрушены. Такое количество церквей заставляетъ думать, что онѣ были усыпальницами сербскихъ королей и ихъ семей и что разсмотрѣнная нами малая церковь Младо-Нагорича также была усыпальницею. Возможно, что около сѣверной стѣны и доселѣ находятся королевскія могилы. Таково было наше впечатлѣніе отъ церкви, и по своей продолговатой формѣ имѣющей характеръ усыпальницы и къ тому же расположенной вблизи главнаго монастыря. Между тѣмъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство, что когда въ битвѣ у Вельбужда 1330 г. погибъ пораженный Душаномъ болгарскій царь Михаилъ, то, уступая просьбамъ бояръ, краль Стефанъ Дечанскій приказалъ похоронить убитаго Михаила съ почетомъ въ монастырѣ Нагоричинѣ[1]). Не гласила ли именно объ этомъ пораженіи Болгаръ уничтоженная надпись надъ входомъ, позволительно догадываться, равно какъ понимать и самое житіе вм. Георгія въ росписи церковной, какъ благодареніе за дарованную побѣду. Сбитыя изображенія ктиторовъ конечно, представляли сербскаго краля съ сыномъ и пр.

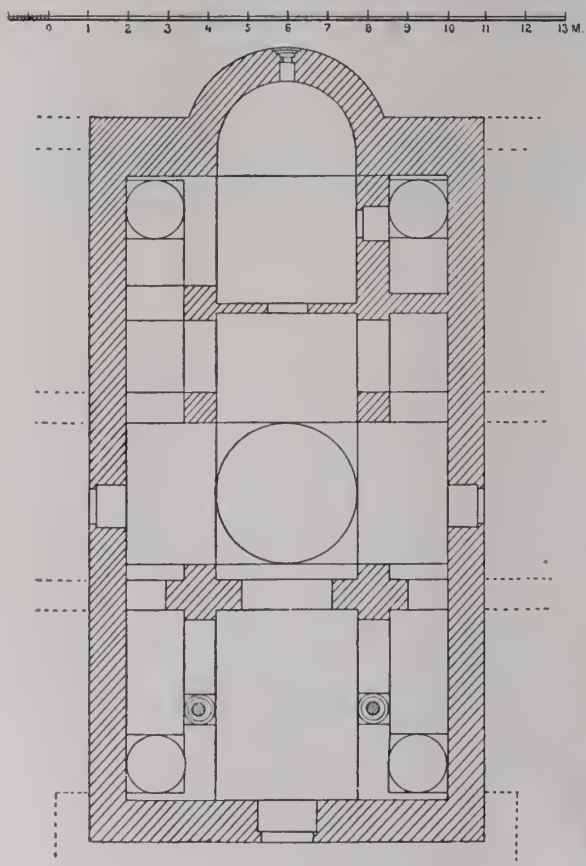
Главная и большая церковь села Стараго Нагорича (рис. 132) посвящена также во имя вм. Георгія. Она поразила насъ своимъ величавымъ видомъ, такъ какъ была первою изъ большихъ сербскихъ церквей, нами видѣнной. Впослѣдствіи, увидавъ церковь Грачаницы, мы должны были многое сбавить въ нашемъ первомъ впечатлѣніи, но оно было настолько живо и сильно,

---

1) Иречка *Исторія Болгаріи*, стр. 277; Т. Д. Флоринскаго, *Южные Славяне и Византія*, стр. 56.

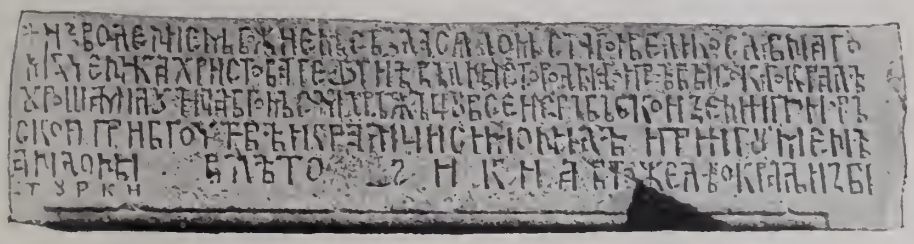
что мы не можемъ обойти молчаніемъ ея архитектуру. Въ планѣ (см. рис. 133) это схематическое и весьма шаблонное зданіе поздне-византійскаго типа. Наронкъ дѣлится двумя колоннами на двѣ неравныя половины: узкую переднюю наперть и болѣе широкую— внутреннюю. Затѣмъ слѣдуетъ центральная часть, крытая главнымъ куполомъ, съ широкими боковыми нефами. Слѣдующая — третья часть — передѣлена иконостасомъ на двѣ неравныя половины: первая образуетъ точную симметрію съ внутреннимъ наронкомъ, а вторая — составляетъ большой алтарь, съ двумя боковыми отдѣленіями: жертвенникомъ и діаконикомъ. По четыремъ угламъ церкви подымаются четыре малыхъ купола. Помимо прекрасной кладки изъ тесаннаго камня и кромѣ стройныхъ пропорцій, мы встрѣчаемъ здѣсь любопытное оживленіе всего верха церкви и купольныхъ барабановъ промежуточными слоями кирпича, а также орнаментальнымъ наборомъ того же кирпича въ оконныхъ аркадахъ, наличникахъ оконъ и аркадъ и вѣнечныхъ кирпичныхъ зубчиковъ, которыя всѣ, чрезвычайно разнообразятъ массивъ конструктивныхъ частей (не описывая подроб-

132. Храмъ въ селѣ Нагоричѣ.



133. Церковь Стараго Нагорича. Планъ П. П. Покрышкина.

но, представляемъ снимокъ южнаго фасада (рис. 133), дающій нѣкоторое понятія объ этой системѣ). Затѣмъ и внутри церковь превосходно раздѣлана всякими деталями, тройными окнами, гзымзами и карнизами, колоннами и капителями (даже съ подобіемъ іоническихъ волютъ по угламъ) и іоническими базами. Вообще, церковь внутри представляетъ крайне живописную перспективу необычайно стройныхъ, напряженныхъ и подвышенныхъ сводовъ, съ цѣлымъ рядомъ тонкихъ, уходящихъ въ высь столбовъ. И, дѣйствительно, церковь Нагорича представляетъ собою самый расцвѣтъ сербской архитектуры. Надъ западнымъ входомъ снаружи на ней находится прекрасно высѣченная на камнѣ (рис. 134) надпись: *изволениемъ божиемъ създасѧ домъ стаго и великославнаго мѫченика христова георгиѩ въ дни сторолнаго и прѣвысокаго краль ѹроша милутина богомъ самодрѫжцѹ всеи срьбьскои земи и поморьскои при бгочтивѣи кралици симонидѣ и при игѹменѣ андоны в лѣто ѕнкн а в тоже лѣто краль изби тѹрки».* Такимъ образомъ, монастырь былъ устроенъ Стефаномъ Урошемъ Третьимъ или Дечанскимъ, и въ монастырѣ останавливался сынъ его Стефанъ Душанъ, когда шелъ противъ



134. Надпись надъ западною дверью церкви Стараго Нагорича.

болгаръ и грековъ на битву 1330 года подъ Вельбуджемъ [1]). Но главная красота храма заключается въ его сплошной росписи, которая къ тому же отличается высокимъ достоинствомъ первоклассного мастерства. Надпись внутри церкви гласитъ слѣдующее: «† бжїемъ изволениемъ съз'дасе ѡ ѡснованіе и написасе чьстнии храмъ сыі поданиѥмь всакиѥ прѣвысокаго крал стефана ѹроша въ лѣто ѕѡкі при игѹменѣ веніамине». Въ пяти куполахъ храма содержатся характерныя изображенія различныхъ типовъ Христа Спасителя, Спаса Вседержителя, Спаса Эммануила, Ветхаго Деньми, и было бы весьма поучительно когда либо сдѣлать точные снимки этихъ изображеній, которыя намъ, съ нашими походными аппаратами, безъ лѣсовъ, исполнить было невозможно. Далѣе, по стѣнамъ храма расположена историческая часть христіанскаго ученія, въ видѣ евангельскихъ событій, какъ кажется, въ полной серіи. Характерно и то, что связью между Евангеліемъ и изображеніями Вседержителя, окружеппаго Небесными Си-

лами, служатъ посредничающіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ пророки. Особенной деталью, относящейся къ XIII и XIV вѣкамъ, является мѣсто, отводимое въ этой стѣнной росписи Богоматери, а именно: въ абсидѣ, въ алтарномъ сводѣ изображена Б. М. съ Младенцемъ, окруженная предстоящими ей двумя архангелами; на двухъ столбахъ, по обѣ стороны алтаря, обычное Благовѣщеніе. На западной стѣнѣ храма въ нарѳикѣ — Успеніе, занявшее мѣсто Страшнаго Суда, при чемъ Страшный Судъ помѣщенъ уже при переходѣ изъ внѣшняго нарѳика во внутренній. Наконецъ, образы Іисуса Христа и Б. М. помѣщены на большихъ столбахъ внутренняго нарѳика, противъ входа. Своды около алтаря, какъ и барабаны купола, заняты пророками. Затѣмъ, въ абсидѣ ниже Б. М. изображена Евхаристія и еще ниже 12 святителей. Далѣе, въ нарѳикѣ изображены житія различ-

135. Иконостасъ въ Нагоричѣ.

136. Церковь Нагорича. Образы Свв. Кирилла и Меѳодія.

137. Церковь Нагорича.

ныхъ святыхъ, главнымъ образомъ, Георгія и Димитрія; послѣднія въ 27 поляхъ. Всѣ поддужныя арки и тяги покрыты изображеніями святыхъ по поясъ, а въ алтарѣ полными фигурами. Здѣсь особенно любопытными те-

1) Флоринскаго ibid. стр. 53.

мами являются для насъ изображенія свв. Кирилла и Меѳодія (рис. 136 и 137) на одной изъ поддужныхъ арокъ паронка. Они изображены рядомъ: Кириллъ въ далматикѣ съ омофоромъ, а Меѳодій въ крещатомъ саккосѣ. Наконецъ, на столбѣ, передъ алтаремъ, мы замѣтили любопытное изображеніе св. праотца Іакова, держащаго лучезарный щитъ, съ изображеніемъ Спаса Эммануила по грудь; ниже погрудное изображеніе Спасителя, держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: «Пріидите вси труждающіеся» и проч., при чемъ изображеніе снабжено по сторонамъ надписью: Ο ΕΛΕΗΜΩΝ т. е. «Спасъ Милостивый».

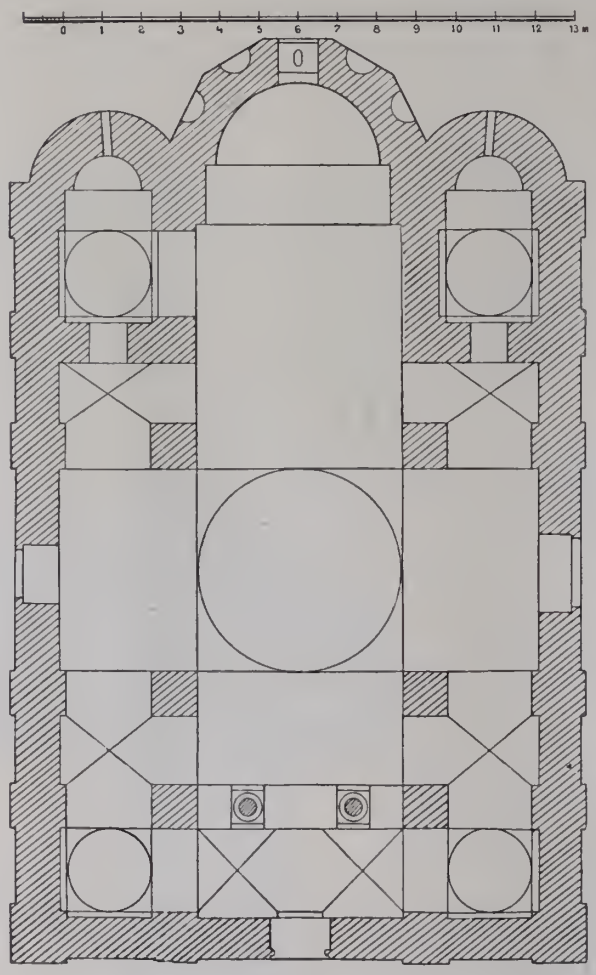
Въ церкви любопытенъ древній иконостасъ (рис. 135), состоящій изъ мраморнаго архитрава, опущеннаго на двѣ колонны, утвержденныя, въ свою очередь, на баллюстрадѣ изъ плитъ. Далѣе, внутри между колонной и стѣною выполнена мраморная аркада, а въ ней, въ древности, были вставлены по обѣ стороны поясные образа великомучениковъ Георгія и Димитрія. Образа нынѣ полуразрушены, и мѣсто заставлено кой какими иконами.

Церковь монастыря Матейцы близъ Куманова (рис. 138 и 139) представляетъ, къ сожалѣнію, уже полуразрушенное зданіе; съ него давнымъ давно снята или свалилась крыша; верхъ купольныхъ сводовъ обрушился внутрь, и руина вся начинаетъ сверху заростать мелкимъ кустарникомъ, напоминая собою довольно обычное зрѣлище полуразрушенныхъ церквей Кавказа. Между тѣмъ, какъ видно изъ плана, составленнаго арх. П. П. Покрышкинымъ, и его собственнаго отзыва, церковь эта являлась нѣкогда прекраснымъ образцомъ сербской архитектуры и, хотя, не представляетъ такой же блестящей кладки, какъ Старый Нагоричъ, но по своимъ архитектурнымъ формамъ составляетъ замѣчательный памятникъ первой половины XIV вѣка. Не разбирая болѣе подробно ея архитектуры, ограничимся указаніемъ на красивую наружную форму абсиды, выступающей впередъ полукруговъ діаконика и жертвенника пятигреннымъ корпусомъ, въ которомъ, кромѣ средняго окна, продѣланы еще четыре полукруглыя ниши.

138. Храмъ въ Матейцахъ.

Такъ такъ церковь лишена крыши, то внутренность ея превосходно освѣщена, и фотографическіе снимки, исполненные арх. П. П. Покрышкинымъ, позволяютъ различать многочисленные остатки сплошной росписи, все еще ее покрывающей. Еще уцѣлѣли въ купольномъ барабанѣ большія фигуры, во весь ростъ, пророковъ и апостоловъ; Евхаристія въ алтарной нишѣ,

поясъ Святителей, Евангельскія сцены на стѣнахъ нефовъ (рис. 140) и ряды святыхъ по столбамъ и на нижней части стѣнъ. И здѣсь, на западной стѣнѣ центральной части храма, передъ входомъ въ наружный нарѳикъ, изображено *Успеніе* Б. М. въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ событія. Поверхъ изображены группы ангеловъ и апостоловъ, уносящихся на погребеніе. Въ большихъ и очень сложныхъ композиціяхъ представлено Успеніе, въ моментъ смерти, затѣмъ со Спасителемъ, держащимъ душу Маріи на рукахъ и въ третьей, — разрушенной сценѣ, по всей вѣроятности тема, соотвѣтствующая Вознесенію Б. М. на небо. Здѣсь изображенъ случай съ Аѳоніемъ и приготовленіе къ погребенію Б. М., изображенъ приготовленный каменный саркофагъ и проч. Ниже евангельскихъ сценъ представлены дѣянія апостоловъ. На одномъ изъ западныхъ пилястровъ есть остатки родословнаго древа сербскихъ королей. Наконецъ, въ церковной росписи любопытны монументальныя погрудныя изображенія святителей и самого Спасителя въ одной изъ нишъ. Фресковыя изображенія сербскихъ кралей ктиторовъ (рис. 141) на лѣвой сторонѣ храма сохранились болѣе, нежели по колѣна, и заслуживали бы акварельнаго снимка, такъ какъ фотографическіе снимки, по причинѣ разрушенія нѣкоторыхъ частей, выходятъ все же неясными.



139. Церковь села Матейцы. Планъ П. П. Покрышкина.

Вернувшись изъ Куманова въ Скопіе, мы проѣхали затѣмъ по желѣзной дорогѣ, идущей на Митровицу, до Приштины. Донынѣ, какъ сквозь сонъ, вспоминаются мнѣ чудныя картины, на этомъ пути нами видѣнныя. Уже черезъ какіе нибудь полчаса отъ Скопіе желѣзная дорога идетъ рядомъ съ быстрымъ и чистымъ Лѣпеначемъ, а часа черезъ два дорога лѣпится по карнизамъ и утесамъ узкаго горнаго ущелья, проложеннаго этимъ горнымъ ручьемъ. Прославить красоты этого горнаго прохода, его грандіозныхъ ущелій и стремнинъ и прыгающей среди нихъ веселой рѣки — составитъ задачу будущаго, быть можетъ, недалекаго времени, когда сюда устремятся туристы Европы. Нынѣ все это мѣсто — горная пустыня, которая оживляется только видомъ пасущихся стадъ, и среди вагонной публики намъ не пришлось увидать ни одного европейца. Турки, сербы и албанцы и то въ небольшомъ числѣ, набравшіеся въ поѣздъ, съ философскимъ равнодушіемъ относятся къ красотамъ природы, быть можетъ, потому, что по опыту хорошо знаютъ, какъ тяжело достается жизнь въ этихъ благословенныхъ мѣстахъ. При выходѣ изъ ущелья раскрываются дивныя плоскогорья, съ чистымъ горнымъ воздухомъ, сочной травою даже въ эту позднюю пору: отдѣльныя долины, среди свѣтло-лиловыхъ горныхъ кряжей, заканчиваются обширной равниной — это знаменитое Коссово поле, какъ бы самой природой назначенное для роковой битвы, мѣняющей судьбу государствъ и націй, до рокового часа прикрытыхъ этими горами.

Приштина.

140. Роспись въ церкви с. Матейцы.

141. Фресковыя изображенія кралей въ Матейцахъ.

Мы прибыли въ Приштину уже къ вечеру, часамъ къ пяти, выѣхавши изъ Скопіе рано утромъ — такъ медленно ходятъ турецкіе поѣзда. Уже совсѣмъ стало темнѣть, когда мы съ убогой станціи поѣхали въ городъ, чтобы помѣститься подъ гостепріимнымъ кровомъ сербскаго вице-консула. Отъ своихъ хозяевъ, отъ кавасовъ и кучеровъ наслушались мы тутъ много о той тревожной жизни, какою живетъ Приштина. Тѣ сравнительно немногіе сербскіе дома, которые мы видѣли, принадлежали, однако же, наиболѣе состоятельнымъ лицамъ города, и очевидно, самое расположеніе его въ центрѣ замѣчательно плодороднаго и одареннаго во всѣхъ отношеніяхъ природой района, могло бы обезпечить ему выдающуюся промышленную роль, если бы страна сколько-нибудь пользовалась гражданскимъ спокойствіемъ. Но именно этого послѣдняго, важнѣйшаго условія, даже для современнаго существованія на землѣ, Балканскій полуостровъ не знаетъ вотъ уже полторы тысячи лѣтъ, и кто хотѣлъ бы ясно себѣ представить результаты подобнаго положенія, — тотъ долженъ былъ бы посѣтить именно старую Сербію, если бы только это было легко и доступно. Лично я и до сихъ поръ не знаю: насколько страхи, намъ представленные въ Приштинѣ, имѣли реальное основаніе: искренность и актерство сливаются и сопровождаютъ другъ друга даже въ области страха. Помню только хорошо, что насъ возили все по окраинамъ города, и мы совсѣмъ не видали его центра; что дома у себя мы жили какъ бы взаперти и даже разговаривали, оглядываясь по сторонамъ. Городъ расположенъ на склонѣ большой котловины и довольно обширенъ, а тѣ части, которыя мы видѣли, показались намъ весьма заглоточными. Было весьма обидно, что мы не могли осмотрѣть даже базара. Спѣша поневолѣ, мы на другой же день послѣ прибытія выѣхали для осмотра знаменитой Грачаницы. Мы доѣхали туда на фаэтонѣ; его кучеръ албанецъ надѣлъ отъ солнца большой полотняный башлыкъ, оканчивающійся большимъ оплечьемъ и до того поразительно напоминавшій персидскіе башлыки, между прочимъ, на самомъ царѣ Даріи и лицахъ его свиты, въ извѣстной мозаикѣ битвы Александра Македонскаго, найденной въ Помпеяхъ, что по дорогѣ въ Грачаницу нельзя было не думать объ историческихъ связяхъ Албаніи съ древнимъ Востокомъ (см. рис. 143).

142. Извощикъ въ городѣ Приштинѣ.

Грачаница.

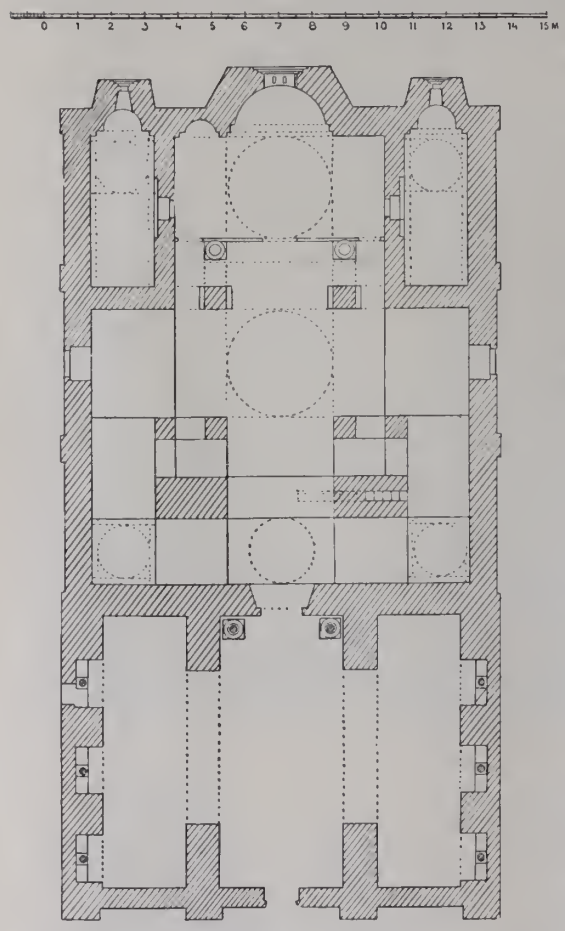
Грачаница, нынѣ большое село, а нѣкогда цѣлое мѣстечко или городокъ, подобно Нагоричу, была резиденціею сербскихъ королей въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Сербіи. Въ самой Сербіи немного найдется церквей, пре-

восходящихъ Грачаницу по архитектурной щеголеватости и пышной отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, ея основное зданіе обезображено пристройкой большого нарѳика, съ западной стороны, въ XVI вѣкѣ. Если представить себѣ церковь безъ этой пристройки (хотя, вѣроятно, на ея мѣстѣ въ древности что либо было, служившее папертью), то храмъ приближается по характеру къ нашей суздальской архитектурѣ, только несравненно стройнѣе ея и своеобразнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Суздальская архитектура, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, не смотря на тесанный камень, изъ котораго она была выполняема, носитъ еще тяжелый византійскій характеръ по своей широкой конструкціи. Между тѣмъ, храмъ Грачаницы (рис. 143—145) прямо щеголяетъ и снаружи и внутри необыкновенной стройностью и высотою своихъ сводовъ и дивной кладкой изъ тесанныхъ камней съ прослойкою кирпича между рядами, а также пестрой орнаментаціей кирпичныхъ рядовъ въ наличникахъ оконъ и оконныхъ аркадъ въ барабанахъ и всѣмъ вообще уборомъ, отличающимъ сербскую архитектуру отъ широкой и массивной, но нѣсколько грубой и болѣе византійской манеры, свойственной болгарскимъ храмамъ. Храмъ Грачаницы внутри представляетъ совершенное правильное крестообразное дѣле-

143. Храмъ въ Грачаницѣ.

144. Храмъ Грачаницы.

ніе. При этомъ, его четыре пилона расчленены каждый на три части, чѣмъ, въ значительной степени, оживляется перспектива церкви. Далѣе, черезъ это выигрывается рядъ новыхъ стѣнныхъ поверхностей для росписи. Поперечный нефъ, благодаря формѣ креста, приходится въ центральной части и образуетъ два широкихъ помѣщенія для большихъ (монастырскихъ) службъ, согласно греческому обычаю обыкновенно справляемыхъ въ двухъ боковыхъ помѣщеніяхъ церковнаго центра (срав. устройство аоонскихъ церквей). Особенно характернымъ обстоятельствомъ является полное отдѣленіе двухъ боковыхъ абсидъ и корридоровъ боковыхъ нефовъ, къ нимъ ведущихъ. По всей вѣроятности, и въ древности это были два придѣла, какъ въ старомъ Нагоричѣ, служившіе усыпальницами королевской фамиліи. Концы этихъ помѣщеній покрыты малыми куполами: два большихъ купола приходятся надъ алтарной частью въ центрѣ, а затѣмъ нарѳикъ храма покрытъ тремя куполами, но средній изъ нихъ полуприкрытъ центральною аркой фасада. Такимъ образомъ, при общей эффектности зданія, его конструктивная сторона отличается пестротою и нѣкоторой нецѣлесообразностью въ раздѣленіи помѣщеній: а именно: весь храмъ внутри оказывается до такой степени загроможденнымъ пилонами и столбами, что въ немъ образуется множество полутемныхъ угловъ, и повсюду перспектива постоянно прерывается загораживающими ее стѣнами и столбами. Если же принять во вниманіе, что стѣны всего храма сплошь расписаны, и что роспись эта мало разнообразится въ тонахъ, и кромѣ того, въ настоящее время покрыта вѣковою пылью и копотью, ложившейся на нее, конечно со времени ея исполненія, а, слѣдовательно, все внутри приняло однообразный сѣрый колоритъ, то станетъ по-



145. Церковь монастыря Грачаницы, по плану архит. П. П. Покрышкина.

нятно, когда мы скажемъ, что мы испытали крайне смутное впечатлѣніе отъ внутренности храма, и особенно отъ его росписи. Такъ трудно, конечно, сосредоточиться на одной композиціи, когда лѣзутъ въ глаза рядомъ три-четыре неясно различаемыя, другія сцены. Если затѣмъ сообразить, что низъ церкви погруженъ въ темноту, особенно въ боковыхъ корридорахъ, а выше эта тьма перерѣзывается яркимъ свѣтомъ, льющимъ сначала изъ двойного окна, выше изъ тройного, еще выше изъ оконъ купола, то станетъ понятно, что нужны совершенно особенныя ухищренія, завѣшиваніе верхнихъ оконъ и пр. и пр., чтобы получить сколько нибудь удовлетворительные фотографическіе снимки. Понятно затѣмъ, что намъ, неимѣвшимъ возможности даже посѣтить Грачаницу болѣе двухъ разъ, удалось сдѣлать только такіе снимки, которые даютъ лишь общее понятіе о ея росписи. Самый низъ церкви внутри занятъ цоколью, на которой укрѣплены почти повсюду стасидіи, позволяющія, однако, разсмотрѣть, что цоколь или былъ раздѣланъ подъ мраморъ, или представлялъ подобіе пестрыхъ мраморовъ, порфировой облицовки и

146. Изображеніе царя Стефана Уроша въ церкви села Грачаницы.

проч. по византійскому пошибу. Стасидіи захватили также нижнюю часть фресковой росписи, представляющей большія фигуры святыхъ, стоящихъ во весь ростъ десятками на каждой стѣнѣ; равно и столбы снизу въ нѣсколько поясовъ, покрытые фигурами святыхъ и особенно мучениковъ также въ ростъ. Слѣдующій поясъ, приходящійся на уровнѣ иконостаса, окаймленъ широкимъ карнизомъ, а выше его идетъ поясъ святыхъ, изображенныхъ по грудь. Выше стѣны дѣлятся широкими полосами, въ которыхъ изображены, въ сложной композиціи, евангельскія сцены. На западной стѣнѣ церкви (т. е. собственно стѣнѣ паронка), во всю ширину представленъ посреднѣ Страшный Судъ, по краямъ, справа (отъ входа) — рай и слѣва — адъ. Затѣмъ, войдя въ паронкъ, на обоихъ столбахъ, по лѣвую и по правую сторону находимъ изображенія ктиторовъ церкви; на право (рис. 146): «Стефанъ, Урошъ, Христу Богу вѣрынъ, милостію Божіею Самодрьжьць всѣхъ срьпьскихъ земль и поморьскихъ и хтиторъ». На лѣвой сторонѣ, (рис. 147), въ соотвѣтствіе: «Симонида, Кралица Палеологина, дьщи царя Андроника Палеолога». Обѣ фигуры имѣютъ положительный историческій интересъ, между прочимъ, по отношенію къ своимъ облаченіямъ, которыя, очевидно, изображены съ достаточной точностью. При этомъ должно сказать, что Стефанъ Урошъ Милутинъ женился на Симонидѣ, дочери Андроника старшаго, около 1320 года, а не, какъ считаютъ другіе, около 1300, такъ какъ ей въ 1300 году могло быть только или 5 или 7 лѣтъ, а ему самому — 45. Вѣрнѣе принять расчетъ [1]), что бракъ съ Симонидою, сестрою Андроника III, могъ быть совершенъ

147. Изображеніе кралицы Симониды.

1) По расчету, сообщаемому въ *Trésor de chronologie* гр. Мас-Латри, 1889, p. 1760—61,

около 1320 года. Краль Милутинъ изображенъ въ коронѣ, имѣющей видъ тіары или, скорѣе куполообразной формы (подобная же корона сверху приносится ангеломъ). Корона эта матерчатая, изъ золотной ткани; она перекрещена металлическими обручами и понизу также снабжена обручами, по этимъ обручамъ низана каменьями и жемчугомъ крупными рядами; жемчугомъ низаны и матерчатые верхи. Съ короны спускаются по обѣ стороны лица по двѣ нити жемчужныхъ. Лицо краля, съ узкимъ худымъ и длиннымъ оваломъ, тонкимъ носомъ и близко сдвинутыми глазами, окаймлено длинной раздвоенной бородой и длинными же локонами, ниспадающими на плеча. Затѣмъ, краль облаченъ въ узкій парчевой кафтанъ, съ пышнымъ оплечьемъ, съ лорономъ, проходящимъ по переду кафтана, а также сзади на мѣстѣ пояса, со свободнымъ концомъ лорона, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. На локтяхъ и выше кафтанъ покрытъ особыми нашивками съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; равно на мѣстѣ колѣнъ (если сѣсть) кафтанъ украшенъ также широкими крестообразными нашивками, какъ и по низу. Костюмъ этотъ, благодаря лорону, является, несомнѣнно, королевскимъ облаченіемъ.

Ему соотвѣтствуетъ облаченіе Симониды. Высокая, расширяющаяся кверху, башнеобразная корона вся унизана камнями и жемчугомъ, а вверху, по краю, жемчугъ образуетъ зигзагообразныя (городки) украшенія. Лицо кралицы — юное, обрамленное снизу дугами двухъ косъ, оплетенныхъ жемчугомъ. На кралицѣ надѣтъ, поверхъ парчевой далматики съ рукавами, спускающимися ниже колѣнъ, мантія почти наглухо покрывающая всю фигуру и снабженная широкимъ оплечьемъ, которое дѣлится нагрудною застежкою на двое и набрано сплошь драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на мѣстѣ локтей — орнаментальные щитки, въ видѣ нашивокъ камнями и жемчугомъ. Вся парчевая, не дающая складокъ, одежда окаймлена также жемчугомъ.

Нѣкоторое любопытное заключеніе можно сдѣлать изъ сопоставленія настоящей фрески съ тождественнымъ изображеніемъ Милутина и Симониды въ Кральевой церкви Студеницкой лавры, построенной въ 1314 году[1]). Оба изображенія могутъ быть названы тождественными, съ тою лишь разницею, что одно изъ нихъ помѣщено на столбахъ наронка, а другое (въ Кралевой церкви) на правой сторонѣ южнаго нефа; да еще нѣкоторая разница, впрочемъ, вполнѣ понятная, заключается въ формѣ церквей, переданныхъ моде-

---

Милутинъ женился на первой женѣ ранѣе 1306 года, когда эта жена его упоминается въ папскомъ документѣ, а Симонида была уже четвертою.

1) П. П. Покрышкина. «Православная церковная архитектура» XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ «Сербскомъ Королевствѣ» СПБ. 1906. Табл. 57 и 58, стр. 52—3.

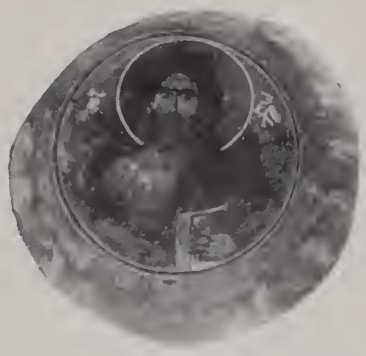
лями, очевидно, съ натуры, такъ какъ простое сличеніе этихъ моделей съ самими постройками убѣждаетъ въ этомъ обстоятельствѣ. И, дѣйствительно, если отбросить пристроенный большой нарѳикъ или наперть церкви, вся остальная часть вѣрно изображается нашимъ рисункомъ.

Войдя, затѣмъ, изъ нарѳика въ центральную часть Грачаницкой церкви, находимъ на ея западной стѣнѣ большое и сложное изображеніе Успенія Б. М., въ трехъ главныхъ частяхъ и въ нѣсколькихъ моментахъ каждой части представленное. Въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться счастливымъ совпаденіемъ въ росписи Грачаницы (рис. 148) и той же

148. Западная стѣна церкви села Грачаницы.

Кральевой церкви: судя по фрагменту, изданному на таблицѣ 56 упомянутаго изданія П. П. Покрышкина, изображеніе и тутъ, и тамъ носило почти одинъ и тотъ же характеръ, а именно: въ центральной части изображена Б. М., успувшая на открытомъ ложѣ; за нимъ видна въ звѣздномъ ореолѣ фигура явившагося Спасителя, съ душою Маріи на лѣвой рукѣ. Вокругъ и позади ложа видна съ лѣвой стороны группа ангеловъ; въ Грачаницѣ число ангельскихъ фигуръ почти вдвое больше, чѣмъ въ Студеницкой церкви, но фигуры, по композиціи, совершенно тѣ же, и становится очевиднымъ, что иконописецъ укорачивалъ имѣвшійся у него картонъ съ прорисью. Достоинство греческихъ типовъ, переданныхъ въ фигурахъ ангеловъ, повидимому, одинаковое въ обѣихъ церквахъ. Выше Успенія помѣщены евангельскіе сюжеты: Бракъ въ Канѣ Галилейской, Изгнаніе торгующихъ

изъ храма и проч. Въ большихъ куполахъ Грачаницы изображены Спаситель съ Евангеліемъ, Спасъ Вседержитель; по сторонамъ Его четыре евангелиста, распредѣленные по четыремъ сторонамъ свѣта. Авторъ изслѣдованія о сербской архитектурѣ совершенно справедливо указалъ на то, что типъ Спасителя (рис. 149) во всѣхъ этихъ фрескахъ первой половины XIV вѣка на Балканскомъ полуостровѣ отличается замѣчательной близостью къ Сицилійскому типу, представленному, главнымъ образомъ, алтарною мозаикою собора въ Монреале близь Палермо. Еще одно доказательство того простого факта, что этотъ сицилійскій типъ византійскаго происхожденія [1]) и, въ качествѣ такого, долженъ былъ быть распространенъ вездѣ, гдѣ только была принята византійская иконографія. Съ этой же точки зрѣнія имѣетъ въ данномъ случаѣ для насъ особый спеціальный интересъ монументальное изображеніе въ алтарной нишѣ. Въ самомъ ея сводѣ или раковинѣ представлена Б. М. въ типѣ Оранты, съ подъятыми обѣими руками, а по обѣ ея стороны, слегка преклоняющіеся предъ нею архангелы Гавріилъ и Михаилъ, въ лѣвой рукѣ держащіе сферы съ начертаннымъ крестомъ, а правою рукою указывающіе на Б. М., какъ на ту Заступницу, къ которой должны обращаться молящіеся въ храмѣ. Надъ Б. М. въ полукругѣ лучистаго ореола съ херувимами видна по грудь фигура Спаса Эммануила, благословляющаго обѣими руками. Надъ Б. М. надпись: «Мати Божія». Образъ Б. М. носитъ характерныя черты лучшей манеры поздне-византійскаго стиля: она облачена въ широкій и тонкій пурпурный мафорій, окутывающій ея голову, ниспадающій на грудь, переходящій однимъ концомъ черезъ лѣвое плечо (см. рельефы ц. св. Марка въ Венеціи XII и XIII столѣтій); по низу мафорій украшенъ пестрой бахромой; хитонъ синяго индиговаго цвѣта. Ликъ отличается продолговатымъ оваломъ и мелкими утонченными чертами, свойственными византійскому типу: большіе глубоко посаженные глаза, подъ



149. Фреска въ куполѣ Грачаницы.

---

1) Типъ Монреале тождественъ съ мозаическимъ Спасомъ по грудь въ ц. Луки Фокидскаго, надъ входомъ въ главный нефъ, см. Schulz and Barnsley, *The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis*, 1901, p. 47, fig. 38, также Diehl Ch. *L'église et les mos. du cour. de S. Luc* 1889 p. 44 — 5. Этотъ памятникъ нач. XI в., въ свою очередь, тожественъ съ мозаичнымъ Спасомъ надъ входомъ въ б. ц. м-ра Хоры и Спасителемъ въ нарѳикѣ той же церкви: см. *Кахріе-Джами*. Альбомъ 92 табл., изд. Рус. Арх.-Инст. въ К-полѣ, табл. 56 и 60. Обѣ мозаики должны относиться къ XI—XII вѣку.

плоскими дугами бровей; длинный крайне тонкій носъ, крайне малыя губы и полный подбородокъ. Столь же характерные византійскіе типы представляютъ погрудныя фигуры святыхъ, расположенныя во второмъ поясѣ снизу, поверхъ такихъ же фигуръ во весь ростъ. А затѣмъ и всѣ сцены апостольскихъ дѣяній и особенно мученій и мученическихъ кончинъ носятъ такой же характеръ византійскихъ миніатюръ, перенесенныхъ на стѣны.

V.

Битоль.—Охрида.—Ая-Софія.—Церкви Охриды и ихъ древности.—Церковь св. Климента и ея древнія вкладныя иконы.—Предметы древности въ ея ризницѣ.— Историко-этнографическое и археологическое заключеніе.

Возвратившись затѣмъ изъ Приштины назадъ въ Солунь, мы черезъ нѣсколько дней по желѣзной дорогѣ переѣхали на кратковременное пребываніе въ Битоль или Монастырь, очень сожалѣя, что по обстоятельствамъ намъ не пришлось остановиться по дорогѣ хотя бы на одинъ день, въ Воденѣ. Мѣстность Водены, издавна извѣстная своимъ плодородіемъ, красотою мѣстоположеній, горныхъ ущелій, большихъ плоскогорій, привлекала насъ также нѣкоторыми, указанными здѣсь остатками и руинами былой высокой культуры. Но, съ одной стороны, невозможность найти тамъ гдѣ-нибудь, хотя бы въ окрестностяхъ, безопасный пріютъ, съ другой — необходимость управиться съ путешествіемъ до начала дождей, заставили отказаться отъ осмотра окрестныхъ Воденскихъ руинъ, который потребовалъ бы весьма значительнаго времени. За Воденами стали открываться одно за другимъ небольшія горныя озера, окруженныя лѣсистыми холмами, тихія и свѣтлыя, какъ зеркало (озеро Острово — рис. 150), но окрестный пейзажъ былъ мертвъ и унылъ,

150. Озеро Острово.

и на берегахъ этихъ озеръ виднѣлись только мѣстами рыбачьи хижины. Такъ шло до Битоля, куда мы пріѣхали вечеромъ, и гдѣ встрѣтили значительное оживленіе. Городъ по внѣшности напоминалъ собою Солунь, но, правда, только въ немногихъ полу-европейскихъ кварталахъ, гдѣ жило или купечество, или дипломатическіе представители. Городъ служитъ центромъ для весьма обширнаго раіона, имѣетъ очень большой базаръ, украшается могучей рѣкою, (которая въ эту пору была сильно на убыли), имѣетъ даже городской садъ и можетъ похвалиться нѣкоторою культурностью и безопасностью. Расположеніе города отвѣчаетъ его современной роли и крупному значенію въ древности; Битоль или Монастырь былъ столицею болгарскаго царя Гавріила-Радомира въ 1014—5 гг. и нынѣ имѣетъ до двадцати тысячъ жителей; городъ широко раскинулся въ устьѣ громадной долины (рис. 151). Всѣ наши поиски въ церквахъ не дали, однако, замѣтныхъ археологическихъ результатовъ; точно такъ же, какъ и поѣздки по окрестностямъ, напримѣръ, въ сосѣдній монастырь Буковъ, оказавшійся болѣе дачнымъ поселкомъ, нежели остаткомъ старины. И въ Битолѣ приходилось являться къ мѣстному вали и выдержать всѣ непріятности торжественной турецкой аудіенціи. Но и здѣсь всѣ разговоры сводились къ одной, даже исключительной, заботѣ о личной безопасности. Именно здѣсь, начиная съ Битоля, и затѣмъ во всю нашу дальнѣйшую поѣздку въ Охриду, насъ побуждали, точнѣе, намъ совѣтовали отказаться отъ того полнаго спокойствія духа, какое даетъ человѣку современный гражданскій порядокъ. Нигдѣ собственно не оказывалось видимыхъ причинъ къ безпокойству; мало того, мы не могли даже понять причину неопредѣленнаго страха, который видѣли во всѣхъ окружающихъ: какъ будто нѣчто было разлито въ самомъ воздухѣ, что отравляло жителямъ покойное существованіе. Ежедневно можно было слышать какіе то неясные и, вѣроятно, совершенно вздорные, слухи объ убійствахъ, о подобранныхъ трупахъ, о нападеніяхъ въ окрестностяхъ, о шайкахъ, и въ то же время не приходилось видѣть самимъ ничего реальнаго. Правда, впослѣдствіи, (какъ увидимъ ниже), намъ таки при-

151. Долина г. Битоля.

шлось увидѣть нѣчто въ явь и хотя отчасти понять причину господствовавшаго ужаса. Въ это время въ Битолѣ русскимъ консуломъ былъ уже и тогда извѣстный храбрецъ, знатокъ края, изъѣздившій его вдоль и поперекъ А. А. Ростковскій. Въ бытность нашу въ Битолѣ онъ жилъ на дачѣ въ Буково, на высокой горѣ, не болѣе, какъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ одномъ изъ такихъ монастырей, котораго обширныя кельи сдаются иностранцамъ подъ дачу. Таковъ монастырь, вѣрнѣе, подворье св. Христофора, близь Битоля, таково же и Буково, церковь котораго оказалась совершенно нелюбопытна. Покойный Александръ Аркадьевичъ былъ настоящій храбрецъ и, пренебрегая всякими дѣйствительными и мнимыми страхами, ѣздилъ всюду одинъ, или, самое большее, съ кавасомъ, бравируя все окружающее. Извѣстно, какъ трагически и быстро все это закончилось. На одной изъ окраинъ Битоля имѣются громадныя казармы, въ которыхъ турки держатъ, говорятъ, большіе гарнизоны (не рѣшаемся передавать указанной намъ цифры, и притомъ она, навѣрное, каждый годъ рѣзко мѣняется, а теперь и подавно). И вотъ, проѣзжая въ этихъ мѣстахъ, Ростковскій замѣтилъ одного солдата, который, не сдѣлавъ ему установленной чести, вѣроятно, вызывающимъ образомъ на него глядѣлъ. Консулъ подошелъ къ нему вплотную, опросилъ и былъ убитъ имъ наповалъ.

Но мы разсказываемъ это совсѣмъ не для того, чтобы выставить причиною постоянной тревоги здѣшнихъ жителей турецкій, или точнѣе, мусульманскій фанатизмъ, хотя фанатизмъ Ислама играетъ громадную роль, какъ исконная, глубоко лежащая и затаенная, на православномъ востокѣ, сила. Несравненно болѣе дѣятельною причиной постоянной смуты и отсутствія гражданскаго порядка, а отсюда и угнетающаго страну страха — являются албанцы, покровительствуемые въ Македоніи не только высшими турецкими властями въ Стамбулѣ и мѣстной администраціей, но и самою европейской дипломатіей, не исключая, конечно, русской, которая изъ всѣхъ слѣпыхъ является слѣпою по преимуществу, такъ какъ не желаетъ видѣть того, что́ бьетъ въ глаза. Въ этомъ положеніи вещей, быть можетъ, наименѣе виновны сами албанцы, такъ какъ, представляя собою, по преимуществу, дикое племя горцевъ-пастуховъ, насѣвшее на земледѣльцевъ славянъ, оно вынуждается къ хищничеству тою тѣснотой, къ которой приводитъ земледѣліе повсюду скотоводческія племена. Какъ извѣстно, въ настоящее время на балканскомъ полуостровѣ не только происходитъ сплоченіе самихъ албанцевъ въ политическіе союзы, но на ихъ сторону переходитъ населеніе, которое нынѣ называется албанизованнымъ и пристраивается къ албанцамъ такъ же точно, какъ нѣкогда къ средневѣковымъ феодаламъ, въ эпоху ихъ борьбы съ врагами. Мало того, существуютъ партіи, формируемыя искусственно, подъ давленіемъ дипломатіи

странъ, заинтересованныхъ какою либо помощью въ лицѣ населенія Балканскаго полуострова для завоевательныхъ, хотя бы и отдаленныхъ цѣлей. Правду сказать, вся эта чрезвычайно сложная политика слишкомъ полна того гнуснаго хищничества, какимъ всегда отличаются второстепенные пособники политическихъ задачъ. Въ частности, въ славянскихъ странахъ, какъ извѣстно, предательскіе инстинкты не только кишатъ въ изобиліи повсюду, но и нерѣдко бываютъ исключительнымъ явленіемъ политики. Такимъ образомъ, когда говорятъ объ албанцахъ, должно постоянно разумѣть, что классъ, наиболѣе жестокій между ними, составляется изъ перешедшихъ въ мусульманство славянъ. Говорить обо всемъ этомъ приходится именно потому, что, начиная съ Битоля, имя албанцевъ почти не сходило у насъ съ устъ и, конечно, не даромъ. По счастью, мы не пишемъ общихъ политическихъ разсужденій, а только бѣглыя замѣтки путешественника, и потому можемъ, оставаясь на почвѣ реальной правды, передавать о положеніи вещей въ Македоніи то, что не только сами видѣли, но и ощутили. Но именно на обязанности путешественника лежитъ сказать посильную правду о странѣ, а славянскія мѣстности Битоля, Охриды и Дибра могутъ назваться наиболѣе несчастными, и такое ихъ состояніе проистекаетъ отъ того, что турецкое управленіе производится здѣсь хищнически, насильственно и въ качествѣ орудія употребляетъ албанцевъ. Между тѣмъ дипломатія издавна привыкла признавать такъ наз. «албанскія насилія» только въ Старой Сербіи, такъ какъ во 1-хъ эти насилія тамъ, дѣйствительно, существовали, а во 2-хъ были отчасти на руку той дипломатіи, которая приготовляла въ Митровицѣ и Новомъ Базарѣ мотивы для оккупаціи. Но въ то же время эта дипломатія, съ любопытнымъ единодушіемъ, отрицала или игнорировала албанскій гнётъ въ западной Македоніи. Дѣло въ томъ также, что въ Старой Сербіи албанскія насилія надъ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ приняли давно уже характеръ волненій, даже бунта противъ турецкаго управленія, хотя здѣсь албанцы почти исключительно магометане. Напротивъ того, въ Охридѣ и Дибрѣ албанцы являются для турокъ отчасти пособниками, поддерживающими «красный терроръ» въ странѣ, на пользу Ислама. Не прошло и вѣка съ того времени, когда албанцы изъ долинъ восточной и южной Албаніи удалялись въ горы отъ турецкихъ податей и администраціи. Нынѣ уже заводится рѣчь объ естественномъ возвращеніи албанцевъ на мѣста ихъ первоначальнаго поселенія, даже объ исполненіи будто бы историческаго закона вытѣсненіемъ пришлыхъ славянъ первобытными иллирійцами.

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Битолѣ, поднявшись въ 4 часа утра, мы выѣхали въ двухъ фаэтонахъ въ Охриду, главную цѣль нашего путешествія по этой части Македоніи. Уже черезъ 2 — 3 версты по выѣздѣ изъ

Битоля, намъ пришлось, въ теченіе долгаго времени, ѣхать по чудной мѣстности. Превосходное военное шоссе, продолженное турками въ новѣйшее время, но,—какъ обыкновенно бываетъ со всѣми турецкими шоссе и въ европейской, и въ азіатской Турціи,—не доконченное и брошенное почти на половинѣ пути, хотя, по всей вѣроятности, проведенное европейскими техниками,—связываетъ Битоль съ Рѣсенемъ. На всемъ нашемъ пути мы встрѣтили только разъ за весь день вьючный караванъ съ керосиномъ: ни одного фаэтона, ни одной повозки, ни одного всадника. Въ горахъ было видно много селъ, расположенныхъ въ чудныхъ, благодатныхъ ущельяхъ, но нигдѣ не видно было никакой жизни. Городокъ Ресень (рис. 152) расположенъ на краю озера, имѣетъ довольно пыльный, хотя состоятельный наружный видъ, и на его базарѣ нашлись даже древнія серебряныя монеты, между прочимъ, Лизимаха. Съ краю этого города пріютилось болгарское село, какъ разъ у самаго выхода въ долину, занятую озеромъ, по всей вѣроятности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него стекаются съ холмовъ общимъ потокомъ вешнія воды. Такъ называемая «гостинница» въ Реснѣ врядъ ли заслуживаетъ сколько-нибудь этого названія; это самый обыкновенный крестьянскій домъ, съ хилыми и дрожащими, порою — гибельными крыльцами, съ крохотными номерками, въ которыхъ едва устанавливается походная постель, но, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ недавно побѣленными и потому сравнительно чистыми. Болгарскіе обычаи чувствовались здѣсь и давали о себѣ знать, прежде всего, отсутствіемъ той хозяйственности, если не культурности, которою отличаются сербскія деревни. Мнѣ помнится, что мы въ домѣ не нашли ничего съѣстного и намъ нечего было бы, что́ называется, положить на зубъ, если бы съ нами не было чаю, къ которому нашлась коврига хлѣба, да запасенныя нами яйца въ крутую. Уже черезъ два часа остановки мы выѣхали дальше и чѣмъ далѣе, тѣмъ, казалось, все глуше и глуше становилась страна. Было ли это такъ въ дѣйствительности, или это было временное впечатлѣніе, усиленное приближеніемъ вечера въ горахъ, но мы сначала никого не видѣли по дорогѣ. Положимъ,

152. Улица въ Реснѣ.

это обстоятельство собственно мало насъ тревожило. По дорогѣ были, по прежнему, чудные виды, и въ одномъ изъ ущелій, мы даже рѣшились остановиться на 5 минутъ, чтобы полюбопытствовать на турецкую сторожку (рис. 153). Это довольно большой каменный корпусъ, причудливо и не совсѣмъ правильно составленный изъ трехъ четыреугольниковъ; въ среднемъ была единственная входная дверь; въ каждомъ корпусѣ въ стѣнѣ по одному окну, маленькому, но застекленному; характерно было лишь то, что это окошко находилось почти подъ крышей, очевидно, затѣмъ, чтобы изъ него можно было стрѣлять, но нельзя было бы нападающимъ стрѣлять черезъ него внутрь комнатъ. Эта глухая казарма, съ ея чисто турецкою неправильностью, стояла тутъ не даромъ. Когда мы проѣхали немного дальше пяти верстъ отъ Ресеня, то въ одномъ изъ лѣсистыхъ ущелій увидали по другую его сторону мелькающія по дорогѣ, одна за другою, фигуры турецкихъ солдатъ. То шелъ турецкій отрядъ дозоромъ, въ поискахъ за укрывающейся гдѣ либо въ окрестностяхъ разбойничьей четы, а, можетъ быть, и просто отрядъ солдатъ, отправляющихся за поживою въ болгарскія села. Разобрать въ этомъ случаѣ, что вѣрнѣе, мы и не пробовали, такъ какъ кому же здѣсь на слово можно повѣрить. Скажемъ кстати, что едва ли не этотъ самый отрядъ мы увидали опять, когда уже возвращались изъ Охриды домой, но уже на шоссе, или, лучше сказать, на большой дорогѣ. Шли солдаты, человѣкъ 40, шли по турецки, въ разсыпную безъ всякаго порядка; разсмотрѣть второпяхъ, кто ихъ велъ, было трудно, тѣмъ болѣе, что наружность турецкихъ офицеровъ весьма мало разнится отъ обыкновенныхъ солдатъ; такъ грубы ихъ мундиры и вульгарны ихъ лица. Но среди нихъ шли десятка два, а, можетъ быть, и больше, плѣнныхъ — я не знаю, какъ иначе назвать. Это были исключительно болгары, такіе же высокіе и рослые, какъ и сами солдаты, и сплошь молодые и безбородые. Они шли, имѣя или кандалы, или какіе то путы на рукахъ и ногахъ (послѣднее было, быть можетъ, не у всѣхъ). Прибавлю, что на разспросы, которые мы послѣ дѣлали и кавасу, и жителямъ, и болгарскому митрополиту, и даже турецкимъ властямъ въ Битолѣ — мы получили самые разнорѣчивые

153. Сторожка на дорогѣ въ Охриду.

отвѣты. Одни говорили, что это разбойники, другіе, что это мирные народные учителя и крестьяне, исключительно изъ болгаръ. Одни представляли дѣло въ видѣ простого привода къ суду, другіе — въ видѣ средневѣковыхъ ужасовъ, говорили, что жестокость обращенія турецкихъ солдатъ съ забранными болгарами превосходитъ наши современныя понятія, что болгаръ пытаютъ, ломаютъ имъ члены, годами томятъ въ ужасныхъ клоповникахъ. Признаюсь, сравнивая турецкихъ солдатъ, въ большинствѣ изъ народностей Малой Азіи, изъ Діарбекира, съ ордами нынѣ укрощенной Хивы и Бухары, можно считать эти ужасы не только возможными, но, по всей вѣроятности, реальными. Читая въ настоящее время почти ежедневныя газетныя разсужденія о задачахъ европейской реформы въ Македоніи—невольно припоминаешь то, что приходилось видѣть и испытывать ежеминутно въ этой прекрасной странѣ: приходишь къ окончательному заключенію, что, очевидно, европейская дипломатія не въ силахъ встать на путь справедливости и гуманности, и что самые низкіе матеріальные разсчеты до такой степени ею руководятъ, что она не въ состояніи сообразить самаго простого факта, а именно полной невозможности оставлять христіанскую страну въ рабствѣ у турокъ. Именно здѣсь, въ центрѣ албанскаго нашествія, становилось намъ наиболѣе яснымъ, до какой степени односторонне извращено пониманіе македонскаго вопроса, какъ онъ теперь ставится и дипломатіей, и прессою. Вы узнаете, напр., что главный элементъ населенія Македоніи составляютъ сербы и болгары, затѣмъ въ меньшемъ числѣ греки; румынская національность представлена въ весьма незначительной степени; турки являются пришлымъ элементомъ; въ старой Сербіи имѣются еще арнауты магометанскаго вѣроисповѣданія. — Такъ пишутъ даже жители Балканскаго полуострова, кто бы ни были: сербы, болгары, румыны, греки. Но почему же они скрываютъ подъ именемъ «арнаутовъ мусульманскаго происхожденія, которые, будто бы, имѣются только въ старой Сербіи», то громадное племя албанцевъ, о которомъ иные свѣдущіе люди рѣшаются даже утверждать, что оно вновь возвращается въ прежнія границы свои, изъ которыхъ нѣкогда силою колонизаціи оно было вытѣснено. Какъ примирить эту заманчивую мысль о томъ, что Балканскій полуостровъ, еще во времена Гомера принадлежавшій счастливому племени пеласговъ, вновь возвращается въ свое первобытное состояніе, съ такимъ укрываніемъ главнаго факта подъ видомъ мелочи и детали?

Дѣло въ томъ, что дальше мы слышимъ постоянно, что въ странѣ происходитъ борьба между болгарами, сербами и греками, но, что провести какія либо границы (отдѣляющія въ Македоніи болгарскія поселенія отъ сербскихъ) нѣтъ возможности, что эти два племени «одной религіи и почти одного языка» и такъ перемѣшались между собою, что Македонія утратила понятіе о націо-

нальномъ различіи своего славянскаго элемента. Еще настойчивѣе говорятъ, что это «понятіе о національныхъ различіяхъ македонскихъ славянъ въ массѣ народа стало развиваться сравнительно недавно и появилось со времени учрежденія болгарскаго экзархата», подъ вліяніемъ болгарской агитаціи и организованныхъ ею возстаній и повстанческихъ четъ. Но обо всемъ этомъ мы скажемъ въ концѣ.

Охрида. Издавна существуетъ предположеніе, что Охрида (а, можетъ быть, Скопіе) въ древности называлась «Первая Юстиніана». Правильно или нѣтъ, но объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Прокопій четвертую главу своего знаменитаго сочиненія объ «Юстиніановыхъ постройкахъ» (De aedificiis) начинаетъ такъ: «Начать мнѣ надлежитъ съ родины царя, которой подобаетъ первенство и въ рѣчи, какъ уже ей отдано первенство и во всемъ прочемъ. Ибо ей одной подобаетъ гордиться и веселиться, и украшаться, такъ какъ она вскормила и дала римлянамъ такого царя, котораго дѣла ни на словахъ не представишь, ни въ письмѣ не изложишь. Гдѣ то, въ землѣ европейскихъ Дарданъ, которые обитаютъ за предѣлами Епидамнійцевъ, по близости отъ крѣпости, называемой Ведеріаны, было мѣстечко по имени Таврисій; изъ него то и произошелъ царь Юстиніанъ, хозяинъ вселенной... И вотъ онъ, обнеся селеніе это въ короткій срокъ стѣнами, по четыреугольной схемѣ и поставивъ на каждомъ углу башню, способствовалъ тому, что мѣстечко это названо четырехбашеннымъ. Кромѣ того и самое мѣстечко обстроилъ онъ, какъ великолѣпный городъ, который назвалъ первою Юстиніаной, воздавъ почетъ мѣсту, его вскормившему... Тамъ же устроилъ онъ и водопроводъ, снабдивъ городъ непрестанно текущими водами. Много и другого выполнилъ онъ для города полезнаго и заслуживающаго всякой похвалы: храмы Божіи въ такомъ числѣ, что и перечесть трудно; зданія для правителей, которыя не опишешь словами; величавые портики, красивыя площади, фонтаны, улицы, бани, крытые рынки... Сталъ городъ вообще большой и многолюдный, во всѣхъ отношеніяхъ благоденствующій, какъ бы митрополія для всей страны, къ тому же и мѣстопребываніе иллирійскаго архіепископа (архіерея)...» Приведя эту выдержку, архимандритъ Антонинъ въ своей книгѣ «Пут. по Румеліи» (стр. 28) рѣшительно отрицаетъ, чтобы все, сообщенное въ этой «сухой и безприкрасной реляціи историка», могло относиться къ Охридѣ. — «Какой же могъ быть тутъ Таврисій, если и ранѣе и позже Юстиніана существовалъ тутъ городъ Лихнидъ. И на что бы понадобились водопроводы, когда Охриду чуть не затопляетъ громадное озеро? Ясно до очевидности, что у Прокопія дѣло идетъ о полосѣ Балканскаго полуострова, которую Синекдимъ называетъ Средиземною Дакіей, т.-е. о нынѣшнемъ Софійскомъ пашалыкѣ включительно съ Нишемъ и Кюстендилемъ, изъ коихъ

послѣдній весьма можетъ быть или первою или второю Юстиніаною». Мы приводимъ это мнѣніе покойнаго палестиновѣда, хотя послѣднюю его догадку врядъ ли можно принять, такъ какъ Нишъ — древній «Наиссъ» слишкомъ извѣстенъ былъ древнимъ писателямъ, чтобы они могли не упомянуть его имя и смѣшать его съ Таврисіемъ и Ведеріаною.

Дѣйствительно, если попробовать разобраться въ вопросѣ отождествленія Охриды - Лихниды - Первой Юстиніаны, окажется, что архимандритъ Антонинъ совершенно правъ. Мы, собственно, не знаемъ, гдѣ находилась въ точности древняя Лихнида, такъ какъ извѣстно только одно, что она была на берегу того самаго озера, которое теперь зовется Охридскимъ. Конечно, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что единственный большой городъ, расположенный при томъ у начала горнаго прохода и, слѣдовательно, запиравшій собою доступъ къ озеру, т.-е. нынѣшняя Охрида, и есть древняя Лихнида. Но, конечно, во времена Прокопія имя Лихниды должно было быть отлично извѣстно, по крайней мѣрѣ, именно ему и, слѣдовательно, не зачѣмъ было бы ему толковать о Таврисіи и о какой-то Ведеріанѣ. Далѣе, текстъ Прокопія указываетъ мѣстечко Таврисій «выше Энидамна», стало быть, повидимому, на Албанскомъ побережьи. Притомъ Таврисій находился гдѣ-то въ «Дарданіи». Если это имя нынѣ географами и неточно усваивается округу Скопіе, то, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ искать ее близь Охридскаго озера. Правда, тотъ же Прокопій сообщаетъ, что Первая Юстиніана послѣ ея перестройки императоромъ стала митрополіею, а Охрида, какъ мы знаемъ, уже въ XI вѣкѣ также сдѣлалась митрополіею, и тамошніе архіепископы рано поспѣшили воспользоваться отождествленіемъ этой своей резиденціи съ Первой Юстиніаной. Но мы, во-первыхъ, хорошо знаемъ произвольныя отношенія грековъ къ старинѣ, когда въ ней оказывается какая либо нужда, а въ данномъ случаѣ эта нужда была и ощущалась очень живо, а именно: требовалось и для болгарской резиденціи установить греческое происхожденіе и связать ее съ Византіей, такъ какъ епархія была греческая. Насколько, однако же, произволъ въ отождествленіи Охриды съ Первой Юстиніаной чувствуется самими греками, видно изъ того, что, хотя указанное сочиненіе Димитцы эту гипотезу принимаетъ (даже въ заглавіи), однако доказать ее не пытается.

Главное же доказательство въ нашихъ глазахъ заключается въ самомъ описаніи Прокопія. Передавая намъ о четыреугольномъ планѣ го-

---

1) Μαργαριτου Γ. Δημιτσα. Μακεδονικα 1874, p. 112, 605–29; Имена Лихниды: Λυχνίς, Λυχνίδιον, Λυχνιδὸς, Λυχνιδίον, Λυχνίδη, Αὐλύνιδος, Δασσαρίτης. Озеро: ἡ Λυχνῖτις.

2) Ibid. p. 627–9. Имена Охриды = Ἀχρὶς, Ἀχρίδα.

родка, Прокопій, очевидно, разумѣлъ ту расплапировку, которую мы находимъ во многихъ римскихъ городахъ, построенныхъ на востокѣ: города эти имѣютъ видъ укрѣпленнаго четыреугольнаго лагеря, съ четырьмя башнями по угламъ, съ четырьмя воротами по четыремъ сторонамъ и двумя главными перекрещивающимися улицами. Въ такихъ городахъ римская императорская власть, дѣйствительно, выстраивала разомъ и базары, и храмы, и присутственныя мѣста, и термы, и городскія площади, и водопроводы, и фонтаны. Самое замѣчательное въ этихъ городахъ, конечно, не художественный стиль и не оригинальность ихъ построекъ, а та массивная монументальность, которой отличаются вообще постройки Римской Имперіи. Во времена Юстиніана, правда, строили уже не такъ, какъ напримѣръ при Адріанѣ или Діоклетіанѣ и знаменитая римская кладка изъ тесаныхъ камней, конечно, уступала мѣсто болѣе легкимъ постройкамъ. Однако же, Юстиніановскія постройки слишкомъ видны и характерны для того, чтобы онѣ могли скрыться въ какой нибудь Охридѣ: между тѣмъ, ничего подобнаго мы тамъ не находимъ. Наконецъ, планъ Первой Юстиніаны пригоденъ исключительно для города, расположеннаго въ долинѣ, а не на холмахъ, какъ раскопута Охрида. Эта послѣдняя, вѣроятно, была устроена вовсе не какъ административный пунктъ и обнесена стѣнами вовсе не при Юстиніанѣ, когда укрѣплены были цѣлымъ рядомъ крѣпостей, лагерей, сторожекъ и пр., и пр. берега Дуная, а не внутренія части Балканскаго полуострова, въ то время пользовавшіяся сравнительнымъ спокойствіемъ, (кромѣ неожиданныхъ нашествій Готовъ и т. п.) подъ римскимъ управленіемъ. Охрида, какъ крѣпость, могла понадобиться, наоборотъ, именно болгарскимъ царямъ въ X столѣтіи и впослѣдствіи, въ XI вѣкѣ, когда опасность горныхъ набѣговъ въ странѣ, столько разъ перемѣнившей свое осѣдлое населеніе и окончательно утратившей былую культуру, стала особенно грозною.

Е. Е. Голубинскій, въ своемъ очеркѣ исторіи болгарской церкви [1]), справедливо отрицая мнѣніе, что Охрида есть первая Юстиніана, подробно объясняетъ происхожденіе этого самого мнѣнія. Юстиніанъ даровалъ особой новеллой своему городу автокеоальную архіепископію, предоставивъ ей полную самостоятельность и власть, совершенно равную съ властью патріарховъ. Впослѣдствіи новелла Юстиніана подверглась ряду дополненій и вставокъ, которыя сначала были только формулировкою желаній Охридскихъ епископовъ, а затѣмъ, путемъ обычныхъ злоупотребленій, явились выраженіемъ дополнительныхъ правъ. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Первой Юстиніаны, когда

1) Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдовалашской. Москва. 1871, стр. 109—123.

три четверти Балканскаго полуострова были утрачены Византіею, т. е. приблизительно въ первой половинѣ VII вѣка, эта архіепископія перестала существовать. И вотъ, какъ говоритъ проф. Голубинскій, тѣнь этой архіепископіи черезъ пять вѣковъ послѣ ея уничтоженія, была вызвана защитниками архіепископіи Охридской, чтобы спасти эту послѣднюю отъ угрожавшей ей опасности закрытія. А именно, съ возстановленіемъ въ 1185 году болгарскаго архіепископства въ Тырновѣ, Охридскимъ архіепископамъ надо было изыскать особыя причины къ своему существованію. Весьма вѣроятно также, что сначала никто не заботился объ отождествленіи Охриды съ Первой Юстиніаной, и это послѣднее обстоятельство явилось уже поддержкою претензій, заявленныхъ епископами Охриды. А въ XIV вѣкѣ оно стало общимъ мнѣніемъ. Проф. Голубинскій указываетъ на Іоанна Каматера, перваго въ ряду, поставленнаго архіепископомъ Охриды нѣсколько позже 1183 года, со времени котораго эти епископы стали называться архіепископами Первой Юстиніаны. Возможна также и другая догадка, болѣе практическаго свойства и болѣе близкаго къ обычаямъ греческой іерархіи на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣло въ томъ, что, начиная со второй половины XI вѣка, или затѣмъ въ теченіе всего послѣдующаго времени, Охридская архіепископія послѣдовательно теряла одну епархію за другою, а во времена большихъ переворотовъ, по нѣскольку епархій разомъ. Такимъ образомъ узурпированный титулъ являлся единственнымъ оправданіемъ устарѣвшихъ требованій.

На самомъ дѣлѣ Охрида, дѣйствительно, не отвѣчаетъ ни въ чемъ разсказу Прокопія. Во первыхъ, стѣны ея имѣютъ видъ неправильнаго многоугольника, во вторыхъ только кале имѣетъ башни, въ третьихъ, стѣны нынѣ такъ сложены, что ихъ скорѣе можно отнести къ XII—XIII вѣку, нежели ко времени Юстиніана: только самый низъ стѣны сложенъ изъ тесанныхъ камней, прочее изъ бутовыхъ. Въ третьихъ, какъ увидимъ ниже, въ городѣ совершенно нѣтъ какихъ либо особенно древнихъ церквей, никакихъ остатковъ большихъ общественныхъ сооруженій и нигдѣ не видно какихъ либо, хотя грубыхъ фонтановъ. Городъ весь расположенъ на одномъ мысу, на которомъ имѣется кале или цитадель и въ двухъ ущельяхъ по берегу и по амфитеатру окружающихъ холмовъ. Единственная торговая улица, вѣрнѣе, базарная, проходитъ отъ пристани по берегу подъ холмомъ, имѣетъ совершенно азіатскій характеръ, обставлена домами Стамбульскаго вкуса и тутъ же сельскими, болгарскими. Отъ нея въ разныхъ пунктахъ поднимаются вверхъ или прямые переулочки, на подобіе лѣстницъ (рис. 154), мощенные по гречески, или улички, идущія вавилонами вверхъ и выводящія на новую горную параллель, тоже узкую уличку, въ которой дома съ правой стороны прилѣплены къ скалѣ. Въ концѣ нижней торговой улицы спускаешься на широкое побережье,

также цѣликомъ застроенное домами, среди которыхъ извиваются темныя и узкія улицы. На болѣе свободномъ мѣстѣ стоитъ соборъ, вытянувшійся вдоль берега, на этотъ разъ, еще съ большою, свободною передъ нимъ площадью. На противоположной сторонѣ находится обширный базаръ Охриды, съ другою торговою улицей, идущею по берегу, болѣе широкой и, кажется, служащей для склада крупныхъ товаровъ, а также хлѣба всякаго рода и проч. Центръ базара приходится подъ скалою, которая какъ бы особымъ мысомъ сдвинулась къ морю. Къ этой скалѣ прилѣпились остатки древней церкви и рядъ разнообразныхъ кофеенъ. Въ этомъ центрѣ стоитъ колоссальный дубъ, насчитывающій, вѣроятно, не одну сотню лѣтъ и къ нему пристроена легкая кофейня, а въ его тѣни держатся всѣ городскіе подростки, наполняя городъ неумолчнымъ шумомъ. Въ базарные же дни здѣсь и на сосѣднихъ улицахъ непроходимая толчея, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ побывка въ городѣ составляетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, единственное развлеченіе для окрестностей. Правда, по общему обычаю всего Востока и Балканскаго полуострова въ частности, кофейни назначены исключительно для мужщинъ, потому ли, что женщины считаютъ неприличнымъ для себя ходить въ нихъ, или потому, что даже минимальная плата за кофе, равняющаяся нашей одной копейкѣ, составляетъ тяжелый для женщины расходъ и мы никогда не видали ни греческихъ, ни болгарскихъ, ни сербскихъ женщинъ въ кофейняхъ. Напротивъ того, именно въ Охридѣ мы видѣли любопытный и нѣсколько оригинальный обычай: по краю улицы, по тому мѣсту, гдѣ у насъ полагается «панель», сидѣли ряды женщинъ, на солнцѣ, часами, держа передъ собою

154. Верхнія улицы въ Охридѣ.

корзины съ яйцами, мотки шерсти, кто что могъ вынести для продажи, въ то время какъ мужья ихъ сидѣли возлѣ большихъ мѣшковъ съ зерномъ. Какъ въ Битолѣ и Сѣрѣ, такъ и здѣсь количество набившагося народа въ базарные дни можно было насчитывать тысячами. Мужщины даже вовсе не сочли нужнымъ сколько нибудь принарядиться, какъ то дѣлается у насъ, и даже женщины явились въ обыкновенныхъ одеждахъ и уборахъ. Горожанъ можно было отличать по фескамъ, а селяковъ по низкимъ болгарскимъ шапочкамъ изъ войлока. Шапка эта собственно немного ниже фески, но носится съ заломомъ всего днища внутрь шапки, по крайней мѣрѣ на три четверти ея. Затѣмъ, въ мужской одеждѣ замѣтили мы преобладаніе распашного кафтана, коричневаго цвѣта, изъ крайне грубой домодѣльной ткани. Такимъ образомъ городъ Охрида не можетъ назваться малымъ, напротивъ, онъ великъ и пространенъ, и также очень многолюденъ, а большинство его жителей и примыкающихъ къ нему селъ состоитъ исключительно изъ болгаръ, а затѣмъ, но въ очень небольшомъ числѣ и то въ городѣ есть, какъ болгары называютъ, «сербоманы» или же «патріархисты». Къ сожалѣнію, весь берегъ озера, по которому городъ расположенъ, сплошь застроенъ и домами побогаче, изъ которыхъ иные вывели даже въ воду свайныя постройки, и кофейнями, по стамбульскому образцу настолько густо, что только въ одномъ небольшомъ углу, гдѣ, кстати, примостилась наша гостинница и гдѣ отведено мѣсто для пристани мелкихъ лодокъ, берегъ сколько нибудь свободенъ и открываетъ видъ на озеро. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ города озеро видно только изъ домовъ, а никакъ не съ улицъ и, конечно, это лишаетъ городъ главной его прелести.

Охридское озеро (рис. 155) не даромъ прославляется всѣми побывавшими здѣсь путешественниками. Оно напоминаетъ собою наиболѣе озеро Комо, хотя горы, его вплотную обступившія, несравненно ниже и, кромѣ 20 деревень и трехъ монастырей какъ-то тонущихъ въ горныхъ лѣсахъ, не имѣетъ никакихъ болѣе городовъ и потому все-же представляется пустыннымъ. Правду сказать, однако, то обиліе городовъ и мѣстечекъ, которое мы находимъ на итальянскихъ и швейцарскихъ озерахъ, не служитъ къ ихъ большой красотѣ: совсѣмъ напротивъ,—всякое озеро, въ особенности горное, своею почти постоянною тишиною, а, главное, отраженіемъ лѣсовъ и скалъ, рождаетъ пейзажъ, въ человѣческихъ глазахъ, отмѣченный меланхолическимъ настроеніемъ, и поэтому нѣкоторая пустынность къ озеру вообще идетъ. Главное, что составляетъ прелесть Охридскаго ландшафта, это густые, видимо, вѣковые лѣса, покрывающіе его горы. Въ этихъ лѣсахъ сказывается промышленный покой страны, обреченной пока на полное уединеніе отъ европейской жизни. Вода Охридскаго озера славится необыкновенной

чистотою и хрустальностью; оно рыбно, и извѣстный Ганъ насчитываетъ въ немъ 13 породъ рыбъ замѣчательнаго вкуса. Большія лодки, называемыя здѣсь «чунами», лѣниво бороздятъ его невозмутимую поверхность тонкими струйками, бѣгущими отъ ихъ единственнаго весла. Рисунокъ такого челна

155. Видъ изъ г. Охриды на озеро.

(см. рис. 156) прямо средневѣковой и близко напоминаетъ намъ тѣ большія арабскія лодки, которыя ходятъ по Красному морю и по берегамъ Африки, но уже почти совсѣмъ исчезли въ сѣверной части Средиземнаго моря; это обыкновенная большая лодка, сама по себѣ даже не особенно широкая, но прикрытая сверху, почти во всю свою длину, широкою рубкою, какъ будто другая лодка наросцена на большую грубую колоду, да еще поверхъ этого укрѣплена деревянная рѣшетчатая терраса. Въ лодку сваливаются грубые товары, зерно, соль, овощи, шерсть, а на этой рѣшетчатой террасѣ, на свѣжемъ воздухѣ, а иногда и на вѣтру, помѣщаются пассажиры, конечно, сидя на корточкахъ, или на полу.

Вообще мѣстоположеніе города въ углу Охридскаго озера, по близости отъ двухъ крупныхъ источниковъ, его наполняющихъ, должно быть названо въ своемъ родѣ стратегическимъ. Не даромъ уже древняя Лихнида славилась богатствомъ, и къ ней устремлялись завоеватели и искатели приключеній во все время среднихъ вѣковъ. Въ извѣстныхъ отрывкахъ исторіи Малха [1])

1) *Corpus scriptorum hist. byz.* ed. Bonn. pars I, p. 244.

подъ 479 годомъ сообщается подробный разсказъ о томъ, какъ къ этому городу двигался знаменитый Өеодорихъ, когда началъ свой историческій походъ отъ Константинополя въ Италію на завоеваніе Рима. Малхъ представляетъ этотъ походъ торжествомъ византійцевъ и пораженіемъ готоовъ, которые, въ ярости отъ своей неудачи и большихъ потерь, шли (бѣжали), сжигая селенія и убивая всѣхъ, кто ни попадался. Өеодорихъ завладѣлъ Стовами (Штинъ), «первымъ городомъ Македоніи», стоявшимъ на его дорогѣ. Когда же разнесся объ его приближеніи слухъ и въ Өессалоникѣ, жители города тотчасъ заподозрили, что императоръ и ипархъ сдадутъ готоамъ городъ на разграбленіе (недурное понятіе о Византіи имѣли въ Солуни), то собрались и свергли

156. Лодка на Охридскомъ озерѣ.

всѣ статуи императора, а ипарха собрались растерзать и домъ его сжечь. Въ концѣ концовъ, сговорились, однако, на томъ, что горожане, получивъ городскіе ключи отъ ипарха, сдали ихъ архіепископу и составили свою стражу подъ начальствомъ избраннаго стратига. Тѣмъ временемъ Өеодорихъ пошелъ на миръ, а самъ двинулся на Ираклію (въ Македоніи двѣ Иракліи: возможно, что настоящая Ираклія та, которая называется нынѣ Респемъ), впослѣдствіи, получивъ отъ Византійцевъ 200 литровъ золота, рѣшился, наконецъ, изъ Иракліи уходить, но въ досадѣ, что ему не дали припасовъ, городъ, покинутый жителями, сжегъ и «разомъ поднялся съ мѣста». Онъ быстро шелъ по бездорожному и тѣсному пути, ведущему къ области, «называемой Новымъ Эпиромъ» (та-же дорога, что нынѣ ведетъ изъ Ресня въ Охриду по склону

горы Перистери и другихъ холмовъ). Онъ послалъ впередъ конницу для занятія вершинъ, предписавъ ей ѣхать впередъ и снять стражу, если она тамъ была. Но когда готоская конница поднялась наверхъ, оберегавшіе крѣпостцу воины стремительно бѣжали... Готоы шли дальше уже совершенно пустынными мѣстами, и Ѳеодорихъ шелъ все время самъ впереди. Положившись на то, что никто ему не препятствуетъ, онъ далъ приказъ обозу ѣхать не останавливаясь. самъ же поспѣшилъ впередъ, чтобы нечаяннымъ приступомъ захватить какой бы то ни было городъ. Но, приступивъ къ Лихниду, былъ отраженъ. Городъ былъ расположенъ въ очень крѣпкомъ мѣстѣ и имѣлъ внутри у себя множество источниковъ, да къ тому же былъ въ изобиліи снабженъ хлѣбомъ. Тогда, поднявшись оттуда, Ѳеодорихъ беретъ Скампію, брошенную давно уже жителями, а затѣмъ занимаетъ Эпидамны».

Характеристика Лихниды или Охриды, сообщенная далѣе Малхомъ, какъ города «издревле богатаго и счастливаго», да еще, кромѣ того, превосходно защищеннаго своимъ положеніемъ внутри двухъ ущелій и глубокимъ озеромъ и къ тому же находящагося въ стратегическомъ узлѣ и на важномъ пути, сдѣлана съ достаточной яркостью. Достаточно выѣхать изъ города на востокъ, по узкому ущелью, гдѣ бѣжитъ сильный горный ручей и стоитъ много мельницъ, среди двухъ отвѣсныхъ стѣнъ, чтобы понять, какъ трудно и опасно было прорываться здѣсь даже готоамъ, когда наверху было укрѣпленіе и стояли войска. Но когда затѣмъ сдѣлаешь еще экскурсію на западъ отъ города, въ сосѣднюю деревню, откуда узкая долина выводитъ на дорогу, идущую къ Эльбасану и Адріатическому морю, то ясно начинаешь понимать значеніе этой мѣстности, не только занятой въ глубокой древности, но и игравшей крупную роль во всей исторіи Балканскаго полуострова. Извѣстно, что Охрида, въ эпоху процвѣтанія перваго Болгарскаго царства, при царѣ Самуилѣ въ 995 году, вмѣстѣ съ Преспою, стала своего рода столицею болгарскихъ царей. Правда, эпоха эта продолжалась весьма недолго, и Василій II Болгаробойца, начавши рѣшительные походы противъ Болгаріи въ 1014 году, заканчиваетъ покореніе Македоніи въ 1019 г. и на мѣстѣ Преспы строитъ двѣ крѣпости: одну на высотахъ, а другую у озера. Нашъ знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ замѣчаетъ, что Охрида «въ исторіи южныхъ славянъ есть пунктъ, быть можетъ, самый темный и, тѣмъ не менѣе, въ изслѣдованіи хода просвѣщенія славянъ будетъ всегда предметомъ, отъ раскрытія котораго можно всегда ожидать важныхъ поясненій. Съ паденіемъ первой династіи болгарскихъ царей, подъ властью Латиновъ и деспотовъ Эпирскихъ, наконецъ, съ преобладаніемъ сербскимъ,— городъ и епархія мало по малу теряли свое значеніе. Мнѣ легко представлялась утрата всего освѣщающаго память объ этомъ городѣ, и потому съ

восторгомъ встрѣчалъ я все, что неожиданно отслоняло почтенную его древность». Однако, самъ Григоровичъ пробылъ только шесть дней въ Охридѣ, и очевидно, испытывалъ крайнее затрудненіе и даже искалъ по городу пріюта, такъ какъ его ханъ оказался невѣроятно грязенъ. Въ томъ же самомъ положеніи оказались и мы: пріѣхавши въ Охриду поздно вечеромъ, остановились въ болгарскомъ ханѣ. Было бы трудно и даже непріятно самому автору изобразить реально, до какой степени грязенъ и саленъ оказался утромъ нашъ ханъ, или такъ наз. гостинница. Со времени своей постройки она, очевидно, никогда не чистилась и очень рѣдко подметалась. Кромѣ того общая комната, въ которую выходили наши углы, къ ночи оказалась наполненною гостями, замѣчательно нечистоплотными и чрезвычайно любопытными. Тяжесть нашего положенія усиливалась тѣмъ, что надо было соблюдать политику и, слѣдовательно нельзя было прибѣгнуть къ единственному способу удаленія этихъ шумныхъ людей. Черезъ день мы перебрались въ сосѣдній ханъ, уже принадлежавшій греку, съ кофейней внизу, на берегу озера, съ большою общей комнатой и почти такими же большими отдѣльными комнатами. Неожиданный покой, который мы здѣсь обрѣли, заставляетъ съ благодарностью помянуть даже и ту степень культуры, которую встрѣчаешь на балканскомъ полуостровѣ у грековъ, не смотря на то, что къ грекамъ на востокѣ примѣшалась, вообще говоря, всякая діаспора, еврейская по преимуществу. Отдыхъ былъ для насъ очень важенъ, такъ какъ въ Охридѣ намъ пришлось встрѣтить такъ много работы, что мы приходили домой къ вечеру въ совершенномъ изнеможеніи, а здѣсь мы могли сидѣть вечеромъ въ уединенной кофейнѣ, помѣщавшейся подъ нашими покоями, на берегу дивнаго озера и наслаждаться видами чудныхъ, какъ бы лѣтнихъ ночей. Охридское озеро расположено на большой высотѣ, а время нашего пребыванія подходило къ серединѣ сентября и тѣмъ не менѣе ночи были теплы и тихи, не было ни вѣтра, ни тумана, который бы скрывалъ дивныя очертанія окружающихъ горъ. Желая быть правдивымъ, я долженъ сказать прямо, что климатическія условія Охридскаго озера показались мнѣ лучшими, чѣмъ итальянскихъ озеръ. Какъ извѣстно, итальянскія озера расположены у подножія высочайшаго хребта Европы, тамъ, гдѣ контрфорсы этого хребта спускаются широко расходящимися ущельями къ обширной равнинѣ Ломбардіи. Благодаря этимъ условіямъ, по этимъ озерамъ постоянно тянетъ лѣтомъ освѣжающій ихъ холодный горный воздухъ. Но за то въ сентябрѣ эта прохлада смѣняется именно тамъ постоянными сильными вѣтрами и бурями, дождевыми шквалами и такими непогодами, что, напримѣръ, на берегахъ Комо въ октябрѣ можно видѣть выпадающую снѣжную крупу. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находятся окрестности Охридскаго озера.

Оно образуется не однимъ большимъ горнымъ потокомъ, какъ итальянскія озера, при томъ текущимъ съ сѣвера, но 13-ю горными ручьями и представляетъ собою подобіе овальной чашки, вѣчно покойной, которой зеркальная поверхность только серебрится мелкой рябью, бѣгущей отъ лодки, а вѣтра, или даже вѣтерка на этомъ озерѣ мы за все время пребыванія ни разу не почувствовали.

Св. Софія.

Главнымъ памятникомъ Охриды является, конечно, Святая Софія, нынѣ обращенная въ мечеть подъ именемъ Айя-Софіи (рис. 157): это — большое, неуклюже-длинное зданіе купольной базилики, построенной въ 1317 году, какъ то гласитъ монументальная надпись, набранная по боковому фасаду храма епископомъ Григоріемъ (въ 6825 году). Но къ 1317 году относится, по всей вѣроятности, только пристроенный къ храму съ западной стороны притворъ, имѣющій чрезвычайно внушительную, по величавости, наружность (рис. 158), но въ то же время представляющій ту мелочную орнаментацію стѣнъ, которую вообще замѣчаемъ въ позднѣйшей архитектурѣ Греціи и Балканскаго полуострова. Что касается самого собственно храма, то архимандритъ Антонинъ, сообщившій на таблицѣ 2-й своего сочиненія планъ Софіи, а на таблицахъ 3 и 4 ея наружный видъ, ея трехъярусный портикъ и видъ внутренности, полагаетъ, что эти два зданія, пристроенныя одно къ другому подъ прямымъ угломъ, различной архитектуры и разнаго времени: порталъ, говоритъ онъ, новѣе и изящнѣе, самая же церковь съ перваго раза обѣщаетъ быть копіею Никейской Св. Софіи. «Вступивъ во внутренность бывшей церкви,—говоритъ онъ,—я испыталъ предчувствованное и ожиданное разочарованіе. Впечатлѣніе было не только печальное, но, какъ будто, ужасное. Цѣлое представляетъ изъ себя длинный подвалъ, накрытый полуцилиндрическимъ сводомъ, утверждающимся на толстыхъ стѣнахъ, съ широкими, неравныхъ размѣровъ, пролетами, выводящими въ бококыя галлереи, узкія и темныя. Почти весь свѣтъ идетъ въ храмъ изъ трехъ оконъ бывшаго алтаря, по магометанскому обычаю ничѣмъ не отгороженнаго. Ни малѣйшаго нигдѣ украшенія. И по стѣнамъ, и по своду простая штукатурка, пожелтѣвшая отъ времени, съ черными пятнами и грязными потеками, потрескавшаяся, облупившаяся, отдувшаяся и — ничего болѣе. Вообще видъ цѣлаго самый безотрадный. Сырость и затхлый запахъ, съ пылью и висящею паутиною, довершаютъ тяжесть подавляющаго чувства». Мы намѣренно привели всѣ строки покойнаго русскаго паломника и палестиновѣда, чтобы подтвердить ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ данномъ случаѣ, незачѣмъ описывать вновь то состояніе мечети, которое видѣлъ архимандритъ, и та мерзость запустѣнія, которую онъ обрѣлъ на прежде священномъ мѣстѣ, ничуть не измѣнилась. Однако же, въ этомъ неприглядномъ видѣ древней болгарской церкви повинны

не одни турки, обратившіе ее въ мечеть, но также и строители церкви, на этотъ разъ, по всей вѣроятности, болгарскіе цари. Архимандритъ Антонинъ полагаетъ, что Охридская Софія могла быть построена архіепископомъ Львомъ, какъ о томъ гласитъ списокъ болгарскихъ архіепископовъ, сообщенный Дю-

157. Видъ изъ верхней части города на храмъ св. Софіи въ Охридѣ.

канжемъ, но что этотъ архіепископъ Левъ не тотъ, который жилъ во второй половинѣ XI столѣтія, и извѣстенъ по свидѣтельству индекса, но какой нибудь другой древнѣйшей эпохи. Однако, приводимыя Антониномъ доказательства су-

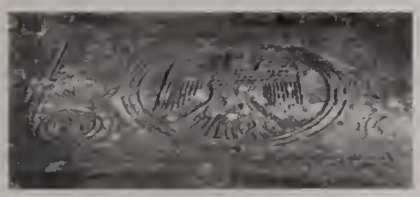
ществованія Охридской Софіи съ VII столѣтія могутъ быть названы прямо фантастичными. Съ одной стороны мы находимъ у него совершенно произвольное соображеніе о томъ, что Святая Софія есть та самая большая церковь, которая существовала въ Охридѣ и о которой упоминается уже въ Житіи Св. Климента, написанномъ во второй половинѣ XI вѣка. Съ другой, встрѣченная Антониномъ въ стѣнѣ притвора латинская надпись, съ посвященіемъ императору Ираклію, могла быть вставлена въ притворъ какъ своего рода украшеніе, — дѣло весьма обычное, какъ извѣстно, въ Греціи и на всемъ православномъ Востокѣ. Наконецъ, что самое главное, построеніе Софіи было всегда въ славянскихъ странахъ, а равно и въ другихъ странахъ православнаго Востока, дѣломъ и задачею царей и великихъ князей. Намъ кажется, поэтому, несравненно болѣе цѣлесообразнымъ указаніе П. Н. Милюкова на сходство Охридской Софіи съ «Великою церковью», построенной, какъ можно предполагать, Самуиломъ на островѣ Аилъ. «Перенеся митрополію отсюда въ Охридъ, говоритъ тотъ же авторъ, Самуилъ, несомнѣнно, долженъ былъ и тутъ устроить для нея «Великую церковь»: къ этому моменту всего вѣроятнѣе относить происхожденіе Св. Софіи Охридской». Однако, наиболѣе достовѣрнымъ основаніемъ является замѣченное другими указаніе рукописной замѣтки одного индекса епископовъ, по которой построеніе Софіи Охридской приписывается архіепископу Льву, впрочемъ, неизвѣстно, когда жившему.

158. Западная часть Охридской Софіи (1317 г.).

Какъ увидимъ, однако, ниже, намъ удалось найти въ ц. св. Климента

Охридскаго (о чемъ ниже) вкладныя иконы архіепископа Льва, и такъ какъ иконы эти, по всей вѣроятности, перенесены были туда изъ св. Софіи, когда она была обращена въ мечеть, то является новое указаніе на время построенія церкви. Иконы, какъ увидимъ ниже, не могутъ принадлежать концу X вѣка, когда жилъ Самуилъ, и вообще не могутъ быть ранѣе конца XI столѣтія, а потому и построеніе церкви приходится, скорѣе всего, уже на позднѣйшую эпоху, т. е. на XI вѣкъ.

Среди запустѣнія Софійскаго храма тѣмъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе двѣ рѣзныя византійскія плиты, оказавшіяся въ полу, близь алтаря, и большой мраморный рѣзной амвонъ, передѣланный въ мембиръ. Плиты эти (рис. 159 и 160) продолговатыя и съ одной стороны орнаментированныя обычными византійскими разводами, содержащими внутри круговъ или крестъ



159. Плита въ полу Охридской Софіи.

160. Плита въ полу Софіи Охридской.

равноконечный, или звѣзду, или вращающуюся розетку, а въ среднемъ кругу геральдическаго византійскаго орла, уносящаго въ небеса въ когтяхъ зайца или змѣю. Эти рельефныя плиты, видимо, происходятъ съ того же самаго амвона, который оказался въ настоящей мусульманской формѣ не только передѣланъ, но и разобранъ. Этотъ амвонъ (таб. II) имѣлъ сначала половинную высоту противъ той, которую онъ теперь имѣетъ, или, точнѣе, три четверти настоящей высоты. Затѣмъ, онъ имѣлъ ранѣе обычныя два крыла, набранныя изъ плитъ и заключавшія внутри пологія лѣстницы, взводившія ранѣе на амвонъ.

Типы подобныхъ амвоновъ сохранились во многихъ церквахъ въ Греціи, Малой Азіи и Балканскаго полуострова. Можно указать и на ближайшіе пункты, а именно: въ городкѣ Калабакѣ въ Оессаліи сохранился амвонъ, снятый фотографически Я. И. Смирновымъ и изображенный въ планѣ и рисункѣ въ описаніи путешествія архимандрита Антонина по Румеліи (стр. 428, табл. 13). Амвонъ этотъ поставленъ по срединѣ церкви, съ мраморными лѣстницами въ 7 ступеней каждая. По словамъ путешественника, мраморныя плиты по низу амвона покрыты крестами, лиственными орнаментами и даже изображеніемъ Воскресенія Господня. Весьма возможно, что

этотъ амвонъ былъ вкладомъ императора Андроника Палеолога Младшаго, котораго хрисовулъ имѣется въ притворѣ церкви. Если архимандритъ Антонинъ недоумѣваетъ, почему преданіе, сохраненное клиромъ, называетъ этотъ амвонъ Андрониковымъ трономъ, и почему онъ стоитъ по срединѣ церкви, а не на одной изъ ея сторонъ, то объясненіе этого указывается, отчасти, формою (этого) амвона, повидимому, совмѣщавшаго въ себѣ два обычныхъ налоя, а затѣмъ, и то обстоятельство, что внутри киворія, образуемаго колоннами балдахина, устроено именно сѣдалище. П. Н. Милюковъ, болѣе подробно описавшій Охридскій амвонъ, говоритъ, что его балдахинъ съ шатровымъ верхомъ «поставленъ на четырехъ колонкахъ, надъ четыреугольнымъ сѣдалищемъ (или столомъ?) изъ мраморныхъ плитъ. Назначеніе его, прибавляетъ онъ, должно было служить или трономъ, или, можетъ быть, киворіемъ». Разсмотрѣвъ на мѣстѣ амвонъ или, вѣрнѣе, мембиръ, мы убѣдились, что внутри киворія есть, дѣйствительно, четыреугольное сѣдалище изъ мраморныхъ плитъ и что оно не могло появиться при передѣлкѣ амвона на мембиръ, тѣмъ болѣе, что это сѣдалище совершенно не шло бы къ какимъ либо мусульманскимъ моленіямъ и обрядамъ. Напротивъ того, въ христіанскомъ богослуженіи извѣстное предсѣдательство епископа является обычнымъ и потому можно предположить, что Охридская Софія сохраняла извѣстную подробность архіепископскаго богослуженія. Что подобные амвоны ставились по срединѣ храма, прямо передъ алтарнымъ входомъ и имѣли два схода, одинъ ко входу въ храмъ, а другой къ алтарному входу, — иначе говоря, западный и восточный сходы, — можетъ служить свидѣтельствомъ извѣстное описаніе Павла Силенціарія для трона, стоявшаго въ Софіи Константинопольской. Надпись на западной стѣнѣ притвора, въ церкви г. Калабакъ, содержитъ копію хрисовула Императора Андроника Младшаго отъ 1332 года, и упоминаетъ епископа Стагійской епископіи Іосафа, при чемъ эта копія хрисовула сама сдѣлана въ 1573 году. Такимъ образомъ, Стагійскій амвонъ оказывается совершенно одновременнымъ съ Охридскимъ, который, по монограммамъ на немъ находящимся, былъ сдѣланъ епископомъ Григоріемъ, очевидно, тѣмъ же самымъ, который построилъ притворъ въ 1317 году. Обмѣривши плиты, которыя украшаютъ боковыя части мембира, мы нашли, что онѣ имѣютъ продолговатую конструкцію и соотвѣтственный рисунокъ, и при этомъ въ вышину одинаково 91 сантиметръ. Стало быть, плиты украшали также бока разобраннаго византійскаго амвона, какъ и самые сходни мембира составлены также изъ амвонныхъ лѣстницъ, или крыльевъ. Киворій (рис. 161) имѣетъ спереди 128 сантим., а на бокахъ 80 сант., при чемъ правая сторона киворія лишена орнаментаціи, потому ли, что была прислонена къ чему либо, или передѣлана. Вѣнечный карнизъ съ монограммами имѣется также только напереди и съ лѣвой

стороны, почему и надпись сохранилась неполною. Рѣзьба плитъ та же самая, что въ пяти иконостасныхъ столбахъ, поддерживающихъ нынѣ менбиръ; на нихъ даже оставлены кресты. Амвонъ заслуживаетъ вниманія, главнымъ образомъ, потому, что его карнизъ и бока его киворія орнаментированы по особому способу рѣзьбы вглубь, чрезвычайно сложными орнаментальными разводами, которыхъ фоны вырѣзаны и заполнены черною мастикой, что соотвѣтствуетъ въ металлѣ черни или, такъ называемой насѣчкѣ. Что эта форма украшенія, несомнѣнно, близка къ восточной орнаментикѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Однако, нельзя сказать, что эти украшенія представляютъ византійское искусство «въ томъ видѣ, въ какомъ оно послужило для созданія новаго восточнаго (сельджукидскаго)», какъ то говоритъ П. Н. Милюковъ. Восточное искусство сельджуковъ, во время сооруженія описанныхъ амво-

161. Рѣзной шатеръ древняго амвона въ Охридской Софіи.

новъ, уже существовало и, если мы въ XIV вѣкѣ, именно на Балканскомъ полуостровѣ, находимъ въ византійскомъ пошибѣ нерѣдко восточные мотивы въ орнаментикѣ (чаще всего въ чеканныхъ украшеніяхъ иконныхъ ризъ и рамъ), то мы считаемъ это явленіе прямымъ заносомъ съ Востока, не только восточныхъ издѣлій и техники, но и самыхъ художественныхъ формъ.

Особо любопытный декоративный способъ, употребленный въ Дафни для украшенія мраморныхъ карнизовъ, и ставшій намъ извѣстнымъ также въ памятникахъ Македоніи (амвонъ Софіи въ Охридѣ), заслуживалъ бы самъ по себѣ изслѣдованія. Онъ, явно, идетъ изъ древней Греціи и представляетъ своего рода инкрустацію: въ мраморѣ высѣкается сперва рисунокъ и углубляются его фоны; затѣмъ углубленія наполняются толченымъ мраморомъ на красномъ воскѣ, что даетъ черный фонъ для рисунка, остающагося бѣлымъ и выступающаго на этомъ фонѣ. Уже потому, что карнизы Дафни

раздѣланы пальметками и представляютъ форму гуська, можно видѣть, что они вспоминаютъ расцвѣченныя капители и карнизы античной архитектуры. Подобная декорація встрѣчена въ Монемвасіи, въ ц. Луки Фокидскаго, ц. св. Марка въ Венеціи. Но этотъ способъ инкрустаціи, знакомый намъ въ металлическихъ издѣліяхъ Византіи (двери, украшенныя по бронзѣ золотомъ, оловомъ, альяжемъ, красною эмалью, чернью и пр.), былъ, повидимому, еще болѣе развитъ на Востокѣ, гдѣ были издавна въ употребленіи гипсовыя орнаментальныя плиты съ углубленными и наполненными темною настою арабесками.

162. Крѣпость въ Охридѣ.

Григоровичъ знаетъ (стр. 101), что въ Охридѣ еще въ XVII столѣтіи «по письменнымъ свидѣтельствамъ» было 33 церкви и параклиса. Изъ этого числа, говоритъ онъ далѣе, осталось теперь 7, которыя тщательно онъ осматривалъ «въ надеждѣ собрать свѣдѣнія о минувшемъ бытѣ славянъ». Въ каждой, по его словамъ, нашлись остатки рукописей, по греческихъ, и слѣды надписей. «Вотъ, говоритъ онъ, названія церквей: 1) Святыхъ врачъ Косьмы и Даміана, 2) Св. Константина и Елены съ славянской затертой надписью, 3) Богородицы Чельницы, 4) Св. Николая съ иконою Св. Еразма (не Горазда ли?) и Наума, 5) Св. Климента Словенскаго. Эта построена, какъ говоритъ надпись, во время краля Сербскаго Стефана Уроша въ 6886 году (1378 г.), 6) Пр. Богородицы, 7) Св. Николая на больницѣ (Герокомія),

Охридскія церкви.

163. Кале въ Охридѣ.

8) Митрополія» (церковь во имя Успенія Богородицы и Св. Климента, построенная въ 1295 году, о которой Григоровичъ говоритъ особо ранѣе). Мы привели цѣликомъ все свидѣтельство знаменитаго слависта, такъ какъ оно не сходится съ показаніями, которыя мы получили сами отъ Охридскаго духовенства во время обзора церквей[1]). Въ самомъ дѣлѣ, намъ не могли указать церкви Космы и Даміана; церковь Богородицы показали подъ именемъ Успенія Богоматери; въ видѣнной нами одной церкви Николая Чудотворца мы не нашли вовсе иконы св. Еразма. Далѣе, вмѣсто видѣнныхъ Григоровичемъ развалинъ монастыря во имя Іоанна Богослова, мы нашли возстановленную въ новѣйшее время его церковь (рис. 164 и 165).

164. Видъ съ берега Охридскаго озера на церковь Іоанна Богослова.

Церковь І. Богослова стоитъ на замѣчательно красивомъ мѣстѣ (зовется Канево) и находится нѣсколько на западъ отъ самаго городка, на самомъ его берегу, на скалѣ. Она увѣнчана однимъ куполомъ, на высокомъ восьмигранномъ барабанѣ, орнаментированномъ красиво выложенными аркадами и пробитомъ окнами. Каждая аркада заканчивается вверху остроконечнымъ шпицемъ, украшеннымъ карнизомъ изъ городковъ. Корпусъ церкви весьма причудливо орнаментированъ слоями кирпича, но, къ сожалѣнію, обезображенъ съ юга и запада новѣйшею пристройкою большого притвора и церковнаго дома. Внутренность

1) Нѣкоторыя преданія объ Охридскихъ церквахъ и о св. Климентѣ сообщены Шапкаревымъ въ «Сборникѣ отъ Български Народни Умотворения», I, 3, кн. 3—4.

церкви вся новая, т. е. наглухо оштукатурена, и между иконами въ ея иконостасѣ самая старая представляетъ вкладъ 7184 года. Уже Антонинъ (стр. 69) видѣлъ этотъ храмъ, который Григоровичъ называетъ опустѣлымъ, но внутреннія стѣны котораго были покрыты живописью, внутри забѣленнымъ известью, исключая купола. По его словамъ, въ куполѣ, между оконъ были видны изображенія пророковъ, сравнительно хорошаго письма, выше нихъ ангелы, а въ центрѣ купола поясное изображеніе Вседержителя. Основываясь на томъ, что въ нимбѣ Вседержителя не находилось извѣстныхъ буквъ надписи, Антонинъ относитъ время росписанія церкви къ XIII, много къ XIV вѣку. Къ тому же времени отнесемъ и мы церковь, на основаніи орнаментальныхъ формъ ея кладки. Маленькую церковь св. Константина и Елены мы нашли близь церкви Климента Славянскаго и въ ней надъ входной дверью видѣли синодикъ и внизу, на правой сторонѣ, греческую надпись. Затѣмъ, въ верхней части города мы осмотрѣли церковь *вм. Димитрія*, ничего особенно любопытнаго въ себѣ не содержавшую. Церковь эту, по всей вѣроятности, однако, Григоровичъ зналъ подъ другимъ именемъ: перемѣна же въ посвященіи послѣдовала, быть можетъ, въ эпоху водворенія въ Охридѣ болгарскаго экзархата. Той же перемѣнѣ слѣдуетъ приписать равнымъ образомъ и передѣлки церквей, вмѣстѣ съ ихъ обновленіемъ. Весьма понятно также, что всѣ вопросы, обращенные къ клиру, при данныхъ условіяхъ, не могутъ быть особенно настойчивы, что, къ тому же было бы и совершенно безполезно.

165. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ.

Маленькая церковь во имя Святителя Николая дала намъ рядъ замѣчательныхъ находокъ. Это та самая церковь «на больницѣ», которая ранѣе звалась по гречески «герокомія». Мы не нашли въ ней никакихъ надписей, но, судя по характеру ея постройки, рѣшаемся относить ее также къ XIV столѣтію. Въ настоящее время входъ въ нее крайне затемненъ, благодаря грубо сложенному боковому нарону, а между тѣмъ, дверь главнаго ея входа (табл. III) представляетъ замѣчательную рѣзьбу по дереву, исполненную на

отдѣльныхъ дощечкахъ. Въ самое недавнее время, посѣтивши выставку византійскаго искусства въ монастырѣ Гротта-Феррата въ 1906 году, я обратилъ вниманіе на аналогію между нашею дверью и извѣстнымъ сундукомъ въ соборѣ городка Террачина, который тамъ былъ выставленъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и издатель предметовъ древности этой выставки [1]) проф. Антоніо Муньосъ, помѣстившій снимокъ съ охридской двери, мною ему, въ интересахъ непосредственнаго сличенія, предоставленный. Интересъ этихъ двухъ предметовъ не только общеархеологическій, такъ какъ они представляютъ, по весьма понятнымъ причинамъ, большую рѣдкость, но и методологическій — въ вопросѣ объ опредѣленіи времени ихъ происхожденія. Проф. Муньосъ кратко указалъ, что мнѣнія относительно времени происхожденія сундука въ Террачинѣ значительно разнятся: отъ VIII до XIII столѣтія включительно, причемъ за древнѣйшее происхожденіе его высказался въ самое послѣднее время проф. Стрыговскій, находя, что рельефы этого сундука восходятъ и даже тѣсно примыкаютъ къ коптскимъ древностямъ. Проф. Муньосъ полагаетъ, наоборотъ, правильнымъ понизить древность этого предмета до XIII вѣка, къ которому можно отнести и Охридскую дверь. Очевидно, что такое разногласіе зависитъ, прежде всего, отъ различныхъ пунктовъ отправленія и разныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Проф. Стрыговскій, видимо, основывается на содержаніи декоративной орнаментаціи сундука Террачины, которое, дѣйствительно, представляетъ сюжеты и формы отдаленной древности. Таковы, во первыхъ, тяжелыя аркады, съ орнаментикой, напоминающей рѣзьбу по металлу, далѣе — любопытные пояски изъ акантовъ, а также и нѣкоторые сюжеты со стороны декоративной композиціи, ихъ умѣстившей тѣсно въ предѣлахъ одной аркады. Но, въ то же время, намъ лично сундукъ Террачины представляется, во первыхъ, произведеніемъ чисто западнаго искусства романскаго періода, всего скорѣе, — XII вѣка, когда подобныя формы наиболѣе были распространены, и сравнивать эти скульптуры по нашему надо, прежде всего, съ звѣриными декоративными формами бронзовыхъ дверей Италіи и средневѣковой Европы до вратъ Суздальскихъ и Новгородскихъ включительно [2]). Здѣсь всѣ композиціи даны въ томъ уже истощенномъ шаблонѣ, въ сухой схематической передачѣ, какую находимъ въ позднѣйшихъ романскихъ скульптурахъ. Достаточно, напримѣръ, посмотрѣть на фигуры кентавровъ, львовъ, лошадей, грифовъ, чтобы увидать въ нихъ всѣ признаки грубаго романскаго искусства и его уже безформенныхъ звѣриныхъ схемъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что

---

1) Antoine Munoz. *L'art Byzantin à l'exposition de Grottaferrata.* Rome, 1906, p. 181—6.
2) *Русскія Древности,* вып. VI, 1899, стр. 65—81, 110—128.

самыя композиціи эти ведутъ свое начало съ востока и были сочинены частью въ Египтѣ, частью же въ кустарномъ искусствѣ Сиріи и Малой Азіи. Здѣсь есть формы, которыя напоминаютъ намъ многое въ Сибирскихъ древностяхъ, и есть эмблемы, повторяемыя поливною посудой грекоазіатскаго Востока, золотыми и серебряными издѣліями и варварской бронзой. Мы вообще находимъ, что, когда для подобныхъ древностей настанетъ, наконецъ, «свое время» въ археологической наукѣ, рельефы этого сундука могутъ составить тему для серьезной историко-археологической работы. Возвращаясь къ Охридской двери, мы должны замѣтить, что самое поверхностное сравненіе назоветъ эти рельефы работою *чисто греческой* и несравненно болѣе художественной, чѣмъ сундукъ Террачины. Между тѣмъ, мы сами не рѣшаемся считать дверь старше XIII столѣтія, на которое указываютъ, между прочимъ, схематическія фигуры львовъ, въ той грубой, по стильной передачѣ, которую знаемъ только въ періодъ XII—XIII столѣтій. Затѣмъ, мы должны продлить аналогію съ сундукомъ Террачины и въ томъ отношеніи, что наша Охридская дверь есть тоже ничто иное, какъ разобранный по дощечкамъ сундукъ или ящикъ, при чемъ нѣкоторыя, болѣе широкія, дощечки были обрѣзаны въ надлежащую мѣру, и все, затѣмъ, набито гвоздями на простую дверь и окаймлено грубо обдѣланнымъ пояскомъ или наличникомъ съ рѣзными щитками въ видѣ розетокъ. Форма каймы относится также къ XII—XIV столѣтію и встрѣчается въ металлическихъ окладахъ иконъ Балканскаго полуострова вообще. При этомъ, набитыя дощечки представляютъ два вида украшеній ящика: продолговатыхъ и удлиненныхъ въ вышину и филенокъ продолговатыхъ въ ширину, имѣющихъ видъ карнизовъ или каемокъ. На нихъ встрѣчаются такія же розетки или щитки, какъ и на всемъ наличникѣ двери. Широкія продолговатыя филенки находятся въ двухъ мѣстахъ двери и въ верхней части наличника; тамъ онѣ представляютъ разводы, съ помѣщенными внутри ихъ рѣзными «клеймами»: орла, бѣгущаго зайца, птицы, чистящей себѣ перышки, двухъ игроковъ въ четъ и нечетъ. На самой двери, на этихъ филенкахъ вырѣзаны птицы, терзающія птичку или зайца, звѣри, пожирающіе трупы; далѣе, ехидна, сидящая на корточкахъ фигурка, а рядомъ съ нею птица и рыба; и, наконецъ, въ разводахъ грифъ, бьющійся со змѣею[1]) орелъ, несущій зайца. Затѣмъ, на продолговатыхъ пластинкахъ, очевидно, лицевыхъ, представлены четыре пары конныхъ фигуръ, изъ нихъ три четы великомучениковъ Георгія и Димитрія, двухъ Ѳеодоровъ, Меркурія и Прокопія и затѣмъ одна фигура кентавра и одна всадника, бьющагося копьемъ. Всѣ конныя фигуры представлены ѣдущими, или скачущими съ поднятымъ копьемъ.

---

1) «Русскіе клады» I, стр. 39.

Около кентавра представлено въ перспективѣ дерево, на немъ птица, а передъ нею поднявшаяся лиса; внизу женская фигура. Эту композицію слѣдуетъ сравнить съ изображеніемъ кентавра на Новгородскихъ дверяхъ, гдѣ кентавръ держитъ маленькую фигуру царя Соломона передъ собою, а подпись говоритъ, что «китоврасъ мечетъ брата своего Соломона въ обѣтованную землю». Затѣмъ, на другихъ дощечкахъ изображена птица, обвитая кругомъ змѣею, которую она уноситъ съ собой. Далѣе, грифъ, пара львовъ, пара птицъ, держащихъ въ клювѣ вѣтку съ плодами, и двѣ любопытныхъ декоративныхъ таблички, къ сожалѣнію, обрѣзанныхъ. На одной представлена пара сидящихъ обезьянъ, а посрединѣ ихъ стоящій поводырь; внизу собака, лающая на мохнатаго, лѣзущаго по дереву, звѣря. На другой таблицѣ два аспида съ птичьими головами, переплетшимися шеями; а ниже ихъ двѣ скачущія бѣлки. Считаемъ излишнимъ распространяться на тему сходства этихъ барельефовъ съ суздальскими прилѣпами, барельефами въ церкви св. Мины въ Солуни, рисунками на хорахъ Кіево-Софійскаго собора, золотыми бляшками съ церковныхъ одеждъ въ Суздали и поливною греко-восточной посудой. Все это матеріалъ крайне разбросанный [1]), но весьма любопытный для сравнительнаго изслѣдованія памятниковъ греческаго Востока и романскаго Запада и который въ ближайшемъ будущемъ потребуетъ, прежде всего, какой либо каталогизаціи и опубликованія въ цѣльномъ обзорѣ, послѣ чего уже можно будетъ начать изслѣдованіе его генезиса. До того же времени, однако, не лишнее указать, что напримѣръ, переплетшіяся шеями птицы и аспиды не составляютъ исключительной принадлежности романскаго стиля на западѣ, но встрѣчаются и на востокѣ, напр., на дверныхъ наличникахъ въ церкви Арты въ Ѳессаліи, въ Софійскомъ соборѣ въ Болгаріи и проч., и проч. Но возвратимся къ нашимъ находкамъ въ ц. свят. Николая.

Замѣтивъ въ земляномъ полу, какъ разъ возлѣ этой двери, кайму какого-то камня, мы попросили этотъ камень поднять, предполагая возможнымъ, что онъ положенъ внизъ лицомъ, на которомъ могла быть надпись. Когда этотъ камень подняли, онъ оказался большимъ, приблизительно въ два аршина шириною, рельефомъ, (рис. 166), покрывавшимъ могилу. Послѣдняя, очевидно, христіанскаго происхожденія; камень же этотъ, издаваемый нами въ рисункѣ, оказался произведеніемъ античнаго греческаго искусства, приблизительно I вѣка до Р. Х. и представляетъ собою довольно обычную

---

1) Частію неизвѣстный или малоизвѣстный. Таковы, напр., замѣчательныя рѣзныя двери въ Слѣпченскомъ монастырѣ близь Битоля, изданныя П. Н. Милюковымъ въ указ. соч., табл., 28 и 29, въ очень неясныхъ снимкахъ и относимыя имъ къ XIV — XV в. См. также изданную нами на табл. 38 въ «Памятникахъ христіан. на Аѳонѣ» рѣзную дверь Ватопедскаго собора.

вакхическую сцену изъ четырехъ фигуръ; двѣ мужскихъ въ срединѣ, одна съ гроздью виноградною, другая съ кантаромъ и по краямъ двѣ женскія: вакханка съ пастушескимъ жезломъ и гроздью и флейтистка съ двойною флейтой. Стиль, въ которомъ исполненъ этотъ барельефъ, отличается сочными,

166. Античный рельефъ, открытый въ 1900 г. въ церкви Св. Николая («молой») въ Охридѣ.

хотя нѣсколькими манерно-дѣтскими формами тѣла, и еще недалекъ отъ хорошей эпохи греческаго искусства, но выполненъ ремесленникомъ въ мелкозернистомъ песчаникѣ.

Любопытно, что въ другой, тоже незначительной церкви въ Охридѣ, во

имя *Успенія Богоматери*, находится рельефъ (рис. 167), на этотъ разъ изъ мрамора, и приблизительно той же формы, какъ бы неконченный или недодѣланный, и также съ четырьмя стоящими фигурами, но другой, гораздо болѣе поздней эпохи и яснаго римскаго пошиба; рельефъ этотъ плоскій и представляетъ или четырехъ музъ, или три музы съ Аполлономъ (крайняя фигура слѣва), играющимъ на лирѣ (если только это не Терпсихора); около нея стоитъ, повидимому, Эрато, поставившая псалтирь на пьедесталъ. За ней женская фигура, пускающаяся плясать,—повидимому Талія и наконецъ, Уранія, въ обычной для нея ораторской драпировкѣ, указывающая рукою на сферу, поверхъ колонны. Не происходятъ ли эти рельефы отъ языческаго разрушеннаго театра или же не осуществленнаго постройкой?

167. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ.

Въ верхней части города, на открытой вершинѣ холма, господствующей надъ всѣмъ городомъ, находится знаменитая въ лѣтописяхъ славянской исторіи церковь св. Климента (рис. 168 и 169), въ настоящее время только церковь съ церковнымъ домомъ и училищемъ; въ древности, это былъ монастырь съ церковью, посвященной во имя Богоматери Перивленты и построенной въ 1295 году, съ придѣломъ при ней во имя Григорія Богослова, построеннымъ около 1365 года, какъ свидѣтельствуютъ о томъ точныя надписи [1]). Такъ какъ нѣкоторыя древности этой церкви подвергались уже не разъ болѣе или менѣе подробному разбору ученыхъ (В. Н. Григоровича, арх. Антонина,

1) Перепечатка греческихъ надписей надъ входомъ въ церковь, во внутренній нарѳикъ, и надъ входомъ въ придѣлъ, для удобства читателей, сдѣлана уже въ книгѣ П. Н. Милюкова, къ которой мы и отсылаемъ. Нѣкоторыя преданія о церкви и самомъ св. Климентѣ и другихъ церквахъ Охриды сообщены Шапкаревымъ въ «Сборникъ отъ Български народни умотворения», I, 3, кн. 3—4.

П. Н. Милюкова, О. И. Успенскаго и автора статьи въ болгарскомъ сборникѣ), посѣтившихъ Охриду, мы ограничимся только ихъ перечнемъ и остановимся впослѣдствіи подробнѣе на разборѣ тѣхъ памятниковъ, которые были открыты нами тутъ впервые.

168. Церковь св. Климента (бывшей церкви Б. М. Перивлепты) въ Охридѣ.

Въ стѣнахъ церкви св. Климента вдѣлано нѣсколько орнаментальныхъ рѣзныхъ плитъ, украшенныхъ крестами и, по четыремъ полямъ вокругъ креста, птицами и разводами, въ очень грубой и, очевидно, совсѣмъ уже не греческой схемѣ, чему соотвѣтствуетъ и варварскій стиль птичьихъ фигуръ и

разводовъ. Далѣе, на мостовой, съ боку главнаго входа, можно видѣть большой мраморный антаблементъ иконостаса, съ рѣзной орнаментальной каймой по лицевой его сторонѣ; это остатокъ разобраннаго мраморнаго иконостаса, также въ древности замѣненнаго деревяннымъ, котораго орнаментальныя колонки изъ тростниковъ, съ перевитіемъ въ срединѣ, представляются нами въ одномъ образчикѣ, разысканномъ въ церковныхъ складахъ, и намѣренно нами перенесенномъ на землю рядомъ съ антаблементомъ, для исполненія съ нихъ разомъ

169. Восточная сторона церкви Св. Климента въ Охридѣ.

фотографическаго снимка (рисунокъ 170). Внутренность церкви въ настоящее время почти не сохранила древней росписи, и то, что осталось, такъ невѣроятно закопчено, что мы не могли разобрать даже и сюжетовъ. Они были снабжены одновременно и греческими, и славянскими надписями.

Въ церкви св. Климента имѣются нѣсколько предметовъ древности, происходящихъ изъ древнѣйшей эпохи. Такова извѣстная плащаница (табл. IV), уже изданная [1]) и восходящая ко времени Андроника Палеолога. Плащаница, имѣющая въ ширину безъ малаго два метра, представляетъ замѣчательно тонкое издѣліе шитья, по тонкой шелковой матеріи, золотомъ, серебромъ и шелками. По достоинству исполненія и стилю рисунка, она, конечно, значительно уступаетъ изданной нами Солуньской плащаницѣ, и наибольшее сходство имѣетъ, по самой фактурѣ работы, съ сербской плащаницей XIV сто-

1) Н. Н. Милюкова указ. соч., стр. 73—4, таб. 30.

лѣтія, сохраняющейся въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ. Равнымъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тождество ликовъ Спасителя на обѣихъ плащаницахъ, но затѣмъ, все прочее въ композиціи охридской плащаницы оказывается совсѣмъ инымъ и кромѣ того весьма своеобразнымъ. Въ свое время, разсматривая группу плащаницъ, извѣстныхъ намъ или въ оригиналахъ или въ фотографическихъ снимкахъ, мы поставили Охридскую плащаницу на первомъ мѣстѣ по ея древности и ея типу. Дѣло въ томъ, что окончательная выработка этого предмета церковной утвари относится незадолго до нея, т. е. тоже къ XII — XIII столѣтію, но древнѣйшія византійскія шитыя плащаницы или уничтожились, или намъ неизвѣстны, и мѣсто ихъ заступаютъ памятники славянскаго и молдо-влахійскаго шитья, начиная съ XIV вѣка. Настоящая плащаница имѣетъ надпись: Μέμνησο, ποιμὴν Βουλγάρων, ἐν θυσίαις ἄνακτος Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου. Изъ этой надписи ясно, что императоръ Андроникъ Палеологъ сдѣлалъ вкладъ въ эту церковь плащаницей, которая могла быть исполнена, однако же, не въ Византіи, но гдѣ либо въ Македоніи. Но такъ какъ этотъ Андроникъ называетъ Господа «царемъ» (пастыремъ) булгаръ, то возможно также полагать, что именемъ Андроника называется здѣсь не Андроникъ Старшій (1282—1328), но его внукъ Андроникъ Младшій, которому около 1327 года удалось не только покорить, какъ говоритъ Иречекъ, Ѳессалонику, всю южную Македонію, Ѳессалію, но даже Эпиръ и албанцевъ въ то самое время, когда старый императоръ, Андроникъ Старшій, вступалъ въ союзъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ; извѣстно далѣе, что Андроникъ III около 1330 года заставилъ сербовъ оставить Охриду [1]).

170. Мраморная и деревянная части иконостаса въ церкви Св. Климента.

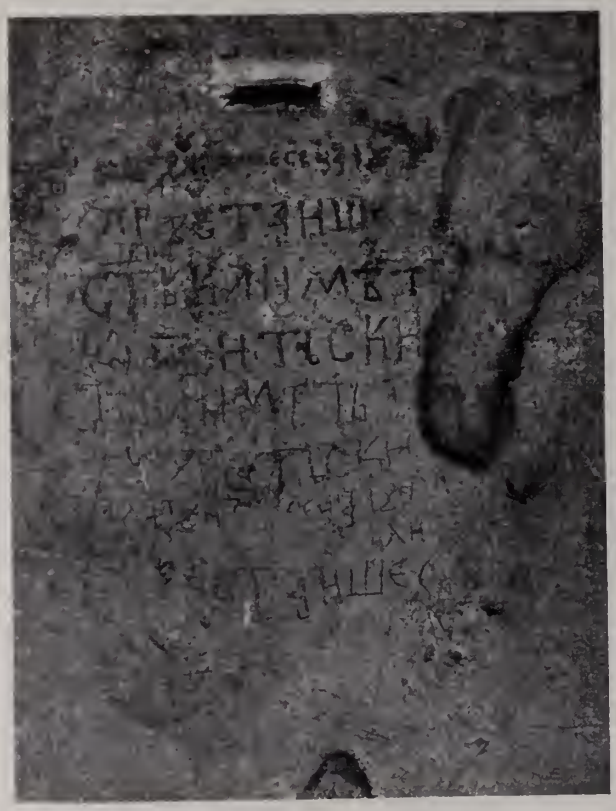
Композиція фигурной темы на этой плащаницѣ носитъ уже эмблематическій характеръ и связана съ литургическими эмблемами. По четыремъ угламъ плащаницы, внутри небесныхъ сегментовъ, представлены четыре эмблемы евангелистовъ (четвертой эмблемы Ев. Марка не достаетъ, и мѣсто ея

1) Иречекъ «Исторія булгаръ» 1877, стр. 275—277.

занято особымъ платомъ, на углу нашитымъ): ангелъ, орелъ и телецъ несутъ книги Евангелій. Тѣло Спасителя, препоясаннаго по чресламъ, положено на высокое четыреугольное ложе, представленное безъ всякихъ его принадлежностей, въ видѣ простого низкаго стола, (приблизительно въ аршинъ вышиною) и покрытаго спеціально для него вышитымъ покровомъ церковнаго характера. Шитье образуетъ сплошную сѣть крестовъ, по переду же разводовъ съ крестами внутри; на той же лицевой сторонѣ помѣщена указанная надпись. Такимъ образомъ, это ложе Христа уподоблено престолу, а ткань, его покрывшая, — священной индитіи. За престоломъ стоятъ, поэтому, два ангела Господня, преклоняясь предъ тѣломъ Христовымъ и осѣняя Его рипидами, — стало быть, это литургическое служеніе, и весь общій характеръ композиціи сакральный и торжественный. Нашитый сбоку, на мѣстѣ эмблемы евангелиста Марка, платъ, съ изображеніемъ киворія и по лѣвую его сторону священнослужителя и греческими надписями изъ церковныхъ пѣснопѣній, представляетъ собою воздухъ и взятъ изъ ризницы, гдѣ имѣется и другой подобный платъ, о которомъ скажемъ ниже. Плащаница вышита по малиновому шелку разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ; фигуры сдѣланы на основѣ золотистаго шелка, и тѣло желто-коричневаго цвѣта, какъ видно во всѣхъ ликахъ, давшихъ въ фотографіи затемненныя мѣста. Вся орнаментація этого шелковаго полога крестиками въ кружкахъ, форма и стиль орнаментовъ и арабесокъ указываютъ на византійское искусство, уже осложненное вліяніемъ арабскаго орнамента, что, повидимому, произошло на Балканскомъ полуостровѣ именно въ періодъ XIII—XIV столѣтій.

Краткое обозрѣніе древней стѣнной росписи церкви сдѣлано было академикомъ Ѳ. И. Успенскимъ (Милюкова, стр. 71): роспись до такой степени закопчена и покрыта вѣковою пылью, а затѣмъ и разрушена, что съ трудомъ можно разобрать иныя фрески и ихъ остатки, почти исключительно изъ области евангельскихъ сюжетовъ по коробовымъ сводамъ. Сдѣлать какіе бы то ни было фотографическіе снимки, за крайнею темнотою, оказалось невозможно. Только со свѣчами въ рукахъ могли мы осмотрѣть любопытное фресковое изображеніе династа *Остоя Раяковича*, молящагося образу Богоматери. Надъ его изображеніемъ читается слѣдующая надпись: Прѣстависе рабь бжіи ѡстоѧ Раѧковичь по гоусломь угарчикь. и суродникъ крала Марка. зеть жупана Гропе лѣта ѕѡпн мсца октѡмврія ї інд ї. Вась же молю братіѧ моѧ любимаѧ прочитающе простите а рабь, ѧко вы можете быти како ѧ, а ѧ како вы—николіже. П. М. Милюковъ (стр. 72 — 76) замѣчаетъ, что имя Жупана Гропе находится также въ надписи церкви Стараго Климента, какъ владѣтеля Охриды во второй половинѣ XIV столѣтія; этотъ жупанъ былъ, въ свою очередь, зятемъ Эпирскаго деспота Андрея Мусаки, а у этого

Андрея сыномъ былъ Стоя, или Остоя, приходившійся, стало быть, братомъ жены жупана Гропа. Настоящая фреска относится къ 1379 году, когда Остоя умеръ, а былъ онъ господиномъ города Костура въ періодъ времени 1372 — 1379 г. Мы приводимъ всѣ эти данныя, ради значительнаго интереса, который представляетъ собою самый портретъ Остои (переданъ въ рисункѣ у П. Н. Милюкова) съ точки зрѣнія княжескихъ облаченій, такъ какъ фреска представляетъ здѣсь много любопытныхъ реальныхъ подробностей. Остоя не имѣетъ на головѣ никакого убора, ни вѣнца; волосы длинные, спущены прямо на шею, но концы ихъ завиты локонами. На немъ надѣтъ длинный кафтанъ изъ малиновой, видимо, шелковой матеріи. Кафтанъ этотъ, съ очень узкими рукавами, плотно облегаетъ талію, по средневѣковой западной модѣ, но удерживаетъ характеръ византійскихъ облаченій. Вокругъ шеи на кафтанѣ нашито золотое жемчужное оплечье. Разрѣзы на груди, подолѣ и нижней части рукавовъ оторочены также золотымъ галуномъ, саженнымъ жемчугами, а по рукавамъ дутыми металлическими пуговками. Отъ таліи до подола кафтанъ вышитъ рядами большихъ круговъ съ двуглавыми орлами внутри. На таліи внизу свободно наброшенъ кожаный поясъ, набранный металлическими бляшками съ чернью. Два длинныхъ конца этого пояса свободно свѣшиваются до пола, а средняя пряжка между ними закрѣпляетъ поясъ на высотѣ таліи. Такого рода пояса знаемъ въ особенности въ некрополяхъ средневѣкового Кавказа. Ихъ восточное происхожденіе понятно само собою и можетъ быть легко прослѣжено, но для насъ, въ частности, наиболѣе любопытно ихъ появленіе у славянъ и другихъ народовъ Балканскаго полуострова. Что касается формулы обращенія къ читателямъ, употребленной въ надписи, то,



171. Надпись надъ гробомъ Св. Климента Славянскаго.

кромѣ другихъ славянскихъ же аналогій, приведенныхъ И. В. Ягичемъ, слѣдуетъ указать также на извѣстное всѣмъ въ исторіи итальянской живописи фресковое изображеніе въ Пизанскомъ Кампо-Санто.

Мы не будемъ, затѣмъ, разбирать знаменитую славянскую надпись (рис. 171) надъ гробомъ св. Климента, такъ какъ она отлично разобрана раньше, и уже нынѣ съ достаточной доказательностью утверждено, что она относится ко времени того же архіепископа Прохора, которому принадлежитъ паникадило церкви, помѣченное 1549 годомъ. Деревянная статуя (вѣрнѣе — горельефъ), изображающая св. Климента Славянскаго, и стоявшая во времена Григоровича «у лѣвыхъ вратъ иконостаса», при чемъ глава ея была покрыта украшеніемъ изъ парчи, унизанной жемчугомъ, нынѣ стоитъ въ ризницѣ, и лишена какихъ бы то ни было украшеній. Статуя (рис. 172) по всей вѣроятности, относится также къ XIV столѣтію, и была ранѣе, конечно, покрыта гипсомъ и вся расписана красками, а перенесена въ церковь, скорѣе всего, изъ монастырской трапезы, гдѣ была, быть можетъ, водружена на игуменскомъ мѣстѣ.

172. Горельефный образъ св. Климента.

Икона св. Климента, нынѣ съ трудомъ различимая въ чертахъ и подвѣшенная надъ ракою святого, относится, повидимому, къ XVI вѣку и представляетъ святого († 916, 27 Іюля, былъ епископомъ Тиверіополя или Бѣлицы) [1]) въ епископскомъ облаченіи, съ крещатымъ омофоромъ; высокій взлызлый лобъ, крайне тонкій суженый овалъ лица, съ тонкимъ носомъ, съ длинною бородою клиномъ — должны характеризовать портретныя черты того же святителя, а большая книга въ его лѣвой рукѣ относится къ его сочиненіямъ (проповѣди, похвальныя слова, житія). Но въ то же время эти черты весьма близко напоминаютъ и св. Климента папу Римскаго, хотя это сходство, обязанное своимъ происхожденіемъ обычнымъ пріемамъ иконописцевъ, еще не можетъ опровергать принадлежности иконы и статуи именно

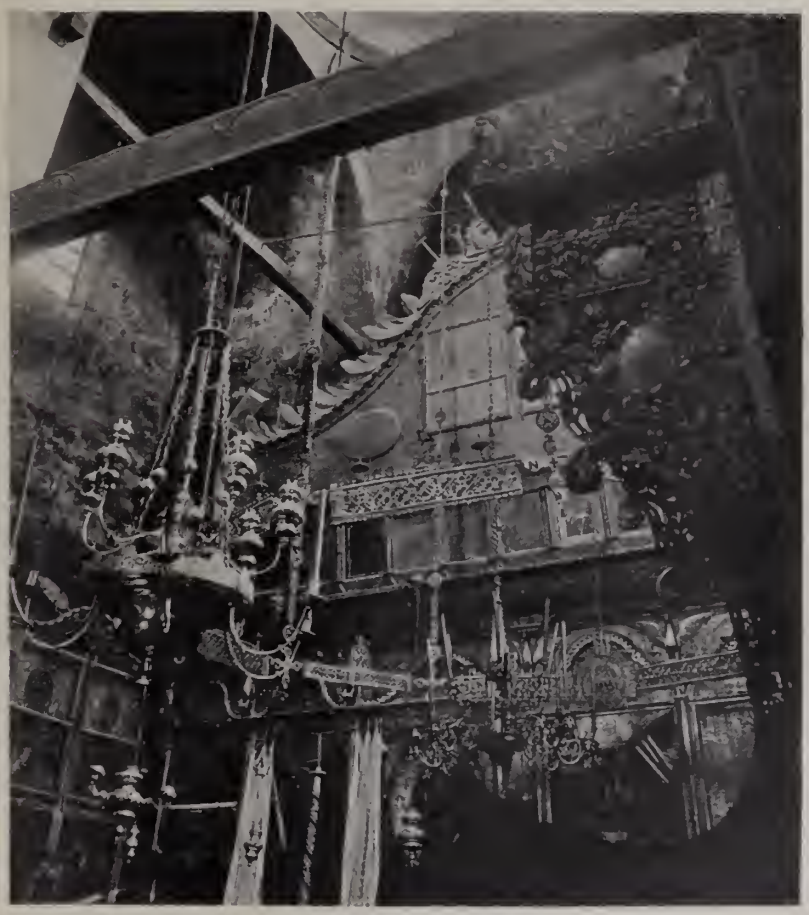
1) См. въ томъ же соч. Акад. Е. Е. Голубинскаго, стр. 169—170.

Славянскому учителю. Икона эта нѣкогда стояла въ самомъ иконостасѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Григоровичъ, считавшій эту икону древнѣйшею во всемъ ряду иконостаса. Вообще должно прибавить, что изображеніе Климента, Охридскаго архіепископа, доселѣ извѣстно только въ одной росписи, указанной преосвященнымъ Порфиріемъ [1]). Изображеніе это находится на стѣнѣ, подлѣ жертвенника, въ Преображенскомъ храмѣ Метеорскаго Преображенскаго монастыря (алтарь древнѣе храма, построеннаго въ 1545 году и росписанъ былъ уже въ 1484 году). Въ алтарѣ храма изображенъ также строитель его и бывшій игуменъ Іоасафъ — сербскій князь Урошъ Палеологъ (1383 — 1388), постригшійся на Аѳонѣ, что заставляетъ полагать, что роспись этого храма была сдѣлана сербами или же исполнена сербскою иконописной мастерской. Нѣкоторыя черты характернаго реализма, видоизмѣнившаго даже символическіе сюжеты, должны быть здѣсь отнесены къ тѣмъ же славянскимъ оригиналамъ. Такъ, напримѣръ, подъ Распятымъ, вмѣсто главы Адамовой, представленъ самъ Адамъ, сидящій внутри голгоѳской пещеры и исповѣдующій «свое искупленіе кровію Господней», какъ прописано рядомъ. Въ Пятидесятницѣ, вмѣсто Царя и смерда, бесѣдующихъ съ апостолами, среди собранія, представлено два царя: царствъ римскаго и іудейскаго.

Двѣ главныя мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери въ иконостасѣ ц. св. Климента, хотя и плохо сохранились и, видимо, много разъ были переписаны, оказываются все же любопытными памятниками старины, главнымъ образомъ, со стороны серебрянаго басменнаго оклада, относящагося, очевидно, къ той же древней эпохѣ, точнѣе сказать, къ XIV вѣку. Правда, этотъ басменный окладъ снятъ, быть можетъ, съ другихъ иконъ, бо́льшаго размѣра, и не имѣетъ уже нынѣ, напр. на иконѣ Спасителя, лѣвой каймы. Однако и тѣ басменныя орнаментальныя пластинки, которыми иконы убраны, очень изящнаго рисунка, особенно на иконѣ Богоматери. Поверхъ басменныхъ пластинокъ, на этой послѣдней иконѣ набита также и надпись имени Богоматери, которая, однако, въ данномъ случаѣ, никакого фактическаго указанія на особое «явленіе» или «во имя» не заключаетъ. На коймахъ иконъ находятся чеканные образки пророковъ и святыхъ. Какъ разъ подъ этими двумя мѣстными иконами находится, затѣмъ, мелкая надпись, протянутая почти вдоль всего иконостаса, въ которой говорится, что «сіе темло соградися» и пр. (темло = τέμπλον = тябло, иконостасъ) въ 1866 году щедротами православныхъ христіанъ и ктиторовъ церкви (приведено нѣсколько фамилій) и епитроповъ. Иконостасъ, стало быть, подвергся въ самое послѣднее время передѣлкѣ, но когда мы стали осматривать верхнія его части, то нашли въ

1) Путешествіе въ Метеорскіе монастыри 1896 г., стр. 168—9.

немъ въ особыхъ застекленныхъ кіотахъ всѣ тѣ иконы (см. рис. 173), которыя ранѣе находились на наиболѣе почетныхъ мѣстахъ внизу и затѣмъ были переставлены наверхъ. Въ большомъ кіотѣ налѣво, какъ показываетъ сдѣланный нами снимокъ, оказались рядомъ двѣ иконы Богоматери, весьма большія и древнія, въ серебряныхъ древнихъ окладахъ. Осматривая, затѣмъ, въ би-



173. Иконостасъ церкви св. Климента въ Охридѣ.

нокль рядъ кіотовъ большого размѣра, вправленныхъ въ новый иконостасъ выше пояса праздниковъ, я, сквозь густую пыль, покрывавшую какъ иконы, такъ и стекла кіотовъ, очевидно, не чищенныхъ съ 1866 года, различилъ слабые признаки краски на одномъ металлическомъ вѣнчикѣ. Обстоятельство это меня поразило и заставило предположить, что вѣнчикъ этотъ эмалевый. Мы обратились къ настоятелю церкви, а затѣмъ и къ Охридскому митрополиту, прося разрѣшить намъ снять всѣ эти иконы сверху и осмотрѣть ихъ ближе въ самой церкви. Что же оказалось? Передъ нами черезъ день стояли

въ рядъ девять великолѣпныхъ, древнѣйшихъ, какія только извѣстны, мѣстныхъ *вкладныхъ иконъ*, въ древнихъ же серебряныхъ окладахъ, украшенныхъ прекрасными чеканными изображеніями на особо набранныхъ пластинкахъ и даже эмалями. Этотъ поразительный рядъ памятниковъ имѣетъ тѣмъ болѣе цѣны, что мы доселѣ нигдѣ не знаемъ ничего ему подобнаго. Очистивши эти иконы и обмывши ихъ отъ пыли и копоти, мы могли, затѣмъ, свободно на открытомъ воздухѣ и на свѣту исполнить съ нихъ точные фотографическіе снимки. А такъ какъ единственное средство, намъ извѣстное въ дѣлѣ охраненія памятниковъ, заключается въ томъ, чтобы владѣльцы ихъ знали, по крайней мѣрѣ, имъ хотя денежную цѣну, я, пригласивши особо того же митрополита съ клиромъ, показалъ имъ на этотъ рядъ иконъ и увѣщевалъ ихъ сохранить ихъ отъ разрушенія на будущее время. И вотъ, когда я ихъ такъ убѣждалъ, тотъ же митрополитъ, съ улыбкой пренебреженія, мнѣ на это отвѣтилъ: «Это для васъ, археологовъ, эти иконы очень цѣнны, а намъ что́ толку въ этой старой рухляди». Не находя другихъ аргументовъ, я ему сказалъ: «Чтобы вамъ, владыка, дать понятіе, насколько все это имѣетъ даже денежную цѣну, я вамъ скажу, что я сейчасъ согласенъ вамъ дать за одинъ только вотъ этотъ вѣнчикъ тысячу рублей». — «Такъ, значитъ, онъ дороже стоитъ?» — спросилъ владыка. И я оставилъ его убѣждать, находя, что «ученаго учить — только портить».

Таблицы V—XII.

Какъ мы увидимъ изъ всего послѣдующаго, иконы нашего ряда представляютъ почти сплошь одинъ и тотъ же размѣръ, колеблющійся лишь въ какомъ либо десяткѣ сантиметровъ: отъ 93 сантиметровъ до 1 метра 10 сантиметровъ въ вышину. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ этомъ ряду оказывается не менѣе пяти иконъ Богоматери (одна изъ нихъ, какъ увидимъ, носитъ во́имя: *Перивлепты*, т. е., видимо, мѣстная икона этой самой церкви), нельзя думать, чтобы онѣ происходили изъ одного и того же иконостаса: онѣ представляютъ сборъ мѣстныхъ иконъ или изъ разныхъ церквей или разныхъ придѣловъ. Многое заставляетъ убѣдиться (см. ниже), что между иконами есть иныя, перенесенныя сюда изъ митрополіи — т. е. св. Софіи, послѣ того, какъ она была обращена въ мечеть. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить изящное исполненіе металлическихъ окладовъ, видимо, разсчитанныхъ на то, что эти иконы могли быть разсматриваемы вблизи, стало быть, скорѣй всего, находились въ какомъ либо почитаемомъ придѣлѣ: для большой церкви размѣръ иконъ, высотою въ 1 метръ, кажется слишкомъ малымъ. Съ другой стороны, мы можемъ предполагать, что въ періодъ XII—XIII столѣтій, къ которому относятся эти иконы, иконостасы были значительно ниже, чѣмъ стали дѣлать въ XIV и XV вѣкахъ, а свободныя междустолпія у́же, чѣмъ мы себѣ доселѣ представляемъ. Остается оговорить также появленіе среди

иконъ въ этомъ ряду двухъ створокъ Благовѣщенія: одной для архангела Михаила и другой для Богоматери, сидящей и пріемлющей благовѣстіе. Какъ извѣстно, изображеніе Благовѣщенія, въ видѣ двухъ раздѣленныхъ между собою фигуръ, помѣщалось обычно въ византійскихъ церквахъ на двухъ столпахъ, обрамляющихъ алтарную нишу. Такой обычай повелся, повидимому, уже съ X вѣка и встрѣчается, какъ извѣстно, часто въ мозаикахъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ періодъ времени, начиная съ XII вѣка, вмѣсто подобныхъ мозаическихъ изображеній Благовѣщенія, стали вѣшать на тѣхъ же самыхъ столбахъ, но въ уровень съ иконами алтарной преграды (иконостаса) также 2 живописныхъ иконы Благовѣщенія. Что наши послѣднія иконы были помѣщены на уровнѣ мѣстныхъ иконъ первоначально, доказательствомъ этому служитъ, какъ мы увидимъ, надпись на металлической пластинкѣ, исполненная эмалью, называющая ктитора. Наконецъ, иконы нашего ряда вовсе не принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ по своему происхожденію; древнѣйшія изъ нихъ восходятъ, повидимому, къ срединѣ XI столѣтія, большинство относится къ XIII и нѣкоторыя даже къ XIV вѣку.

Ясный характеръ мѣстныхъ иконъ представляютъ въ нашемъ ряду прежде всего двѣ иконы-дружки, одного письма и одинаковаго убора и при томъ иконы Спаса и Богоматери, носящія одинъ эпитетъ: *Душеспасителя* и *Душеспасительницы* (таблицы V и VI). Начнемъ съ первой. Таблицы V—VI.

Икона Спаса (0,93 м. дл. и 0,68 м. шир.) представляетъ обычный типъ Спаса Вседержителя, съ кодексомъ Евангелія въ лѣвой рукѣ и съ благословляющей десницей (такъ наз. двуперстное сложеніе), какъ этотъ типъ выработался въ мозаикахъ стѣнной живописи еще въ XII вѣкѣ. Типъ не лишенъ монументальной величавости, которая передана столько же въ могучей фигурѣ Вседержителя, широкихъ складкахъ традиціонныхъ одеждъ, сколько и въ спокойномъ самоуглубленномъ и аскетически сдержанномъ выраженіи лица. Мы слишкомъ уже много говорили объ этомъ типѣ Спасителя ранѣе, (въ «Лицевомъ подлинникѣ») для того, чтобы повторять вновь весь анализъ. Краткоговоря, настоящая икона интересна именно со стороны иконописной передачи монументальнаго типа въ формѣ моленнаго образа. Нечего и говорить о томъ, что для тѣхъ, кто въ моленномъ образѣ считаетъ обязательнымъ выраженіе трогательное и душевное, эта мозаическая фигура Вседержителя всегда останется чуждой. Это между прочимъ одна изъ причинъ, почему образъ Спаса, столь обильно распространенный въ греческой иконописи, со всѣми ея вѣтвями: русскою, критскою, южно-итальянскою — вовсе не привился къ ранней итальянской живописи, положившей все свое достоинство въ изображеніи душевной экспрессіи. Что значитъ, затѣмъ, украшающій эпитетъ «Душеспаси- Табл. V.

теля», мы не можемъ сказать, кромѣ только того, что въ XII и XIII столѣтіяхъ вошло въ обычай не только въ иконахъ, но даже и на печатяхъ прилагать подобные эпитеты къ образамъ Спаса и Богоматери. Наша икона была, если не переписана, то подправлена и «освѣжена» приблизительно въ XVI, что, между прочимъ, выдается нѣкоторыми рѣзкими складками, письмомъ благословляющей десницы и оживками около глазъ и бровей. Обращаясь, напротивъ того, къ металлическому окладу, мы можемъ легко утверждать его безусловную принадлежность къ XIV вѣку. Объ этомъ говоритъ намъ весь рисунокъ фона, коймъ, вѣнчика, а равно и стиль чеканныхъ образковъ на коемкахъ иконы. Фонъ орнаментированъ рядами плющевыхъ листковъ (орнаментъ въ Византіи назывался τὰ φύλλα) въ формѣ условнаго листка съ крипомъ внутри. Коймы же покрыты кружками съ акапоовыми разводами внутри ихъ, а затѣмъ также чеканными пластинками и въ промежуткахъ выпуклыми щитками съ плетеніемъ. Нѣкоторыя части орнамента наведены свѣтлозеленою и синею эмалью, а также черпью, со спеціальной цѣлью уподобить напримѣръ выпуклые щитки ажурнымъ. Любопытны также и пластинки, которыми убраны были коймы, но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось мало, всего шесть, и то помятыхъ, а низъ коймы совершенно разрушенъ. Любопытно, что въ срединѣ верхней коймы, тамъ, гдѣ помѣщалось обыкновенно изображеніе «уготованнаго трона», въ данномъ случаѣ, находится погрудное изображеніе апостола Андрея, по сторонамъ его: Петра и Павла, ниже четырехъ евангелистовъ (сохранились пластинки Матѳея, Іоанна Богослова, Марка), еще ниже апостоловъ: уцѣлѣли надписи именъ Симона, Іакова. Погрудныя фигурки, переданныя въ этихъ пластинкахъ, выполнены крайне свободной, широкой манерой; особенно обращаетъ на себя вниманіе широкая скульптурная трактовка волосъ, а также и драпировокъ. Типы всѣ сохраняютъ еще характеристику, данную лучшимъ византійскимъ искусствомъ XI—XII столѣтій: вмѣсто книгъ въ рукахъ апостоловъ Петра и Андрея еще находятся свитки, а форма книги усвоена только евангелистамъ. Типы сохранили ту индивидуальность, которая имъ была нѣкогда придана: однако, лики Петра и Марка почти совершенно тождественные: тѣ же курчавые волосы, та же маленькая и короткая борода, тотъ же четыреугольный овалъ, надвинутыя брови, тотъ же

174. Образокъ на иконѣ Спасителя. (Табл. V).

характеръ простого, даже вульгарнаго, но искренняго лица. Къ сожалѣнію, мы не можемъ издать всѣ эти образки и должны ограничиться одною лишь пластинкой Іоанна Богослова (рис. 174), любопытной, какъ контуръ основного, еще умѣреннаго въ чертахъ типа, впослѣдствіи столь утрированнаго въ русской иконописи.

Весьма возможно, что описанная нами икона Спаса получила прозваніе Спаса Душеспасителя отъ другой мѣстной иконы Богоматери Душеспасительницы (таблица VI). Дѣло въ томъ, что это послѣднее вóимя (Спаса или Богоматери) исторически извѣстно: такъ назывался въ эпоху латинскаго завоеванія Константинополя одинъ тамошній монастырь, находившійся въ кварталѣ Гелъ близь извѣстной, особенно чтимой, церкви «Богоматери» (Θеотокосъ). Извѣстіе объ этомъ монастырѣ, правда, сохранено только одною почти современною записью доминиканца Петра Кало, венеціанца родомъ († 1310), записавшаго обстоятельства перенесенія изъ Константинополя мощей св. Іоанна Александрійскаго въ Венецію въ 1214 году [1]). Разсказъ этотъ передаетъ, что перенесеніе было устроено латинскимъ пріоромъ монастыря (Спаса или Богоматери) «Психосостры» Робальдомъ, который, будучи весьма религіознымъ и богобоязненнымъ мужемъ, случайно узналъ, что въ церкви Θеотокосъ хранятся эти св. мощи и на поклоненіе имъ сходятся массы народа. Церковь эта лишилась, во время завоеванія, всякаго клира, но толпы продолжали, въ извѣстный день, приходить на поклоненіе и затѣмъ церковь запиралась. Похитивъ ночью мощи, пріоръ отправилъ ихъ въ Венецію, въ монастырь св. Даніила въ Венеціи, именемъ котораго былъ названъ латинянами и самый монастырь Психосостры. Въ латинскомъ текстѣ остается совершенно неяснымъ: подъ именемъ монастыря Психосостры разумѣется ли монастырь во имя Спаса или Богоматери этого имени: возможно и то, и другое. Единственное указаніе — близость этого монастыря къ церкви Богоматери, весьма извѣстной въ Константинополѣ и понынѣ еще существующей, почему мы и рѣшаемся считать его пока монастыремъ во имя Богоматери [2]).

Табл. VI.

Письмо настоящей иконы, какъ было сказано, носитъ всѣ черты древняго письма XIV столѣтія. Икона имѣетъ въ длину 0,92 м. и въ ширину 0,69 м. и является вполнѣ дружкою иконы Спаса. Икона представляетъ Богоматерь въ композиціи почти одинаковой съ Иверскою чудотворной иконой: различіе въ положеніи головы, не столь наклоненной къ Младенцу и въ менѣе

---

1) Comte Riant *Exuviae sacrae Constantinopolitanae*, 1877, I. CVIII, p. 180—2. Въ одной редакціи читается: monasterium Psychosostre, *id est Salvatoris animarum...*; въ другой: monasterium in platea, quae dicitur *Pulchra* situm, et graece nuncupatum *Psychosostrae*, quasi *Salvatricis animarum...*

2) Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 79.

суровой экспрессіи лица Богоматери, очевидно, лишеннаго той мимолетной скорбности, которая наблюдается въ Иверской иконѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнна близость нашей иконы къ этой послѣдней: эта близость наблюдается и въ головѣ Младенца, слегка приподнятой и въ положеніи рукъ Его и Богоматери. Правая рука Богоматери слегка прижата къ груди. Она съ головою покрыта мафоріемъ, котораго края, отороченные галуномъ, образуютъ вокругъ головы по три зигзаговыхъ складки. Рисунокъ лика ея, наиболѣе близокъ къ Иверской Богоматери, а также и къ другимъ иконамъ стараго Аѳона, относящимся къ XV и XVI вѣкамъ. Одежды Младенца покрыты густою золотой шрафировкой творенымъ золотомъ. Окладъ иконы представляетъ рѣшетчатый фонъ, наведенный свѣтло-зеленой и синей финифтью и напоминаетъ извѣстные уже фона въ окладахъ Евангелій въ библіотекѣ св. Марка, повидимому происходящихъ съ Балканскаго полуострова. Весь вѣнчикъ покрытъ арабесками и выпуклыми щитками такого же рисунка. Въ верхнихъ углахъ иконы написаны по грудь два архангела, умиленно преклоняющіеся предъ образомъ. По каймѣ, орнаментированной разводами, набитъ рядъ чеканныхъ пластинокъ: наверху и въ срединѣ Спасителя, по сторонамъ Его, патріарха Іакова, (въ правомъ углу попалъ круглый медальонъ Іоанна Златоуста, взятый изъ другой иконы). Ниже по каймѣ пророки и патріархи: Іезекіиль, Даніилъ, Аввакумъ, Іеремія, Гедеонъ, Ааронъ, — прочіе не сохранились. Внизу тоже укрѣпленъ медальонъ врача Даміана, съ другой иконы. Всѣ пророки держатъ развернутые свитки, на которыхъ читается начала извѣстныхъ изреченій, относящихся къ Богоматери. Достоинство этихъ изображеній не уступаетъ описаннымъ на предыдущей иконѣ, но, къ сожалѣнію, большинство лицъ оказывается проткнуто, очевидно, мусульманами, скорѣе всего албанцами, когда либо овладѣвшими церковью и излившими свой заматорѣлый фанатизмъ. Изъ всѣхъ этихъ пластинокъ мы избираемъ для публикаціи пророка Гедеона, точнѣе праведнаго Гедеона, любопытной по характерному типу (рис. 175). Изъ круглыхъ, попавшихъ сюда образковъ, весьма интересною является пластинка, съ круглымъ медальономъ Іоанна Златоуста (рис. 176), которая дополняетъ, точнѣе говоря, — подтверждаетъ данныя по его иконографіи, получаемыя нами черезъ посредство живописныхъ изображеній. Хотя верхъ головы патріарха продавленъ ударомъ, все же черты типа ясны: маленькая голова, съ очень большимъ лбомъ и рѣдкими волосами, въ видѣ немногихъ прядей на вискахъ и надъ челомъ, съ крайне острымъ и малымъ нижнимъ оваломъ лица, извѣстны намъ и въ живописи. Но здѣсь, на этомъ крохотномъ и сухомъ личикѣ старца любопытны еще два большихъ глаза, широко раскрытыхъ, прямой характерный носъ и маленькія сухія губы; тонкіе усы спускаются по обѣ стороны рта и узкаго подбородка, и сливаются

подъ нимъ съ крохотной бородкой, въ видѣ двухъ небольшихъ прядей. Рисунокъ даетъ такимъ образомъ совершенно точное указаніе и помогаетъ въ пониманіи другихъ изображеній святого. Такъ, въ извѣстномъ мозаическомъ изображеніи святителя, въ алтарѣ Палатинской капеллы въ Палермо, согласно съ условіями мозаической техники, эта опушающая подбородокъ святого маленькая борода представлена только легкой тѣнью, которую легко можетъ опустить не знающій дѣла рисовальщикъ.

175. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. VI).

176. Образокъ Іоанна Златоуста на иконѣ Б. М. (Табл. VI).

Икона Б. М. Перивленты принадлежитъ XIV столѣтію, какъ и двѣ предыдущія. Не смотря на то, что она, по своему эпитету, изображаетъ Богоматерь того самого воинства, которому посвящена была церковь, икона оказывается наименѣе украшенной и убранной, хотя сохранилась съ своимъ орнаментальнымъ уборомъ, за исключеніемъ нижней коймы, лучше предыдущихъ. Поэтому возможно, что икона происходитъ изъ какого либо придѣла, къ тому же она и по размѣрамъ ниже нѣсколько предыдущихъ. Орнаментація чеканныхъ по серебру коймъ и оклада иконы напоминаетъ особенно грузинскіе оклады иконъ. Чрезвычайно характерно необыкновенное разнообразіе аканоовыхъ пальметокъ внутри кружковъ, какъ въ коймахъ, такъ и фонахъ оклада. Мы насчитали въ первыхъ 12 типовъ шаблона, въ фонахъ разнообразіе еще больше. Типъ Богоматери близокъ къ описанному выше, но представляетъ также и нѣкоторое отъ него отличіе: рука Богоматери поднята гораздо выше и не прижимается къ груди, но дѣлаетъ лишь движеніе вверхъ, прежде чѣмъ быть прижатой. Положеніе Младенца также слегка видоизмѣнено и болѣе запрокинуто, чѣмъ въ предыдущей иконѣ такъ, что Табл. VII.

Младенецъ здѣсь смотритъ уже прямо на мать, хотя и держитъ по прежнему въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правою благословляетъ. Совершенно та же фактура письма и та же степень сохранности его, при чемъ надо оговорить нѣкоторыя повидимому, позднѣйшія оживки на лицахъ и отчасти на бахромѣ одеждъ.

Трудно отвѣтить, затѣмъ, на вопросъ: представляетъ ли эта икона списокъ чудотворной византійской иконы, прозванной по имени монастыря Перивлептою?

Большой монастырь во имя Богородицы Перивлепты построенъ былъ Императоромъ Романомъ Аргиромъ (1028—1034) въ мѣстности, нынѣ называемой Псаматіею. съ лѣвой стороны отъ улицы, ведущей къ Золотымъ Воротамъ. Какъ извѣстно, это былъ излюбленный монастырь императоровъ XI—XII столѣтій, богато украшенный мозаиками и одаренный обширными владѣніями. Мы уже передавали ранѣе подробный разсказъ Клавихо отъ 1403 года о великолѣпной церкви этого монастыря. Онъ описываетъ здѣсь изображеніе Богоматери, окруженной императоромъ и императрицей, находившееся у входа въ самую церковь; по его словамъ, у подножія образа св. Маріи были представлены 30 замковъ и городовъ и по гречески написано имя каждаго изъ нихъ. Руководясь западными обычаями, Клавихо предположилъ или ему сказали, что эти замки и города были даны церкви императоромъ. Но тотъ же Клавихо ни одного слова не прибавляетъ, была ли въ этой церкви какая либо чудотворная икона. Не знаетъ того и нашъ паломникъ Антоній, посѣтившій Царьградъ въ концѣ XII вѣка, когда говоритъ о мѣстности Троядофилицѣ (Тріаконтафилла, нынѣ Сулу), что монастырей тамъ множество и мощей святыхъ, и часть милоти Ильиной тамъ есть и что монастырь тотъ—стало быть монастырь Перивлепты—богаче другихъ цареградскихъ монастырей городами и селами, и золотомъ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ ни одного прямого указанія на существованіе чудотворной иконы съ этимъ именемъ и впредь до появленія такого должны относить имя Богоматери къ имени монастыря, или славившагося великолѣпными постройками, и обширными видами, или, еще просто, поставленнаго на мѣстности, издавна носившей такое прозваніе. Въ одномъ латинскомъ документѣ [1]), относящемся къ 1169 году, это имя объяснено словами: circumsepta—«кругомъ обнесенный оградою». Зная, однако, пристрастіе грековъ къ истолкованіямъ именъ по рефлексу, можно почти безъ ошибки предполагать 1) что имя монастыря было переведено затѣмъ въ разрядъ украшающихъ эпитетовъ для имени Богоматери и 2) что если не было съ самаго начала въ монастырѣ какой либо чтимой чудотворной иконы, то впослѣдствіи такая появилась, или

1) Riant, Exuviae, I p. 187.

могла появиться, какъ реальное воплощеніе особаго иконописнаго типа Богоматери.

Въ эту же группу входитъ икона Богоматери, которую мы условно назовемъ, по ея типу, Одигитріею, хотя на самой иконѣ никакого названія нѣтъ, кромѣ обычныхъ титуловъ Богоматери и Младенца. Но такъ какъ Богоматерь изображена здѣсь смотрящею прямо на зрителя и держащею на лѣвой рукѣ Младенца, а онъ представленъ также глядящимъ на зрителя и благословляющимъ правою рукою, то икона эта даетъ несомнѣнную копію Б. М. Одигитріи. Какъ письмо этой иконы, такъ и весь ея серебряный чеканный окладъ совершенно той же самой фактуры, что двѣ иконы Спаса Душеспасителя и Б. М. Душеспасительницы. Конечно, такъ какъ самое письмо почти на половину разрушено, то можно любоваться лишь самымъ серебрянымъ окладомъ, необыкновенной тонкостью рѣшетчатыхъ фоновъ и достоинствомъ чеканныхъ пластинокъ, украшающихъ кайму оклада. Къ сожалѣнію, ихъ сохранилось только пять малыхъ по верху: Спаса, двухъ архангеловъ, Петра и Павла, и шесть продолговатыхъ пластинокъ по боковымъ коймамъ, вмѣсто десяти. Наиболѣе интересныя изъ этихъ изображеній—продолговатыя пластинки съ рисунками евангелистовъ и апостоловъ. Рисунки эти еще прекраснаго типа, относящагося къ XI и XII столѣтіямъ. Евангелисты представлены здѣсь держащими Евангелія на покровенныхъ гиматіемъ рукахъ, а апостолы со свитками, благословляющіе христіанскія общины. Конечно, античный рисунокъ переданъ здѣсь въ тяжелой схемѣ, но уже важно то, что онъ есть; такъ напримѣръ, апостолъ Варооломей представленъ въ позѣ, которая была бы вполнѣ естественна и въ древней мозаикѣ: правая рука его даже закутана такъ, какъ было принято у древнихъ ораторовъ, старавшихся облагородить свои жесты покойными движеніями. Табл. VIII.

Икона Богоматери, на которой, наконецъ, даже есть серебряный титулъ съ именемъ Одигитріи, представляетъ для насъ замѣчательно сохраненный экземпляръ списка этого перевода, важный при вопросѣ историческаго сличенія. Конечно, намъ нѣтъ нужды начинать это сличеніе съ древнѣйшихъ типовъ Одигитріи, которые и сами по себѣ слишкомъ еще не опредѣлились въ композиціи и по времени отдалены отъ XIV столѣтія, къ которому принадлежитъ наша икона, а потому сравнивать ее приходится въ первую голову съ иконою церкви Санта Марія Маджіоре въ Римѣ, а затѣмъ, съ иконою Смоленской Богоматери. Что касается другихъ списковъ Одигитріи и подробностей сравненія, мы предпочитаемъ отослать читателя къ спеціальному своему сочиненію объ иконографіи Богоматери, которое предполагается скоро издать въ свѣтъ. Кратко говоря, на иконѣ Римской церкви Богоматерь смотритъ нѣсколько въ правую сторону, и даже голова ея чуть Табл. IX.

наклонена къ правому боку, что вполнѣ согласуется съ положеніемъ фигуры, держащей ребенка на лѣвой рукѣ и стоящей: голова и даже отчасти плеча фигуры, для удержанія равновѣсія, будутъ отклонены слегка вправо. Затѣмъ, Младенецъ на этой иконѣ представленъ въ трехъ четвертяхъ лица и слегка обернутъ головою къ Матери, при чемъ, опять таки слѣдуя вполнѣ натуральному положенію, его голова слегка отклонена отъ фигуры Матери, тогда какъ рука его, благословляя, придвинута къ ея груди. Взоръ его направленъ въ ту же сторону, какъ и взглядъ Матери. т. е. слегка вправо, какъ бы если приходящіе подходили къ группѣ слѣва. Смоленская икона Одигитріи въ композиціи совершенно совпадаетъ съ Охридскою—обстоятельство, не лишенное для насъ спеціальной важности. Имѣющаяся, въ данномъ случаѣ разница зависитъ исключительно уже отъ типовъ Богоматери и Младенца. Такимъ образомъ, намъ нѣтъ надобности разбирать этотъ типъ, и мы можемъ остановиться единственно на тѣхъ чертахъ различія, которыя сюда вошли. Главное различіе состоитъ въ полнотѣ лика, что сближаетъ Охридскую икону съ позднѣйшими аѳонскими Одигитріями, а также съ позднѣйшими русскими иконами, дающими будто бы списокъ Смоленской Одигитріи, но, на самомъ дѣлѣ, передающими типъ поздне-греческихъ иконъ. Затѣмъ, въ типѣ Богоматери обращаетъ на себя вниманіе преувеличенная длинота носа: подобную черту мы находимъ именно въ иконахъ XIV и XV столѣтій, напримѣръ, въ иконѣ Ѳеодоровской Б. М. Это преувеличеніе отчасти вызвано поднятіемъ бровей, которыя и подняты и одновременно сдвинуты, какъ бы подъ вліяніемъ навѣянныхъ скорбныхъ мыслей. Съ другой стороны, если бы мы могли отрѣшиться отъ этихъ преувеличеній, мы должны были бы считать этотъ типъ наиболѣе духовнымъ, такъ какъ именно здѣсь въ движеніи бровей и глаза сосредоточена мимика психическаго центра. Правая рука Б. М., прижатая къ груди, прикрыта здѣсь серебряной накладкой, которая указываетъ, что икона эта была въ числѣ мѣстныхъ, и къ ней долгое время прикладывались. Далѣе, окладъ иконы, уже сборный, изъ басменныхъ орнаментальныхъ пластинокъ, повторяющихъ 3—4 рисунка. Любопытно, что среди орнаментовъ здѣсь постоянно повторяются: «уготованный престолъ» и погрудныя изображенія великомучениковъ Георгія и Димитрія. Но затѣмъ имѣется кайма, на которой, кромѣ ряда мелкихъ, оттиснутыхъ шаблонами бюстовъ святыхъ, имѣется также рядъ евангельскихъ сюжетовъ: Крещенія, Распятія, Вознесенія, Воскресенія, или Сошествія во адъ, Воскрешенія Лазаря и проч. по типамъ XI—XII столѣтій.

Наконецъ, на той же иконѣ, на нижней набранной каймѣ, среди орнаментальныхъ полосокъ, крайне миніатюрныхъ и представляющихъ Благовѣщеніе, Успеніе и Пятидесятницу, по самой срединѣ набита одна замѣчатель-

ная пластинка (рис. 177), издаваемая нами въ особомъ рисункѣ, очень поздняя—XIV—XV столѣтія, и уцѣлѣвшая, хотя не вполнѣ, отъ какой то другой разрушенной иконы съ серебрянымъ окладомъ. Къ сожалѣнію, пластинка не только вставлена въ полуразрушенномъ состояніи, но къ тому же она представляетъ не полное воспроизведеніе всей композиціи, а именно на лѣвой и правой сторонахъ ея находятся сокращенныя надписи именъ архангеловъ Гавріила и Михаила, а вмѣсто изображеній этихъ двухъ архангеловъ вытиснуто подобіе орнаментальнаго пилястра съ обѣихъ сторонъ, обрамляющее среднюю группу. Эта средина даетъ обычное изображеніе Богоматери, сидящей на большомъ тронѣ и держащей у себя на колѣнахъ Младенца, благословляющаго обѣими руками. Низъ фигуры оторванъ или не былъ вовсе даже оттиснутъ. Изображеніе это извѣстно еще въ древней византійской иконографіи Богоматери и, между прочимъ, пользовалось большимъ почитаніемъ въ древней Руси, благодаря иконѣ Кіево-Печерской Б. М., имѣвшей, какъ извѣстно, большое распространеніе не только на югѣ, но и на сѣверѣ Россіи, начиная съ Суздальской Руси. Но это изображеніе не получило бы въ данномъ случаѣ такого значенія, чтобы о немъ трактовать особо, тѣмъ болѣе, что оно сравнительно худо выполнено, еслибы надъ нимъ не находилась греческая надпись, выраженная однимъ лишь, нѣсколько загадочнымъ, словомъ Ѝ(V) ЄПІСКЄѲІС, по требующимъ опредѣленія. Слово это имѣетъ значеніе «надзора», «попеченія» и «покровительства» и, очевидно, обозначаетъ собою всю композицію представленія Богоматери съ Младенцемъ, окруженной представителями небесныхъ силъ. Но возможна также догадка въ другую сторону, а именно, что здѣсь разумѣется покровительство или «покровъ надъ міромъ», объявленный ему со времени рожденія Искупителя. Въ самомъ дѣлѣ, настоящая тема измѣняетъ и въ иконописномъ отношеніи принятую манеру

177. Образокъ Б. М. на иконѣ Б. М. «Одигитріи» (Табл. IX).

изображенія Богоматери съ Младенцемъ. Младенецъ не просто сидитъ на колѣнахъ Матери, но помѣщенъ, какъ бы опущенъ ею (ея лѣвая рука держитъ Младенца за плечо, а правая поддерживаетъ снизу всю фигуру Младенца) въ расширенныя нѣдра ея собственнаго мафорія или покрова. При этомъ Младенецъ благословляетъ, поднявши обѣ руки этимъ самымъ движеніемъ, доказывая всеобъемлемость Его спасительнаго дѣла. Какъ извѣстно, тема Покрова Богоматери считается совершенно несуществующею въ греческой иконописи и возникшей исключительно въ русской. Такимъ образомъ, всякое, хотя бы косвенное, указаніе на эту тему въ византійскомъ искусствѣ пріобрѣтаетъ особенный интересъ.

Табл. X. Послѣднюю икону Б. М. въ этомъ отдѣлѣ (0,91 м. выш. и 0,54 м. шир.) мы условно назовемъ иконою «Страстной Б. М.» по ея близости къ тому типу, который на Руси сталъ извѣстенъ, благодаря чудотворной иконѣ, хранимой въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ, прозванномъ отъ этой самой иконы «Страстнымъ». Однако, въ типѣ Страстной Б. М. [1]) всегда изображается сбоку слетающій съ небесъ ангелъ, съ орудіями Страстей въ рукахъ, и его появленіемъ объясняется порывистое движеніе Младенца, круто повернувшагося отъ Матери влѣво и назадъ, чего въ данномъ типѣ совершенно нѣтъ. Предполагать же, что въ настоящей иконѣ эта композиція является сокращенной, и такая главная деталь отброшена — нельзя, согласно съ обычаями иконописи. Кромѣ того, въ настоящемъ переводѣ Младенецъ только рѣзко обернулся налѣво къ кому то, кто съ лѣвой стороны къ Нему подходитъ, но не назадъ, и Богоматерь представлена здѣсь совершенно покойной и спокойно поддерживающей Младенца обѣими руками; въ то же время она, подобно Иверской иконѣ, глядитъ прямо на зрителя. Такимъ образомъ, приходится пока считать, что настоящій переводъ является намъ спискомъ съ совершенно неизвѣстнаго пока оригинала. Любопытно, что на этомъ спискѣ Младенецъ представленъ почти отрокомъ, приблизительно 10 лѣтъ отъ роду. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ приподнятый свитокъ и благословляетъ правою какъ Вседержитель. Не менѣе любопытенъ окладъ иконы, на этотъ разъ лучше сохранившійся (только въ нижнемъ правомъ углу вставленъ кусокъ чужой каймы XII — XIII вѣка, съ тремя круглыми медальонами святыхъ) и оригинально орнаментированный уже не въ чисто византійскомъ стилѣ, но въ пóшибѣ, по всей вѣроятности, сербскаго мастерства. Варварскій характеръ наблюдается и въ крайней неправильности разводовъ и пальметокъ, въ нихъ вписанныхъ, и въ рисункѣ выпуклыхъ щитковъ

---

1) Н. П. Лихачева, Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. I, таблицы 63—65 и 81.

и особенно въ чеканныхъ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ, а наконецъ, и въ самихъ декоративныхъ темахъ. Такъ: на нимбѣ Б. М. въ кружкахъ изображены три эмблемы евангелистовъ Матоея, Іоанна и Марка, при чемъ Матоей представленъ архангеломъ съ мѣриломъ въ рукахъ, Іоаннъ крылатымъ орломъ и Маркъ двуглавымъ орломъ, держащимъ въ когтяхъ своихъ двѣ таблетки, или два титула съ буквами. Почему взята такая эмблема для Марка, требуется особое разслѣдованіе. Въ нимбѣ Младенца, сверхъ греческаго надписанія начальныхъ и послѣднихъ буквъ имени Іисуса Христа, есть еще подобіе того же имени въ арабскомъ шрифтѣ—также обстоятельство любопытное, указывающее на XIV вѣкъ и на близкое соотношеніе славянскихъ странъ съ мусульманскими. Далѣе, на коймахъ оклада по правой и лѣвой сторонѣ, среди разводовъ, чеканомъ изображены дважды фигура князя и трижды фигура духовной особы. Въ особыхъ набитыхъ щиткахъ, съ правой стороны, видны исполненныя черныю монограммы, изъ которыхъ сохранились только двѣ (на трехъ щиткахъ—уже, къ сожалѣнію, ничего не читается, а между тѣмъ на нихъ была, повидимому, монограмма князя, т. е. самое важное указаніе): онѣ читаются такъ: ΝΙΚΟΛΑΟϹ ΕΠΙϹΚΟΠΟϹ; когда жилъ этотъ епископъ Николай—скажемъ ниже. Очевидно, повторенное трижды чеканомъ (однако, не шаблономъ, такъ какъ фигурки всѣ нѣсколько между собою разнятся) изображеніе духовной особы представляетъ именно этого епископа Николая, хотя, по варварской догадкѣ, голова духовнаго лица окружена нимбомъ, но вѣдь то же самое сдѣлано и для фигуры князя. Примѣры подобнаго варварскаго обращенія съ нимбомъ святыхъ нерѣдки даже и въ монументальныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе въ мелкихъ, и потому въ перечнѣ ихъ не имѣется никакой нужды. Представлена же эта фигура епископа Николая, съ длинными волосами падающими на плеча и въ церковномъ облаченіи, въ молитвенной позѣ: одна рука поднята, другая или протянута, или держитъ распущенный свитокъ, удерживая его за верхнюю трубку. На свиткѣ точки изображаютъ начертаніе молитвы. Трудно думать, чтобы это было изображеніемъ Николая Чудотворца: оно слишкомъ бы разнилось съ принятымъ въ иконографіи византійской; скорѣе всего это есть сочиненіе для даннаго случая. Любопытно изображеніе князя, подтверждающее наши недавно изданныя разсужденія о славяно-русскихъ регаліяхъ [1]). На головѣ его подобіе нашей княжеской шапочки, въ видѣ округлой скуфейки, крестообразно подѣленной металлическимъ ободкомъ и съ металлическимъ окольшемъ. Въ срединѣ ободка кружокъ изображаетъ собою драгоцѣнный камень. На князѣ кафтанъ короткій, выше колѣнъ, подпоясанный, съ опле-

1) Изображеніе русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка, 1906, стр. 63—73.

чьемъ и короткая мантія или корзно. На ногахъ византійскіе сапоги. Онъ держитъ въ рукахъ такого же рода распущенный свитокъ, а одна рука его молитвенно приподнята.

Епископъ Николай, упоминаемый въ монограммѣ, перечисляется въ ряду Охридскихъ архіепископовъ тринадцатымъ, по принятому счету, и считается бывшимъ при Стефанѣ Душанѣ въ первую половину правленія этого послѣдняго, или даже незадолго передъ нимъ, хотя изъ предыдущихъ двухъ епископовъ, одинъ тоже приходится на средину XIV вѣка. Такимъ образомъ, Николай является послѣднимъ, извѣстнымъ въ XIV столѣтіи, архіепископомъ Охриды и, быть можетъ, именно онъ благословлялъ на царство въ 1346 году Стефана Душана. По указанію академика Е. Е. Голубинскаго[1]) съ 50-хъ годовъ XIV столѣтія, въ теченіи цѣлаго вѣка, Охридская архіепископія находилась подъ властью сербовъ, хотя въ церковномъ отношеніи по прежнему оставалась самостоятельною и удержала свой греческій характеръ. Повидимому, и наша икона не только содержитъ въ себѣ славянскіе типы Богоматери и Младенца и славянскую орнаментацію, но и прямо вспоминаетъ извѣстныя политическія событія, т. е. подчиненіе Македоніи сербамъ. Отсюда мы, быть можетъ, не должны считать случайнымъ сохраненіе монограммъ только на правой сторонѣ, гдѣ въ монограммахъ названъ епископъ Николай, и разрушеніе трехъ прочихъ пластинокъ, на которыхъ, можетъ быть, было имя Стефана Душана, другого сербскаго властеля, такъ какъ точно время Николая на архіепископской каѳедрѣ — мы не знаемъ. По другимъ примѣрамъ, позволительна и догадка: не болгарская ли рука, или рука грека-фанатика, уничтожила здѣсь сербскую или славянскую надпись?

Таблицы XI—XII.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣднимъ двумъ иконамъ нашего замѣчательнаго ряда. Онѣ составляютъ вмѣстѣ, какъ уже выше сказано, своего рода складень (но розпятый) *Благовѣщенія*, въ видѣ двухъ сравнительно узкихъ и высокихъ иконныхъ досокъ (0,112 и 0,67 м.), на которыхъ написаны архангелъ Гавріилъ, идущій къ Пречистой Дѣвѣ и на другой Богоматерь, сидящая на тронѣ и держащая въ рукахъ веретено съ пряслом. Мы уже говорили о томъ, откуда возникла манера раздѣльнаго изображенія Благовѣщенія и какъ она перешла изъ монументальной живописи въ иконную. Намъ остается добавить, что, конечно, вслѣдствіе малаго количества древнихъ, сохранившихся иконъ,—экземпляровъ этой темы, кромѣ даннаго случая, пока намъ неизвѣстно. Кромѣ того, тема эта очень рано перешла въ роспись царскихъ вратъ, а потому въ видѣ отдѣльныхъ иконъ въ русской иконописи почти не встрѣчается. Какъ любопытный образецъ, можно указать

1) Указанное сочиненіе, стр. 129.

на двѣ металлическія пластинки, укрѣпленныя на бронзовыхъ входныхъ вратахъ Ватопедскаго собора, которыя, однако же, должно быть, взяты опять съ царскихъ вратъ [1]). Дверь эта относится также къ XIV или къ началу XV вѣка.

Живописный переводъ Благовѣщенія въ настоящемъ случаѣ является сравнительно рѣдкимъ по своимъ подробностямъ. Онъ представляетъ своего рода воплощеніе идей и взглядовъ, установленныхъ учителями церкви въ иконоборческій періодъ и послѣдующее время. Съ точки зрѣнія Андрея Критскаго и патріарха Германа, всѣ тѣ благочестивыя преданія, которыми окутывалась тайна Благовѣщенія, получили иной смыслъ и значеніе. Такъ, извѣстно, что еще въ древне-христіанскую эпоху Благовѣщеніе, изображенное на мозаикахъ тріумфальной арки въ церкви Маріи Великой въ Римѣ, окружено подробностями торжественной и богатой обстановки: Б. М. сидитъ на тронѣ съ подножіемъ, одѣта въ роскошное платье, сбоку ея стоятъ два ангела, сверху слетаетъ архангелъ и Св. Духъ, и архангелъ Благовѣстникъ стоитъ передъ нею, сидящей на тронѣ. Уже здѣсь Б. М. держитъ въ рукахъ свое рукодѣлье. Такъ же изображено Благовѣщеніе на извѣстной каѳедрѣ Максимина, но уже съ VI столѣтія появляется въ иконографіи этого сюжета двоякое его упрощеніе. Б. М. не сидитъ передъ архангеломъ, но стоитъ передъ тропомъ, съ котораго она встала въ смущеніи; въ то же время прежнее пышное одѣяніе замѣнено простыми одеждами греческаго Востока, хотя, согласно съ обычаями того времени, и народными вкусами, — дорогихъ цвѣтовъ: преимущественно пурпура. Къ этому послѣднему типу относится многое множество византійскихъ изображеній Благовѣщенія какъ въ монументальной живописи, такъ и въ миніатюрахъ. Но въ то же время въ церковной литературѣ временъ иконоборства появляется замѣтное желаніе выдѣлить этотъ сюжетъ изъ разряда другихъ, вновь прежнимъ торжественнымъ характеромъ. Одиннадцатый стихъ 44-го псалма: «Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего» — примѣняется Германомъ къ Маріи — дщери Израиля. Германъ пишетъ поэтому цѣлую бесѣду Архангела съ Маріею (томъ 98, стр. 322 слѣд.). Архангелъ является ей въ то время, когда она вязала порфиру, что даетъ образъ «золотого сосуда полнаго манной», образъ «скиніи порфироткашной». Такимъ образомъ, по словамъ Германа, порфира въ рукахъ Маріи означаетъ ея вознесеніе изъ простого званія въ царское достоинство. Согласно съ такими проявленіями церковнаго экстаза, Ангелъ Благовѣститель держитъ обязательно лабарумъ. Въ настоящемъ случаѣ, торжественный характеръ представляется и надписями, вокругъ головы

1) Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, таблица 38.

Архангела и Б. М. Не достаетъ только лабарума, такъ какъ его металлическое древко оказывается сломаннымъ. Затѣмъ, какъ увидимъ, торжественность изображенія выражена здѣсь рядомъ церемоніально поставленныхъ фигуръ архангеловъ съ лабарумами, сферами, и пророками съ ихъ пророческими изреченіями. Въ дополненіе о живописномъ образѣ Благовѣщенія, мы должны сказать, что оно отлично сохранилось и было написано съ хорошимъ мастерствомъ, по всей вѣроятности, еще въ XI столѣтіи, или, въ крайнемъ случаѣ, въ началѣ XII вѣка. Къ тому же времени относится и замѣчательный серебряный окладъ обѣихъ иконъ.

Поле этого оклада, а равно и коймы, заполнены обычными разводами и пальметками внутри, хорошаго византійскаго рисунка. Затѣмъ, по коймамъ расположены на верхнихъ и нижнихъ коймахъ (послѣднія почти совсѣмъ разрушены) округлые чеканные медальоны, а по боковымъ четыреугольныя продолговатыя пластинки съ фигурами въ ростъ. На иконѣ архангела, въ верхней каймѣ представлена по срединѣ гетимасія или уготованный престолъ, а по сторонамъ его серафимы и херувимы. На иконѣ Б. М. въ верхней каймѣ, въ срединѣ Спасъ погрудный съ Евангеліемъ и благословляющій въ Деисусѣ: справа Б. М., слѣва Іоаннъ Предтеча и по сторонамъ праведные Іоакимъ и Анна. Изъ нижнихъ коймъ сохранилась только небольшая часть съ медальонами ап. Андрея и другого апостола.

178. Образокъ Архангела на иконѣ Арх. Гавріила. (Табл. XI).

Начнемъ ранѣе съ пластинокъ, украшающихъ икону Архангела Михаила. Онѣ представляютъ два типа, воспроизводимые нами на рисункахъ. На одномъ изъ нихъ находимъ изображеніе Архангела въ типичной фигурѣ военачальника (рис. 178). Архангелъ облаченъ въ короткую тунику, съ узкими рукавами, подпоясанную и украшенную дорогимъ оплечьемъ, вырѣзнымъ, и спускающимся на груди двумя кистями. Поверхъ этой туники наброшенъ короткій воинскій плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ фибулою и особыми перепоясками, связанными на груди. На ногахъ, поверхъ башмаковъ, надѣты кожаные камнагіи, родъ походныхъ гетръ.

Въ лѣвой рукѣ архангела сфера, въ правой держитъ онъ лабарумъ. Голова архангела опоясана повязкою, ниспадающей съ головы двумя крутящимися ленточками (русскіе «тороки» или «слухи»). Весь этотъ типъ ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ изображеній архангеловъ, изъ которыхъ наиболѣе знаменитое, взятое въ такой же торжественной позѣ, находится среди мозаикъ св. Софіи Константинопольской передъ алтарною абсидой. Тотъ мозаическій архангелъ одѣтъ въ бѣлый гиматій и хитонъ, но на гиматіи имѣется пурпурный клавій и въ правой рукѣ архангелъ держитъ тамъ мѣрило, а въ лѣвой — голубую сферу. Для этого мозаическаго изображенія [1]) весьма любопытнымъ дополненіемъ является надпись на нашей пластинкѣ: Ἄγγελος Κυρίου — «Ангелъ Господень». Правда, таже самая надпись находится на другомъ изображеніи Архангела въ видѣ образа силы и власти, т. е. въ императорскомъ ориатѣ (рис. 179). По обычной иконографіи такого рода изображенія архангеловъ со сферою въ лѣвой рукѣ также сопровождаются скипетромъ [2]), но въ настоящемъ случаѣ правая рука Архангела прижата къ груди, а на другихъ пластинкахъ держитъ такой же лабарумъ. Наконецъ, на одной пластинкѣ, находящейся внизу нашей иконы, архангелъ изображенъ такъ, какъ представляется всегда архангелъ Михаилъ, т. е. съ мечемъ, высоко поднятымъ правой рукою, въ то время какъ лѣвая удерживаетъ привѣшенныя къ поясу ножны; архангелъ облаченъ въ латы.

179. Образокъ на иконѣ Архангела. (Табл. XI).

На другой иконѣ любопытный рядъ круглыхъ медальоновъ сохранился на верхней каймѣ. Между ними особенно выдѣляется фигура Спаса Вседер-

1) «Византійскія церкви Константинополя», стр. 127.

2) Рельефъ, представляющій Архангела Гавріила (по подписи) въ томъ же облаченіи и со сферою, на стѣнѣ фасада ц. св. Марка въ Венеціи (Алинари фот. № 20683), даетъ Архангелу мѣрило съ трехлепестковымъ цвѣткомъ на концѣ.

жителя (рис. 180), съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей двуперстно правой. Голова Спасителя представляетъ здѣсь черты, отличающія собою древне-византійскій типъ Іисуса Христа, господствовавшій въ X—XI вѣкахъ и смѣненный затѣмъ мозаическимъ типомъ XII вѣка. Какъ мы уже имѣли случай говорить ранѣе [1]), въ этомъ типѣ сохранилось еще кроткое благостное настроеніе, свойственное Спасителю Юстиніановскаго періода. Этому характеру соотвѣтствуетъ небольшая округлая борода и ниспадающіе легкими локонами на шею волосы. Юношескій типъ Богоматери, представленный въ Деисусѣ этой верхней каймы, отвѣчаетъ также этому характеру Спасителя. Типъ Іоанна Предтечи, изображеннаго въ медальонѣ, съ лѣвой стороны отъ Спасителя (рис. 181), носитъ также древнѣйшія черты, какъ

180. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII).

181. Образокъ съ иконы Б. М. (Табл. XII).

въ пышной шевелюрѣ его головы, такъ и въ строгомъ контурѣ его лица; онъ представленъ здѣсь также воздѣвающимъ руки. Деисусъ дополненъ здѣсь изображеніями Богоотецъ Іоакима и Анны, изъ которыхъ сполна сохранилось только послѣднее: въ немъ характерно положеніе рукъ Праведной Анны. Лѣвая раскрыта передъ грудью въ знакъ умиленія, а правая прижата къ груди.

Продолговатыя четыреугольныя пластинки, украшающія боковыя коймы иконы, представляютъ, согласно обычной композиціи, пророковъ: Давида, Соломона, Захарія, Михея, Іеремію, — всѣхъ числомъ 10. Фигуры выбиты сильнымъ горельефомъ, почему во многихъ мѣстахъ по краямъ оторвались отъ фона. По типамъ и, главное, по самой манерѣ представленія драпировокъ, еще чуждыхъ той причудливой изломанности, какою отличается визан-

1) Иконографія Спасителя, Лицевой Иконописный Подлинникъ, I.

тійская драпировка, начиная съ XII столѣтія, взятые здѣсь образцы или рисунки относятся не далѣе какъ къ X вѣку и даютъ много любопытнаго. Опишемъ подробнѣе тѣ, которые издаемъ въ рисункѣ, такъ какъ всякія описанія стиля мало поддаются пониманію. Пророкъ Давидъ (рис. 182) представленъ совершенно такъ же, какъ въ знаменитой Псалтири Парижской Библіотеки, такъ что по ея миніатюрѣ мы могли бы дополнить цвѣта его одеждъ на нашемъ барельефѣ. Даже набитая здѣсь съ правой стороны широкая орнаментальная пластинка (потому, что правый бокъ фигуры былъ разрушенъ), и та заступаетъ мѣсто орнаментированной каймы сагія или мантіи, на него на-

182. Царь Давидъ — образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII).

183. Образокъ царя Соломона на иконѣ Б. М. (Табл. XII).

брошенной. На этой мантіи укрѣпленъ, или нашитъ, спереди парчевой тавлій, украшенный драгоцѣнными камнями. Далѣе, по низу дивитисія также нашита широкая кайма, видимо, изъ золотой ткани, на пурпурной одеждѣ. Весьма любопытная шапочка или корона надѣта на головѣ какъ Давида, такъ и Соломона (рис. 182 и 183). Она имѣетъ форму русской княжеской шапочки: матерчатой, съ плоскимъ верхомъ, отороченной по низу галуномъ и также перекрещенной черезъ верхъ такимъ же широкимъ галуномъ, на которомъ мѣстами посажены драгоцѣнные камни. Разница съ нашей княжеской шапкой

заключается лишь въ томъ, что наша имѣетъ видъ скуфьи, тогда какъ эта византійская шапочка имѣетъ, какъ мы сказали, плоскій верхъ.

Большинство пророковъ представлено держащими въ лѣвой рукѣ развернутые свитки, на которыхъ написаны извѣстныя пророческія изреченія, относящіяся къ почитанію Богоматери, въ то время, какъ правая рука, слегка

184. Эмалевый вѣнчикъ на главѣ Архангела Гавріила въ иконѣ Архангела въ церкви св. Климента.

приподнятая, жестомъ благословенія отвѣчаетъ обращенію пророковъ къ людямъ. Пророкъ Іеремія указываетъ на текстъ своего изреченія. Пророкъ Захарія, представленный въ первосвященническихъ одеждахъ, въ правой рукѣ держитъ кадило. Всѣ прочіе представлены въ чисто античномъ одѣяніи, состоящемъ изъ хитона и гиматія и при этомъ, пророкъ Самуилъ такъ окутанъ

своимъ гиматіемъ, что правая рука его наполовину какъ бы скрывается въ пазухѣ этой переброшенной черезъ плечо одежды, и получается подобіе ораторской позы, извѣстной въ римскихъ скульптурахъ. Античному типу фигуръ отвѣчаютъ головы и лица пророковъ, носящія древнѣйшій характеръ, становящійся намъ извѣстнымъ въ Синайской мозаикѣ, Туринской миніатюрѣ, рукописи Косьмы Индикоплова и другихъ памятникахъ ранняго византійскаго искусства. Подробный разборъ типовъ, переданныхъ нашими пластинками, былъ бы, однако, здѣсь вовсе неумѣстенъ, такъ какъ всѣ эти типы даютъ не болѣе, какъ небрежное и чисто ремесленное воспроизведеніе тѣхъ древнихъ оригиналовъ, которые должны быть разобраны въ ихъ настоящемъ источникѣ. Мы же хотѣли только въ данномъ случаѣ отмѣтить пользованіе древнѣйшими оригиналами, продолжавшееся до позднѣйшей эпохи въ боковыхъ вѣтвяхъ византійскаго искусства.

Отмѣтимъ, наконецъ, чудный эмалевый вѣнчикъ вокругъ головы архангела Гавріила (рис. 184), превосходно переданный въ рисункѣ художника Д. К. Крайнева. На этомъ вѣнчикѣ, по *бѣлому* эмалевому фону (подобіе фарфора) вкраплены пальметки и крины изъ тончайшихъ сочетаній зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Вѣнчикъ *выпуклый*, изъ серебра съ примѣсью золота.

Наконецъ на иконѣ Б. М. укрѣплены вертикально двѣ эмалевыя пластинки или таблетки съ греческою надписью, написанною сверху внизъ:

ТА̀	ΛЄ́
СА̀	ѠN
ГРО	СО̀С
СА	О̀ІК
ГѠ	ТРО̀
СО̀І	СО̀І
КО́	КЄ
РН	ТНС
ПА	ѲЎ
NА	ѲЎ
ГІА	ТНС

Надпись эта называетъ, стало быть, неизвѣстнаго намъ Льва, служителя Божія, устроившаго эти двѣ иконы (таковъ, по крайней мѣрѣ, точный смыслъ словъ: Твоя Тебѣ приношу).

И такъ, надпись называетъ смиреннаго раба Пресвятой Дѣвы, служителя Божія, но весь оборотъ обращенія къ Богоматери указываетъ на архіепи-

скопа Охриды, а такой архіепископъ, съ именемъ Льва, какъ разъ извѣстенъ, какъ строитель Охридской Софіи. Онъ былъ [1]) по каталогу, напечатанному Дюканжемъ (составленъ въ половинѣ XII вѣка), тринадцатымъ архіепископомъ Охриды и въ то же время первымъ изъ грековъ, хартофилаксомъ великой церкви. Всѣ послѣдующіе архіепископы были назначаемы уже изъ грековъ, а не изъ болгаръ и, такимъ образомъ, Охридская архіепископія превратилась изъ болгарской въ греческую. Далѣе, Левъ извѣстенъ и какъ церковный писатель (полемическія сочиненія противъ латинянъ) и какъ ревностный помощникъ патріарха Михаила Келлуларія въ борьбѣ съ латинскою церковью, а потому и былъ отлученъ отъ церкви папскими легатами въ 1054 году. Левъ умеръ между 1054 и 1057 годомъ.

Ризница церкви св. Климента оказалась бѣднѣе, чѣмъ можно было предполагать, если только намъ показали все то, что въ ней было. Мы нашли въ ней (фот. 462) епископскую митру, относящуюся къ XVII или XVIII вѣку (не позже первой половины послѣдняго), украшенную во первыхъ филигранневыми разводами и эмальированными флеронами по борту, съ драгоцѣнными камнями въ гнѣздахъ. По своей эмали митра весьма близко подходитъ къ предметамъ царскаго и патріаршаго облаченія, исполнявшагося по русскимъ заказамъ во времена царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича.

Серебряный золоченый потиръ, приблизительно того же времени (фот. 463), украшенъ сканью обычнымъ рисункомъ, но не наведенъ финифтью. Не болѣе любопытна *иконка* 12-ти господскихъ праздниковъ (рис. 185), вырѣзанная на жировикѣ (стеатитѣ) блѣднооливковаго цвѣта и окаймленная серебряной басмою XIV—XV столѣтій, представляющею по сторонамъ уготованнаго престола (греческая надпись ЄТОІМАС) свв. Георгія и Димитрія, по бокамъ шесть святителей Василія, Григорія, Николая и пр. и по низу Косму и Даміана, а по срединѣ Пантелеймона. Басма древнѣе самого образка, относящагося къ XVI или даже XVII столѣтію.

Наиболѣе, однако, любопытными предметами въ ризницѣ оказываются различные куски древне-церковныхъ облаченій, преимущественно саккосовъ, но также воздухи, палицы и проч. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ мы поставимъ шитую пелену, съ образомъ *Панагіи* или, такъ называем. Богородицы «Знаменія». Пелена относится, по всей вѣроятности, къ XIV — XV вѣкамъ, судя по складкамъ драпировки и зигзагообразному шитью нимба Божіей Матери (признакъ XV вѣка на аѳонскихъ древнихъ облаченіяхъ). Богоматерь представлена здѣсь съ поднятыми обѣими руками и небольшимъ медальономъ отрока Эммануила, держащимся внутри складокъ мафорія, образовав-

---

1) Е. Е. Голубинскаго указ. соч. стр. 40, 41.

шихся на груди. По каймѣ остатки надписи изъ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣній.

Небольшой воздухъ (рис. 186) обычнаго размѣра, съ вышитымъ по темнолиловому шелку изображеніемъ Евхаристіи — причащеніе крови Христовой. Надъ группой апостоловъ и Спасителя обычная греческая надпись πίεται ἐξ αὐτοῦ и пр. до конца въ малограмотной передачѣ. Воздухъ относится къ XV или даже XVI вѣку.

185. Рѣзная на жировикѣ икона 12 праздниковъ въ ризницѣ церкви Св. Климента.

Пелена (рис. 187) небольшого размѣра (менѣе аршина), съ шитымъ изображеніемъ Введенія во храмъ. Надъ группами надписи: τὰ ἅγια τῶν ἁγίων; ὁ δίκαιος Ἰωακεὶμ и пр.; въ верхнемъ углу ангелъ приноситъ Богоматери хлѣбецъ.

Средняя часть архіепископской палицы, съ шитымъ изображеніемъ «Воскресенія Христова» по обычному переводу (Сошествіе во адъ): по угламъ надпись: Η ΑΝΑϹΤΑϹΙϹ.

Четыре куска саккоса, съ шитыми изображеніями Благовѣщенія среди Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Николая Чудо-

186. Шитый воздухъ въ ризницѣ церкви Св. Климента въ Охридѣ.

творца; Срѣтенія, съ пророкомъ Даніиломъ и двумя другими пророками; Крещенія — съ Давидомъ и Соломономъ; Успенія Б. М. — съ двумя неизвѣстными святителями.

Пелена, (рис. 188), съ изображеніемъ Распятія, съ предстоящими и двумя скорбящими надъ крестомъ ангелами. По сторонамъ Распятія длинная надпись:

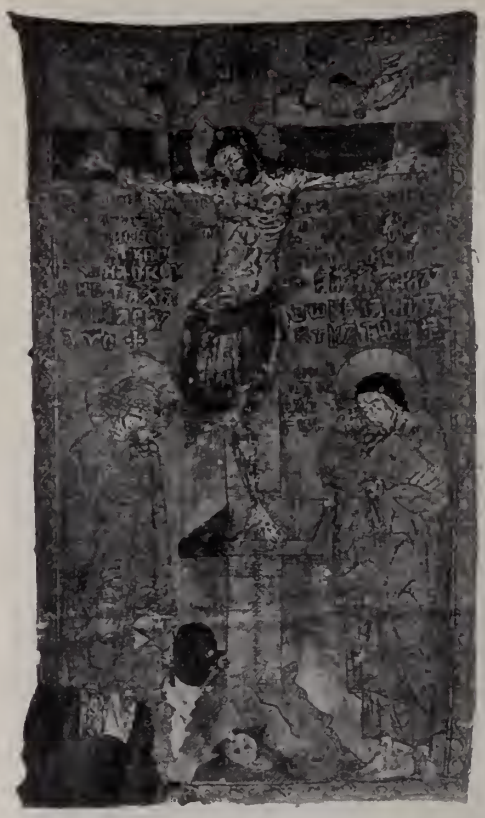
✠ ΔΟΡΟΝCIKΛINOC
ΜΕΓΑC ΕΤΕΡΙΑΡΧΟ
ΤΥΠΟΙCΙC CTPWCE
ΩC ΑΝΑΤΥΠΟCOI
ΕΚΤΙΔΟΚΟΥ
CIC ΤΑΧΑ
ΤΙΜΙΑCΥ
ΛΥC ✠

✠ CHNEYΔOKYA
THOMOZYΓΩΛO
ΓEOYCHKOMHNH
MPΩΠΑΠΠΟΠΑΤΡΟΘ
EIHIAΛYCHIΛA
BΩMEIAIΠΛA
KYMATΩN ✠

Тамъ же находится Евангеліе въ серебряномъ окладѣ, сероское XIV столѣтія, чрезвычайно любопытное по лицевой серебряной, украшенной рельефами, доскѣ (таблица XIII). На этой лицевой сторонѣ изображено Распятіе съ предстоящими Іоанномъ Богословомъ и Богоматерью, а также двумя «Ангелами Господними»: одинъ, слетая сверху, держитъ человѣческую (или дѣтскую) фигурку, одѣтую, какъ будто, въ царскія облаченія и съ повязкою на головѣ: фигура эта держитъ потиръ, въ который изливается струя крови изъ пронзеннаго бока Распятаго. Надъ этой фигурою надпись: Η ΝΕΑ ΔΥΑΘΥΚ (sic)=*Новый Завѣтъ*. По другую сторону Ангелъ Господень (вновь за фигурою надпись: ΗΠΑΛΕΑ ΔΙΑΘΗΚΥ=*Ветхій Завѣтъ*), подымаясь на небеса (крылья распущены), уноситъ съ

187. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента.

собою такую же фигурку, завернутую въ саванъ и, обернувшись, смотритъ на Распятаго. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь любопытное дополненіе къ обычнымъ нѣкогда изображеніямъ церкви христіанской и синагоги, которое ясно указываетъ, что и эта тема, столь распространенная на латинскомъ Западѣ, была, въ сущности, также греко-византійскаго происхожденія. Надъ Распятымъ по сторонамъ титула находимъ, во первыхъ, греческія надписи: Η ϹΤΑΥΡΟϹΗϹ Ω ΒΑϹΗΛΕΥ ΤΗϹ ΔΟΞΗϹ и эмблематическія изображенія солнца и луны, также съ сокращенными надписями ΕΙΛΗ.. и ϹΕΛΥ.. Крестъ утвержденъ на вершинѣ скалистаго холмика, внутри котораго видна пещера, а въ ней глава Адамова и отпавшая челюсть. Изображеніе Распятаго исполнено на любопытномъ фонѣ стѣны, орнаментированной двумя этажами сплошныхъ аркадъ — по всей вѣроятности, варіантъ изображенія Іерусалимской стѣны, позади Голгофы. Вокругъ, по каймѣ, среди плетеныхъ ажурныхъ щитковъ, размѣщены рельефныя и рѣзныя съ чернью фигурныя пластинки, представляющія: Благовѣщеніе (Божія Матерь, стоящая у трона), Рождество Христово (съ Саломеею, приготовляющею купель), Срѣтеніе, четыре Евангелиста, по грудь, и среди нихъ образокъ во весь ростъ св. Климента (надпись: Ο ΑΓΙΟϹ ΚΛΗΜΗϹ) въ епископскомъ облаченіи и св. Пантелеймона. По низу помѣщены: «Крещеніе Спасителя», «Воскрешеніе Лазаря» (ΕΓΡΕϹΗϹ ΤΟ̆ ΛΑϹΑΡΟ̆) (безъ предстоящихъ, Лазарь поднимается спеленатымъ изъ саркофага) и Воскресеніе Христа («Сошествіе во адъ» по обычному переводу). Внизу, за фигурою Богоматери, неясно отчеканена (по гильошированному фону) греческая надпись: ΕΡΓΟΝ ΝΗΚΟΛΑΟ̆ ΑΝΔΡΟΝΙΚ ΤΟ̆ ΦΡΟΝΙΜΑΚ..., безъ даты. Любопытно, что верхняя часть этой композиціи «Распятія» повторена и въ сербской Псалтири, изданной проф.



188. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента.

Стрыговскимъ [1]), а такъ какъ детали (особенно изображенія ангеловъ В. и Н. Завѣтовъ) тамъ не сохранились, то должны быть дополнены по этому окладу.

Въ заключеніе своего художественно-археологическаго обзора памятниковъ христіанскихъ древностей въ Македоніи, рѣшаемся высказать нѣсколько общихъ пожеланій, касающихся византійской археологіи и ея славянскихъ вѣтвей. Въ настоящее время для многихъ стало уже яснымъ, что если доселѣ археологическая наука говорила только о византійскомъ искусствѣ, гдѣ бы памятники этого искусства ни встрѣчались: въ Малой Азіи, на Кавказѣ, Сиріи и Египтѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Кіевѣ, то самый терминъ «византійскаго» искусства является здѣсь столь же условнымъ, какъ и противополагаемое ему искусство «романскаго» періода. Самая исторія византійскаго искусства, почти всѣ его отдѣлы, въ конструктивномъ отношеніи представляются рядомъ вопросовъ, иногда даже только мимоходомъ поставленныхъ и оставшихся безъ всякаго разрѣшенія. Состояніе науки рѣдко отвѣчаетъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляютъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ работниковъ еще мало, и матеріалъ оказывается неизмѣримо громаднымъ. Такъ, въ настоящее время, древнѣйшій періодъ византійскаго искусства является едва намѣченнымъ, а между тѣмъ, по вопросамъ о его происхожденіи и ходѣ развитія высказанъ рядъ разнообразныхъ мнѣній, зачастую другъ другу рѣзко противорѣчащихъ. Сравнительно болѣе устойчивымъ является періодъ Юстиніановскій, которому впервые въ общихъ обозрѣніяхъ позволяютъ называться «византійскимъ». Ранѣе этого времени византійскаго искусства доселѣ не признаютъ, и ближайшимъ доказательствомъ является терминъ «христіанской археологіи», который, въ противность своему общему характеру, долженъ обозначать или первые восемь вѣковъ христіанской эры, или, по крайней мѣрѣ, ея первыя пять столѣтій. Слѣдующій періодъ византійскаго искусства охватываетъ собою три съ половиною вѣка: съ половины XI столѣтія до латинскаго завоеванія Константинополя. Его памятники сосредоточены частью въ самой Византіи, частью же въ странахъ греческаго Востока и отчасти Запада, какъ напримѣръ, въ Сициліи и южной Италіи. Періодъ этотъ возбуждаетъ наименѣе споровъ, и большинство изслѣдователей и даже обозрѣвателей (эти послѣдніе хлопочутъ наиболѣе о пріисканіи новыхъ терминовъ) соглашаются за этимъ періодомъ сохранить названіе «эпохи процвѣтанія» византійскаго искусства. Дѣйствительно, именно въ это время оно вырабатываетъ себѣ окончательно тотъ характерный стиль, которымъ отмѣ-

1) *Die Miniaturen d. Serbischen Psalters,* Taf. X. 24, по Мюнхенскому списку и описаніе Бѣлградской копіи на стр. 26.

чены памятники византійскаго искусства на всемъ громадномъ протяженіи отъ Грузіи до Палермо. Именно въ это время, правда, только въ области миніатюры, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя, хотя слабыя попытки византійскаго искусства перейти отъ ремесла къ личному художественному творчеству. Такимъ памятникомъ является знаменитый Ватиканскій Менологій, расписанный мастерами, которые впервые нашли нужнымъ назвать себя поименно подъ своими работами. Точно также, благодаря точнымъ свидѣтельствамъ историковъ, записямъ рукописей и стильности самыхъ произведеній византійскаго искусства въ данномъ періодѣ, мы можемъ съ достаточной вѣроятностью отличать издѣлія мастерскихъ византійской столицы отъ провинціальныхъ подражаній. Таковы, напримѣръ: вывозныя эмали изъ Константинопольскихъ мастерскихъ и мѣстныя эмалевыя издѣлія Грузіи и Кіева, а также Венеціи. Мы намѣренно останавливаемся на этомъ цѣльномъ характерѣ византійскаго мастерства въ XI и XII вѣкахъ, чтобы дать почувствовать всю историческую важность той пестроты стиля, которая наблюдается, начиная съ XIII столѣтія, въ памятникахъ того же византійскаго искусства, будь то: мозаики и фрески, миніатюры и эмали, или всякаго рода издѣлія мелкой художественной промышленности.

Кратко говоря о разнообразномъ художественномъ подъемѣ въ XIII столѣтіи, въ различныхъ мѣстностяхъ православнаго Востока и романскаго Запада, мы должны, прежде всего, были бы задать себѣ вопросъ: этотъ національный подъемъ, съ такою силою вдругъ обнаружившійся и составившій гдѣ народную вѣтвь, а гдѣ даже эпоху возрожденія, не имѣетъ ли основаній въ предыдущемъ періодѣ, т. е. въ томъ же XI и XII вѣкахъ и въ той же сферѣ византійскаго искусства? Выбирая факты и примѣры, по возможности, поближе, мы укажемъ на нѣсколько фресковыхъ росписей конца XII вѣка у насъ.

Россія сохранила между своими древностями рядъ фресковыхъ росписей, относящихся къ XII столѣтію: таковы Спасо-Мирожскій соборъ 1156 года, Димитріевскій соборъ во Владимірѣ 1194 года, Спасо-Нередицкій близь Новгорода 1198 года и Старо-Ладожская церковь Св. Георгія, роспись которой относится также къ XII столѣтію. Всѣ эти храмовыя росписи, по содержанію и стилю своего исполненія, являются вѣтвью византійскаго стиля. Однако, ближайшее ихъ разсмотрѣніе обнаруживаетъ значительную разницу не только между ними самими, но также и по сравненію ихъ съ общимъ византійскимъ оригиналомъ. Такого рода фактъ оказывается особенно яркимъ и знаменательнымъ по отношенію къ фрескамъ Нередицы. Въ этихъ послѣднихъ, при всей ихъ византійской типичности, мы какъ разъ не находимъ многихъ наиболѣе характерныхъ признаковъ византійскаго мастерства XII вѣка. Изслѣ-

дователь, привлеченный къ ихъ разсмотрѣнію, убѣдившись въ этомъ яркомъ фактѣ, долженъ былъ бы предположить, что во фрескахъ Нередицы мы находимъ еще архаичное византійское мастерство, которое еще не знакомо было со всѣми утонченностями византійскаго стиля, какъ онъ былъ выработанъ искусствомъ византійской столицы во вторую половину XI и первую половину XII столѣтій. На первый разъ подобнаго рода предположеніе подкрѣплялось бы аналогичными случаями, даже въ отдаленныхъ отъ Новгорода мѣстностяхъ. Такъ, во фресковыхъ росписяхъ нашихъ крымскихъ криптъ, равно какъ и во вновь открытыхъ подземныхъ церквахъ Каппадокіи [1]), относящихся къ XI столѣтію, также наблюдается много чертъ архаизма, особенно по отношенію къ облаченіямъ, коронамъ и другимъ деталямъ. Конечно, Нередицкая роспись воспроизводитъ весь живописный циклъ Византійскихъ церквей [2]). Однако, даже въ самыхъ сюжетахъ мы уже имѣли случай указать на особаго рода оригинальность, которой мы не знаемъ въ чисто византійскихъ памятникахъ. Таковъ, напр., *образъ св. Чрепія* или Нерукотвореннаго образа, на черепицѣ отпечатавшагося, быть можетъ древне-египетскаго типа, если не происхожденія. Далѣе, образъ «*Ветхаго Деньми*», не въ лицѣ Іисуса Христа. Ликъ этотъ слѣдуетъ сопоставить съ подобнымъ же образомъ Ветхаго Деньми въ одной изъ церквей Бриндизи [3]). Далѣе, мы укажемъ на замѣчательное изображеніе Панагіи или «Богородицы Знаменія» въ боковой абсидѣ и рядомъ съ иконою Б. М. Алексѣя Божьяго Человѣка — сюжетъ, повидимому, сирійскаго происхожденія, такъ какъ здѣсь изображена именно легенда о поклоненіи Алексѣя Божьяго Человѣка въ Эдессѣ Нерукотворному Образу Богоматери. Весьма возможно, что такого рода изображеніе Панагіи, или Знаменія, существовало въ греко-восточной кустарной иконописи X—XI столѣтій и не успѣло перейти въ иконопись Константинопольскую. Далѣе, подъ окномъ абсиды, въ нишѣ, видимъ изображеніе *тройного Деисуса* въ медальонахъ: въ срединѣ изображенъ юный Отрокъ Эммануилъ, т. е. вмѣсто Спасителя, обычнаго типа, здѣсь представленъ юный учитель Іерусалимскаго храма, быть можетъ, вспомянутый здѣсь ради Горняго мѣста, которое украшено здѣсь этимъ изображеніемъ: примѣръ этотъ пока единственный, но, если эта догадка вѣрна, то сюжетъ является замѣчательнымъ по глубинѣ мысли. Мы уже имѣли ранѣе случай указывать [4]), что въ одной изъ грузинскихъ миніатюръ, иллюстрирующихъ Евангеліе (Тифлисская библіотека рукописей)

---

1) Guillaume de Jerphanion. Deux chapelles souterraines à Cappadoce. *Revue Archéol.* t. XII, 1908. p. 1—32, pl. XIV—XVI.

2) См. Русскія Древности, вып. 6-й, стр. 130—145.

3) Diehl, Charles, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, p. 52.

4) *Путешествіе по Сиріи* 1904, стр. 300, рис. 78.

Отрокъ-Христосъ, учащій во храмѣ, представленъ посреди возвышеннаго омфала, сложеннаго изъ камней, среди Сигмы Іерусалимскаго храма. Во фрескѣ Нередицы по обѣимъ сторонамъ Отрока Спасителя, также въ медальонахъ, представлены по-грудь Іоаннъ Предтеча и *св. Марѳа* (АГІА МАРѲА), какъ ясно гласитъ о томъ надпись. Изображенная здѣсь женская фигура представлена въ обычномъ типѣ Богоматери въ «Деисусѣ». Во первыхъ, самый ликъ представляетъ Богоматерь; далѣе мафорій, наглухо покрывающій всю фигуру съ головой, и обѣ поднятыя къ Спасителю руки. Но, что окончательно утверждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь изображена Богоматерь, это вышитые на обычныхъ трехъ мѣстахъ: надъ челомъ и на обоихъ плечахъ *звѣзды* и *кресты*, какъ извѣстно, отличающіе изображеніе Богоматери, начиная приблизительно съ X вѣка въ иконографіи. Между тѣмъ, надпись имени *Марѳа* тоже не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Очевидно, поэтому, что мастеръ, въ данномъ случаѣ, имѣлъ шаблонъ обыкновеннаго Деисуса, на которомъ Богоматерь имѣла по сторонамъ фигуры надпись АГІА МАРІА (по гречески, или по славянски, напр., болгарскими буквами на греческій ладъ). Подобнаго рода надпись въ древнѣйшихъ памятникахъ иконографіи Богоматери является очень обычною (фрески ц. св. Маріи Антиквы въ Римѣ, фреска въ Египтѣ, близь Эсне, золотой медальонъ VI — VII вѣка, изданный у Гарручи и пр.[1]). Наименованіе *Святой Маріи* встрѣчается одинаково какъ на греческомъ языкѣ, такъ и на латинскомъ. Но, начиная уже съ VIII столѣтія, когда взамѣнъ установилось, какъ догматъ, наименованіе Маріи — *Богородицею*, эта надпись начинаетъ исчезать, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ собственно византійскаго искусства, и при томъ настолько рѣшительно, что встрѣчается лишь въ мелкихъ провинціальныхъ издѣліяхъ. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, мы должны считать настоящій памятникъ своего рода архаизмомъ, уцѣлѣвшимъ въ кустарномъ мастерствѣ еще приблизительно съ IX вѣка.

Предполагать, въ данномъ случаѣ, какую либо русскую самостоятельность или своеобразность, выразившуюся въ Нередицкой росписи, считаемъ неумѣстнымъ потому, что вообще такого рода самостоятельности при исполненіи фресокъ съ готовыхъ шаблоновъ, какъ то имѣло мѣсто въ древности за рѣдкими исключеніями (роспись столичныхъ соборовъ), нельзя предполагать. Иного рода дѣло исполненіе миніатюръ, въ которыхъ рисовальщикъ, хотя бы иконописецъ, нерѣдко варіируетъ и сочиняетъ темы. Если же Спаса-Нередицкая роспись не пользовалась Константинопольскими шаблонами, то един-

---

1) Перечень и разборъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ этого рода будетъ изданъ нами въ сочиненіи объ «Иконографіи Богоматери».

ственное вѣроятное предположеніе, которое мы нынѣ можемъ сдѣлать, считать эти шаблоны болгарскими и относить именно къ нимъ тотъ своеобразный архаизмъ, которымъ эти шаблоны, видимо, отличались. Между тѣмъ, очень многіе памятники Новгородской древности указываютъ намъ одновременно на образцы Корсунскіе, т. е. греко-восточные, а также и на болгарскіе оригиналы, которые, повидимому, съ Корсунскими стояли въ большей связи, чѣмъ съ Константинопольскими.

Утвердить фактъ существованія подобныхъ архаизмовъ въ исторіи византійскаго искусства является дѣломъ весьма важнымъ, если мы сообразимъ, насколько опасно именно теперь уклоненіе византійской археологіи съ пути точнаго изслѣдованія въ область всякаго рода мечтаній и случайныхъ построеній. А что такого рода блужданія возможны именно въ сферѣ боковыхъ вѣтвей византійскаго искуства, доказательствомъ можетъ служить поднимающаяся въ послѣднее время въ средѣ западныхъ ученыхъ полемика. Полемика эта появилась, или, скорѣе, открылась, по поводу той же, нами уже кратко упомянутой, (стр. 63) книги проф. Стржиговскаго о сербской Псалтыри XIV — XV вѣка, будто бы скопированной съ неизвѣстнаго древнѣйшаго сирійскаго оригинала VI — VII столѣтій, какъ то принесеннаго изъ Сиріи въ Сербію и взятаго за образецъ сербскимъ миніатюристомъ. Какъ извѣстно, проф. Стржиговскій уже давно крайне расширилъ и защищаетъ въ этомъ видѣ гипотезу о происхожденіи средневѣкового христіанскаго искусства (въ томъ числѣ и византійскаго) съ греческаго востока: изъ Египта и Сиріи. Основные элементы этой гипотезы высказывались, однако, гораздо ранѣе, почти при самомъ началѣ изслѣдованій по византійской археологіи. Нельзя было, напримѣръ, не признавать александрійскаго происхожденія большинства наиболѣе раннихъ лицевыхъ греческихъ кодексовъ, какъ нельзя было отрицать обширнаго вліянія Палестины, ея преданій и ея церковныхъ обычаевъ, сложившихся на самыхъ мѣстахъ поклоненія, на христіанскую иконографію. Естественно, затѣмъ, что чѣмъ далѣе вглубь шли изслѣдованія источниковъ, тѣмъ обильнѣе становились всѣ указанія подобнаго рода и тѣмъ болѣе получали вѣса всѣ методы, клонившіеся къ открытію древнѣйшихъ иконографическихъ оригиналовъ. Но, очевидно, было бы дѣломъ прямой научной ошибки сводить всю исторію византійскаго искусства къ этимъ, пока еще неизвѣстнымъ, оригиналамъ и полагать, что весь тысячелѣтній періодъ былъ только ея повтореніемъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, уже при первомъ переходѣ этихъ оригиналовъ въ иконопись мастерскихъ самой Византіи, Греціи, а равно Милана, Равенны, южной Италіи и проч. эти оригиналы подверглись значительной передѣлкѣ. Но затѣмъ, несомнѣнно, что въ самомъ центрѣ греко-восточнаго міра, какимъ была Византія, очень рано, а именно уже

при Константинѣ сложилась вполнѣ самостоятельная художественная школа, сначала подъ сильнымъ вліяніемъ Рима, а затѣмъ Греціи, которая уже при Юстиніанѣ сформировала свой собственный стиль и равно иконографическіе циклы. Но когда, съ завоеваніемъ греко-азіатскаго востока исламомъ, художественная дѣятельность этихъ странъ или должна была замереть, какъ то было въ Сиріи, или крайне обѣднѣть, какъ то было у Коптовъ въ Египтѣ, значительныя силы художественныхъ мастерскихъ этого востока, убѣгая ислама, перебрались въ другія родственныя страны, особенно же въ Малую Азію, на острова Средиземнаго моря и въ собственную Грецію. Рядомъ съ столичными мастерскими, работавшими въ новой художественной манерѣ, могли появиться множество кустарныхъ мастерскихъ, искавшихъ заработка и дѣйствовавшихъ въ различныхъ провинціяхъ греческой имперіи. Въ настоящее время, когда самые памятники этихъ мѣстностей едва приводятся въ извѣстность, было бы вполнѣ преждевременно и несообразно съ здравою критикою заниматься какими бы то ни было гаданіями по вопросамъ о происхожденіи отдѣльныхъ памятниковъ. Если одни изъ изслѣдователей будутъ производить все изъ Сиріи и Египта, то другіе, съ равнымъ успѣхомъ, будутъ указывать на Тарсъ и Трапезундъ, Кипръ или Критъ, Грецію и Аѳонъ. Смутные результаты подобной археологической игры будутъ еще болѣе отягощаться очередными прогулками археологовъ въ область литературныхъ источниковъ и сближеній. Разбирается памятникъ средневѣковья, а его догматическое объясненіе черпается изъ книгъ Св. Августина. Наука византійской археологіи молода и едва слагается и завязывается въ своихъ пріемахъ и методахъ: тѣмъ болѣе опасны всякаго рода произвольныя и насильственныя гипотезы; вѣрнымъ средствомъ противъ увлеченія ими было бы изученіе какъ отдѣльныхъ періодовъ въ тысячелѣтней исторіи искусства, такъ и въ особенности мѣстныхъ группъ и различныхъ видовъ художественнаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для изслѣдователя являются почти обязательнымъ ближайшее знакомство, по крайней мѣрѣ, съ нѣсколькими періодами и нѣсколькими группами, въ тѣхъ видахъ, чтобы, ознакомившись съ древнѣйшимъ періодомъ, не быть затѣмъ вовлеченнымъ, по необходимости, въ неблагодарную задачу пересадки его данныхъ въ періодъ позднѣйшій, отъ VI и VII вѣковъ, прямо въ XIV.

Не столько для доказательства, такъ какъ, по нашему мнѣнію, подобнаго рода условія изслѣдованія сами по себѣ могутъ представляться обязательными, сколько для поясненія того же самаго на примѣрѣ, вновь остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, возбуждающихъ нынѣ полемику, по поводу указаннаго сочиненія проф. Стржиговскаго. Мы, вопервыхъ, цѣликомъ подписываемся подъ всѣми замѣчаніями, сдѣланными на него

проф. Милле [1]), но и, кромѣ того, считали бы себя обязанными возражать на это сочиненіе по поводу объясненія иныхъ таблицъ, такъ какъ эти ихъ объясненія или, такъ называемыя, примѣчанія къ нимъ сводятся въ общемъ къ указаніямъ сирійскаго или сиро-египетскаго происхожденія, наиболѣе интересующихъ миніатюръ. Послѣдній рецензентъ книги проф. Стржиговскаго г. О. Шмитъ [2]), резюмируя вкратцѣ содержаніе ея, говоритъ: «Памятникъ, который задумалъ издать проф. Стржиговскій» (сколько мы знаемъ, не по своему выбору, а потому, что къ нему обратился съ предложеніемъ издать Бѣлградскую и Мюнхенскую рукописи проф. Ягичъ) «очень поздняго происхожденія», но онъ «представляетъ значительный интересъ и вотъ почему: Мюнхенская (т. е. Сербская Псалтирь въ Мюнхенской рукописи) редакція иллюстрацій къ Псалтыри сильно разнится отъ прочихъ византійскихъ псалтырей», «Чтобы показать это, намъ нѣтъ надобности описать всѣ миніатюры — достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ вступительныхъ картинкахъ». Затѣмъ, послѣ краткаго разбора, рецензентъ приходитъ къ выводу, что-изъ семи вступительныхъ композицій только одна примыкаетъ къ византійскому образцу, «остальныя же ни въ Византіи, ни на Западѣ не имѣютъ аналогій», а, стало быть, ихъ оригиналовъ надо искать на древнемъ Востокѣ. Столь же кратко (по необходимости) скажемъ и мы объ этихъ миніатюрахъ, при чемъ о первой миніатюрѣ, изображающей умирающаго и чашу смерти передъ нимъ, мы уже говорили въ началѣ книгѣ, а теперь только можемъ добавить, что если подобная миніатюра распространена въ русскихъ синодикахъ, то, во первыхъ, она какъ и самые синодики, происходитъ отъ образцовъ юго-славянской иконописи. А эта юго-славянская иконопись сложилась, какъ ужъ мы не разъ предлагали догадываться, въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Изъ той же среды произошла и вторая миніатюра, изображающая (таблица 1, 2 въ книгѣ г. Стржиговскаго), открытый гробъ со скелетомъ и по сторонамъ его пророка Исаію и юношу. Проф. Милле указалъ уже на изданную мною въ «Памятникахъ христіанскаго искусства на Аѳонѣ» греческую икону со св. Сисоемъ, взирающимъ на скелетъ въ раскрытомъ гробу. Въ нашихъ рукописныхъ синодикахъ этого рода художественная тема изложена даже въ силлабическихъ стихахъ: «Не вси ли въ землѣй персти трупы положиша, и изъ нея же взяти въ землю ся вратиша . . . Сиди въ древнія гробы и виждь обнаженны кости и разсуди ми: кто се положенны? [3]).

---

1) Въ ст. «Byzance et non l'Orient», въ отвѣтъ на ст. Брейе (Bréhier): «Orient ou Byzance». Обѣ помѣщены въ журналѣ Revue Archéologique, вторая t. X, 1907, p. 396; первая — 1908, I p. 171 — 189.

2) Рецензія помѣщена въ *Журналѣ М-ва Нар. Пр.* за 1908, Дек. стр 423 — 432.

3) Памятники древней письменности. CXVII. *Синодикъ Двинскаго Мих.-Арх. м-ря.* 1896. Наши иконы съ св. Сисоемъ, см. Жизневскаго *Опис. Твер. М.*, стр. 50.

Миніатюры, представляющія воцареніе Саула и другое — Давида, сочтены у рецензента одна «оригинальною», а другая «единственною въ своемъ родѣ». По словамъ рецензента, въ этой послѣдней видна «сербская политическая тенденція», выраженная въ томъ, что здѣсь новые подданные уже не привѣтствуютъ князя (по предположенію автора — краля Лазаря 1371 — 1379 годовъ), распростираясь передъ нимъ, какъ предъ неограниченнымъ царемъ на землѣ (προσκύνησις), но дѣлаютъ ему только поклонъ, ибо вельможи ограничили князя Лазаря. Во первыхъ, это пока предположеніе, что Псалтирь эта нарисована для князя Лазаря: болѣе возможно, что оригиналъ сербской Псалтири написанъ былъ ранѣе. А во вторыхъ, обѣ эти миніатюры ничего не имѣютъ «оригинальнаго», напротивъ того, представляютъ своего рода *иконописный шаблонъ*, а въ третьихъ, вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ никакой политической тенденціи и ужъ вовсе не содержитъ какого либо намека на ограниченіе власти князя Лазаря сербскими вельможами, которые именно по этой, будто бы, причинѣ ограничивались какими то поклонами. Ничего подобнаго въ миніатюрахъ мы не видимъ (таблица II и III, 5). Авторъ рецензіи явно смѣшиваетъ воцареніе сербскихъ кралей и болгарскихъ царей съ провозглашеніемъ византійскаго императора и Василевса. Намъ уже приходилось говорить о послѣднемъ раньше [1]) и кромѣ указаннаго типа благословенія царей, мы можемъ указать еще на древнѣйшую форму поднятія императора на щитѣ, что находимъ даже въ сравнительно позднихъ миніатюрахъ Мадридской Лицевой Хроники I. Скилицы. Не повторяя, поэтому, того, что уже сказано, тѣмъ болѣе, что воцареніе императоровъ совершенно не идетъ къ данному случаю, замѣтимъ только, что земное поклоненіе вовсе не составляло какого либо постояннаго ритуала при византійскомъ дворѣ, какой предполагали прежніе изслѣдователи Византіи, какъ напримѣръ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Ваагенъ, а за нимъ, очевидно, и г. Шмитъ. Скажемъ кратко, что въ этомъ случаѣ смѣшивали изображенія депутацій отъ покоренныхъ странъ и народовъ (наприм. болгаръ на изданной въ этой же книгѣ, рис. 2, миніатюрѣ Венеціанской Псалтири) съ изображеніями чиновъ византійскаго двора. Если при этомъ дворѣ извѣстные чины, и совершали «метанія», то при особо опредѣленныхъ случаяхъ [2]) и мы не могли бы указать иллюстраціи обрядовъ воцаренія. Далѣе, сербская миніатюра даже и въ надписи вовсе не называется «воцареніемъ», а лишь началомъ царствованія и изображаетъ, собственно, говоря, приказъ Давида и молчаливый поклонъ вельможъ,

---

1) Изображенія русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI в. 1906.

2) Земное поклоненіе синклита и патрикіевъ при вѣнчаніи Василевса указано въ I кн. гл. 38 соч. *De cerimon. aulae byz.* Ed. Bonn. p. 192—3. Въ комментаріяхъ I. Рейске разсужденіе о случаяхъ примѣненія обряда pag. 377, 418—9 etc.

выслушавшихъ этотъ приказъ. Но, главное, для этой миніатюры мы находимъ вполнѣ соотвѣтствующія изображенія въ Радзивиловскомъ спискѣ нашей начальной лѣтописи (л. 207 и 219). Вся разница обоихъ изображеній заключается только въ томъ, что въ Радзивиловскомъ спискѣ престолъ, на который сажаютъ князей на княженіе, является или большимъ трономъ (монументальнымъ), или даже представляется прямо престоломъ церковнымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, и сербскія миніатюры и русскія даютъ, такъ сказать, буквенную иллюстрацію текста, а именно: подъ воцареніемъ Самуила въ сербской миніатюрѣ подписано: «Самуилъ пророкъ посаждаетъ на престолѣ царстемъ Саула». Къ сожалѣнію, въ снимкѣ этой миніатюры трудно различить, имѣетъ ли престолъ спинку, и потому, представляетъ ли онъ тронъ, или престолъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. подобіе церковнаго престола. Въ миніатюрѣ «воцареніе Давида» находимъ обыкновенный табуретъ, что еще разъ указываетъ, что здѣсь не представлено самое воцареніе, Очевидно, что никакихъ политическихъ тенденцій, въ данномъ случаѣ, вовсе нѣтъ, а представлена иллюстрація текста, вполнѣ буквеннаго характера, при чемъ сажаніе на престолъ и привѣтствія князю съ бокалами въ рукахъ или, вмѣсто того, со свитками (византійскій ритуалъ для особо привиллегированныхъ чиновъ двора) является обычной, довольно несложной формой. Къ этому должно еще добавить, что въ сербской Псалтири, (за исключеніемъ выходного листа, который требуетъ особаго анализа, въ данномъ случаѣ, не умѣстнаго) мы встрѣчаемъ корону въ формѣ княжеской шапки (см. также табл. книги проф. Стржиговскаго: IX, XIV и нѣкотор. друг.), о которой имѣли случай уже разсуждать подробно ранѣе[1]). Правда, мы не рѣшимся, однако, вмѣстѣ съ проф. Стржиговскимъ (его книга стр. 104—5). считать форму трона или престола въ Сербской псалтири «сербскою», внесенной «сербскимъ» миніатюристомъ, и это по той причинѣ, что почти тождественныя формы мы находимъ, наприм., въ Радзивиловскомъ спискѣ и тамъ должны были бы считать ихъ «русскими». Подождемъ того времени, когда средневѣковыя лицевыя рукописи будутъ распредѣлены по мѣстнымъ группамъ и редакціямъ, и всѣ реаліи иконописныхъ шаблоновъ, по которымъ исполнялись византійскія хроники, русско-славянскія лѣтописи, житія и легендарныя сказанія, будутъ различаемы по опредѣленнымъ мѣстнымъ и временнымъ типамъ. Въ настоящее же время такого рода указанія могутъ служить, конечно, нѣкоторою поддержкою, но не могутъ быть точкою отправленія.

На этомъ мы остановимся въ разборѣ сербской Псалтири, такъ какъ считаемъ достаточнымъ сдѣланный анализъ для данной цѣли освѣщенія исто-

---

1) Въ «Изображеніяхъ русскихъ князей» и выше въ этой книгѣ.

рическаго взгляда, заявленнаго проф. Стржиговскимъ, и особенно тѣхъ формъ усвоенія этого взгляда, которая обнаружена въ указанной рецензіи его книги. Въ самой книгѣ гипотеза автора занимаетъ сравнительно мало мѣста, и замѣтки для ея доказательства сосредоточены, главнымъ образомъ, въ объясненіи начальныхъ миніатюръ. Тамъ иногда, для доказательства происхожденія поздне-сербской редакціи Псалтири отъ древнѣйшей сирійской, даются фактическія указанія, иногда же только общія замѣчанія, или же миніатюристъ называется кратко, по данному случаю, конистомъ. Но въ то же время, въ самой книгѣ много иного фактическаго матеріала, привлеченнаго для объясненій сербскихъ рисунковъ. Особенно любопытны аналогіи, указываемыя авторомъ изъ фресокъ и миніатюръ Аѳонской горы, но, конечно, матеріалъ этотъ оказывается недостаточнымъ, и при томъ всякій разъ, когда рисунокъ является наиболѣе интереснымъ, по своей сравнительной новизнѣ, противъ обычныхъ византійскихъ шаблоновъ. Недостатокъ аналогіи оказывается, напримѣръ, по вопросу о Деисусѣ, объ изображеніи Ветхаго Деньми, о композиціи: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа», «Хвалите въ силахъ Его», «Хвалите Господа съ небесъ», и другихъ наиболѣе любопытныхъ и поучительныхъ сюжетахъ, окончательно сложившихся именно въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Должно сказать, что и всякій изслѣдователь, разсматривая своеобразныя миніатюры Сербской псалтири, тотчасъ же сознаетъ и трудность ихъ объясненія. Эта трудность заключается, конечно, и прежде всего, въ *новизнѣ* (для современной археологической науки) той области, къ которой онѣ принадлежатъ, т. е. въ Сербской иконописи. Проф. Стржиговскій посвящаетъ этой сторонѣ дѣла только одну небольшую главу (стр. 104—112), но и въ ней онъ разсматриваетъ почти исключительно тѣ сербскія, имъ предполагаемыя въ миніатюрахъ, реаліи, въ которыхъ, по его взгляду, могли бы обнаружиться туземныя вліянія. Мы, съ своей стороны, желали бы прежде всего, не рѣшенія мѣстнаго вопроса, но опредѣленной общей характеристики миніатюръ. Такъ, по нашему мнѣнію, изданная сербская редакція Псалтири можетъ быть названа *иконописною*, въ отличіе, напримѣръ, отъ болгарской (рукопись XIV в. въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ), которая слѣдуетъ византійскому традиціонному шаблону и иллюстрирована на подобіе *лѣтописныхъ* хроникъ. Иконописный характеръ сербской Псалтири заключается, однако, не въ одной лишь формѣ иллюстрацій, покрывающихъ всю страницу, но и въ самомъ построеніи ихъ или также и въ самомъ характерѣ ихъ сочиненія. Этотъ характеръ отличается своеобразной сложностью и свидѣтельствуетъ, что въ той мастерской, которая эти миніатюры исполняла, было не только много старыхъ образцовъ, но и новыхъ сочиненій всякаго рода. Очевидно, Сербія, во времена своего процвѣтанія, привлекла въ стѣны своихъ много-

численныхъ монастырей самыхъ разнообразныхъ представителей православной иконописи и, въ свою очередь, сама высылала отъ себя: на Аѳонъ, съ которымъ она вела самыя тѣсныя сношенія, въ Болгарію, Буковину, Галицію и Молдовалахію произведенія своего мастерства. Съ своей стороны, пополняя свои запасы греко-восточными и византійскими оригиналами, а также и родственныхъ ей славянскихъ племенъ, Сербія, несомнѣнно, очень многое получала съ Запада, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со всею Далмаціей и Венеціанской областью. Художественно иконописный обмѣнъ Сербской иконописи и ранней итальянской живописи долженъ быть въ настоящее время признанъ въ видѣ исторической гипотезы, подлежащей разработкѣ, и мы полагаемъ, что всякаго рода указанія въ эту сторону дадутъ для дѣйствительной исторіи христіанскаго искусства несравненно болѣе основаній, чѣмъ какія бы то ни было мечтанія о копированіи древнихъ кодексовъ. На нашъ взглядъ, сербская Псалтирь не носитъ характера копіи, а представляетъ совершенно своеобразное *иконописное творчество*, цѣликомъ отмѣченное XIV вѣкомъ. Ближайшихъ аналогій этому творчеству слѣдуетъ искать въ памятникахъ также XIII и XIV вѣка, что настоятельно также рекомендуется проф. Милле. Мы здѣсь только кратко укажемъ, что изъ перечисленныхъ нами символико-поучительныхъ композицій нѣкоторыя объясняются исключительно аналогіями древне-русской иконописи. Такъ напримѣръ, неправильно указывать для объясненія миніатюры «Ветхаго Деньми» на изображеніе молитвы пророка Исаіи въ греческой рукописи или въ знаменитой картинкѣ Рафаэля—«Видѣніе Іезекіиля» во дворцѣ Питти, когда аналогія имѣется во фрескѣ Спаса Нередицкой церкви 1199 г. Композиція Деисуса съ Богоматерью «Владычицей» или «Царицею» въ коронѣ существуетъ не только въ сербской иконописи, но извѣстна и въ древне-русской подъ именемъ первыхъ словъ псалма: «Предста Царица»[1]). Всѣ прочія композиціи торжественнаго и поучительнаго характера извѣстны также въ русской иконописи, хотя пока еще неизвѣстно точно время ихъ происхожденія, а отчасти и та иконопись, изъ которой онѣ въ русскую перешли. Но здѣсь вообще мы вступаемъ, какъ бы въ темный лѣсъ, въ которомъ пути остаются еще совершенно неразвѣданными. Возвращаясь, поэтому, къ нашему спеціальному вопросу, скажемъ, что положеніе греко-славянской и русской иконописи въ XIV и XV вѣкахъ напоминаетъ еще многимъ памятное время положенія итальянской живописи въ 50 и 60-хъ годахъ и требуетъ само по себѣ, прежде всего, приведенія самаго матеріала въ извѣстность. Можно легко себѣ представить, насколько пре-

---

1) Икона Московскаго Успенскаго собора, изд. въ Лицевомъ Подлинникѣ томъ I, табл. XIV.

ждевременны окажутся всѣ наши заключенія, уже въ ближайшемъ будущемъ, когда обширные матеріалы этихъ вѣковъ будутъ, если не опубликованы, то хотя бы сфотографированы и будутъ находиться въ рукахъ изслѣдователей.

Такъ, сколько гаданій было дѣлано о мозаикахъ въ ц. вм. Димитрія въ Солуни, а нынѣ часть ихъ уже открыта и даже за время печатанія этой книги опубликована. Будемъ надѣяться, что и для многочисленныхъ памятниковъ славяно-византійскаго искусства на Балканскомъ полуостровѣ, скоро настанетъ время ихъ научнаго изданія и изученія.

Всѣ основанія, доселѣ приводившіяся для рѣшенія Македонскаго вопроса, относятся почти исключительно къ области филологіи или этнографіи. Предоставляя сужденіе по первой области спеціалистамъ, остановимся въ общихъ чертахъ на этнографическихъ взглядахъ. Заинтересованные въ этомъ дѣлѣ представители разныхъ національностей Балканскаго полуострова рѣшаютъ, какъ извѣстно, Македонскій вопросъ съ крайнимъ пристрастіемъ въ свою пользу: сербы — въ пользу сербовъ, болгары — въ пользу болгаръ. И тѣ, и другіе ставятъ вопросъ о Македонскихъ славянахъ, какъ бы если передъ ними была совершенно чистая безпримѣсная раса, безусловно опредѣляемая со стороны своей этнографической принадлежности точно такъ же, какъ и со стороны языка. Дѣло, однако, обстоитъ

189. Селяки въ с. Калишта близъ Охриды.

совсѣмъ иначе, какъ то ясно тоже съ перваго взгляда. Македонія, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не была въ исторіи страною цѣльнаго характера: напротивъ того, она не только подвергалась нашествіямъ и завоеваніямъ, но еще болѣе того — опустошеніямъ и по этой причинѣ, частому наплыву новыхъ поселенцевъ. Съ этой точки зрѣнія только исторія, слѣдящая за

всѣми подробностями культурной жизни Балканскаго полуострова, даетъ ключъ къ истинному разумѣнію Македонскаго вопроса. Мы уже говорили выше, что въ исторіи заселенія славянами Балканскаго полуострова наблюдается двоякаго рода движеніе: мирное и завоевательное. Мирное распространеніе славянскаго племени происходило уже внутри Балканскаго полуострова, это было постепенное передвиженіе поселками, чисто земледѣль-

190. Монастырь Слѣпче. Крестьянскій домъ.

ческаго характера, но въ то же время массовое, заполнявшее громадныя пустоши. Но появленіе славянскихъ поселенцевъ на полуостровѣ происходило, явно, въ зависимости отъ общихъ передвиженій на сѣверѣ; славяне приходили сюда вмѣстѣ съ завоевательными ордами или вслѣдъ за ними. Въ первый періодъ перешли на Балканскій полуостровъ сербскія племена и, потѣснивъ туземцевъ, заняли западныя части. При послѣдующемъ форсированіи нижняго Дуная, славянскія племена, видимо, съ Востока, подъ водительствомъ болгаръ, или вслѣдъ за ними прошли и заселили современную Болгарію, восточную Румелію и широкой, косвенно направлявшейся полосой черезъ всю юго-восточную Македонію, дошли вплоть до Охриды и *Дибра*. Черезвычайно характерно и важно для пониманія всего дальнѣйшаго, что этотъ земледѣльческій захватъ Балканскаго полуострова миновалъ тотъ юго-восточный уголъ его, который и тогда былъ занятъ и доселѣ остается греческимъ. Напротивъ того, это передвиженіе прошло очень глубоко на юго-западъ полуострова и въ Эпирѣ заняло рядъ, вѣроятно, опустѣлыхъ мѣстъ.

Весьма естественно, что древнѣйшее Болгарское царство, сложившееся на основѣ этого земледѣльческаго передвиженія, но обязанное своимъ устройствомъ военной организаціи кочевой орды и ужасу, наведенному ею на Византію, избрало своимъ первымъ центромъ Охриду и Преспу, какъ важнѣйшіе *передовые* пункты въ этомъ движеніи славянства. Движеніе это, будучи земледѣльческаго характера, было только подкрѣплено передвиженіемъ орды, но само по себѣ, стремилось къ наиболѣе легкой добычѣ, захватывая Эпиръ и въ то же время обходя укрѣпленный треугольникъ Византіи и богатую приморскую Солунь; на западѣ оно было остановлено поселеніями албанцевъ. Такъ было въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, но иначе шло дѣло въ западной его половинѣ. Здѣсь мирное распространеніе славянскаго земледѣльческаго поселенія началось только послѣ того, какъ были форсированы ихъ воинскими отрядами пограничныя укрѣпленія, устроенныя римлянами. Правда, эти пограничныя укрѣпленія были вѣроятно, слабѣе тѣхъ, которыя римляне, а затѣмъ и византійцы устраивали на нижнемъ Дунаѣ.

191. Монастырь Сдѣвче. Крестьянскій домъ.

Описываемое западное передвиженіе было чисто и исключительно славянскимъ, и между племенами уже съ первой половины VII столѣтія ясно выдѣляется основная, чисто славянская народность — сербовъ. Повидимому, многія мѣстности Балканскаго полуострова были уступлены добровольно, но, тѣмъ не менѣе, положенная въ основаніе первыхъ передвиженій военная организація именно этого племени дала основаніе Славянскому царству. Рядъ разнообразныхъ племенъ славянской расы, очевидно, ассимилировался и подчинился преобладанію сербовъ, образовавъ съ ними одно Сербское царство. Какъ извѣстно, быстрый ростъ политическаго могущества этого царства наступилъ послѣ ослабленія Царства Болгарскаго, но сербское движеніе направилось не къ Эгейскому морю, а наоборотъ, къ

192. Монастырь Слѣпче. Кола.

Византіи, тоже минуя Солунь и не заботясь о своемъ морскомъ побережьѣ. Въ результатѣ, сербы не утвердились прочно и въ Македоніи, а впослѣдствіи, подъ напоромъ турокъ, утратили изъ населенныхъ ими земель болѣе, чѣмъ болгары. Не менѣе того сербскія поселенія потеряли отъ обратнаго напора албанцевъ, естественно, воспользовавшихся турецкимъ завоеваніемъ Балканскаго полуострова для феодальнаго захвата земледѣльческихъ поселеній.

Въ настоящее время страны принадлежатъ уже не племенамъ, а выработаннымъ исторіею націямъ и національностямъ. Племенной типъ, поставленный исторіею во главѣ родственной ему среды, быстро ее себѣ

ассимилируетъ, становится историческою націею и является затѣмъ въ современной дѣйствительности обладателемъ историческаго права на всю мѣстность, охваченную его распространеніемъ. Этотъ племенной характеръ разнообразится, по своей роли, какъ величина политическая, или культурная. Въ исторіи Балканскаго полуострова важнѣйшая политическая роль явно принадлежитъ Болгаріи, тогда какъ широкое культурное развитіе сербовъ и выработанное ими искусство, какъ важнѣйшая, послѣ русскаго, вѣтвь искусства византійскаго, составляетъ историческое наслѣдіе сербскаго племени. Такимъ образомъ, этнографическое изслѣдованіе совершенно ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Болгарія простирается широкой полосой до Охриды включительно, но изслѣдованія археологическія неоспоримо открываютъ рядъ сербскихъ культурныхъ пунктовъ въ Скопійскомъ округѣ. Нечего говорить и о томъ, что такъ называемая Старая Сербія и всѣ мѣстности вокругъ Ипека и Дечана—этой сербской Москвы—безспорно принадлежатъ сербской націи. Сложившаяся къ IX столѣтію болгарская національность отличалась, видимо, въ періодъ образованія перваго Болгар-

193. Хороводъ (соборъ) въ сел. Мирковцахъ.

скаго царства, сравнительно низкимъ культурнымъ состояніемъ. Бытовыя формы осѣвшей кочевой орды способствуютъ ея замѣчательной подвижности, помогаютъ завоевательнымъ стремленіямъ, но ограничиваютъ художественную жизнь народа исключительно формами личнаго убранства и домашняго

194. Хороводъ въ сел. Долна Сольня близъ Скопіе.

быта. Въ то же время періодъ X и XI столѣтій въ жизни европейскихъ народовъ, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, Италіи, представляетъ исключительно подражаніе византійскимъ образцамъ, какъ въ устройствѣ но-

выхъ столицъ, такъ и украшеній новопостроенныхъ христіанскихъ церквей. Множество разнообразныхъ фактовъ насъ убѣждаютъ, что національный подъемъ и оригинальная художественная жизнь, въ большинствѣ странъ средневѣковой Европы начали слагаться только во вторую половину XII столѣтія, а полный ходъ національнаго искусства приходится на XIII вѣкъ, гдѣ раньше, гдѣ позже, въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ. Ко времени Стефана Немани (1159 — 1195) относится политическое движеніе сербскаго народа, направляющееся къ отвоеванію у Византіи старой Сербіи и славянскаго юго-востока. Сѣверная Македонія считалась послѣ того въ числѣ сербскихъ земель, которыхъ кралями объявляли себя Неманичи. Какъ извѣстно, Милутинъ расширилъ свои владѣнія на востокъ до Каратова, на югъ до Штипа, Велеса, Прилѣпа и Охриды на югозападъ, пока въ Болгарскомъ царствѣ хозяйничали ногайскіе татары. И съ того времени, и доселѣ раздвоенность сербскаго народа составляетъ его большую сторону. Одна половина, въ видѣ самостоятельнаго государства — по прежнему движется только мыслью о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на юго-востокѣ, все въ той же Македоніи. Другая, расколовшаяся на нѣсколько частей, продолжаетъ вести доселѣ борьбу за самобытное существованіе съ могущественными силами культурнаго запада. Отсюда понятно, какъ малосостоятельны и фантастичны были грандіозныя затѣи завоеванія Византіи Сербіею во времена Милутина и Душана; всѣ пріобрѣтенія сербовъ въ Македоніи быстро утрачивались, или попадали въ руки независимыхъ сербскихъ властелей и только въ періодъ съ 1345 года по 1389 Македонія была сербскимъ владѣніемъ. Однакоже значительная часть Македоніи въ теченіе XIII и XIV столѣтія пользовалась благами сербской культуры, и отсюда историческія права Сербіи на Старую Сербію и нѣкоторыя части (преимущественно западныя) Скопійскаго виллаэта, врядъ ли можно отрицать. Съ другой стороны, политическія притязанія на какую бы то ни было территорію въ настоящее время почти исключительно опредѣляются столько же силою, сколько національнымъ родствомъ. Что касается этого послѣдняго, то именно въ настоящее время вопросы о немъ едва только возникли и то не вполнѣ еще дошли до сознанія самихъ жителей Македоніи. Для научной разработки вопроса о національности Македонскихъ славянъ доселѣ мало было интереса по причинѣ разобщеннаго состоянія самой славянской филологіи и исторіи, а искусственная современная острота вопроса ограничивалась исключительно интеллигентными сферами, или, наконецъ, городами. Современная полемика по этому вопросу не представляетъ пока научныхъ изслѣдованій въ собственномъ смыслѣ слова: она вращается въ предѣлахъ статистическихъ выкладокъ и расчетовъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, и не переходитъ далѣе

политическихъ памфлетовъ. Эта полемика какъ будто повторяетъ прежнія притязанія политико-экономическаго свойства, и характеризуется крайнимъ пристрастіемъ, въ которомъ тонетъ всякая историческая критика уже потому, что самые періоды сербскаго и болгарскаго владѣнія Македоніей были кратковременны и перемежались вѣковыми, напряженными домогательствами и злостными интригами.

Такимъ образомъ, литература Македонскаго вопроса, въ особенности за послѣдніе 25 лѣтъ, способна не только смутить и привести въ недоумѣніе людей, искренно интересующихся этимъ вопросомъ, но и поселить въ нихъ надолго своего рода антипатію къ этой полемикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если путешественники по Македоніи оказываются въ большинствѣ лицами заинтересованными, которыя и ѣдутъ туда съ предвзятыми взглядами, чтобы подыскать новыя фактическія доказательства своему мнѣнію, или набрать побольше характерныхъ анекдотовъ, чтобы поразить читателя, то что же остается сказать о мѣстныхъ дѣятеляхъ, погруженныхъ въ кипящую интригу. Всѣмъ понятно, что недаромъ покойный А. А. Ростковскій, издавая свое «Распредѣленіе жителей Битольскаго вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1897 году» [1]), занесъ всѣхъ славянъ вилаета подъ одну общую рубрику (было очевидно и ему, что они составляютъ одну національную группу), но подѣлилъ ихъ на «патріархистовъ, экзархистовъ и мусульманъ». Онъ полагалъ дипломатичнымъ избѣжать всякой попытки выясненія вопроса, къ какой народности: сербской или болгарской принадлежатъ македонскіе славяне. Но въ то же время не утерпѣлъ, чтобы не сказать, что, по его мнѣнію, македонское нарѣчіе представляетъ переходную ступень отъ сербскаго къ болгарскому языку, чѣмъ и вызвалъ рѣзкую отповѣдь въ примѣчаніи редактора. Мѣстная дипломатія въ этомъ этнографическомъ вопросѣ или стояла, въ лицѣ иныхъ представителей, въ колебательномъ положеніи, надѣясь примкнуть въ нужное время къ тому, на чьей сторонѣ будетъ сила, или переходила намѣренно и на время на слабую сторону, разсчитывая выиграть тамъ наиболѣе.

Присоединяться къ болгарамъ казалось невыгоднымъ, такъ какъ, видимо, на сторонѣ ихъ было право. Кратко говоря, поразительнымъ исключеніемъ въ настоящемъ случаѣ явился покойный графъ Н. П. Игнатьевъ, ставшій на правую сторону, сторону сильнаго. Всѣмъ извѣстно, прямо какъ анекдотъ, что сербскіе политики предлагали, съ своей стороны, болгарскимъ взаимно подѣлить Македонію и, какъ это уже было замѣчено болгарами, являлись дѣйствительно злою матерью Соломонова суда. Всѣмъ понятно также, и было бы трудно это скрыть, что, при сознаніи трудности, или даже невозможности

1) *Живая Старина*, изд. Отд. Этногр. Географ. Общ. 1899, стр. 61—112.

доказать принадлежность македонскаго населенія къ сербской національности, усиливаются попытки просто запутать весь вопросъ, представить въ Македоніи, вмѣсто одной національной группы, помѣсь всевозможныхъ расъ, своего рода хаосъ. Тамъ, будто бы, нѣтъ цѣльной народности, а только различные переходы отъ одной къ другой группѣ и сліяніе самыхъ разнообразныхъ національныхъ группъ, славянъ съ греками и албанцами, валаховъ съ греками и славянами. Навести такую путаницу легко и потому, что Македонія, въ силу своихъ историческихъ судебъ, а также по своему промежуточному положенію, никогда не была опредѣленно отграничена отъ другихъ національностей и въ разныхъ ея углахъ совершалась колонизація въ значительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, македонскіе славяне слишкомъ давно принимали участіе въ политической роли, и забвеніе ея не оставило имъ яснаго національнаго самосознанія. Къ тому же, такъ недалеко еще то время, когда большинство ихъ интеллигенціи говорило по-гречески и отдѣлялось отъ народа. Такъ, Григоровичъ въ самой Охридѣ почти не встрѣчалъ болгаръ, говорившихъ по славянски. Такимъ образомъ вопросъ, ясный и самъ по себѣ, намѣренно запутывается и осложняется не только мѣстными дѣятелями, школьными учителями, различными эмиссарами и сторонниками національной политики, но и тѣми, которые подпадаютъ подъ вліяніе мѣстныхъ дѣятелей. Напротивъ того, простая поѣздка по странѣ совершенно ясно убѣждаетъ, что въ лицѣ македонскихъ славянъ мы имѣемъ опредѣленную національную группу, совершенно ясно примыкающую къ народности, населяющей собственную Болгарію. На всемъ. нами обозрѣнномъ. пространствѣ, отъ Охриды до Скопіе и Куманова живетъ одинъ народъ, который и въ IX вѣкѣ называлъ себя болгарами, котораго въ XI столѣтіи греки называли также и который такъ же называлъ себя первымъ, посѣтившимъ страну, европейскимъ путешественникамъ, и нашему Григоровичу. Ясно, съ другой стороны, и не слѣдуетъ объ этомъ умалчивать, что современнаго путешественника теперь непремѣнно посѣтятъ всякаго рода интриганы и политики, и на его прямые вопросы дадутъ нерѣдко самые коварные отвѣты, конечно, въ городахъ, не въ деревняхъ, гдѣ дѣло обстоитъ просто и гдѣ всѣ равнодушно называютъ себя болгарами. Въ городахъ иное дѣло: на этотъ вопросъ — молчатъ, или же отвѣчаютъ такъ, какъ имъ различными политиками указано, что они патріархисты, или экзархисты и т. п., и то, слава Богу. Иногда прямо скрываютъ свою политику изъ боязни пострадать. Но, конечно, если общій вопросъ становится совершенно ясенъ для путешественника, то онъ не въ силахъ, оказывается, разрѣшить различныя его частности, а между ними, самую крупную, о предѣлахъ сербскаго населенія въ Старой Сербіи. Что сама она, Старая Сербія, всегда принадлежала и доселѣ принадлежитъ сербской національности — въ

этомъ, конечно, никто не сомнѣвался. Но вѣрно ли мнѣніе болгарскихъ и греческихъ картографовъ, что южная граница старой Сербіи не простирается далѣе Шар-Планины и Черной горы? Совершенно вѣрно говоритъ по этому поводу извѣстный профессоръ Іованъ Цвиичъ [1]), что крайнія мнѣнія, какъ напр. болгаръ, утверждающихъ, что самое названіе «Старой Сербіи» искусственно придумано, такъ и мнѣніе сербовъ, которые Старую Сербію протягиваютъ на всѣ бывшія владѣнія краля Милутина, «находятся, по большей части, въ полномъ разладѣ съ научной логикой и научными методами изслѣдованія». Старая Сербія есть историческое названіе, несомнѣнно уцѣлѣвшее отъ старины и очень точно обозначающее большую мѣстность, занятую сербкой народностью и даже болѣе того, ею выдвинутую, въ видѣ выдающагося на юго-востокѣ угла ея владѣній. Но, съ другой стороны, этотъ уголъ встрѣтилъ естественную преграду въ хребтѣ Шар-Планины и Скопской Черной горы. Переходъ черезъ эти преграды совершился только въ самое позднее время, а именно при Милутинѣ и Стефанѣ Душанѣ, которые, стремясь къ завоеванію, присоединили весь сѣверо-восточный уголъ долины, охватывающей Скопіе и его участокъ. Крали-завоеватели настроили здѣсь, въ пограничныхъ пунктахъ, дворцовъ, монастырей и церквей и, видимо, устроили рядъ дворцовыхъ имѣній, съ богатыми надѣлами въ избранныхъ природою мѣстностяхъ, которыя и доселѣ остались вкрапленными сербскими пунктами. Разобраться въ этомъ пунктѣ было бы легко именно въ настоящее время, пока извѣстныя національныя особенности въ народныхъ одеждахъ и обычаяхъ еще остаются яркими, но, главное, не слѣдуетъ изъ-за этихъ частностей обобщать въ ту или другую сторону простого вопроса. Съ этой точки зрѣнія, нельзя признать какъ той границы между старой Сербіей и Македоніей, которую проводитъ указанный сербскій профессоръ, направляя ее черезъ Велесъ и Штипъ, такъ и болгарскаго сплошного отрицанія существованія сербскихъ селъ въ Скопскомъ участкѣ. На этой картѣ Старая Сербія является большою страной, чуть не въ размѣрахъ самой Болгаріи. Подобно тому, какъ въ Охридѣ и Пресиѣ болгары основали свою резиденцію и въ ихъ мѣстностяхъ, затѣмъ сложились военныя дружины и политическое движеніе, освободившее Болгарію отъ грековъ и возстановившее болгарское царство, такъ изъ Старой Сербіи во времена политическихъ успѣховъ выдвигались въ толщу другихъ національностей передовые поселки. Такова аналогія между юго-восточной границей Сербіи и юго-западными предѣлами Болгаріи, другъ друга взаимно перекрещивающими. И такъ, единственный справедливый выводъ, который представляется не предубѣжденному взгляду всякаго путешественника, требуетъ предоста-

---

1) *Македонскіе славяне.* 1906. Стр. 4.

вить почти всю Македонію болгарамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея сѣверо-западныхъ мѣстностей, примыкающихъ къ Старой Сербіи.

Но въ то же время приходится поневолѣ и, выходя изъ роли путешественника, говорить о политическихъ видахъ и горизонтахъ, нынѣ въ этомъ вопросѣ усматриваемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже многіе теперь, сознавая всю историческую справедливость предоставленія Македоніи болгарамъ, спѣшатъ, однако, возразить противъ этого съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія. Говорятъ, гдѣ же будетъ политическій смыслъ, если мы (въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь идетъ все о той же Россіи, которая одна за все, происходящее на Балканскомъ полуостровѣ, отвѣчаетъ), предоставивъ Македонію болгарамъ, усилимъ ихъ вдвое противъ современной Сербіи, а Сербію оставимъ все въ томъ же обездоленномъ положеніи, лишенною половины принадлежащихъ ей по праву земель на Балканскомъ полуостровѣ. По этому случаю вновь припоминаютъ и перебираютъ по звеньямъ всю цѣпь историческихъ несправедливостей, останавливаясь, главнымъ образомъ, на обоихъ трактатахъ: Санъ-Стефанскомъ и особенно Берлинскомъ. При этомъ съ большой наивностью прибавляютъ, что вѣдь Сербія обратила свои взоры въ послѣднее только время (однако уже съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка) на Македонію и только потому, что потеряла надежду на свое удовлетвореніе въ натуральныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, весь Македонскій вопросъ сводится исключительно будто-бы къ соперничеству двухъ славянскихъ національностей: весь вопросъ будто бы только въ томъ, кто выигралъ и кто проигралъ и вся бѣда лишь въ томъ, что сербы отъ Берлинскаго трактата потерпѣли больше, чѣмъ болгары. Дѣйствительно, Болгарія, какъ то свидѣтельствуетъ даже болгарскій учебникъ географіи Кынчева, общеупотребительный въ македонскихъ школахъ, занимаетъ, послѣ Турціи, второе мѣсто на полуостровѣ, а въ то же время населеніе еще остается сравнительно рѣдкимъ: 34 человѣка на квадратный километръ, — откуда слѣдуетъ, что въ странѣ есть мѣсто для населенія вдвое и втрое большаго. Напротивъ того, Сербія занимаетъ 48 тыс. к. м., а населеніе ея достигаетъ 2 съ половиною милл. и хотя, такимъ образомъ, Сербія принадлежитъ «къ мелкимъ государствамъ полуострова», но густо населена и не можетъ пріютить у себя чужого славянскаго населенія. Въ результатѣ такой постановки вопроса и разыгрывающагося соперничества двухъ національностей, Болгарія, въ своей политикѣ, унижается до политической интриги и послѣдовательно стремится къ усиленію третьяго посредника, т. е. исконнаго врага славянскихъ національностей на Балканскомъ полуостровѣ — Австріи. Нарушая всякій историческій и самый простой здравый смыслъ, Болгарія, видимо, стремится къ раздѣлу Македоніи съ Австріей и полному порабощенію Сербіи, и этимъ, какъ будто, поверхъ и че-

резъ головы своего славянскаго населенія, вновь возстанавливаетъ въ своихъ нѣдрахъ стремленія тѣхъ дикихъ кочевниковъ, которыхъ натура можетъ повлечь даже къ союзу съ венграми.

Что касается палліативнаго разрѣшенія вопроса дарованіемъ Македоніи автономіи, то всякому путешественнику по этой странѣ представляется въ концѣ его поѣздки одно, по крайней мѣрѣ, вполнѣ яснымъ: невозможность какой бы то ни было автономіи подъ турецкимъ управленіемъ и при существованіи албанскаго гнета и дикихъ насилій надъ мирнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Скоро исполнится почти столѣтіе съ того времени, какъ возникло хищническое движеніе между албанцами, направленное къ порабощенію славянъ. Дѣйствуя грабежомъ и, въ случаѣ неудачи, вымогательствомъ, оружіемъ, албанцы, какъ полудикое, самой природой приспособившееся къ хищничеству, племя, вытѣсняютъ силою славянское населеніе, уже въ большинствѣ мѣстностей Македоніи. Наибольшей интенсивности это движеніе достигло нынѣ въ Старой Сербіи и сѣверной Македоніи, вплоть до самого Скопіе. Въ южной части Македоніи оно, спустившись къ Охридскому озеру, идетъ нынѣ на Корчу, городъ теперь почти съ исключительнымъ албанскимъ населеніемъ и Костуръ. Но это движеніе уже массовое. Затѣмъ, албанскій гнетъ чувствуется нынѣ почти вплоть до самыхъ Салоникъ, такъ какъ даже въ южной Македоніи хищники, по словамъ жителей, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собой и образуютъ густо сплетенную паутину, а похищенное имущество исчезаетъ безслѣдно, передаваемое изъ одного села въ другое. Достаточно просмотрѣть самыя обыкновенныя книжки путешественниковъ по Македоніи, чтобы убѣдиться въ томъ албанскомъ гнетѣ, который только для дипломатовъ является доселѣ неусвоенною ими новостью.

Непреоборимымъ препятствіемъ для успокоенія страны, путемъ дарованія ей самоуправленія, или автономіи, служитъ также то, что въ городахъ Македоніи живетъ совершенно чуждый земледѣльческому населенію элементъ: греки, турки и евреи (послѣдніе, впрочемъ, почти исключительно въ Салоникахъ). Если бы когда нибудь стало возможнымъ возвратить отъ Турціи завоеванныя ею чисто греческія области, то врядъ ли претензіи грековъ на политическое обладаніе Балканскимъ полуостровомъ сколько бы нибудь этимъ удовлетворились. Македонія въ настоящее время раздирается не одними политическими организаціями, но еще болѣе того—церковными и среди нихъ двумя открыто враждующими сторонами: экзархистовъ и патріархистовъ; первой, церковной партіи, принадлежитъ большинство и политическая сила; второй — сила фанатизма и постоянныя интриги. Въ странѣ не только нѣтъ спокойствія, но всякое человѣческое общеніе, даже въ селахъ, отравлено въ конецъ. Школа является проводникомъ господствующаго раздора, а школь-

ные учителя, руководимые духовенствомъ, представляютъ образецъ политическихъ заговорщиковъ, постоянно готовящихся къ перевороту. Наконецъ, предлагая автономію, знатоки края дробятъ Македонію на нѣсколько, шесть и семь, областей, которыя должны управляться каждая особымъ губернаторомъ и особою администраціею. Откуда, спрашивается, найдутся необходимыя для того большія средства?

Если, такимъ образомъ, автономія различныхъ частей Македоніи, какъ средство политическаго успокоенія страны, оказывается недѣйствительною и неприложимою, то естественно слѣдуетъ ожидать ухудшенія даннаго положенія и наступленія въ будущемъ того, что принято называть катастрофою. Подобная перспектива тѣмъ болѣе, однако, является тягостною, и раззорительною для страны, чѣмъ менѣе наблюдается въ ней разумнаго приготовленія къ катастрофѣ. Современное положеніе политическихъ силъ на Балканскомъ полуостровѣ ясно представляетъ намъ группировку на немъ четырехъ сторонъ: Турціи, Австріи, Болгаріи, и Сербіи (вмѣстѣ съ Черногоріей). Самая простая и грубая логика вещей требовала бы, казалось, чтобы эта группировка, если не въ результатѣ разумнаго распоряженія народовъ своими судьбами, то хотя бы въ силу обстоятельствъ, превратилась въ другую, состоящую только изъ трехъ сторонъ: Турціи, Австріи и Славянства, т. е. Сербіи и Болгаріи въ политическомъ союзѣ. При современной группировкѣ, Австрія, волею Германіи и въ силу давленія, производимаго Германіей, стремится къ завладѣнію западной половиною Балканскаго полуострова, прилегающей къ Адріатическому морю, вплоть до Салоникъ. Турція же стремится сохранить свое господство надъ европейскою страной, поселяя въ ней азіатскіе элементы и вызывая къ жизни прежнее варварское ея населеніе—албанцевъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время первый рѣшительный шагъ, сдѣланный Австріей на пути къ этому завоеванію, вызвалъ не только живое народное возмущеніе на полуостровѣ, но общую тревогу всей Европы. Этотъ первый шагъ подготовлялся 30 лѣтъ, и ему предшествовала крайне сложная политическая интрига, ставящая цѣлью въ будущемъ захватъ всего «турецкаго наслѣдства», черезъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію, вплоть до Месопотаміи. Германія стремится повторить славныя времена Гогенштауфеновъ и выполнить историческія мечты возстановленія міроваго владычества, по образцу Римской Имперіи: за Босніею и Герцеговиною, Старая Сербія и Македонія стоятъ на дорогѣ.

I.

Альбомъ фотографическихъ снимковъ Македонской экспедиціи 1900 года.

1— 2. Константинополь, Золотой Рогъ.
3— 6. Константинополь. Приморскія стѣны.
7— 8. Константинополь. Фетхіе-Джами.
9—13. Виды желѣзной дороги по теченію Мясты. Тѣснины Бука.
14. Станція по пути въ Салоники.
15—21. Салоники. Виды гавани и набережной.
22—23. Салоники. Каламарія.
24. Салоники. Улица въ Верхнемъ городѣ.
25. Салоники. Улица у набережной.
26. Восточное предмѣстье.
27. Пропилеи Св. Софіи.
28—41. Солунь. Св. Софія.
42—45. Солунь. Церковь Св. Димитрія.
46. Солунь. Церковь Св. Димитрія. Капитель.
47. Солунь. Гробница Вм. Димитрія.
48. Солунь. Базилика Эски-Джума.
49. Эски-Джума. Южный входъ.
50. Эски-Джума. Пилястры южнаго входа.
51. Эски-Джума. Капитель.
52. Колодецъ въ саду двухъ тюрбе, близь Эски-Джума.
53. Солунь. Якубъ-паша-джами.
54. Солунь. Якубъ-паша-джами.
55—57. Восточная часть мечети Якубъ-паша.
58. Солунь. Исакіе-Джами—б. ц. Св. Пантелеймона.
59. Церковь Пантелеймона.
60. Солунь. Церковь Пантелеймона.
61. Солунь. Эски-Сарай.
62. Солунь. Эски-Сарай.
63. Солунь. Эски-Сарай.
64—74. Солунь. Казанъ-Джиляръ-Джами.
75—77. Солунь. Церковь 12 Апостоловъ или Соуксу-Джами.
78. Солунь. Церковь Константина и Елены.
79. Солунь. Церковь Константина.
80—86. Солунь. Церковь Св. Мины.
87—88. Солунь. Амвонъ церкви Св. Мины.
89. Солунь. Монастырь Чаушъ.
90. Чаша Тайной вечери въ Чаушѣ.
91. Эмалевая плита.
92. Икона въ Чаушѣ.
93—94. Капители въ Чаушѣ.
95—96. Стѣны Солуни близь монастыря Чауша.
97. Солунь. Церковь Архангела Михаила.
98. Солунь. Церковь въ Верхнемъ городѣ.
99. Солунь. Церковь Спаса.
100. Солунь. Внутренность Ротонды.
101—103. Орнаментальныя плиты въ церкви Св. Георгія въ Солуни.
104—110. Мозаики въ куполѣ церкви Св. Георгія въ Солуни.
111—112. Два фонтана въ Солуни.
113. Солунь. Церковь Панагуды.
114. Солунь. Церковь Панагуды. Мѣстная икона Божіей Матери.
115—118. Солунь. Церковь Панагуды. Плащаница.
119—120. Церковь Панагуды. Епитрахиль.
121. Солунь. Церковь Панагіи-Декса. Плита.
122. Икона въ церкви Панагіи-Декса.
123. Плащаница въ церкви Панагіи-Декса.
124. Церковь Св. Аѳанасія. Мраморный рельефъ Богоматери.
125. Солунь. Площадь бывшаго ипподрома. Надпись въ дворѣ.
126. Солунь. Капитель близь церкви Св. Николая малой.

127—134. Церковь Св. Николая малая. Солунь.
135—136. Солунь. Акче-Джами. Амвонъ.
137—138. Церковь Срѣтенія въ Солуни.
139. Салоники. Змѣиная колонна.
140—142. Тріумфальная арка съ барельефами, въ Солуни.
143. Солунь. Глава Св. Евстаоія Плакиды въ церкви Св. Николая Новаго.
145—147. Село Постулъ. Древняя Пелла. Античныя стелы. Типы.
148. Озеро Дойранъ и городъ.
149—150. Греческая и славянская надпись Дойрана.
151. Жители Дибра.
152—153. Серры. Кале.
154. Серры. Митрополія. Плиты на лѣстницѣ.
155—156. Серры. Митрополія. Алтарная мозаика.
159—160. Серры. Митрополія. Пара рипидъ.
161. Серры. Митрополія. Серебряное блюдо.
162. Серры. Митрополія. Дискосъ со славянскою надписью.
163. Серры. Митрополія. Потиръ.
164. » » Крестъ со славянскими надписями.
165—170. Древнія епитрахили. Палицы; поручи и вошвы въ митрополіи гор. Серры.
171. Серры. Церковь Св. Антонія. Палица.
172. Серры. Церковь Аоанасія. Надпись.
173. Серры. Стела въ госпиталѣ.
174— 5. Серры. Церковь Іоанна Предтечи.
176—189. Гор. Серры. Типы жителей.
190. Ущелье по дорогѣ къ монастырю Іоанна Предтечи близь гор. Серръ.
191—196. Монастырь Іоанна Предтечи близь Серръ.
197—198. Пара эмалевыхъ рипидъ въ монастырѣ Іоанна Предтечи, близь Серръ.
199. Монастырь Іоанна Предтечи; рѣзной крестъ.
200. Монастырь Іоанна Предтечи. Мѣстная шитая икона, обвѣшанная образками.
201. Монастырь Іоанна Предтечи. Потиръ.
202. Крестъ.
203. Монастырь Іоанна Предтечи. Дарохранительница.
204—206. Скопіе.
207. Кале въ Скопіе.
208—209. Монастырь Перезъ 1164 г.
210. Перезъ. Плита амвона.
211. Перезъ. Надпись.
212. Перезъ. Надпись 1164 года надъ входомъ въ церковь Пантелеймона.
213. Перезъ. Кіотъ XIII вѣка.
214. Село Люботинъ.
215. Надпись надъ входомъ въ церкви Николая 1337 года въ селѣ Люботинѣ.
216—217. Наружный видъ церкви села Люботина.
218—223. Фресковая роспись церкви въ селѣ Люботинѣ.
224. Жители с. Люботина.
225. Церковь вблизи монастыря Маркова.
226—229. Марковъ монастырь 1345 г.
230. Иконостасная преграда въ Марковѣ.
231. Гербъ на мраморѣ въ алтарѣ монастыря Маркова.
232—223. Роспись стѣнъ монастыря Маркова.
234—237. Церковь села Кучевишта.
238—240. Церковь сербскаго монастыря архангела Михаила 1693 года.
241. Клиръ Михайловскаго монастыря.
242—246. Сербы селяки въ селѣ Кучевишта.
247—252. Монастырь Матка.
248. Надпись.
251. Надпись.
253. Селяки на жнитвѣ по пути въ село Нагоричъ.
254. Церковь Малаго Нагорича (болгарская).
255—256. Фрески Малой церкви Нагорича.
257—259. Церковь большого села Нагорича.
260. Надпись надъ западнымъ входомъ въ церковь стараго Нагорича.
261. Иконостасная преграда въ церкви Нагорича.
262—270. Стѣнная роспись церкви стараго Нагорича.
271. Надпись въ нарѳикѣ церкви Нагорича 6826 года.
272—277. Городъ Куманово.
278. Село близь мѣстечка Куманово.
279—282. Монастырь Матейцы.
283—289. Матейцы. Остатки росписи.
290. Погребальный памятникъ близь Мелника.
291. Мелникъ.
292. Улица въ Мелникѣ.
293. Икона Богоматери въ церкви Мелника XIV вѣка.
294— 5. Церковь въ Мелникѣ.
296. Церковь Панданассы въ Мелникѣ съ росписью XIII вѣка.
297—298. Ровно и церковь въ Ровнѣ.
299. «Разбой» въ селѣ Дабиль близь Струмицы.
300. Видъ на Струмицу изъ Петрича.
301. Развалины церкви Св. Леонтія у Струмицы.
302. Абсида въ церкви Св. Леонтія у Струмицы.
303. Новосело и Штипъ отъ шоссе.
304. Штипъ (бер. Брягальницы).

305—308. Церковь Сорока Мучениковъ въ Штипѣ.
309. Икона 1813 года въ церкви Сорока Мучениковъ въ Штипѣ.
310. Велесъ.
311—312 Церковь Димитрія въ окрестностяхъ Велеса.
313. Надгробная плита жупана Страцимiра въ церкви Димитрія бл. Велеса.
314. Видъ Приштины.
315. Албанцы: извозчикъ и кавасъ въ Приштинѣ.
316—219. Церковь въ Грачаницѣ.
320. Внутренность позднѣйшаго притвора въ соборѣ Грачаницы.
321—325. Стѣнная роспись въ соборѣ Грачаницы.
326—330. Стѣнная роспись въ соборѣ Грачаницы.
331— а. Чины сербскаго консульства въ Приштинѣ.
331. Нарѳикъ въ Грачаницѣ.
332—334. Церковь въ Баньско близь Митровицы.
335. Провожатые въ ханѣ Банско.
336. Печь. Патріархія (съ В.).
337. Лоза Нѣманичей.
339. Дечанъ.
340—341. Кварталы Дечана.
342. Алтарное окно Дечана.
343. Иконостасъ и хоросъ Дечана.
344. Роспись Дечана.
345. Ктиторы Дечана.
346. Призрѣнъ. Церковь Спаса.
347. Призрѣнъ. Надпись.
348. Водены.
349. За Воденами.
350. Ущелье за Воденами.
351. Станція Соровичи.
352—356. Озеро Острово.
357. Долина Битоля.
358—366. Виды Битоля или Монастира и типы его жителей.
367. Окрестности Монастира.
368. Село Христофоръ близь Битоля.
369. Монастырь села Вукова.
370. Турецкая сторожка по пути на Ресенъ.
371—373. Городъ Ресенъ.
374. Церковь по пути въ Охриду.
375. Турецкій отрядъ, идущій дозоромъ по пути изъ Охриды, въ лѣсу.
376. Мельница близь Охриды.
377—381. Охридское озеро.
382—396. Виды Охриды и типы его жителей.
397—399. Кале Охриды.
400. Св. Софія Охридская.
401. Западная часть Охридской Софіи, построенная въ 1317 году.
402. Менберъ—византійскій амвонъ въ Охридской Софіи 1317 года.
403. Орнаментированный верхъ амвона Охридской Софіи съ монограммою Григорія 1317 года.
404—405. Орнаментальныя плиты въ полу Охридской Софіи.
406—407. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ.
408. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ.
409. Надпись въ церкви Климента Малаго въ Охридѣ.
410. Античный рельефъ, открытый въ могилѣ малой церкви Св. Николая въ Охридѣ.
411—412. Рѣзныя деревянныя врата XIV вѣка въ церкви Св. Николая въ Охридѣ.
413. Церковь Св. Климента въ Охридѣ.
414. Восточная сторона церкви Климента.
415. Плиты на стѣнахъ церкви Климента.
416. Остатки мраморнаго иконостаса церкви Климента въ Охридѣ.
417. Училище въ Охридѣ.
418. Рѣзная дверь въ церкви Климента.
419. Иконостасъ церкви Климента съ заложенными въ немъ иконами изъ Софіи.
420. Мѣстная икона Спаса въ церкви Климента.
421. Мѣстная икона Богоматери въ церкви Климента.
422—523. Икона Одигитріи въ церкви Климента.
423. Изображеніе Покрова на иконѣ.
424. Икона Богоматери Перивлепты въ церкви Св. Климента.
425—430. Икона Спаса Душеспасителя въ церкви Климента въ Охридѣ. Образки на иконѣ.
431—437. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери и образки на ней.
438—447. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери изъ складня «Благовѣщенія» и ея чеканные образки.
448—451. Церковь Климента въ Охридѣ. Мѣстная икона арх. Гавріила изъ складня «Благовѣщенія» и ея образки.
452. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери.
453. Церковь Климента. Икона Богоматери.
454. Церковь Климента. Рѣзная икона Св. Климента.
455. Церковь Климента. Образокъ на жировикѣ.
456. Церковь Климента. Плащаница Андроника Палеолога (1282—1328).

457. Церковь Климента. Шитый образъ Панагіи.
458. Церковь Климента. Шитое Распятіе.
459. Церковь Климента. Воздухъ.
460. Церковь Климента. Пелена.
461. Саккосъ.
462. Митра.
463. Потиръ.
464. Части саккоса.
465. Евангеліе въ сереб. окладѣ.
466—467. Группа учителей въ Охридѣ.
468. Селяки въ Калиштѣ.
472. Монастырь Слѣпче. Игуменъ.
473. Слѣпче. Селяки.
474. Слѣпче. Кола.
475. Слѣпче. Сарай и плугъ.
476. Слѣпче. Домъ.
477. Слѣпче. Сарай.
478. Слѣпче. Группа женщинъ.
479. Слѣпче. Сарай.
480. Слѣпче. Вертѣлка и ротань.
481. Калишта. Селяки.
482. Оржаново. Селяки.
483. Калишта.

II.

Снимки арх. П. П. Покрышкина.

484—499. Месемврія. Церковь Пантократора.
500—504. Месемврія. Церковь Архангела Михаила и Гавріила.
505—513. Месемврія, церковь Іоанна Алейтургита.
514—516. Месемврія. Церковь Іоанна Алейтургита. Капители.
517. Месемврія. Старая митрополія.
518. Месемврія. Новая митрополія.
519. Месемврія. Церковь Ѳеодора.
520. Месемврія. Развалины.
521. Месемврія. Площадь.
522. Улицы.
523. Кола.
524. Античный рельефъ въ селѣ Цимасъ въ 10 верстахъ отъ Месемвріи.

III.

Предметный указатель.

Албанцы (въ Македоніи), стр. 13—15, 213—4, 217, 297.
Амвоны (мраморные), 87, 102, 121, 122, 126, 176, 232—3.
Арка тріумфальная въ Салоникахъ, 74—75.

Басма (оклады), 136—7, 248, 258, 270.
Блюда (металлическія), 257.
Болгары, 7—12, 22—37, 291—6.
» древнѣйшія ихъ изображенія, 24—36.
» народныя одежды и древнее оружіе, 24, 29, 31, 34—38, 291.
Болгары родство съ македонскими славянами, 22—24, 36—38, 51—54, 286—298.
Буквы (заглавныя), 54—61.

Воздухи, 271.
Вѣнцы, 52.

Города (Македоніи), 70—4, 148—9, 169—173, 202, 211—3, 215, 219—228.

Дарохранительницы, 165—6.
Двери (церковныя), 236—9.
Дискосы, 157.

Евангелія (рукописи), 273.

Изображенія кралей, князей, ктиторовъ, 180, 183, 200, 206—8, 245—7, 248, 261—2, 282—3.
Иконы, 133—5, 136, 250—270.
» Благовѣщенія, 251, 262—4.
» Богоматери, 250.
» » Душеспасительницы, 251.
» » Киккской, 134—5.
» » Одигитріи, 66, 133, 160, 257—8.
Иконы Богоматери Панагуды, 136—7.
» » Скопіотиссы, 172.
» » Страстной, 260.
» Іоанна Богослова, 252—3.
» Климента Славянскаго, 247.
» Спаса. 143, 251.
» Страшнаго Суда, 132.
» Эмалевыя, 145.
Иконостасы (ик. преграды), 146, 184, 243, 248.
Инкрустація, 233—4.
Искусство: византійское, 84—7, 99—102, 275—6.—грековосточное, 279—280. — сербское, 63—7, 177—186, 194—9, 202—210, 284—6, 290, 292—3.

Капители (византійскія), 93, 108, 111, 113, 144.
Кладъ Миклошскій, 24—29.
Ковчежцы, 132—3.
Кресты (напрестольные, воздвизальные), 157—8, 164, 167, 168.

Лѣтопись Манассіи, 32—36.

Македонія: историческій очеркъ, 5—24, 60—3.
» культура ея, 51—4.
» населеніе ея, 1—5, 12—13, 36—8, 51—4, 71—3, 148—9, 169—173, 177, 180—1, 185—190, 202, 213—8, 226—7, 286—298.
Миніатюры греческой псалтыри, 29—30.
» Манассіиной лѣтописи, 32—6.
» сербской псалтыри, 63—4, 279—286.
Митры, 270.
Мозаики: ц. Георгія въ Солуни, 77—89.—Ц. Димитрія въ Солуни, 286.—Ц. Софіи Солуньской, 94, 102.—Ц. Соборной въ Сересѣ, 151—4.

Облаченія (шитыя), 142, 158—160, 270—1.
Образъ (иконографическій типъ): архангеловъ, 264, 5.—Богоматери, 96, 98, 209, 253—6, 277—8.—Давида, 267.—Деисуса, 277—8.—І. Богослова, 252—3.—І. Златоуста, 254—5.—Іоанна Предтечи, 266.—Распятія, 273—5.—Соломона, 267—8.—Спасителя, 98, 101—2, 156, 199, 209, 251—2, 266, 277.
Образки (тѣльные и другіе), 168, 270—1.
Одежды (народныя въ Македоніи), 37—51, 67—69, 187—190.
Оклады (иконные), 137, 248—270.
Орнаменты: болгарскихъ рукописей, 54—60.—Вышивокъ у македонскихъ славянъ, 42—5, 188.—Грековосточнаго искусства, 58—60.—Каменной и кирпичной кирпичной кладки, 113, 119, 130, 186, 196.

Палицы (архіепископскія), 158, 272.
Панагіи (артосныя), 157.
Пелены (церковныя), 270—1, 273.
Платки (головные), 46—8.
Плащаницы, 135, 138—142, 243—5.
Поневы, 46, 49.
Посуда (поливная), 58, 125.
Потиры, 157, 270.
Пояса, 41—2, 50—1, 67.
Псалтырь лицевая: болгарская, 284.—Сербская, 63—4, 279—286.
Пурпуръ, 42—45.

Рельефы: орнаментальные, 123, 175, 184, 231, 242.—Стиля звѣринаго, 88, 123—129, 136.—Фигурные, 133, 135—6, 151, 239—240, 241, 247—8, 273—4.
Рипиды, 154—7, 164.
Росписи (церковныя) въ Македоніи, 130—131, 134, 163—4, 178—180, 184—5, 190—1, 197—9, 200, 206—210, 236, 245.—Въ Россіи, 276—9.—Въ Сербіи, 65—7.

Села (въ Македоніи), 180—1, 192, 202.
Сербы (въ Македоніи), 6—7, 61—3, 177, 182—5, 187—190, 194, 202.
Славяне (на Балканскомъ полуостровѣ), 6—7, 18—22, 29, 286—8.
Стиль звѣриный (чудовищный), 55—60, 88, 123—9, 136.

Уборы головные Македонскихъ Славянъ, 38—41, 46—8.

Финифть 132—3, 154—5, 164, 254.

Церкви: Македоніи, 76—272.—Сѣра, 149—168.—Солуни 76—147.
Церкви усыпальницы, 89.

Чаши (металлическія), 146.

Эмаль (византійская) 145, 268—9.

Юстиніанъ (вопросъ о его происхожденіи) 15—18, 218.

Ѳоракій, 51.

IV.

Указатель рисунковъ въ текстѣ.

1. Золотая кружка изъ болгарскаго клада, найденнаго въ Н. Ш. Миклошѣ въ Венгріи, стр. 26.
2. Василій II-й «Болгаробойца» и болгарскія депутаціи. — Миніатюра Греческой Псалтыри въ Библ. ц. Св. Марка за № 17, стр. 30.
3. Селяки въ с. Постолъ, стр. 39.
4. Селяки изъ окрестностей Салоникъ, стр. 40.
5. Селяки въ с. Долна Солня, стр. 43.
6. Изъ окрестностей Салоникъ, стр. 46.
7. Крестьянка изъ Битоля, стр. 50.
8. Костюмъ селъ въ окрестностяхъ Битоля, стр. 50.
9. Заставка въ «Хиландарскомъ Паремейникѣ, ркп. М. Рум. Библ. № 1685, XII в., стр. 54.
10. Изъ Паремейника Хиландарскаго м-ря, въ М. Румянц. Публ. Библ. № 1685, XII в. стр. 57.
11. Изъ ркп. Апостола Слѣпчен. м-ря въ Рум. Муз. Публ. Библ., стр. 58.
12. Буквы изъ греч. Ев. Син. Библ. № 213, 967 г. По изд. В. В. Стасова, стр. 60.
13. Изъ греч. ркп. Ѳ. Студита, Син. Библ. № 401, 1086 г., стр. 61.
14. Стѣны Ѳессалоники, стр. 70.
15. С.-в. часть Салоникъ, стр. 72.
16. Улица въ Салоникахъ, стр. 73.
17. Угловая башня въ Салоникахъ, стр. 74.
18. Тріумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 74.
19. Тріумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 75.
20. Тріумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 76.
21. Церковь св. Георгія («Ротонда») въ Салоникахъ, стр. 77.
22. Внутренность церкви св. Георгія въ Солуни, стр. 78.
23. Мозаика въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Салоникахъ, стр. 80.
24. Мозаика въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни, стр. 81.
25. Мозаика церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни, стр. 83.
26. Видъ мозаикъ церкви св. Георгія до послѣдней реставраціи, стр. 85.
27. Мозаика въ нишахъ Ротонды, стр. 88.
28. Плита въ церкви св. Георгія въ Солуни, стр. 88.
29. Развалины на западной сторонѣ Софіи Солуньской, стр. 90.
30. Дворъ мечети Софіи Солуньской до 1890 г., стр. 91.
31. Софія Солуньская до 1890 г., стр. 91.
32. Софія Солуньская до пожара 1890 г., стр. 92.
33. Внутренность храма Софіи Солуньской, стр. 92.
34. Алтарь Софіи Солуньской, стр. 92.
35. Детали храма Софіи Солуньской, стр. 93.
36. Капитель Софіи Солуньской, стр. 93.
37. Мозаика въ куполѣ Софіи Солуньской, стр. 95.
38. Изображеніе Б. М. и ангеловъ въ «Вознесеніи»—мозаика Софіи Солуньской, стр. 97.
39. Амвонъ въ Софіи Солуньской, стр. 102.
40. Церковь въ Салоникахъ, стр. 103.
41. Церковь великомученика Димитрія въ Салоникахъ, стр. 106.
42. Внутренность церкви св. великомуч. Димитрія въ Солуни, стр. 107.
43. Колоннада церкви великомуч. Димитрія, стр. 108.
44. С.-з. уголъ церкви великомуч. Димитрія въ Солуни, стр. 109.

45. Капитель церкви великомуч. Димитрія, стр. 109.
46. Капитель въ Эски-джума, стр. 111.
47. Капитель во дворѣ Эски-джума, стр. 111.
48. Казан-джилар-джами по плану арх. П. П. Покрышкина, стр. 113.
49. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ, стр. 113.
50. Казан-джилар-джеми, стр. 114.
51. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ, стр. 114.
52. Якубъ-Паша-джами въ Солуни, стр. 115.
53. Восточная сторона Якубъ-джами въ Салоникахъ, стр. 115.
54. Церковь пророка Иліи въ Солуни, стр. 116.
55. Церковь пророка Иліи въ Солуни (мечеть Ески-Сарай), стр. 117.
56. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) до ея передѣлки, стр. 118.
57. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) въ Салоникахъ, стр. 118.
58. Церковь св. Пантелеймона въ Салоникахъ, стр. 119.
59. Церковь 12-ти Апостоловъ (нынѣ Соукъ-Су) въ Салоникахъ, стр. 120.
60. Церковь 12-ти Апостоловъ, стр. 120.
61. Церковь 12-ти Апостоловъ въ Салоникахъ, стр. 121.
62. Фрагментъ близъ Карали-джами въ Салоникахъ, стр. 122.
63. Рельефы, вставленные въ стѣну церкви св. Мины въ Салоникахъ, стр. 122.
64. Рельефъ (медвѣдь) въ стѣнѣ церкви св. Мины, стр. 124.
65. Плита на стѣнѣ церкви св. Мины, стр. 124.
66. Плита въ стѣнѣ у церкви св. Мины въ Салоникахъ, стр. 124.
67. Амвонъ въ церкви св. Мины въ Солуни, стр. 125.
68. «Малая» церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
69. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
70. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
71. Роспись церкви Николая Чудотворца въ Салоникахъ, стр. 131.
72. Церковь св. Николая въ Солуни, стр. 131.
73. Серебряный ковчегъ для храненія ковчежца главы св. Евстаоія Плакиды въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 132.
74. Ковчежецъ главы св. Евстафія въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 132.
75. Рельефъ въ церкви св. Аоанасія въ Салоникахъ, стр. 133.
76. Церковь Спаса Преображенія въ Солуни, стр. 133.
77. Икона Божіей Матери «Декса» въ церкви того же имени въ Солуни, стр. 134.
78. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагіи Дексы, стр. 135.
79. Плита въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 136.
80. Икона Б. М. въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 137.
81. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 139.
82. Средина плащаницы въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 140.
83. Плащаница церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 141.
84. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 142.
85. Монастырь Чаушъ, стр. 144.
86. Капитель въ монастырѣ Чаушъ, стр. 144.
87. Эмалевая плита въ Чаушѣ, стр. 145.
88. Чаша въ ризницѣ м-ря Чаушъ, стр. 146.
89. Улица въ городѣ Сѣрѣ, стр. 148.
90. Соборъ въ Сѣрѣ по плану арх. П. П. Покрышкина, стр. 150.
91. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра, стр. 151.
92. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра, стр. 152.
93. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра, стр. 155.
94. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра, стр. 156.
95. Славянскій дискосъ въ ризницѣ собора въ Сѣрѣ, стр. 157.
96. Потиръ въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 158.
97. Крестъ въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 159.
98. Епитрахили въ ризницѣ собора г. Сѣра, стр. 160.
99. Древнее шитье въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 161.
100. Церковь Іоанна Предтечи въ Сѣрѣ, стр. 162.
101. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 163.
102. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 163.
103. Эмалевая рипида въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 165.
104. Рипида въ церкви м-ря Іоанна предтечи близъ Сѣра, стр. 166.

105. Потиръ въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 167.
106. Дарохранительница въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ г. Сѣра, стр. 167.
107. Мелкіе предметы древности въ м-рѣ Іоанна Предтечи, стр. 168.
108. Видъ г. Скопье, стр. 169.
109. Перезскій монастырь по плану П. П. Покрышкина, стр. 174.
110. Церковь Перезскаго монастыря, 1164 г. стр. 175.
111. Церковь Перезскаго монастыря, стр. 175.
112. Мраморная плита въ Перезскомъ м-рѣ, стр. 175.
113. Часть рѣзнаго амвона въ иконостасѣ Перезскаго монастыря, стр. 176.
114. Церковь сел. Люботина. Планъ архит. П. П. Покрышкина, стр. 177.
115. Церковь села Люботина, стр. 178.
116. Надпись надъ входомъ въ церковь сел. Люботина, стр. 178.
117. Вознесеніе Божіей Матери въ росписи церкви Люботина, 180.
118. Марковъ монастырь, стр. 182.
119. Марковъ монастырь. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 183.
120. Иконостасъ въ монастырѣ Марковѣ, стр. 185.
121. Церковь въ с. Горно-Кучевишта. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 186.
122. Церковь въ селѣ Долней Кучевиштѣ. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 186.
123. Церковь с. Кучевишта, стр. 187.
124. Селяки села Кучевишта, стр. 187.
125. Селяки села Кучевишта, стр. 187.
126. Сербы-селяки изъ села Кучевишты, стр. 188.
127. Церковь монастыря Архангела Михаила, близъ Скопіе, стр. 190.
128. Церковь монастыря Матки, стр. 191.
129. Площадь села Куманова, стр. 193.
130. Селяне изъ стараго Нагорича, стр. 193.
131. Церковь въ селѣ Младо-Нагоричѣ, стр. 194.
132. Храмъ въ селѣ Нагоричѣ, стр. 196.
133. Церковь Стараго Нагорича. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 196.
134. Надпись надъ западною дверью церкви Стараго Нагорича, стр. 197.
135. Иконостасъ въ Нагоричѣ, стр. 198.
136. Церковь Нагорича. Образы свв. Кирилла и Меѳодія, стр. 198.
137. Церковь Нагорича, стр. 198.
138. Храмъ въ Матейцахъ, стр. 199.
139. Церковь села Матейцы. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 200.
140. Роспись въ церкви с. Матейцы, стр. 201.
141. Фресковыя изображенія кралей въ Матейцахъ, стр. 201.
142. Извощикъ въ городѣ Приштинѣ, стр. 202.
143. Храмъ въ Грачаницѣ, стр. 203.
144. Храмъ Грачаницы, стр. 203.
145. Церковь монастыря Грачаницы, по плану архит. П. П. Покрышкина, стр. 204.
146. Изображеніе царя Стефана Уроша въ церкви села Грачаницы, стр. 205.
147. Изображеніе кралицы Симониды, стр. 206.
148. Западная стѣна церкви села Грачаницы, стр. 208.
149. Фреска въ куполѣ Грачаницы, стр. 209.
150. Озеро Острово, стр. 211.
151. Долина г. Битоля, стр. 212.
152. Улица въ Решнѣ, стр. 215.
153. Сторожка на дорогѣ въ Охридъ, стр. 216.
154. Верхнія улицы въ Охридѣ, стр. 222.
155. Видъ изъ г. Охриды на озеро, стр. 224.
156. Лодка на Охридскомъ озерѣ, стр. 225.
157. Видъ изъ верхней части города на храмъ св. Софіи въ Охридѣ, стр. 229.
158. Западная часть Охридской Софіи (1317 г.), стр. 230.
159. Плита въ полу Охридской Софіи, стр. 231.
160. Плита въ полу Софіи Охридской, стр. 231.
161. Рѣзной пилястръ древняго амвона въ Охридской Софіи, стр. 233.
162. Крѣпость въ Охридѣ, стр. 234.
163. Кале въ Охридѣ, стр. 234.
164. Видъ съ берега Охридскаго озера на церковь Іоанна Богослова, стр. 235.
165. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ, стр. 236.
166. Античный рельефъ, открытый въ 1900 г. въ церкви Св. Николая («малой») въ Охридѣ, стр. 240.
167. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ, стр. 241.
168. Церковь св. Климента (бывшей церкви Б. М. Перивлепты) въ Охридѣ, стр. 242.
169. Восточная сторона церкви Св. Климента въ Охридѣ, стр. 243.
170. Мраморная и деревянная части иконостаса въ церкви Св. Климента, стр. 244.
171. Надпись надъ гробомъ Св. Климента Славянскаго, стр. 246.
172. Горельефный образъ св. Климента, стр. 247.
173. Иконостасъ церкви св. Климента въ Охридѣ, стр. 249.
174. Образокъ на иконѣ Спасителя (Табл. V), стр. 252.

175. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. VI). стр. 255.
176. Образокъ Іоанна Златоуста на иконѣ Б. М. (Табл. VI), стр. 255.
177. Образокъ Б. М. на иконѣ Б. М. «Одигитріи» (Табл. IX), стр. 259.
178. Образокъ Архангела на иконѣ Арх. Гавріила. (Табл. XI), стр. 264.
179. Образокъ на иконѣ Архангела. (Табл. XI), стр. 265.
180. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 266.
181. Образокъ съ иконы Б. М. (Табл. XII), стр. 266.
182. Царь Давидъ — образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 267.
183. Образокъ царя Соломона на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 267.
184. Эмалевый вѣнчикъ на главѣ Архангела Гавріила въ иконѣ Архангела въ церкви св. Климента, стр. 268.
185. Рѣзная на жировикѣ икона 12 праздниковъ въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 271.
186. Шитый воздухъ въ ризницѣ церкви Св. Климента въ Охридѣ, стр. 272.
187. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 273.
188. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 274.
189. Селяки въ с. Калишта близъ Охриды, стр. 286.
190. Монастырь Слѣпче. Крестьянскій домъ, стр. 287.
191. Монастырь Слѣпче. Крестьянскій домъ, стр. 288.
192. Монастырь Слѣпче. Кола, стр. 289.
193. Хороводъ (соборъ) въ сел. Мирковцахъ, стр. 290.
194. Хороводъ въ сел. Долна Сольня близъ Скопіе, стр. 291.

V.

Указатель таблицъ.

I. Мозаика въ ц. вм. Георгія въ Салоникахъ.
II. Древній амвонъ (нередѣланный) б. ц. св. Софіи въ Охридѣ.
III. Рѣзная дверь въ ц. св. Николая въ Охридѣ.
IV. Плащаница временъ Андроника Палеолога въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
V. Икона Спаса въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
VI. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
VII. Икона Б. М. «Перивленты» въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
VIII. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
IX. Икона Б. М. «Одигитріи» въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
X. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
XI. Икона Архангела Гавріила изъ складня «Благовѣщеніе» въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
XII. Икона Богоматери изъ складня «Благовѣщеніе» въ ц. св. Климента въ Охридѣ.
XIII. Окладъ Евангелія въ ризницѣ ц. св. Климента въ Охридѣ.

I. Мозаика въ ц. вм. Георгія въ Салоникахъ.

II Древній амвонъ (передѣланный) б. ц. св. Софіи въ Охридѣ.

III. Рѣзная дверь въ ц. св. Николая въ Охридѣ.

Фототипія Ф. Ф. Ивановъ и А. Ф. Бурдинъ С.-Пб., Звенигородская 11.

IV. Плащаница временъ Андроника Палеолога въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

Т. Р. ... ке и А. Виноградъ СПБ. Знаменская 11.

V. Икона Спаса въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

VI. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

Фототипія А. Вилль. С.-Пб. Звенигородская 11.

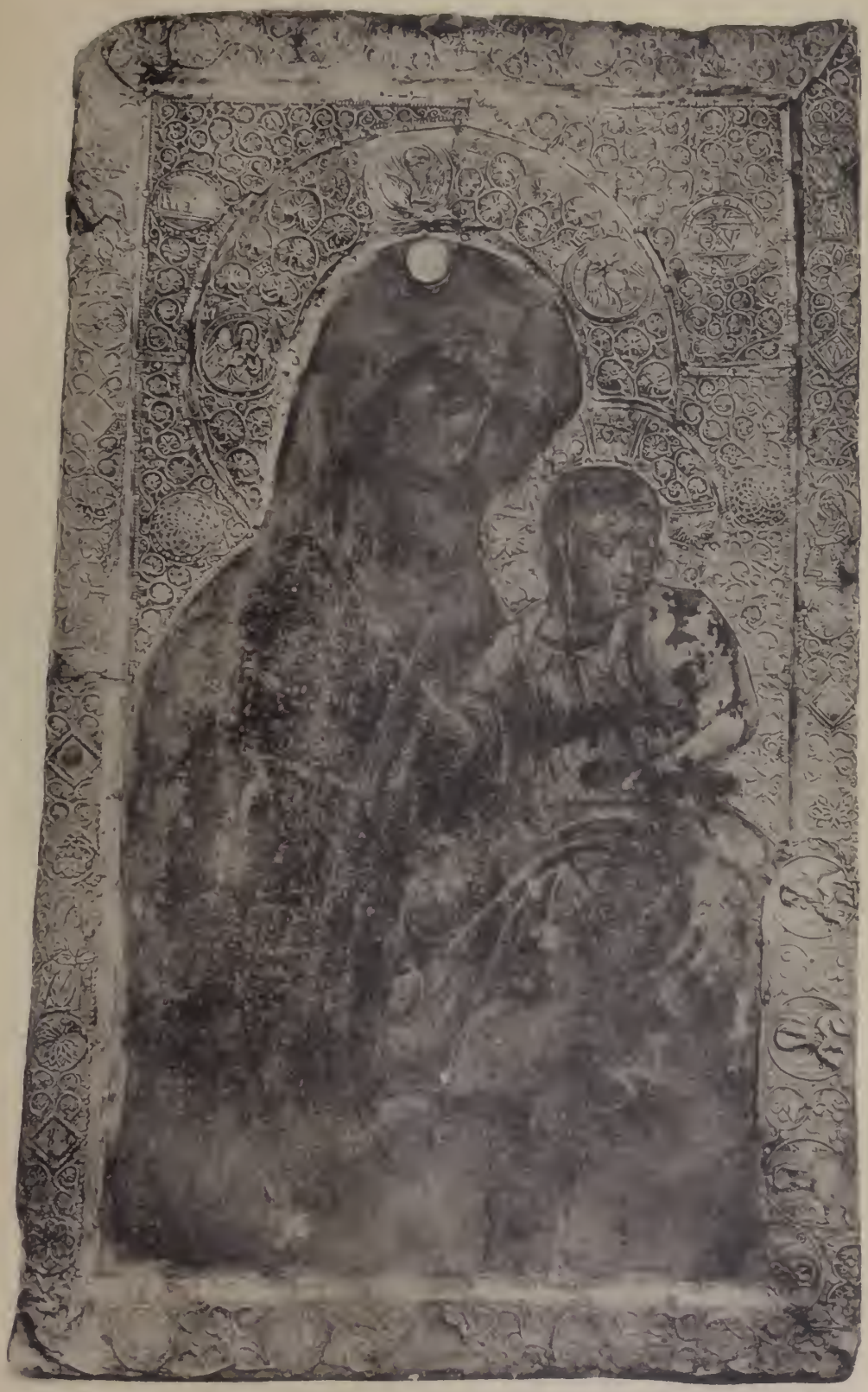
VII. Икона Б. М. „Перивлепты“ въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

Ф. Р. ГЕЛЬМИКЕ и А. ВИНЕРЪ: СПБ. Заячегородная 11.

VIII. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

Р. [illegible]ИКЕ и А. ВИЛЬБОРГ въ СПБ. Заячий переулокъ 11.

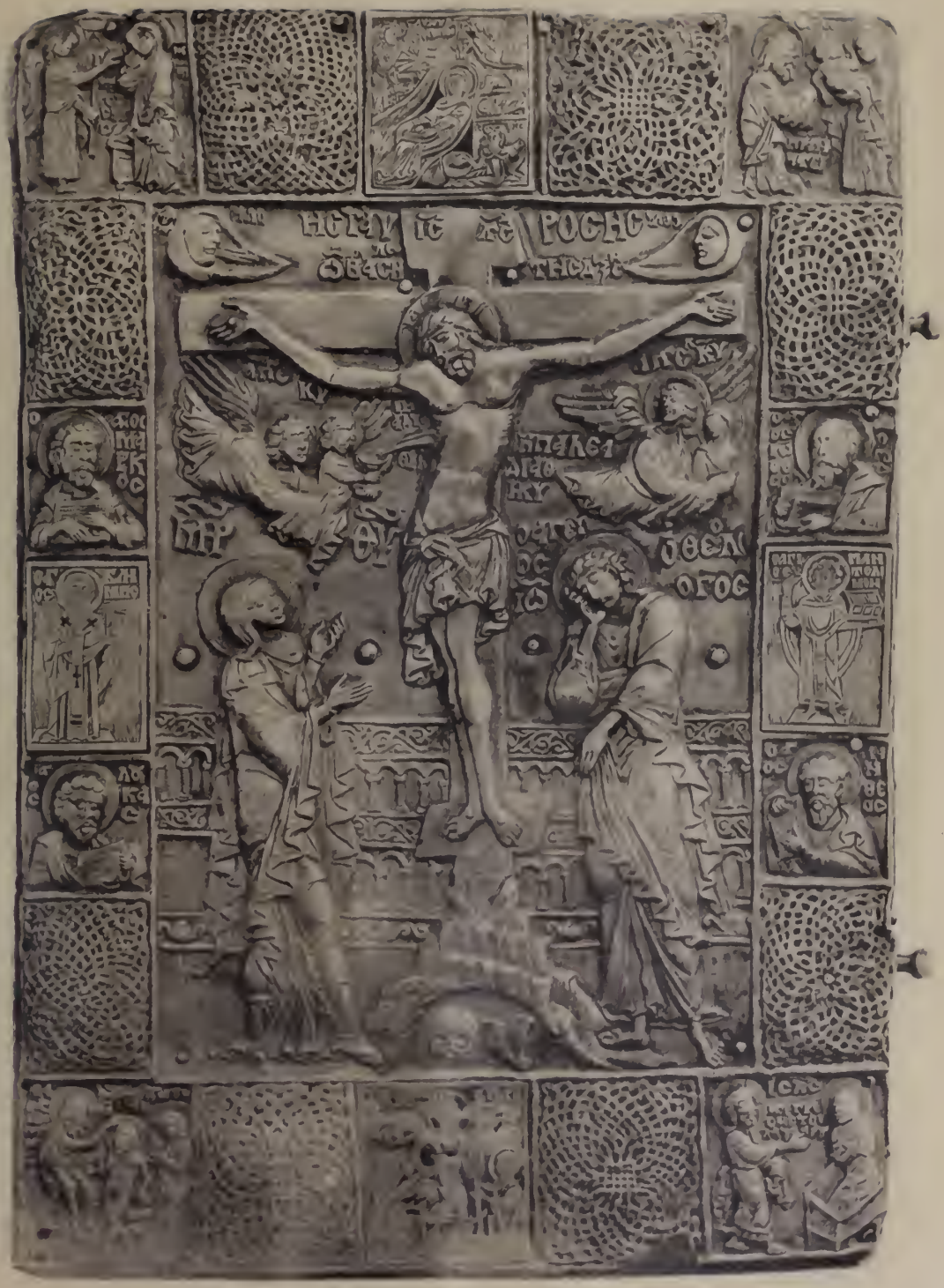
IX. Икона Б. М. „Одигитріи" въ ц. св. Климента въ Охридѣ.



X. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

XI. Икона Архангела Гавріила изъ складня „Благовѣщеніе“ въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

XII. Икона Богоматери изъ складня „Благовѣщеніе" въ ц. св. Климента въ Охридѣ



XIII. Окладъ Евангелія въ ризницѣ ц. св. Климента въ Охридѣ.

Изъ Р[illegible] «А. Вильборгъ» СПБ. Знаменская 11.

B21388

GETTY CENTER LIBRARY
3 3125 00012 8443